

**АННА
ЖАДАН**

Избранные

2017

Удивительный мир Просветителей, обладающих властью над душами людей, кажется Эланис такой же сказкой, как и каждому жителю королевства. Но ее идеальная жизнь рушится, когда в день своего восемнадцатилетия она узнает о даре, который позволяет ей сопротивляться магии Просвещения. Ей предстоит переселиться во дворец Спасителей, чтобы больше узнать о своих способностях, а еще — о тайнах, которые скрывают короли. Отправьтесь в увлекательное путешествие по улицам Ламантры, полное загадочных существ, магии, секретов, настоящей дружбы, и, неизменно, — любви.

Жадан Анна Сергеевна
Избранные

Селеста

Власть — это доказанная сила.

Рокс Юксби

Холодный осенний ветер пронизывал меня насквозь, заставляя мои зубы скрежетать, а брови — досадливо хмуриться. Я ненавижу холод по двум причинам: я достаточно холодна, чтобы заморозить целый регион, а конкуренция мне ни к чему; и он напоминает мне о том, что я несовершенна.

В тот промозглый, дождливый вечер я смотрела юному парнишке в глаза и впервые истинно удивлялась. Меня беспокоило то, что его не пугало мое присутствие — он глядел дерзко, нахально приподняв бровь и с любопытством изучая меня.

— Отдай мне это, — бесстрастно приказываю я, протягивая руку.

Рыжий мальчик в разорванной одежде прижимается спиной к бетону стены, быстро окидывая глазами грязный переулок.

— Что отдать? — едва ли не высовывая язык, бросает мне он.

— Ожерелье, которое ты украл у рыночной торговки.

Он пробегает по мне глазами, оценивая эксклюзивный черный плащ, длинные темные сапоги и костюм чуждого ему покроя.

— Ты не похожа на Хранительницу, — огрызается он. — Поэтому проваливай, пока я не закричал.

— Ты угрожаешь мне, маленький воришка? Или слуги перестали узнавать тех, кому они служат?

Я скидываю плащ и с постыдным удовольствием наблюдаю за тем, как выражение его лица меняется — из самодовольного, наглого подростка он превращается в побледневшего старца, который сгорбился, кинулся на колени и трясущимися от холода пальцами протянул мне ожерелье.

— Принцесса, — шепчет он, не смея поднять на меня глаз, — заберите. Пожалуйста, возьмите все.

Мелко дрожа, он принимается выворачивать карманы, из которых с громким звоном на землю выпадают мелкие золотые монеты и парочка конфет. Возможно, будь на моем месте сестра, она бы сжалилась над оборванцем и не только простила его наглость, а еще и щедро наградила весенцами и зерном. Мальчишке очень не повезло, что перед ним всего лишь я.

— Пожалуйста, — хнычет он, — я не совершил ничего очень плохого. Я сирота, мне нечем прокормиться... у меня сестра...

Он испуганно вскидывает голову и щурится в скудном освещении переулочка:

— Вы же простите меня, принцесса? Я обещаю больше никогда ничего не красть.

— Конечно, — с улыбкой склоняюсь к нему я, — ты больше никогда ничего ни у кого не украдешь. Ты больше никогда не поступишь нечестно по отношению к другим людям, маленький лжец.

Глядя, как меняется выражение его глаз, я направляю на него руку, и чувствую пьянящую силу уходящей от него воли, как будто в меня вливается горячее золото. Я помню все до мельчайших деталей: его испущенный вздох, темнеющий взгляд, бесстрастное выражение лица и чувство неземного наслаждения.

— Я больше никогда ничего не буду красть, — исступленно повторяет он, — я обязательно угожу тебе, госпожа.

Глава первая

Эланис

Все грешны, все прощения ждут.

Да будет милостив ваш суд.

Уильям Шекспир. Буря

Впервые я узнала о Просветителях, когда мне исполнилось пять лет. Мой отец любил брать меня с собой в порт, где мы долгое время смотрели на покачивающиеся на плавных волнах корабли, передразнивали чаек и всматривались в лазурную морскую гладь. Он рассказывал мне о том, что там, за горизонтом, находятся другие регионы — куда менее красивые и яркие, чем Лакнес, но не уступающие ему в могуществе и силе. Его рассказы периодически прерывались зазывными криками торговков, которые продавали чай с корицей и медом, а на десерт — пончики с сахарной пудрой, которую я всегда слизывала первой.

В тот день людей на узких улочках Лакнеса было удивительно мало — я оглядывалась в поисках знакомых детей или владельцев лавок, которые угостили бы меня леденцом, но никого не могла разглядеть. Скоро и крики торговков затихли, а сами они, подобрав подола длинных юбок, поспешили по длинным мощеным дорожкам к центру региона.

— А где все? — растерянно спросила я.

Отец посмотрел на меня своими добрыми зелеными глазами, чуть щурясь на солнце:

— Идут смотреть на казнь.

— А что такое казнь?

Вместо ответа он встал, отряхнулся и протянул руку, подзывая меня за собой. Обычно папа улыбался, но сегодня он был удивительно серьезен, что, как мне показалось, совсем ему не идет.

С трудом шлепая по мостовым улицам в своем нарядном голубом платье, которое мама заставила меня надеть, я верно следовала за папой к главной площади Лакнеса. Я догадывалась, что мама не хотела, чтобы папа брал меня сегодня погулять, но думала, что это из-за плохой погоды. И уж тем более я не понимала, почему после долгих споров и непонятных мне слов, меня нарядили в это неудобное платье с рюшами и ненавистные белые туфли.

Толпа двигалась к центру, где возвышался огромных размеров дворец Спасителей цвета слоновой кости, целиком построенный из лакнеского мрамора. Солнечные лучи удивительно плясали на стенах дворца, отчего они начинали отливать белым золотом. Перед ним выстроились колонны с изображениями слонов, тигриц, коней и разных диких животных, которых король Тристан видел в Крайних Землях. Папа говорил, что в Крайних Землях находится два региона — Бишоп и Кравер, которыми правят Аврелий Бишоп и Кирлион Кравер.

Мои мысли прерываются ревом толпы, и я замечаю странное деревянное сооружение, виднеющееся вдали. Его окружают люди в капюшонах и длинных черных плащах, напоминающих мне колонны у дворца. Хранители обычно одеты куда менее агрессивно — в обычные формы желтого цвета, которые всегда узнаешь издалека. Я слышала, что ткань им привозили из Ближайших Земель — из Стейси, поэтому тут такой не отыскать. Мне требуется несколько минут, чтобы вспомнить название темных плащей — Элитный отряд. Они защищают королевскую семью.

— Что это? — потянув отца за руку, спрашиваю я.

Он хмурится, но не успевает ответить — вместо него высказывается стоящая неподалеку девушка в цветочном платье. В ее глазах блестят слезы, но на губах счастливая улыбка:

— Это эшафот, дитя. Сегодня, наконец, свершится правосудие!

Не уверена, что правильно поняла смысл ее слов. Я вопросительно смотрю на папу, и он поясняет:

— Сегодня будут судить преступника и убийцу Рея Стоуна. Недавно он напал на людей в торговой лавке — убил троих человек. Королева Элизабет вынесет ему приговор.

О королеве мне было известно — истории о ней рассказывали с младенчества. Элизабет Бишоп — наследная принцесса королевского дома Бишопа, а теперь верная жена Тристана и королева Лакнеса. Я видела ее портреты: изящные руки, прямая спина, белоснежная кожа и вьющиеся золотые локоны. Она действительно напоминала мне принцессу, и, наверное, я хотела бы быть на нее похожей.

Я с трудом пытаюсь что-либо разглядеть, поэтому отец сажает меня к себе на шею и кричит, чтобы я слышала:

— Тебе надо увидеть это, Эланис. Плохие люди всегда получают по заслугам.

Он редко называл меня Эланис — только в случае серьезных разговоров или если я в чем-то провинилась, поэтому я настойчиво вглядываюсь в происходящее.

Королева, облаченная в простое траурное черное платье и темную вуаль, выходит на эшафот. В жизни она кажется мне куда старше и менее утонченной, чем на портретах, но ее вид все равно заставляет меня испустить восторженный вздох. Следом за ней два члена Элитного отряда, чьи лица скрыты капюшонами, ведут извивающегося мужчину. Он в ужасе смотрит по сторонам и отчаянно брыкается, но даже я знаю, что это бесполезно. Нет никого более натренированного, чем бойцы Элитного отряда.

Я заворожено смотрю, как его подводят к Элизабет. Она не удостоивает его и взглядом — все ее внимание сфокусировано на толпе.

— Жители Лакнеса, приветствую вас! Сегодня вы собрались на суде Рея Стоуна — человека, отнявшего три жизни, покалечившего двоих и сломавшего судьбы десятка. Сегодня вы увидите, как он заплатит за свои злодеяния — положит свою собственную душу на алтарь служения обществу и верности своему народу. Ламантра никогда не сможет принять его, пока он не очистится — путь в Кравер, Стейси, Бишоп и Лакнес ему заказан. Во имя нашего королевства, наших регионов, наших домов и наших детей, я признаю Рея виновным и приговариваю к казни через просвещение.

Толпа встречает ее слова восторженным ревом. Рей в панике бьется в руках своих надсмотрщиков, наблюдая, как королева медленно разворачивается и приближается к нему.

— Рей Стоун, да будь же спасен!

Она поднимает руку в лакированной перчатке и направляет ладонь в сторону Рея. Мое сердце сжимается от страха, и я изо всех сил цепляюсь за папу. Глаза Рея в последний раз вспыхивают от нескончаемого ужаса, и он издает дикий крик, но уже в следующую секунду его тело обмякает, на лице появляется смиренное выражение, и он падает на колени.

— Приказывай, королева.

Площадь взрывается аплодисментами, свистом и счастливыми криками. Многие скандируют имя Элизабет, некоторые — Рея, чтобы воспеть начало его новой жизни.

— Здравствуй, Рей, — удовлетворенно произносит Элизабет. — Поздравляю тебя с просвещением. Отныне тыполнишь ряды Хранителей и станешь верно служить своему

региону, оберегая его от любых невзгод. Ты обязан будешь посылать часть своего жалования семьям тех, кто пострадал от твоей руки. Ты будешь вести честную, справедливую жизнь и никогда больше не причинишь вреда невинным, но и не оставишь без защиты слабых. Стань добросовестным членом общества. Поприветствуем Рея Стоуна!

Я механически хлопаю ладошками вместе со всеми. Мне кажется, что только что произошло чудо — королева сделала из плохого человека хорошего. Толпа давит на меня своим ревом, оглушительно радуясь исправлению Рея.

То, что Элизабет сделала на самом деле, дойдет до меня много позже.

В тот день она уничтожила его душу.

Глава вторая

Селеста

Любовью можно задушить, вы согласны?

Робертсон Дэвис. Лира Орфея

Мое возвращение во дворец не могло пройти незамеченным. Я обогнула стражей, прошла по длинным дворцовым коридорам вглубь замка, поднялась на второй этаж и оказалась у своей комнаты. Моя просторная спальня — любимое место во всем дворце. Здесь нет позолоченных ковров, картин с моим изображением в человеческий рост и огромных хрустальных люстр. Вся эта роскошь никак не коснулась моей комнаты в темно-голубых тонах — я настояла на самой обычной кровати, комод, диване, гардеробной и большой ванной. Всего это мне всегда хватало, чтобы чувствовать себя счастливой.

— Судя по всему, мне стоит уволить своих фрейлин за то, что пускают всех подряд, когда меня нет.

Эсмеральда сидит на краешке кровати, облаченная в пышное платье цвета слоновой кости со множеством рюш и оборок. Ее светлые волосы собраны в высокую прическу, а руки украшены перстнями с мелкими изумрудами. Она оборачивается и с улыбкой обводит меня глазами — ее нежные черты лица кажутся почти детскими. Наверное, поэтому люди убеждены, что мы не можем быть кровными сестрами. В моем взгляде куда больше суровости и жесткости, чем во всем ее существо.

— Не злитесь, ваше высочество. Ваши фрейлины не заслужили такого отношения, — ее лицо серьезнеет, и она подозрительно хмурится: — и что это на тебе надето? Мама будет не в восторге.

Я подхожу к комоду и сбрасываю лакированные перчатки:

— Я выходила прогуляться. К тому же, не я диктую моду в Лакнесе. Должна же в нашей семье быть хоть одна девушка, не озабоченная цветом юбок и рюшами.

Эсмеральда издает чуть слышный раздраженный вздох, но в следующую секунду овладевает собой и окидывает меня пристальным взглядом:

— Селеста, тебе не стоит ходить одной. Отец и так уже говорит, что ты причиняешь ему слишком много неприятностей. Где ты была?

Вот тебе и прелести дворцовой жизни — отчитывайся за каждый свой шаг и следи за тем, чтобы папа не счел тебя слишком проблемной и не вписывающейся в его королевские интриги.

— Тебя ведь интересует не это.

Эсмеральда хмурится:

— Действительно. Ты же никого не просвещала?

Я не медлю с ответом почти ни секунды:

— Одного оборванца — лжеца и вора. Больше он никому не доставит хлопот.

Реакция Эсмеральды была предсказуемой: сестра вскочила со своего места и вмиг оказалась возле меня. От ее ласковой грациозности не осталось и следа: изумрудные глаза метали молнии.

— Чем ты только думала? Селеста, ты не можешь просвещать всех наших жителей. Это приведет к восстаниям среди масс, напряжению в других регионах. Мы не настолько сильны, чтобы просветить всех, кто пойдет против нас, если ты продолжишь заниматься

этим беспределом.

— Вы настолько всех запугали своей магией, что никто и носа сунуть не решится, — закатив глаза, бросаю я.

— Мы это уже проходили пятьдесят лет назад, когда управлял наш дедушка. Он тоже считал, что страх — это лучший способ правления. Или одного исторического примера тебе маловато? Нас тогда чуть не свергли — весь Просвещенный род Лакнеса был под угрозой!

— Я сказала тому парню, чтобы он перестал красть и не вспоминал о том, что я его госпожа при ком бы то ни было.

Эсмеральда тяжело вздыхает и сжимает пальцами переносицу, как будто я несу страшную чепуху:

— Магия Просвещения оставляет следы, как и любая магия. Тебе известно об этом лучше всех. Если армия Ищек из чужих Земель в скором времени решит проверить наши слова на честность, то им не составит труда определить Просвещенных.

Я раздраженно пнула комод и уставилась в большое окно, выходящее на порт. Глядя, как темнеют корабли в прохладе осеннего вечера, я старалась успокоиться и не пойти по знакомому сценарию. Мы с Эсмеральдой проходили все это уже тысячи раз: она — моя мудрая учительница, а я — глупый подросток, который доставляет ей проблемы.

— Ты же сама сказала, что все слишком хорошо помнят историю. Никто не станет развязывать войну — особенно сейчас.

Эсмеральда утомленно закатывает глаза.

— Селеста, тебе известно, о чем я говорю. Восемнадцать лет тебя учили дворцовому этикету, использованию своего дара, искусству боя, а еще — политике. Однажды наступит день, когда ты свяжешь свою судьбу с принцем Габриэлем, и тебе придется повести за собой весь народ региона Стейси. Пока же ты даже не в состоянии управлять самой собой. Что ты будешь делать, когда Парламент запросит отчеты о Просвещенных? Как ты объяснишь, что их больше десятка на тысячу жителей? Ты готова будешь предстать перед королевским судом? Все, чему тебя учили — это не просто так. Мы поддерживаем мир и спокойствие во всей Ламантре уже очень долгое время, но наша политика не будет работать, если даже мы не будем ей следовать. Королевские дома — основы справедливости и честности в регионах, мы не можем позволить себе слабость и расточительство. Наше существование поддерживает жителей — мы отправляем преступников на исправительные работы и превращаем их в честных членов общества. Преступность в Лакнесе на сегодняшний день сократилась до минимальных размеров. Если тебе известно, то наша экономика находится в самом расцвете сил, а социальная политика — в зените. А все потому, что мы, Селеста, следуем правилам, которые устанавливали представители всех четырех домов. И едва ли они все глупее тебя.

Эти разговоры жутко меня утомляют. Эсмеральда искренне убеждена, что я должна хотеть того же, чего и она — мирной жизни, предписанной нам предками. Она — дитя политики, а из-за своих благотворительных миссий и любви к Лакнесу, не покинет его даже ради продолжения рода Просветителей. Это ни капли не похоже на меня. С раннего детства я проводила время за охотой, травлей животных и фехтованием. Я знакома с видами оружия лучше, чем с искусством управления страной, но едва ли это должно мешать мне прожить ту жизнь, которую хочу я, а не ту, которую придумала для меня Ламантра.

— Меня не интересует принц Габриэль. А все то, что ты говоришь — унижительно. Мы вынуждены жить в страхе и позволять Ищейкам из чужих регионов ставить наше слово под

сомнение, проверяя, не слишком ли много власти мы себе позволяем, — передразниваю я. — Какая глупость. Тебя никогда не прельщала мысль о чем-то другом? Почему мы всегда должны бояться и пресмыкаться перед Чужими Землями? С нашей силой мы могли бы быть непобедимы. Лакнес — столица Ламантры, да и все знают, что королевский дом Лакнеса — исключителен. Мы сильнее других просто по праву рождения, но вынуждены жить в вечных рамках и ограничениях. Мы могли бы сами решать, сколько людей просвещать, — я делаю паузу, а затем тихо добавляю: — я могла бы быть свободной.

— О, дорогая, твоему учителю истории стоит серьезно заняться твоим образованием.

— Я провела уроки истории за изобретением нового лука, — пожав плечами, отвечаю я.

— Это заметно. Что ж, иначе бы ты знала, что если все стороны владеют одинаковым смертоносным оружием, победителя не будет. Войны вообще никогда ничего не решают, Селеста. Но люди когда-то думали, как ты. Наш дед пал в Слепой войне. И слава духам, что во имя памяти всех, кого мы потеряли, наши родители и члены других королевских домов больше не решатся на такое глупое кровопролитие и попытки помериться тем, что не поддается измерениям.

Эсмеральда поправила выбившийся из прически светлый локон и тяжело вздохнула. Эта тема всегда расстраивала ее — не потому, что многие сложили головы, а потому, что погибли настолько напрасно. Думаю, она бы куда меньше горевала по мне или брату, если бы мы умерли за правое дело.

— Тебе говорили, что ты жуткая трусиха?

Она смеется, и ее лицо вновь кажется по-детски непосредственным:

— Не всем же уметь драться на мечах и быть самыми храбрыми, как ты и Адриан. Некоторым из нас приходится разбираться в политике и экономике. Однажды мы все станем правителями, и от нас будут зависеть судьбы тысяч людей. Так что лучше бы нам уметь делать все.

Она проводит пальцем по моему подбородку и вздыхает:

— Я расскажу отцу об этом инциденте. Представлю все так, как будто у тебя не было выбора, но пожалуйста, не поступай так больше. Я знаю, что тебе есть, за что судить его... — она сглотнула, — но человеческая жизнь действительно значит для нас с ним больше, чем ты можешь себе представить.

Я вздрагиваю, как от удара, и изо всех сил стискиваю зубы, стараясь не смотреть на нее. Раз за разом я говорю себе, что у меня есть причина для просвещения людей — благороднее вселенской обиды и презрения к моей родне.

Эсмеральда отводит глаза и, подобрав свои юбки, приближается к резной двери из красного дерева.

— Я должна идти. Сегодня прибывают послы из Стейси. Вместе с ними приедет принц Габриэль, поэтому лучше бы тебе приодеться.

— Какая разница? — бормочу я, — у него все равно нет выбора, да и жениться он хочет на мне не больше, чем я — выходить за него замуж.

Эсмеральда по-матерински ласково улыбается мне:

— Ты забываешь о том, какая ты красавица. Любой мужчина будет счастлив взять в жену наследную принцессу Лакнеса. А тебе стоило бы проявить немного больше усилий — принц вполне недурен собой и очень мил. Может, ты могла бы хотя бы постараться найти в нем что-то, за что смогла бы его полюбить.

Я не успеваю выступить с ответным обвинением в сторону Эсмеральды, потому что она

уже исчезает за дверью, рассыпая свой смех, словно пух одуванчика на ветру. Она старше меня на два года, но объясняет свое не замужество тем фактом, что отцу она пока нужнее здесь, а как только надобность в ней отпадет — она с благодарностью возьмет на себя роль королевы любого из регионов. Я нахожу это безупречно удобным.

Со вздохом, я усаживаюсь перед зеркалом и начинаю расчесывать свои золотистые локоны — отпечаток родового семейства Лакнес. Одержимость королевских домов связать нас воедино подкрепляется мыслью о том, что род чистокровных Просветителей должен продолжаться. Но меня действительно учили политике, и я понимаю истинное значение этой необходимости. Они просто хотят быть уверенны, что мы будем поддерживать дружеские отношения, и не нападём на своих же, как когда-то поступили наши деды. Все понимают, что мы сейчас находимся в шатком положении — ни у кого нет абсолютного доверия к другим домам, но мы пытаемся связать себя теснейшими родственными узами, чтобы иметь хотя бы подобие гарантии мира.

Я всматриваюсь в свои голубые глаза и пытаюсь разглядеть в себе будущую королеву. Отчасти я понимаю, почему в этом нагло вздернутом носе, остром подбородке и холодных глазах никто не может найти кроткую и благородную правительницу. Я бы сама ее в себе не нашла. Мне хочется сейчас же вскочить на коня, схватить лук и отправиться на охоту, но я вынуждена сидеть здесь, потому что несколько поколений моих предков решили, что управлять регионом — благодарное дело.

Мои мысли прерываются робким стуком в дверь:

— Ваше высочество, прибыл принц Габриэль.

Глава третья

Эланис

Я боялся перемен, боялся оставлять свой привычный мир, потому что знал: так, как раньше, уже не будет.

Берли Догерти. Здравствуй, Никто

Мой восемнадцатый день рождения начался не с традиционного тыквенного пирога, ласкового щебетания мамы и небольшого, приятного подарка, а с дикого осеннего холода, пробирающего меня до костей. В три часа утра меня разбудили родители — отец ворвался в комнату, сверкая глазами, и приказал мне собираться. Я до последнего думала, что это какая-то шутка или сюрприз, но избегающая моего взгляда мама заставила меня встревожиться

— Что происходит? — мгновенно проснувшись, пробормотала я.

Отец рывком вытащил из деревянного шкафа у моей кровати сумку, набитую вещами, а мама спешно сорвала с меня одеяло.

— Эланис, тебе надо уехать.

Я растерянно оглядывалась, стараясь немного очнуться ото сна. Мама тянула меня к шкафу, чтобы я собиралась, но я не могла отвести взгляда от собранной сумки:

— Куда уехать? Я никуда не поеду. Пап, может, ты прекратишь разбрасывать мои вещи? И когда вы успели все это собрать?

Мама, полностью одетая в платье и накинутый сверху ажурный синий платок, взяла мое лицо в ладони и пристально посмотрела на меня серыми глазами:

— Послушай, у нас нет на все это времени. Сейчас ты сядешь на лошадь и поскачешь в сторону северной границы. Переночуешь в сарае, где мы держали лошадей, когда приезжали к дяде Томсону. Пожалуйста, не задавай вопросов, — ее голос срывается, и она прячет глаза, — когда-нибудь ты поймешь нас, детка.

Меня трясет. Отец накидывает мне на плечи пальто и с силой сжимает мою руку:

— Будь сильной, хорошо? Что бы там ни было, ты должна быть сильной.

— Я не сдвинусь с места, пока вы не объясните мне, что происходит, — оттолкнув его, рычу я.

Мама закрывает рукой рот и из ее глаз начинают течь слезы, заставляя меня вздрогнуть прямо как в детстве. Быстрым жестом она надевает мне на средний палец маленькое рубиновое колечко:

— С днем рождения, малышка. Прости меня. Прости нас, пожалуйста...

Отец придвигает меня к себе и одаривает тяжелым взглядом:

— Эланис, сегодня ты стала взрослой. Тебе придется научиться бороться за себя, отстаивать свое место в мире и свою жизнь. Ты сейчас ценнее всех сокровищ в королевской казне, ценнее Просветителей и их дара. Ты должна сделать то, что велит тебе мама, а дальше — позаботиться о себе. Пообещай мне заботиться о себе.

— О чем ты говоришь? — недоуменно пячусь от него я.

Папа лишь качает головой, подталкивая меня к двери.

— Мам? — бормочу я, но мои слова остаются без ответа.

Когда до меня доходит вся серьезность их намерений, я изо всех сил сжимаю губы, чтобы сдержать рвущиеся наружу рыдания. Я смотрю на маму, которая прячет лицо в

ладонях и на папу, который кажется постаревшим лет на десять с прошедшего вечера.

— Вы не можете выгнать меня. Кто позаботится о вас? Я должна помогать маме по хозяйству, ты целыми днями на работе... а теперь вы отправляете меня куда-то, не сказав ни слова...

— Единственное, чем ты можешь нам сейчас помочь — своим отъездом. И себе тоже. Ты мне веришь? Скажи мне, Эланис, ты веришь мне? — его голос дрожит, как будто он сам сомневается в своих словах.

Я теряюсь в собственном разуме, не зная, что мне делать. Моя преданность родителям тянет меня подчиниться их просьбе, но страх удерживает меня на месте. Мама в отчаянной мольбе заламывает руки, а отец с силой стискивает мои плечи:

— Пожалуйста, Эланис, просто поверь мне. Ты должна уехать сейчас — позже ты все узнаешь. Я обещаю тебе, что мы не пострадаем.

Его глаза я не забуду никогда — темные, подернутые дымкой отчаяния и боли, как будто он только что отдал все, что у него было. Скача на своей вороной фризе Аните, я позволяла утреннему ветру развеивать мои слезы и уносить мои мысли. Я думала обо всем, чего мне уже не доставало и что у меня так резко отняли — о маминой стряпне, о наших детских прогулках с отцом, о его историях. Я думала о своих мечтах прожить жизнь нормально, как и мои родители — выйти замуж по любви, родить детей и стать хорошей женой и матерью. Мне так мало нужно было от жизни, а теперь я не понимаю, куда еду и когда смогу вернуться.

Мое темное пальто не спасает от пронизывающего холодного ветра — мой путь лежал на север через Священные долины Лакнеса, и дальше — в горы Ветров, через которые можно было добраться в Стейси. Куда же мне ехать потом? В Кравер?

Стараясь не оглядываться на пробуждающийся за спиной Лакнес, я прищорила коня и позволила Аните увозить меня от дома все дальше. Передо мной стелились зеленые равнины, украшенные редкими маленькими домиками — ничего похожего на торговый центр, который всегда кипел жизнью.

Через четыре часа изматывающей поездки и чувства полнейшей растерянности, я подъехала к маленькой красной постройке, огражденной покосившейся калиткой. Дом возле нее выглядел опустевшим — синяя краска облезла, а окна взирали на меня пустыми глазницами. Несколько лет назад дядя Томсон с семьей перебрались в Кравер, куда, судя по всему, и должен лежать мой путь. Я вполне могла бы обойтись и без передышки, но впереди долгая дорога, а я не привыкла к часам, проведенным в седле.

Если родители сказали переночевать здесь, значит, у них на то были причины. Возможно, тут я найду что-нибудь, чем смогу пополнить мои скудные припасы из быстрого пайка, бутылки воды, теплого свитера и десяти звонких весенцев. Или, что важнее, возможно, здесь я найду ответы.

Я привязываю Аниту к калитке. Она недовольно брыкается и обеспокоенно качает головой, как будто что-то в этом месте ей отчаянно не нравится. Отец рассказывал, что вороные кони когда-то считались посланниками Сатаны, пока историю не переиначили, превратив в святых того, кого стоило бы считать монстрами.

Я похлопала Аниту по боку, призывая успокоиться:

— Мне тоже это не нравится, малышка, но нам надо как-то выжить. Отдохни, а я пока поищу хоть что-то полезное.

Если я решу остаться здесь до полудня, чтобы собраться с мыслями и перевести дух, а

потом отправиться в горы в более благоприятную погоду, то мне надо напоить Аниту и отвести ее в сарай. Едва ли там хватит места на нас обеих, но придется втиснуться, а иначе она будет вынуждена остаться на попечении холодного утра.

Я толкаю ветхую дверь сарая, и меня окутывают запахи сырости и затхлости. Внутри нет ничего, кроме охапки сена у дальнего угла. Это привлекает мое внимание, и я осторожно подхожу ближе, подозрительно оглядывая его. Откуда свежее сено в заброшенном сарае? Какой-то бедняк решил устроить себе приют на ночлег? Но куда же он пропал? Сейчас едва ли больше семи утра.

Осторожно, стараясь не производить много шума, я поднимаю небольшую, но увесистую палку, валяющуюся на холодной земле. В сарае не слышно ни единого звука, кроме моего тяжелого дыхания.

Тишину разрезает тревожное ржание лошади. Я резко разворачиваюсь, едва не поскользнувшись от страха. Дверь громко распаивается, чуть не слетая с петель, и в сарай входят трое мужчин в длинных черных плащах. Их лица скрыты капюшонами, но я все равно без труда могу представить ледяное сверкание равнодушных глаз.

В моей голове сразу вспыхивает картинка — я у папы на плечах, а такие же черные плащи ведут за руки Рея Стоуна на эшафот. С тех пор много лет прошло, но в душе от этого воспоминания у меня до сих пор остались смешанные чувства страха и благоговения.

Я неуверенно поднимаю палку, не зная, стоит мне обороняться или меня пришли защищать. Члены Элитного отряда? Что они тут делают? Они что, как-то связаны с моим отцом? Пришли передать мне сообщение? И с каких это пор я такая важная персона?

Один из них — визуально выше и мощнее — вышагивает чуть впереди. Он останавливается прямо передо мной и произносит низким, бесцветным голосом:

— Эланис Марлен, вы призваны служить короне, и будете доставлены в королевский дворец, чтобы положить свою жизнь на алтарь долга.

Очень забавный мужчина, который несет околесицу. Я враждебно приподнимаю палку, стараясь казаться грознее и выше:

— С какой стати мне с вами куда-то идти? Что тут вообще творится?

Позы членов Элитного отряда ничего не выражают — они стоят прямо, широко расставив ноги, и держат голову высоко, что наводит меня на мысль, что отсюда меня могут забрать силой.

— У вас есть необычные способности, которые могут пригодиться его величеству, — скучающе информирует меня главный.

— Способности? Я думаю, это недоразумение. Я клянусь, что у меня нет никаких способностей.

— Наша информация абсолютно точна.

— Знаете, что, мне нужно вернуться домой, я немного ошиблась...

Я делаю уверенные шаги вперед, намереваясь миновать их, спокойно добрать до лошади и не вмешиваться ни в какие политические игры, но они преграждают мне дорогу. Я полагала, что они достанут мечи и приставят мне их к горлу, но вместо этого главный чуть смягчившимся голосом удивленно интересуется:

— Домой? Вам больше некуда возвращаться, госпожа Марлен.

Внутри меня все холодеет. Бесчувственными пальцами я сжимаю палку и застывшим взглядом смотрю на темноту в проеме капюшона:

— Что это значит?

— За вашей семьей давно велась слежка по причине подозрений вашей принадлежности к древнему роду Ламеха. Ваши родители продали вас королевскому дому взамен на собственную жизнь. Можете не волноваться, их прекрасно обеспечили, и вы, если так можно выразиться, подарили им безбедное и относительно счастливое существование.

— Ты врешь, — каждая клетка моего тела взрывается яростью, и я взмахиваю палкой, — ты лжец! Мои родители хотели уберечь меня и никогда бы так со мной не поступили. Никогда!

Один из членов Элитного отряда резким, отточенным движением вырывает у меня палку, но главный поднимает ладонь в предупредительном жесте.

— Тогда откуда мы, по-вашему, знали, где вы будете находиться?

— Откуда я знаю? Я похожа на члена Элитного отряда? Уверена, у вас есть масса способов вычислить интересующих вас людей.

С тяжелым вздохом он тянется к внутреннему карману своего плаща и вынимает оттуда изысканную на вид бумагу:

— Ознакомьтесь. Тут говорится, что отныне вы — собственность королевского двора.

С трудом удерживая в руках документ, я мутным взглядом пробегаю по строчкам, где мои родители отказываются от всех прав на меня и передают мои способности в полное и безграничное пользование короля. Взамен их жизнь объявляется неприкосновенной, и им выплачивают три тысячи весенцев. Внизу стоит подпись моего отца, моей матери и королевская печать.

— Неправда...я никогда...

Главный понимает, что еще секунда и меня стошнит ему под ноги. Подхватив меня под руку, он выводит меня следом за остальными на улицу. Я жадно хватаю ртом холодный воздух и бреду, спотыкаясь на ходу. Анита отчаянно брыкается и пытается встать на дыбы, стараясь привлечь мое внимание, но мои глаза застилает пелена.

Мои родители никогда бы так не поступили. Мой отец меня любит, он с детства учил меня чести и справедливости, а моя мама — самая добрая и лучшая женщина из всех, кого я знаю.

Мне стыдно за малейшие зерна сомнений, зарождающиеся в моей голове. Но действительно, почему родители не объяснили причин, по которым мне надо было уехать? Почему выглядели такими виноватыми? Да, мы небогаты, но деньги никогда не толкнули бы их на продажу любимой дочери. Они просто побоялись за свою жизнь? Нет никого более самоотверженного, чем мой отец, и более храброго, чем моя мама.

Но все же, как члены Элитного отряда нашли меня? Откуда на документе подписи моих родителей? Я отказываюсь во все это верить. И пока я не найду достоверных доказательств...пока я не увижу их глаза и не прочту в них, что они действительно меня продали, я не поверю в это.

Я позволяю главному подвести меня к Аните и покорно усаживаюсь сверху. Нет смысла сопротивляться — они в пять раз сильнее меня, а моя попытка к бегству только уведет меня дальше от правды. Я больше никому не поверю, и если мне действительно хочется узнать, что случилось с моими родителями, о каком даре шла речь, и обрести свободу, то мне придется выполнять то, что мне не нравится.

— Куда мы едем? — спрашиваю я, поворачивая коня в обратную сторону.

Главный, ехавший спереди, оборачивается, и издает настолько тихий, умиротворенный вздох, что он почти кажется мне шепотом утреннего ветра:

— Мы едем в Лакнес. Во дворец Спасителей.

Глава четвертая

Адриан

Мне нужно больше душевного тепла, чем я заслуживаю.

Франц Кафка. Письма к Фелиции

Давина склоняется предо мной в низком реверансе, открывая взгляду глубокий вырез платья, украшенный драгоценными камнями. Я пристально смотрю на то, как она старательно прячет улыбку и отводит разноцветные глаза, а затем бегло кидает на меня взгляд — и снова опускает. В эти кошки-мышки она играла со мной вот уже неделю, ошибочно полагая, что дразнит меня.

— Ваше высочество, должно быть, страшно занят, — проговорила она заигрывающим голосом, и оба ее глаза — карий и зеленый — маняще сверкнули.

Я вздохнул, откинувшись на спинку стула. Мы находились в одном из роскошно обустроенных залов королевских катакомб — он практически с точностью воссоздавал официальный королевский зал. Здесь были огромные люстры, золотистые ковры, два огромных трона, имитированные окна и длинные красные занавеси, служащие декорациями. Несмотря на все это изобилие, от которого у меня обычно рябило в глазах, здесь было мрачно и темно, что не могло компенсировать даже большое количество люстр.

Как она справедливо заметила, дел у меня было по горло, поэтому я поерзал на троне, стараясь скрыть раздражение. Обычно на троне положено сидеть только отцу и матери, но едва ли они станут протестовать против моего желания наконец-то взяться за королевские обязанности, от которых я успешно отлынивал последние пять лет.

— Вы что-то хотели, Давина? — спросил я, пробегая по ней взглядом.

Давина выпрямляется, и ее глаза сверкают необычным блеском.

— Вообще-то, я хотела бы поговорить с вашим отцом...

— Что ж, говорите. Зачем просить аудиенции у меня? Насколько я помню, я не секретарь короля.

Это утверждение очень сомнительно, но мне претит мысль о том, что папа решил сделать из меня своего мальчика на побегушках. В последнее время все, чем я занимаюсь — это выполняю его приказы, а не готовлюсь к роли будущего правителя. Но, как обычно, на любое мое раздражительное высказывание папа реагирует лишь презрительным взглядом и фразой "ты еще не король и не факт, что когда-нибудь им станешь". Что ж, справедливо.

Давина подается вперед и светлая прядь, скользкая по ее щеке, игриво колыхнется.

— Вы не понимаете, ваше высочество, — заискивающе улыбнувшись, продолжает она, — речь идет о нашем прогрессе в Солнечном городе.

А вот это могло бы немного меня заинтересовать. Чуть подавшись вперед, я смотрю на нее уже менее скучающим взглядом:

— Продолжай.

Давина выпрямляется, сложив руки на груди:

— Многие из нас уже достаточно сильны, чтобы полностью сдерживать магию нескольких Просветителей одновременно. Оракул передала сведения о наших успехах королю, и он очень доволен.

— Что ж, я рад. Что-то еще?

— Сегодня прибывает еще одна ученица. Говорят, что ее род очень силен. Судя по

всему, она сможет сослужить отличную службу королю, — она чуть медлит, а затем заговорщицки подмигивает мне: — и вам, ваше высочество.

— Неужели Искупители нуждаются в пополнении? — ухмыляюсь я, — впрочем, я осведомлен об этом. Я лично послал за ней капитана Элитного отряда и его лучших бойцов. Чем вести пустые разговоры, ты бы лучше сообщила мне, когда она придет.

Давина ласково улыбается, приближаясь ко мне ближе и оказываясь на достаточно непочтительном расстоянии от трона. Приподняв брови, я наблюдаю за тем, как она принимается медленно расшнуровывать свой корсет:

— Я думала, я смогу доставить вам больше наслаждения, чем пустые разговоры.

Еще немного и я потеряю всякое самообладание, и отнюдь не в том смысле, в каком хотелось бы Давине. Раздраженно вздохнув, я отвожу взгляд, стараясь не ставить ее в неловкое положение:

— Давина, вы смогли бы доставить мне куда больше наслаждения, если бы выполняли свои обязанности, оставаясь одетой. Кажется, моя репутация бежит впереди меня? — невесело усмехаюсь я. — Ваша красота заслуживает восхищения, но, поверьте, я — последний человек, от которого вам хотелось бы его получить.

Давина застывает на месте. Ее щеки густо краснеют, и она деревянными пальцами старательно зашнуровывает корсет обратно. Я ожидал от нее неловких высказываний или сожалений с примесью стыда, но она лишь поднимает на меня ледяные глаза и произносит:

— Я хотела сказать, что ученица уже прибыла и ожидает вас в тронном зале, ваше высочество. Ее и его величество уже находятся там. Возможно, вы захотите присоединиться.

Я резко встаю с трона, подхожу к ней вплотную, и, приподняв за подбородок, с улыбкой заглядываю в глаза:

— А вот это, моя дорогая Давина, именно то, что ты должна была сказать мне в первую очередь.

Она смотрит на меня с презрением, что, впрочем, не мешает мне чувствовать ее учащенное сердцебиение под моими пальцами.

— Продолжай заниматься, — шепчу я ей на ухо, — меня очень интересуют твои успехи.

Бросив последний выразительный взгляд на ее шею и туго зашнурованный корсет, я покидаю катакомбы под звук собственных шагов, оставляя Давину в одиночестве.

Эланис Марлен — чистокровная Искупительница, и, судя по выражению ее лица, не любит новые знакомства. Посреди роскошно обставленного тронного зала, который ярко залит солнцем в отличие от его репрезентации в катакомбах, она выглядит неуместно. Ночная рубашка, наспех накинутое потрепанное пальто, рыжие волосы, зеленые глаза и вздернутый нос — вот, что первым делом бросилось мне в глаза. Она кажется совсем крошечной рядом с членами Элитного отряда, стоящими по бокам от нее.

Мы с Селестой стоим слева от трона матери, а Эсмеральда — справа от отца. Наши обычные позиции, а еще — его предпочтения.

— Я видела, как Давина вприпрыжку бежала в сторону подземелья, — с усмешкой, шепчет мне на ухо Селеста. — Что, вы уже так быстро расстались? А где же порванные пуговицы на камзоле, ваше высочество?

Моя репутация в королевстве ограничивается количеством любовных завоеваний, приподнятых юбок и случайно оброненных платков. Женщины действительно всегда были моей слабостью, но череда легких побед в последнее время приводила лишь к головной боли. Я считал подобные развлечения способом снятия стресса, а прекрасные дамы — актом

истинной любви. И что удивительно, чем быстрее слух о моих завоеваниях разлетался по королевству, тем больше девушек готовы были расшнуровать свои корсеты, не дожидаясь личной аудиенции. Судя по всему, мое понимание женщин очень ограничено.

— Странно, что ты вообще об этом заговорила, — зашептал я в ответ, — это миленькое платье для принца Габриэля? По-моему, оно тебе тесновато.

Селеста раздраженно поводит обнаженными плечами:

— Я едва могу дышать в этом чертовом корсете.

— Ах, он не позволит тебе испустить вздох наслаждения при виде будущего супруга! — передразниваю я.

Она одаривает меня убийственным взглядом:

— В следующий раз на охоте я подстрелю тебя.

— Пятьдесят весенцев.

— Идет.

Мама незаметно поворачивает голову в нашу сторону и шипит:

— Если вы сейчас же не сосредоточитесь, то оба будете разгребать королевские архивы до конца следующего месяца.

Это заставляет нас притихнуть, но Селеста все же вставляет полушепотом:

— И Адриан не сможет бегать по покоям наших милых Искупительниц.

Ощутимо пихнув ее в бок, я заставляю Селесту с приглушенным писком схватиться за стянутый корсет.

— Ну и ладно. Как будто ты сам не знаешь, что менее через полгода ты, дорогой братец, будешь делить свое брэнное существование с Кристиной Кравер. Не одной же мне страдать с этим Габриэлем.

Тут с Селестой было трудно спорить. Я видел Кристину трижды: она была послом из Кравера, и, по совместительству, наследной принцессой. В общей сложности мы провели вместе около трех часов, обсуждая выгоду такого союза, и она уже успела изрядно меня утомить. У этой особы абсолютно не было чувства юмора, а улыбалась она только по праздникам. Представляю, каково будет провести с ней вечность. Но Селесте было сложнее. Кристина ясно дала понять, что брак со мной ей неинтересен, но, как принцесса, она исполнит свой долг и будет держаться от меня подальше. А вот Габриэлю сестрица действительно очень нравилась.

— Верность не входит в мой королевский набор.

— А в мой, значит, входит?

— Едва ли Габриэль будет рад видеть любимую жену с кем-то другим. А Кристина точно возражать не станет, — поддразниваю я.

— Какое отвратительное лицемерие! — смеется Селеста.

— Если ты сейчас же не замолчишь, мы пропустим все веселье.

Селеста закатывает глаза, а сам я перевожу взгляд на девушку передо мной. Кроме королевской семьи и членов Элитного отряда, в зале находится еще один человек — лысая женщина лет сорока пяти в бордовом плаще. Оракул. Она стоит чуть поодаль от нас, но все прекрасно понимают, насколько ощутимо ее влияние на королевство. Все, кроме Эланис, разумеется.

Я с любопытством склоняю голову, разглядывая ее. Хрупчайшее создание — бедняжку растерзают за стенами дворца, если она не научится твердо смотреть людям в глаза и держать спину прямо.

— Что, уже приглядываешься к новенькой? Если уж на то пошло, то Давина куда краше, — издевательским тоном заявляет Селеста.

— Сестренка, ты не понимаешь, что на самом деле привлекает мужчин. Ее магия куда сильнее магии Давины, а мне нравится сопротивление.

Она чертыхается, кидая на меня брезгливые взгляды:

— Ты омерзителен.

— Чертовски, — соглашаюсь я.

Эйдан — глава Элитного отряда — выступает вперед, откинув темный капюшон с лица. Он опускается на одно колено перед нашими родителями в знак своей исключительной верности, которая заставляет меня презрительно скривиться:

— Ваше величество, я и мои братья привели вам Искупительницу из рода Марлен, как и вы и просили.

Отец лениво приподнимает указательный палец правой руки и хриплым голосом произносит:

— Все они из одного рода, Эйдан, ни к чему эти формальности.

Я обеспокоенно смотрю на отца: он уже достаточно стар, чтобы управлять Лакнесом, но едва ли его начала беспокоить судьба трона. Меня самого политические обязанности стали волновать не позднее прошлого года. Если мама только тем и занимается, что подыскивает нам подходящие партии, то отец...я сам не знаю, о чем думает отец. Он туманно высказывается о будущем региона, видимо, рассчитывая править вечно. Пусть я и являюсь главным претендентом на престол после отца, моя кандидатура должна быть утверждена Советом, в который входят представители всех четырех домов. Никакой радости в монархии — даже тут абсолютный, тотальный контроль.

Несмотря на это, власть никогда не интересовала меня. У меня не было в планах миролюбивых проектов Эсмеральды или воинственных идей Селесты. Я был приверженцем праздного образа жизни, женщин и развлечений. Возможно, моя репутация начала утомлять даже меня, и я превратился в человека, проводящего вечера за чтением отчетов о количестве просвещенных и заседаниями парламента. Кто бы мог подумать, что когда-нибудь моя жизнь станет настолько занудной.

— Оракул, вы не хотите проверить девочку? — проскрипел король.

— Я думаю, ваше величество будет в этом успешнее меня, — ответила Оракул, не сводя пристального взгляда с Эланис.

Эланис неловко переминалась с ноги на ногу. На секунду я поймал такой знакомый враждебный, полный недоверия взгляд. Слегка улыбнувшись, я наклонил голову, рассматривая ее внимательнее.

— Какой насыщенный цвет зеленых глаз, — проворковала мне на ухо Селеста.

— Следите за языком, принцесса, — хмыкнул я.

Мы с интересом наблюдаем, как отец медленно приподнимает руку и наводит ее в сторону Эланис. Она начинает пятиться и мелко дрожать, глаза ее наполняются ужасом, но за плечи ее крепко держит один из членов Элитного отряда.

— Поклонись мне, — приказывает отец несвойственным ему громким и четким голосом.

Она отчаянно дрожит, но ее тело не перестает ей подчиняться, а глаза не мутнеют. Вся ее поза не теряет нерва, превращаясь в послушную, тряпичную, безвольную куклу.

Вот она. Магия Искупления.

Осознав свою власть, Эланис недоверчиво смотрит на короля, а затем произносит с небольшим акцентом:

— Отпустите меня. Я хочу вернуться домой.

— Разве эти милые господа тебя не предупредили? Теперь твой дом здесь, Эланис. Ты только что открыла в себе невиданный дар и тебе выпала честь развивать его. Ты — Искупительница, Эланис. Одна из тех, кто не подвластен магии Просвещения. В тебе скрыт невиданный потенциал и, возможно, он мог бы быть мне полезен.

В этом весь мой отец — ищет пользу даже там, где она граничит с запретами.

Эланис понемногу приходит в себя и складывает руки на груди:

— Я понятия не имею, о чем вы говорите. И я не собираюсь подчиняться вам.

Она разворачивается, чтобы уйти, но путь ей преграждает Эйдан. Я чуть напрягаюсь, раздумывая, стоит ли мне вмешаться.

— Если ты захочешь уйти, то станешь опасной, — проскрипел отец. — Этого я не могу допустить. Посему, если ты ослушаешься, то у меня останется лишь один выход — убить тебя.

— Так вот, как король Лакнеса оправдывает свое звание? — в ярости бросает через плечо Эланис, — великий оплот справедливости! Как же!

Либо она находится в состоянии аффекта, либо считает, что ее дар делает ее бессмертной. Что бы это ни было, эта девчонка определенно мне нравится. Думаю, отцу тоже. Как бы он не радел за будущее региона, ему не меньше меня надоели заискивающие придворные. Всегда интересно обуздывать того, кто сопротивляется.

— Справедливость — понятие относительное.

— Ваши действия — понятие относительное.

Селеста издает тихий протяжный звук, с любопытством поглядывая в сторону отца. Как долго он будет терпеть?

— Эланис, — с едва заметными нотками раздражения произносит он, — на сегодняшний день выбора у тебя нет. Я буду обеспечивать твое проживание во дворце, твое обучение, я выплатил твоим родителям приличную сумму весенцев. Ты сможешь быть относительно свободной. Ты в не том положении, чтобы ставить условия. И лучше бы тебе работать на меня.

— А вам-то зачем обучать кого-то, кто не подчиняется вашей власти? Или вы возвращаете будущих повстанцев? Очень интересный ход.

Я замечаю быстрый обеспокоенный взгляд матери, брошенный в сторону отца. Но он не сердится, а чуть откидывается в своих меховых одеждах на спину трона и хрипло посмеивается:

— Маленькая Эланис, ты еще не понимаешь, что власть — это сила. А этой силой нужно управлять, чтобы она не начала управлять тобой. Но ничего, ты научишься. Для этого ты здесь.

— Я хочу видеть моих родителей! — упрямо сказала она.

— Твои родители тебя продали.

— Никогда этому не поверю.

— Тебе же хуже.

Оракул выступает вперед, склоняясь перед отцом в низком реверансе:

— Ваше величество, позвольте мне. Эланис, ты теперь моя дочь. Позволь научить тебя тому, что я знаю. Позволь стать твоей семьей, — глубоким голосом проговорила она.

Эланис неуверенно переводит на нее взгляд, и, кажется, слегка вздрагивает. Не могу ее за это винить — своим видом Оракул действительно хорошенько пугает.

— У меня уже есть семья, — качает головой она.

— Я разделю это звание. Ты еще многого не понимаешь, но я объясню тебе. У Искупительниц есть гораздо больше того, что им иметь не позволено. Твой дар — это сила и свобода, которую нужно оберегать, и я научу тебя, как. Твое положение не настолько плохо, как тебе может показаться.

Выражение лица Эланис ясно говорит "куда уж хуже", но она понимает, что сопротивляться бесполезно. За ее спиной стоят члены Элитного отряда, которые, на данный момент, представляют для нее самую главную угрозу. Она сталкивается со мной взглядом и напряженно смотрит на мою ленивую улыбку. Ничего не могу с собой поделать — старые привычки берут верх.

Мне бы хотелось видеть ее во дворце, и, желательно, чтобы отец не слишком сильно за ней присматривал. Ее появление вполне могло бы скрасить мою однообразную рутину. Она еще этого не понимает, но непокорность — это лучшее в ней. Если уж мне предстоит связать свою судьбу с Кристиной Кравер, то перед этим мне хотя бы хотелось вкусить максимальной свободы.

Эланис вздыхает и в упор смотрит на отца:

— Ладно. Я согласна.

Эланис

Самые прекрасные сны о свободе снятся в тюрьме.

Иоганн Кристоф Фридрих фон Шиллер

Моя жизнь не могла стать хуже. За пятнадцать минут я узнала, что у меня есть странный дар, король выкупил у меня у предположительно продавших меня родителей и теперь я — собственность королевства. Конечно, я ни на секунду во все это не поверила, но было бы глупо продолжать показывать характер во дворце Спасителей, когда мне ясно дали понять, что уйти оттуда позволят только без головы. Сейчас самое главное — узнать, что здесь творится, добыть информацию о моих родителях и найти способ сбежать. Дальше я могла бы добраться до мамы с папой, а потом вместе с ними уехать на север, придерживаясь первоначального плана. Возможно, в других регионах мне дали бы убежище. И, пусть я на это особо не надеюсь, но, в крайнем случае, у нас остается возможность уйти в горы и уповать на то, что остатки диких племен не прикончат нас сразу же.

Мне отвели личную комнату во дворце, где я смогу переночевать и привести себя в порядок. Оракул и Эйдан так же любезно сообщили мне, что это теперь мое постоянное пристанище, так что лучше бы мне привыкнуть. С помощью небольших крупиц информации, собранных мною с особой тщательностью, я узнала, что Эйдан — капитан Элитного отряда. В Лакнесе о нем ходило столько слухов, что он казался мне злобной насмешкой над обычными людьми. Его бесчисленные достоинства наталкивали многих на мысль, что он как минимум — чародей, а как максимум — очередной дитя Сатаны. Под капюшоном плаща скрывался молодой темноволосый мужчина с мужественным, волевым лицом. Оказалось, что у Эйдана нет чувства юмора и он не очень разговорчив. На все мои вопросы он отвечал односложными ответами или хмурился, издавая неопределенные звуки, что позволило мне сделать вывод, что он не настроен заводить друзей. Оракул, хоть и выглядела устрашающе из-за кристально голубых глаз, окруженных редкими морщинами, оказалась чуть более сговорчивой. Пожалуй, я бы надавила именно на нее.

— Кто вообще такой Ламех? — бормотала я, пока меня вели вглубь дворцовых коридоров.

— Наш первый урок начинается завтра, — ровным голосом отвечала Оракул и не взглянув на меня. — Учись проявлять терпение, Эланис.

— Возможно, вам следует проявлять больше терпения, когда вы врываетесь к людям в дом и без объяснений забираете их непонятно куда, — заявляю я, бросая выразительный взгляд на Эйдана.

Он опускает на меня глаза и слегка приподнимает брови:

— Вы что, жили в том сарае?

Только сейчас я замечаю небольшой шрам на его лице, тянущийся от левой брови до середины щеки. И кто же осмелился оставить такую отметину капитану Элитного отряда?

От него не укрывается, как я слегка вздрагиваю при виде его шрама, и он равнодушно отводит глаза. Видимо, ему приходилось сталкиваться с целым легионом чересчур впечатлительных девиц.

— Нет, — растерянно бормочу я, — не жила.

Меня отвели в небольшую комнату с двуспальной кроватью и отдельной ванной. Я с

трудом могла замечать что-то, кроме пуховой перины, на которой можно передохнуть. После затхлого сарая дяди Томсона эта комната кажется мне невиданным раем. Оракул ушла, сказав, что стража отведет меня завтра на занятия, а Эйдан отделался быстрым кивком головы, и отправился провожать мою новую учительницу куда-то в дебри замка.

На прикроватном столике стояли соблазнительно пахнущая овощная похлебка и кусок прожаренного мяса, но я не обратила на них внимания. Мысли путались, а о еде думать совершенно не хотелось. Перед лицом маячило встревоженное лицо отца и избегающая моего взгляда мама. Сердце у меня сжалось, и я зажмурила глаза, стараясь успокоиться хоть на несколько часов, чтобы в скором времени проснуться и отправиться на поиски ответов. Представив, как мама покупает на рынке всю еду, которую мы никогда не могли себе позволить, я упала на кровать и забылась беспокойным сном.

Меня разбудил настойчивый стук в дверь, когда в окно лился теплый, послеобеденный свет. В момент моего прибытия я была настолько уставшей, что и не заметила большого окна во весь рост рядом с кроватью, из которого открывался вид на пристань, небесно-голубую морскую гладь и причаливающие корабли. Крик пролетающих над портовыми судами чаек вторил учащенному стуку в дверь.

Вздвогнув, я вскочила, быстро пригладила непослушные рыжие пряди, и осторожно потянула за ручку. Выглянув за дверь, я посмотрела налево, но увидела лишь двух Хранителей в желтых мундирах, охраняющих выход из коридора. Повернув голову в другую сторону, я чуть не вскрикнула от удивления, лицом к лицу столкнувшись с принцем.

До этого я видела Адриана Лакнес лишь на портретах, но слышала, что любая хорошенькая придворная, да и обычная девушка с улицы, может очаровать его на несколько ночей, если сильно постарается. Возможно, это были лишь слухи, но, судя по его виду, я могла бы предположить, что это правда.

Сегодня утром он стоял рядом со своей матерью и сестрой, и слишком пристально разглядывал меня, пока я боролась за свою свободу. Так что он, впрочем, как и другие члены королевской семьи, наблюдавшие за мной с холодным равнодушием, не произвел на меня большого впечатления.

Небрежные светлые волосы, карие глаза, ленивый наклон головы и ни к чему необязывающая улыбка — все, что составляло шарм и обаяние наследного принца. На нем был золотой камзол, белые штаны и золотые сапоги в тон. Желтые цвета — символ Лакнеса. Когда-то желтый цвет считался изменой христианству и в него рядили еретиков, к которым, по праву рождения, относились и Просветители. Разумеется, пока все не изменилось, заставив их носить желтые вещи с гордостью.

— Прощу прощения за беспокойство, — учтиво кланяется мне Адриан. — Я не хотел вас разбудить.

Я замялась на месте, но заставила себя сделать реверанс в ответ на его поклон. Учитывая события последних нескольких часов, я едва ли удивилась его присутствию, но все еще не знала, как себя вести. Впрочем, принимая во внимание невероятно доброжелательное отношение королевской семьи ко мне, правила приличия — последнее, что должно меня беспокоить. Какая глупость, которой с детства учили всех детей Лакнеса — поклоняйся Просветителям, ибо они — потомки богов. Возможно, если бы больше людей знало правду, мир был бы другим. И, как полагают многие, он был бы куда хуже.

— Что-то случилось?

Он тихонько засмеялся:

— Не волнуйтесь, Эланис, я не пытаюсь тайком пробраться в вашу спальню. Вообще-то, я хотел искупить невежливость моего отца и преподнести вам небольшой подарок. Вам доставят его чуть позже. И я был бы счастлив, если бы вы надели его сегодня на королевский бал.

Я недоуменно вперила в него взгляд:

— Бал?

Кажется, у него плохо со зрением и он не разглядел моего исключительно праздничного внешнего вида.

— Сегодня прибывают послы из Стейси, в их числе — наследный принц, — облокотившись о стену, произносит Адриан. — В их честь устраивается грандиозный прием, на котором будет присутствовать несколько Искупительниц. И вы в их числе.

— И зачем же Искупительницам присутствовать на королевском балу? — приподняв бровь, интересуюсь я.

Он неопределенно пожимает плечами, но я уже знаю ответ. Искупительницы не подвластны Просветителям, а значит, королевскому дому Лакнеса есть чего опасаться. И сколько же тайн хранит этот дворец? С детства мне казалось, что мы живем в безопасности, ведь против магии Просвещения не было оружия, а Хранители, оберегающие регион — бывшие убийцы, воры и профессионалы своего дела. Мне и в голову прийти не могло, что на королевство могут напасть изнутри люди куда более могущественные, чем парочка бандитских группировок. И уж точно мне никогда не говорили, что дело настолько серьезно, что королевские дома начинают бояться друг друга.

Впрочем, это еще ничего не объясняло. Я неопытная, с трудом понимаю значение слова "Искупительница" и размах своего дара. Наблюдать сейчас стоило бы за мной, а не поручать мне наблюдать за кем-то еще. Даже если во время бала что-то и произойдет, то на меня стоило бы рассчитывать в последнюю очередь. Не знаю, что принц задумал, но мне хотелось бы для начала поставить свои условия.

— Если я пойду, то смогу отлучиться увидеть своих родителей?

Он немного медлит, затем качает головой:

— К сожалению, я думаю, что это невозможно. Но ваши родители хотели бы, чтобы вы наслаждались жизнью, которую получили. Не отказывайте себе в возможности хорошо провести время.

— Простите, ваше высочество, но в таком случае я немного не в том состоянии, чтобы идти на бал.

Он оглядывается, затем придвигается чуть ближе и одаривает меня обворожительной улыбкой.

— У вас очаровательный акцент. Вы не из Лакнеса?

Я медлю, глядя на него в упор. Затем, решив, что он все равно наверняка уже обладает этой информацией, отвечаю:

— Мой отец был родом из Стейси, но он с семьей перебрался сюда в годы Слепой войны.

— Стейси превратился в военную базу, — понимающе кивнул Адриан. — Много из того, что когда-то там существовало, уже никогда не будет реконструировано. Вы с отцом говорите на их диалекте ламантрского?

Я вздыхаю, держась одной рукой за приоткрытую дверь. Меня пронизывает холод, но скорее от внимательных глаз принца, чем от осенней стужи.

— Зачем вам это? Вы наверняка и так уже все обо мне знаете.

Он решает не отпираться, а просто слегка склоняет голову в утвердительном жесте.

— Действительно. Хотя мне неизвестно, кто именно из ваших родственников был Искупителем.

— Это наследный ген?

— Как и магия Просвещения. Впрочем, об этом вам расскажет подробнее Оракул.

— И что будет дальше? Меня будут обучать, а что потом?

— Что вы имеете в виду?

— Когда меня отпустят? Или я навеки принадлежу вам?

Адриан издаст легкий смешок.

— Возможно, однажды вы захотите навеки принадлежать мне.

Какой дешевый трюк. Принц понимает это по выражению моего лица и добавляет:

— Я думаю, мы сможем обсудить это через несколько месяцев вашего обучения. Пока говорить об этом рано. К тому же, не исключайте вероятность того, что вам здесь понравится.

Я в этом сомневаюсь, но глупо продолжать на него давить. Либо планы на меня у королевской семьи действительно весьма туманны, либо пока он не готов поделиться ими со мной. Лучшее, что я сейчас могу сделать — это расположить его к себе достаточно для того, чтобы узнать больше.

— И как меня будут обучать?

Он неопределенно пожимает плечами, прислоняясь к стене.

— Вас научат не только управлять своим даром, но и искусству боя, истории, немного политике. Вы будете знать достаточно, чтобы считаться обычной придворной. А потом вас будут отправлять на задания.

— Какого рода задания?

— Мир не так безопасен, как ты думаешь, Эланис, — произносит принц, глядя мне в глаза. — Он наполнен Ищейками, интригами и враньем. Искупительницы — не единственная тайна Ламантры, но не дай этому запугать себя. Во время обучения тебя научат самому главному: быть сильной и служить своему правителю.

— Королю Тристану?

— Однажды и мне, — шепчет Адриан.

Мои пальцы сильнее сжимают ручку двери, и я напряженно смотрю на его приближенное лицо.

— А пока давай проведем генеральную репетицию, — он отводит непослушную рыжую прядь с моей щеки, — приходи сегодня на бал в подаренном мною платье и блистай ярче всех.

— Вам стоит поучиться учтивости, принц, — произношу я чуть дрогнувшим голосом, отодвигаясь. — Не всех можно заставить делать то, что вам хочется.

Он слегка смеется, отходя от стены. Перед тем, как покинуть меня, он улыбается, но взгляд его карих глаз остается тяжелым:

— Всех можно подчинить себе, Эланис. Даже Искупительниц.

Глава шестая

Эланис

Их молчание — громкий крик.

Марк Туллий Цицерон

Несмотря на то, что идея принца показалась мне абсурдной и весьма подозрительной, я сделала вывод, что бал — лучшее на данный момент место для сбора информации. Адриан вскользь упомянул о том, что там будут присутствовать и другие Искупительницы, к тому же, мне удастся своими глазами оценить ситуацию между королевскими домами.

Подарок принца, несмотря на красоту и неприличную роскошь, оказался жутко неудобным. Шифоновое красное платье в пол с кружевами, украшенными серебром, открывало мои плечи, подчеркивая линию груди тонким переплетением роз, и причудливо сплеталось сзади, образуя подобие стебля. Я намеревалась выспросить подробности моего пребывания во дворце у служанки, но как только она начала туго зашнуровывать мой корсет, у меня резко пропало желание разговаривать. В подарок к платью прилагались длинные сережки, которые неприятно оттягивали мне уши.

— Не вертись, — прошипела она, вдевая вторую сережку мне в ухо.

— Можно без них? — простонала я.

— Если хочешь остаться без ушей — пожалуйста.

— Не слишком для миролюбивых правителей?

Она отдышалась и оглядела меня со всех сторон. Служанка была женщиной достаточно пожилой, вдобавок, на голову ниже меня, поэтому ей приходилось задираť голову, чтобы осмотреть меня.

— Мир строится на крови, — фыркает она. — И какими бы миролюбивыми они ни были, я бы на твоём месте не болтала лишнего. Все-таки они Просветители, а ты — простая девчонка. И если хочешь сохранить мыслишки и душу при себе, то научись помалкивать.

Неужели во дворце не всем известно об Искупительницах? Или она не знает, что я принадлежу к их числу?

— Возможно, не всем стоит их бояться, — вскользь упоминаю я, поправляя ниспадающие рыжие пряди.

Служанка с мрачным вздохом ударяет меня по пальцам, и я обиженно вскрикиваю, мгновенно оставляя волосы в покое.

— Милочка, ты либо слишком наивна, либо слишком глупа. Просветителей стоит бояться всем, даже если ты мирный гражданин. Кто знает, что взбрѣдет им в голову завтра.

Я снисходительно усмехаюсь, как будто осведомлена во всем хоть на йоту больше, чем она:

— Никто не станет просвещать обычных жителей. Другие регионы сразу же вышлют армию, которой мы лишились после Слепой войны. И вообще, вы сами не боитесь за свою душу?

Служанка в последний раз оглядывает меня на намек существенных изъянов и, издав едкий смешок, отходит в сторону.

— Мне почти шестьдесят лет, милочка. Поверь, я уже давно перестала чего-либо бояться. И за душу свою тем более. А тебе пора идти, эти глупые караульные не устают барабанить в дверь. Да идет она! — орет служанка.

Перед тем как выйти за дверь, я хватаю ее за руку и смотрю в глаза так, как будто пытаюсь рассмотреть ее по-настоящему:

— Как вас зовут?

Ее затуманенный взор встречается с моим, и она слегка сжимает скрюченными пальцами мою ладонь.

— Нора. Меня зовут Нора.

Я не планировала привлекать внимание. В мой план входило незаметно передвигаться между приглашенными, подслушивая обрывки разговоров и узнавая, кто чисто теоретически мог бы мне помочь. Но я совсем забыла, что на мне больше не крестьянское платье в цветочек, а волосы не стянуты в пучок — на подарок принца глазели все, кому не лень. Мысленно проклиная все, что связано с Адрианом и его семьей, я спускалась по винтовой лестнице, неловко пошатываясь на высоких каблуках. Как минимум десяток голов было повернуто в мою сторону — кто-то явно обсуждал меня, а кто-то просто весьма неприлично глазел. Огромный зал, залитый светом люстр, был заполнен людьми с бокалами в руках, которые переговаривались между собой и наслаждались звуками оркестра.

Я приказала себе не обращать внимания на придворных и по возможности ни с кем не сталкиваться взглядами. Зал был слишком большим, чтобы не вызывать подозрений, передвигаясь между присутствующими без спутника. Я вытянула шею, стараясь разглядеть кого-то знакомого. Адриан стоял в тени, недалеко от оркестра, и вместе со своей сестрой и матерью, вел беседу с несколькими мужчинами благородной наружности. Судя по всему, это — послы Стейси, а значит я не смогу использовать его, как живой щит между мной и придворными. Более того, наследный принц привлечет много ненужного внимания. Рубиновое кольцо впивается мне в кожу, и я вспоминаю, что делаю все это ради своих родителей, которых пытаются так бесстыдно оклеветать незнакомые мне люди. Я добьюсь правосудия и вернусь к ним. Эта мысль придает мне сил.

Неподалеку от меня стоит высокий мужчина в черном костюме дорогого покроя. В правой руке он держит бокал вина, а левой пробегает пальцами по карманам брюк, как будто отсутствие оружия раздражает его. По спутанным темным волосам я узнаю в нем Эйдана — без плаща он выглядит куда менее угрожающе. Понятия не имею, что он тут забыл в качестве гостя, но он совсем не выглядит, как тот внушающий страх человек, что забрал меня из сарая. Не дав себе толком возможности подумать, я устремляюсь к нему.

Находясь в двух шагах от него, я замечаю, что перед ним стоит молодая блондинка в пышном платье цвета морской волны. Не успев передумать, я хватаю его под руку и одариваю ослепительной улыбкой:

— Нехорошо красть девушку из собственного сарая и оставлять в одиночестве, капитан Эйдан.

Оба поворачиваются ко мне с ошеломленным видом — девушка приоткрывает милый ротик, опешив от неожиданности, а Эйдан оторопело смотрит на свою руку, как будто я пронзила его мечом.

Он приходит в себя, прочищая горло, и в недоумении смотрит на девушку перед собой.

— Ну, думаю, она тебя не отпустит, — пожалв плечами, говорит она. — Ой, прошу извинить мою грубость. Давина Круиз, верная слуга его величества.

Я всматриваюсь в девушку и с удивлением замечаю, что у нее разноцветные глаза — один карий, а другой — зеленый. Когда-то давно мне рассказывали, что это — отметка отпрыска дьявола. Думаю, это делает ее исключительно ценной в мире Просветителей. Она

присаживается в низком реверансе, а затем, наблюдая за моим растерянным видом, с усмешкой поясняет:

— Искупительница.

Вот это уже интересует меня куда больше. Я представляюсь, но Эйдан обрывает меня на полуслове, схватив за руку:

— Вы уже насиделись в своей комнате, мисс?

— О да, спасибо за беспокойство, — передразниваю я.

— Что ж, вам стоит стать терпимее, ибо вам придется провести там много долгих, изнурительных часов.

Я не понимаю, к чему он клонит, и приподнимаю брови:

— Приму к сведению.

Он сильнее сжимает мою руку, но его лицо остается неподвижным:

— Иными словами: какого черта вы тут забыли, Эланис?

— Меня пригласил принц.

— Его величество не приказывал принцу следить за вами. За вами слежу я. А это значит, что вы можете приходить на подобные мероприятия только в том случае, если я это разрешу.

— Не видела ваше имя в списке членов королевской семьи.

Он вздыхает, затем отпускает мою руку и кидает раздраженный взгляд в сторону Адриана, который по-прежнему ведет беседу с послами. Я мысленно запоминаю, что члены Элитного отряда подчиняются только королю, а принцы и принцессы не имеют на них большого влияния. Сомнительная иерархия. Скорее всего, дело в том, что они все просвещены, как и Хранители.

Значит, надо держаться от Эйдана подальше.

— Ладно, мой промах, — уже спокойнее произносит он. — Я обсужу этот нюанс с его величеством и дам вам знать. А пока наслаждайтесь собой.

— Только не уходите! — умоляюще вставляет Давина к недовольству Эйдана, — мне не терпится услышать о вас как можно больше. Знаю, мы увидимся на тренировках, но я хочу знать, какая вы на самом деле. Пока Оракул не сделала из вас холодное оружие.

— Холодное оружие? — мгновенно настораживаюсь я.

Эйдан бросает на Давину убийственный взгляд.

— Кажется, кого-то так и не научили молчать. Очень ценное качество для девушки, должен заметить.

— Ты не мой начальник, — скрестив руки на груди, фыркает Давина, — к тому же, она все равно рано или поздно узнает.

— И это абсолютно не твое дело.

— О боже, Эйдан, ты хоть когда-нибудь устаешь быть таким занудой?

Он ухмыляется, вежливо отводя мою руку.

— Когда ты не ведешь себя безрассудно.

Они обмениваются пронзительными взглядами, забывая о моем существовании. Это, безусловно, было бы мне только на руку, но не сейчас, когда они нужны мне совсем для других целей.

— Чего хочет Оракул?

— Ничего страшного, — не дав Давине ответить, отрезает Эйдан. — Она научит вас всему, что понадобится, чтобы вы служили королю.

— Как именно служила?

— Как ему служат члены Элитного отряда. Хранители.

— То есть быть его живым щитом?

Эйдан разворачивается ко мне, слегка приподняв брови.

— Вам не кажется, что бал — не лучшее место для подобных разговоров?

Он слегка ухмыляется, что переполняет чашу моего терпения. Я хватаю его за руку и придвигаюсь ближе, опускаясь до шипящего шепота:

— А где — лучшее место? Когда мне, черт возьми, кто-нибудь что-то объяснит? Или тот факт, что меня продали, позволяет вам относиться ко мне, как к скоту?

Слова обжигают мне горло. Я осознаю, что сказала уже тогда, когда было слишком поздно. Вот уж не ожидала от себя, что так быстро заговорю о мнимом предательстве утвердительным тоном. Эйдан оглядывается, убеждаясь, что среди играющей музыки и смеха нас не услышат, а затем наклоняется ко мне ближе под обеспокоенным взглядом Давины. Когда его темные глаза оказываются в нескольких сантиметрах от моего лица, я по мимо воли издаю испуганный вздох.

— Я бы не сказал, что к вам относятся, как к скоту, мисс. Прекрасное платье. Завораживает. Почему бы вам не задать интересующие вас вопросы принцу, который очевидно с куда большей охотой объяснит вам правила жизни во дворце?

— Прекрати, Эйдан, — обрывает его Давина. — Ты ведешь себя недостойно.

Он выпрямляется, глядя, как мои щеки наливаются красным, а затем вздыхает и отступает назад.

— Простите, Эланис. Я знаю, что вам хочется знать ответы, но не могу посоветовать вам ничего, кроме ожидания. Завтра с утра вас разбудит Нора и проводит на урок, где Оракул даст все интересующие вас объяснения. А сейчас вы находитесь в очень приятном месте, где вам стоило бы немного расслабиться.

Я вновь почувствовала себя сломленной и побежденной. Меня как куклу тягают в разные стороны, а я даже не могу получить полноценного объяснения. Мне пытаются угрожать только за то, что я задаю вопросы.

Но если отец чему-то меня когда-то и научил, так это тому, что ответ приходит к тому, кто ищет.

Я ничего не добьюсь сейчас от Эйдана — он лишь привлекает ко мне лишнее внимание. Более того, услышать что-то от него я и не надеялась — меня больше интересовала Давина. Но, раз за ней приглядывает капитан, искать у нее поддержки тоже не приходится.

Я склоняюсь в неуклюжем реверансе и уже начинаю желать им приятного вечера, когда замечаю приближающегося к нам Адриана. Он разговаривает в полуоборота с высоким мужчиной с серьезным лицом и спокойными серыми глазами. Его одежда дорогого покроя, статная осанка, величественная в своей небрежности походка выдает в нем если не короля, то уж точно принца. Вместе с Адрианом они смотрятся, как идеальная утопическая версия мировых правителей, разве что Адриан визуально обладает меньшей силой и опытом.

Когда они подходят к нам, Эйдан и Давина меняются в лице. Эйдан прикладывает правый кулак к сердцу и опускается на колено, а Давина приседает так низко, что мне слышится треск ее платья. Оба мужчины смотрят на меня, ожидая такого же отношения, и, судя по всему, возмущаясь моему невежеству. Было бы очень приятно, если бы кто-то заранее обучил меня дворцовому этикету и всему, что прилагается к похищению страшными парнями в затхлом сарае. Смешавшись, я опускаю глаза и повторяю за Давиной.

— Полно, господа. Рад видеть вас, капитан. И вас, Давина, — учтиво произносит низким голосом спутник Адриана.

Адриан улыбается своим придворным, а затем указывает рукой на меня.

— Это та самая девушка, с которой я хотел вас познакомить, Габриэль.

Я широко распахиваю глаза, но в ту же секунду расплываюсь в вежливой улыбке. Габриэль смотрит на меня с едва заметным интересом, но я понимаю, что это всего лишь дань этикету.

— Рад познакомиться с вами, Эланис. У принца очаровательная спутница в этот вечер. Но вы оказались весьма негалантным кавалером, Адриан. Заставлять такую даму ждать! — усмехается Габриэль, глядя на него с притворным укором.

Я старательно пытаюсь скрыть свое раздражение. Кажется, члены королевской семьи и все их придворные вообще не считают нужным никого посвящать в свои планы. Или тот факт, что Адриан подарил мне платье подразумевал, что я теперь — его спутница? Что за дурацкие тесты на сообразительность?

Я подавляю в себе злость, прикрываясь все той же любезной улыбкой.

— Это большая честь — быть спутницей принца, господин...

— Габриэль, наследный принц региона Стейси, — отвечает он, склонив передо мной голову.

Так вот, от кого мы сегодня защищаем королевскую семью? Что-то не похоже, что они очень друг друга боятся. Или я здесь просто украшения ради?

— Очень рада, ваше высочество! — не очень искренне произношу я, склоняясь в ответном реверансе.

Кажется, Адриан доволен произведенным впечатлением. Он берет мне под руку, и от меня не укрываются укоризненный взгляд Эйдана.

— Как дела в регионе, ваша светлость? — улыбается Давина.

— Спасибо за беспокойство, Давина, все славно, — кивает Габриэль.

— Мы с нетерпением ждали вас и ваших послов, — заметил Эйдан.

Габриэль взглянул на него и усмехнулся, тряхнув темной головой.

— Ну, видимо, сегодня вы веселитесь, капитан.

— Никак нет, ваша светлость. Я здесь, чтобы в первую очередь охранять вас и членов королевской семьи.

— Похвальная верность королевству, Эйдан. Он у вас на хорошем счету, не так ли? — улыбнувшись Адриану, поинтересовался Габриэль.

Адриан и Эйдан обменялись взглядами, еще раз подчеркивающими для меня, что их отношения далеки от теплых. И, раз Эйдан все еще находится во дворце при таком отношении к принцу, это могло означать лишь одно: Адриан не обладает большой властью и влиянием на его величество. Насколько это делает Адриана бесполезным для моего благополучного исчезновения отсюда?

— Преданность капитана несомненна, — отвечает Адриан, пристально глядя Эйдану в глаза.

— Я отдам жизнь за вашего отца.

Помолчав, Эйдан добавляет под внимательными взглядами:

— И за вас, ваше высочество.

Давина берет капитана под руку, смягчая ситуацию беззаботной улыбкой. Габриэль окидывает меня быстрым взглядом, а затем принимается изучать толпу.

— Ее высочество принцесса Селеста еще не появлялась?

Адриан медлит, затем учтиво произносит:

— Она будет чуть позже. Неотложные дела.

— Что может быть более неотложным, чем свидание с будущим супругом?

— Вы правы, — прочистив горло, кивает Адриан, — я сейчас же пошлю за ней.

Он собирается уходить, но Габриэль останавливает его рукой.

— Может, я поднимусь к ней?

— Ваше высочество, — усмехается Адриан, — не нарушайте порядки.

Они смеются, как старые друзья, похлопывая друг друга по плечу. Давина едва заметно закатывает глаза, сжимая руку капитана, который стоит с каменным лицом.

— Давина, будь добра, проводи нашего гостя к остальным послам. Не дай ему заскучать, прошу тебя, — чуть приглушенным голосом проговорил Адриан, — думаю, капитан уступит принцу твое общество.

Он положил руку на ее оголенную спину, и изящная шея Давины напряглась так, что можно было увидеть каждую прожилку и хрящ под ее белоснежной кожей. Меня возмутило то, как нагло он пытался предложить ее принцу, как будто Давина была здесь только в качестве эскорта.

Эйдан напряженно смотрел, как Давина послушно берет Габриэля за руку и уводит его за собой, увлекая непринужденной беседой. Я успела лишь поклониться принцу на прощание, когда Адриан сжал мою ладонь.

— У нас есть дела с Эланис, — объяснил он Эйдану, — мы вернемся на праздник чуть позже. И к тому времени я бы хотел, капитан, чтобы кто-то немедленно разыскал мою сестру и заставил ее спуститься к танцам. А желательно, еще до этого. Скоро появится король и он придет в ярость, если ее здесь не будет.

То, что Эйдан в немом бешенстве, можно было понять только по ходящему кадыку. Я слышала, что члены Элитного отряда — это личная охрана королевской семьи, но если по факту, то подчиняются они исключительно королю. Существовало всего двенадцать членов Элитного отряда, и никто не знал, каким образом они отбираются. В школе нам об этом рассказывали. Много лет назад, в ходе Слепой войны, когда Лакнес потерпел сокрушительное поражение, другие регионы ограничились возможностями нашей армии и условий просвещения на два цикла — иными словами, пока не сменится два поколения правителей Лакнеса. Если Адриан займет престол, то его армия сможет быть полноценной, а количество просвещенных — двадцать на тысячу жителей. Таким образом, все, что осталось у нынешнего короля для защиты — это Хранители и члены Элитного отряда. Неудивительно, что у него сохранилось ко всем недоверие, ведь его собственный отец был предателем. Едва ли я могла бы его за это винить.

— Ради спокойствия его величества, — подчеркнуто заявил Эйдан, — я предусмотрю, чтобы принцесса была здесь вовремя.

— Будьте так добры, капитан.

Эйдан отрывисто поклонился, бросил на меня внимательный взгляд, и, резко обернувшись, направился в сторону выхода. Адриан улыбался — он торжествовал свою победу над духом капитана.

— Ну что, — игриво оглядев меня, усмехнулся он, — ты абсолютно великолепна. На тебя сегодня не посмотрел разве что уже пьяный граф.

— Спасибо за подарок, — вздохнула я. — Ваше высочество, зачем я здесь? Вы едва меня

знаете. Вы не выбрали бы меня своей спутницей просто так.

— Возможно, тебе не хватает немного веры в себя.

— Я не сумасшедшая. И не настолько высокого мнения о себе.

Он кладет руку мне на талию и прижимает к себе, уводя в противоположную сторону от толпы, ближе к тени колонн. Его горячее дыхание обжигает мое ухо, когда он произносит:

— Ты здесь, чтобы начать учиться, Эланис. И первый свой урок ты прошла весьма недурно.

— Какой еще урок?

Он улыбается, но лицо его теряется в неуместной темноте дальнего угла зала, который по неизвестным причинам не освещался огромными люстрами. Высокая колонна скрывала нас от любопытных взглядов гостей, но еще темнота скрывала его глаза. Мне казалось, что я вижу лишь внешнюю оболочку — фальшивые эмоции, за которыми скрыто что-то куда большее.

— Урок искренне улыбаться, когда не смешно. Быть любезной, очаровывать и покорять, когда хочется закрыться в своей комнате и плакать. Умение влюблять в себя. Истинные Искупительницы это могут. Они знают, как подчинять чужую магию себе, чужие эмоции и чужие чувства. В твоих руках, в твоём сердце, Эланис, сокрыто куда большее, чем просто подавление магии Просвещения. Ты можешь управлять людьми даже в большей мере, чем на это способны мы.

— Мне это не нужно, — вплотную поднеся свое лицо к нему, отчаянно зашептала я. — Я никогда этого не хотела, я просто хочу вернуться домой к своим родителям, и во имя творения, мне плевать, продавали они меня или нет. Я не хочу здесь быть, я не хочу притворяться кем-то другим, фальшиво улыбаться и нравиться вам, ваше высочество. Мне не доставляет удовольствия, что вы думаете, будто уже купили меня, как скульптуру на распродаже, а значит, я даже особой ценности не представляю. У меня должен быть выбор — я не просвещена, я не преступница, а значит, у меня должен быть шанс уйти. Разве не на этом построены демократические принципы Ламантры? Разве не этому нас всех учили после Слепой войны? Уважению, правосудию, справедливости, честности и свободе? И после всех этих громких слов вы забираете людей из дома и заставляете их помимо своей воли служить вам? Почему я должна служить вам?

— Потому что именно на этом и построены демократические принципы Ламантры, Эланис. Ты что, думаешь, что у тех, кем раньше были Хранители, был выбор — быть просвещенными или нет? И как ты думаешь, что бы они сказали? Наша свобода, наши права! Но было совершено правосудие, о котором ты говорила, потому что так они принесут больше пользы обществу. Ты тоже принесешь больше пользы обществу, если будешь жить в королевстве и защищать нас. Или ты считаешь, что вся та справедливость, о которой ты говорила, не существенна, когда относится к тебе?

— Я не преступница! — едва не выкрикнула я. — Почему вы сравниваете меня с теми, кто убивал и представлял угрозу?

— А чем твоя жизнь ценнее их — там, за пределами дворца? Как твой счастливый или не очень брак послужит обществу? Как твоя спокойная жизнь может быть важнее того, что ты будешь делать сейчас? Защищать нас от Просветителей из других регионов, когда память о Слепой войне еще свежа!

— Это не свобода. Это тирания. Вы не можете решать, какой будет моя жизнь за меня.

Адриан усмехается, пристально на меня глядя.

— Вот видишь, Эланис, как тебе нравится самая идея Просвещения, когда наказывают плохих. Когда из злодеев делают отличных служителей правому делу. А как только все это касается тебя, это уже не работает. Ведь, по сути, к тебе применили ту же самую магию, просто в более житейском варианте. Но вот тебе правда: каждый житель может быть оценен по его вкладу в общее дело. И если твой вклад ценнее, то ты являешься более важной ячейкой общества. Ты сейчас взлетела до небес. И если бы я представил людям все факты о том, где твоя жизнь будет полезнее, они все проголосовали бы за твое затворничество. Вот это называется демократией. И вот на этом и держится Ламантра. И возможно, если бы ты еще раз подумала обо всех возможностях, которые мы можем тебе предоставить, ты бы поняла, что о тебе мы позаботились тоже. И для меня ты вовсе не скульптура, а отличное вложение, которое может окупиться.

— А может, и нет, — хмыкнула я, — насколько я помню, нам нельзя иметь армию.

— Ты — еще не армия.

— Вы же только что сказали, что я должна кого-то там защищать от Просветителей из других регионов!

Адриан прикусил губу, глядя на меня с нарастающей злостью. Он поднес кулак к лицу и произнес сквозь зубы:

— Прекрати торопить события, во имя творения. Завтра тебе объяснят твою задачу. Не здесь, когда вокруг столько ушей.

— Что-то минуту назад вас это не сильно заботило.

Он ударил кулаком по колонне, вплотную приближаясь ко мне. Я испуганно вжалась в стену, глядя на него широко распахнутыми глазами.

— Помни, с кем ты разговариваешь. Ты здесь только один день, а уже начинаешь доставлять мне слишком много проблем. Если не научишься послушанию, возможно, мне придется пересмотреть условия твоего пребывания во дворце. Может, я и мой отец были слишком добры к тебе.

Я читаю угрозу в его карих глазах, и впервые мне хватает ума вести себя разумно. Адриан испортил мои планы, но это не значит, что мне надо было поддаваться на провокацию и ссориться с ним.

— Новая информация: ты провалила первое испытание, — холодно произносит он, отстранившись от меня. — Если так пойдет и дальше, то ты наживешь себе достаточно врагов, чтобы не прожить в этом дворце и недели.

Мое сердце гулко бьется, а руки леденеют. Я впервые замечаю, как жутко холодно в этом зале, и мне уже кажется, что я не чувствую ни ног, ни спины.

Я кланяюсь так низко, как только могут позволить мне задеревеневшие конечности. Адриан наблюдает за мной со смесью праздного любопытства и презрения.

— Я приношу вам свои глубочайшие извинения, ваше высочество, — сглотнув, произношу я, не глядя ему в глаза. — Обещаю, такое больше не повторится.

Унижена. Снова.

Он улыбается, но его лицо скорее напоминает бесчувственную маску. Пальцами он проводит по моим губам, заставляя меня поморщиться от собственного бессилия, и тихо произносит:

— Вот и умница, Эланис. Я хочу, чтобы ты осталась здесь подольше и покорила их. Сделай так, чтобы все раскрыли рты, когда ты покажешь свои способности.

Не дожидаясь ответа, он разворачивается на каблуках и вновь входит в освещенное

пространство, обращая на себя внимание толпы. Обмениваясь с придворными дамами улыбками, Адриан идет в сторону своих родственников и вскоре присоединяется к Габриэлю и другим послам. Они покидают бал через дверь у противоположных колонн — видимо, чтобы обсудить дела королевства.

Я медленно бреду через зал к другому выходу, бросая на всех быстрые взгляды. Я так и не поняла, кто такой Адриан Лакнес на самом деле — испорчен ли он властью или просто несчастен. Но одно я знаю точно: он не заслуживает моего доверия ни на секунду. Для него я — всего лишь финансовый вопрос пока неизвестного мне характера. Эйдан даже за человека меня не считает, а Давина во всем подчиняется принцу.

Я прохожу мимо смеющихся парочек, обменивающихся сплетнями придворных дам и мне хочется выть от бессильного, глубокого, пробирающего меня до костей чувства полного одиночества.

Глава седьмая

Эланис

Можно сказать вселенной: "Это нечестно". И услышать в ответ: "Правда? Что ж, извини".

Терри Пратчетт. Роковая музыка

— Несносная девчонка! Тебе не сносить ни головы, ни даже ее отростка!

Я вскакиваю с кровати, ударяясь головой о тумбочку, и скатываюсь на пол, запутавшись в собственных юбках. Всю прошлую ночь я проплакала, поэтому заснула, не потрудившись ни смыть макияж, ни снять платье. Судя по виду Норы, это было чудовищной ошибкой.

Она в ярости пыхтит, пока я сонно потираю глаза, с трудом оглядываясь вокруг.

— Посмотри! — шипит она, больно дернув меня за рыжий локон, — посмотри, во что превратились твои шикарные кудри! Ты просто помойка!

Я бросаю быстрый взгляд на высокое зеркало у правой стены. Моя взлохмаченная голова торчит над кроватью, под глазами растекся макияж, а на одеяле валяется порванная шнуровка для корсета.

— По-моему, все не так уж и плохо, — бормочу я, неловко улыбаясь.

Более того, я даже довольна. Принц оказался на удивление удачлив, что я не разрешила его платье перочинным ножом, которого попросту не нашла. А вот подаренные сережки покоятся где-то под портовыми судами.

— Не так уж и плохо? Женщиной тебя делает уважение к себе, а вот это все, — она злобно потрясла меня за разные уголки платья, — никак нельзя назвать уважением! Хочешь, чтобы тебя уважали Просветители? Король? Научись сначала уважать себя сама!

— Я уважаю себя, а не тряпки, которыми пытается купить меня Лакнес, — придя в себя, шиплю я.

Нора не пытается вступить со мной в дискуссию — она рывком поднимает меня на ноги и тянет за собой в ванную. Я поражаюсь тому, сколько силе в этой маленькой женщине с седыми волосами, поэтому даже не пытаюсь сопротивляться. После нескольких часов яростного купания, я скрываю красную кожу под черной водолазкой и штанами для сегодняшних тренировок. Закончив со мной, Нора стягивает с себя простое белое платье через голову, заставив меня обомлеть.

— Нора? Что ты делаешь?

Она что-то нечленораздельно пыхтит, и я замечаю такой же черный тренировочный костюм, скрытый под платьем.

— Нора...ты что...тоже Искупительница?

Она тяжело вздыхает, аккуратно сложив платье в небольшой мешок.

— А ты что думала, самая особенная тут?

— Почему ты работаешь служанкой?

— Слушай, детка, Искупительницы — это тайна. О нас знают несколько графов, члены Элитного отряда, королевская семья и те Хранители, что живут во дворце. Как ты уже поняла, они неболтливы, — хмыкает она. — Не все Искупительницы молоды и смазливы, как ты, что могут просто сойти за очередных любовниц принца, если вдруг нагрянет какой-нибудь Габриэль. Другим из нас приходится прикрываться обычной работой, чтобы не вызывать подозрений.

— Но это же нечестно.

— Да, нечестно. Особенно по отношению к тебе, — говорит она, глядя мне в глаза. — Деньги нужны даже здесь, когда тебя обеспечивают жильем и пропитанием. И не думай спрашивать меня о чем-нибудь еще. Все равно не скажу.

Деньги. Они все постоянно твердят о деньгах, как будто они решают все. Для королевской семьи власть и весенцы всегда являлись способами решения проблем, что и неудивительно.

Но не всех можно купить. Моих родителей нельзя было.

— Ты же знаешь, — тихо бормочу я, следуя за ней к двери. — Ты же знаешь, что они не продали меня, правда? Ты бы не продала свою дочь.

Нора застывает на месте, как будто мои слова на секунду проняли ее. Немного помолчав, она оборачивается, глядя на меня грустными глазами:

— Эланис, я выросла во дворце — моя дочь стала их собственностью по праву рождения. Изменила бы я что-то в ее судьбе, если бы могла? Да. Я сделала бы ее свободной. Я боролась за ее свободу всю свою жизнь, но посмотри на меня сейчас — я стара, и я проиграла. Мои родители тоже продали меня королевству. С тех прошло почти пятьдесят лет, и я провела каждый этот год здесь. Думаешь, я не пыталась противостоять всему, как и ты? Думаешь, во мне не было огня? Он был, да еще какой! Да только это все бесполезно. Мы прокляты и вынуждены провести здесь свою жизнь, потому что, увы, так правильно. Так же правильно, как и казнить преступников через Просвещение. Мне потребовалось немало десятков лет, чтобы смириться с этим, но это так. Здесь моя жизнь хотя бы имеет смысл.

— И ты просто во все это поверила? Что твоя жизнь оказалась не нужна твоим близким?

— Деньги способны на ужасные вещи, Эланис. Да, я могла в это поверить. Я знаю, как трудно пересчитывать каждый грош. А когда ты оказываешься на пороге того, что хуже, чем смерть...на пороге тупого, бессмысленного служения господину... страх тоже толкает людей на отвратительные поступки. Это не значит, что твои родители были плохими людьми или не любили тебя, — она слегка треплет меня за руку и от этого жеста все у меня внутри переворачивается. — Просто они дали и себе, и тебе шанс на другую жизнь. Мы все совершаем ошибки.

Я наблюдаю за тем, как она первой выходит за дверь и немного медлю, оглядываясь на пробуждающийся к жизни Лакнес, который так люблю. Нора была права, но она говорила обобщенными понятиями. Я знала моих родителей с рождения, а этих людей — меньше суток. Возможно, отец с матерью пытались увести меня подальше от дома не для того, чтобы избавить себя от зрелища того, как меня забирают члены Элитного отряда. Возможно, они хотели, чтобы я сбежала. И за всех детей, украденных из дома, за Нору и за тех, кому суждено родиться на служение королю, я должна бороться. И если мне придется узнать, что здесь происходит, чтобы вернуться домой, то я сделаю это.

Зал для тренировок представлял собой просторную пустую комнату, украшенную разве что синим декоративным покрытием для пола. Посреди комнаты стояла знакомая мне лысая женщина в плаще. Она внимательно наблюдала за мной ярко-голубыми глазами, пока мы с Норой приближались ближе.

— Оракул, — Нора почтительно склонилась перед ней.

— Здравствуй, Нора. Рада видеть тебя, Эланис.

Я поклонилась вслед за Норой. Последнее, чего мне бы хотелось — это вызвать

немильность женщины, которая, возможно, могла бы стать моей союзницей.

Она делает Норе знак, чтобы та оставила нас, и служанка послушно исчезает за одной из дверей комнаты, замаскированной под стену.

— Что ж, Эланис. Рада познакомиться с тобой при менее удручающих обстоятельствах. Держу пари, у тебя накопилось множество вопросов. Желаеть присесть?

Я пожимаю плечами, и мы садимся друг напротив друга. Оракул скрещивает ноги, устраиваясь в позе лотоса, и любовно смотрит на меня, как на родную дочь.

— Сегодня я готова ответить на пять твоих вопросов. Спрашивай мудро.

Поверить в это не могу. Ну конечно, было бы удивительно, если бы они не постарались как-то меня обмануть.

— На пять? Мне говорили, что при нашей встрече вы ответите на все мои вопросы!

— Сегодня — на пять. Завтра — еще на пять. Это научит тебя дисциплине и умению отсеивать ненужную информацию, — спокойно говорит Оракул. — Не все, что я знаю, будет тебе полезно. Спрашивай то, что имеет значение.

Я делаю вздох, стараясь успокоиться. Глупо тратить время на препирания, а то через пару минут она может обозлиться и придумать еще какие-то условия. Мне опять придется играть по чужим правилам.

Но только для того, чтобы научиться устанавливать свои.

— Не хочешь чаю? Зеленый чай успокаивает нервы и помогает сосредоточиться.

— Нет, спасибо.

Эта женщина очень напоминает монахов из гор Ветров. Они жили там долгое время, оставаясь вдали от необходимости существовать под гнетом Просветителей. Хотя, раньше так никто не считал. Все думали, что Просветители — наше спасение. Я тоже так думала до недавнего времени.

— Что мне нужно знать о Просветителях, чтобы понять свою природу?

Оракул слегка улыбается и подается вперед, отчего ее лицо становится похожим на холодную скульптуру.

— Ты наверняка знаешь, что Просветители носят на себе библейскую печать. В древности считалось, что существа, обладающие некими особенностями, происходят от Каина — первого убийцы. Ты могла слышать о них из легенд о драконах и феях. Просветители были одними из них — это люди, обладающие властью над другими людьми. С помощью жеста и зрительного контакта они могли подчинять себе волю и души других, делать их своими рабами. Только смерть Просветителя могла сбросить оковы его власти над человеком. Просвещение — это наследный ген, поэтому и по сей день королевские дома связывают себя друг с другом узами брака, чтобы сохранять мир и обеспечивать процветание дара во всей его мощи.

— И кто же тогда такие Искупители?

— История Искупителей достаточно абстрактна. О магии Искупления в Лакнесе узнали сразу после Слепой войны, поэтому наши корни еще достаточно расплывчаты. Но я считаю, что одна теория вполне правдива. Видишь ли, шестым потомком Каина был Ламех. Он так же носил на себе чудовищный отпечаток злодеяний своего предка. По преданию, Ламех убил Каина, нарушив завет божий, согласно которому Каин должен был быть обречен на вечные мучения. Мы считаем, что, несмотря на это, Ламех искупил злодеяния Каина. А возможно, был наказан в сто крат больше, ведь Бог наказал, что всякому, кто убьет Каина, отомстится всемеро. Прямые потомки Ламеха невосприимчивы к дарам детей Каина. Но, так как мы и

потомки Каина тоже, наши возможности куда шире этого. Мы можем использовать и перенаправлять магию Просвещения, подчиняя себе. Ты можешь воспользоваться магией любого из членов королевского дома. Но ты должна понимать, Эланис, что мы многого еще не знаем. Не думай, что твои способности — это дар. Это куда большее проклятие, чем магия Просвещения, — она усталилась прямо перед собой, как будто мыслями была далеко отсюда. — По крайней мере, именно этим она когда-то и была.

— Значит ли это, что существуют и другие чудовища? Драконы, фейри, адские псы? — предположила я.

Оракул чуть слышно рассмеялась.

— Нет, дорогая, о них я не слышала. Возможно, все они исчезли во времена Великих Гонений.

Я не стала спрашивать о временах Великих Гонений. У меня накопилось немало вопросов, но среди них были те, которые требовалось задать в первую очередь.

— Какова моя функция во дворце? И почему король вообще хочет держать так близко кого-то, кто угрожает его власти?

Оракул хитровато поглядывает на меня.

— Ты же понимаешь, что это два вопроса?

Конечно, я понимала. Просто надеялась, что она не обратит внимания, если я задам их быстро, словно в одно предложение. Вот именно поэтому мне здесь точно не выжить.

— Твоя функция на данный момент — учиться. Ты будешь жить здесь, и обучаться искусству боя, управлению магией, политике и истории. Если повезет, ты даже сможешь устроить удачный брак. Конечно, твоя главная задача — защита короля от вторжения Просветителей из других регионов на территорию замка. Остальное тебе пока знать необязательно.

— Эй, так нечестно! — возмущаюсь я. — Если я не получаю полного ответа на вопрос, то имею право на еще один.

— Ладно, — голос Оракул смягчается, — только позволь мне ответить на предыдущий. После Слепой войны отношения между регионами накалились. Неважно, что многие из них связаны родственными узами — все волнуются, что пример отца короля Тристана окажется заразителен. Мы живем в опасное время, и как бы ни старалась принцесса Эсмеральда — наш посол мира — волнения неизбежны. Искупители — это гарантия. Для нас всех. Это не значит, что нас обязательно поведут в бой. Мы некто вроде Хранителей или членов Элитного отряда, только защищаем от других напастей.

Ну да, так я во все это и поверила. Либо Оракул сама ничего не знает, либо не собирается вводить меня в курс дела. Она действительно считает, что король оплачивает проживание, обучение и содержание неизвестно какого количества людей из-за мнимых подозрений? У меня есть два варианта: либо угроза королевству действительно реальна, либо мы здесь для других целей. Но спрашивать дальше все равно бесполезно.

— Когда я смогу увидеться со своей семьей?

— Мне очень жаль, Эланис, но ты не сможешь. Они не имеют права с тобой видеться, согласно заключенному договору. Ты получишь право покидать дворец и даже путешествовать вместе с членами Элитного отряда или Хранителями, но не сможешь встречаться с семьей.

Как удобно для них. Никаких следов — я так и не узнаю, что произошло и при каких обстоятельствах. Но я не Нора — я не поверю слепо во все, что мне сказали, пока не получу

доказательства.

— А теперь, думаю, тебе пора кое с кем познакомиться.

Оракул поднимается и проводит меня к той самой двери, за которой исчезла Нора. Моему взору предстает точно такая же комната, только куда более просторная и сплошь заполненная людьми. Я с удивлением отмечаю, что видела некоторых из них во время бала. Они сидят на полу и тихо переговариваются между собой, склонив головы. Как только мы входим, они резко встают и вытягиваются перед Оракул.

— Дети мои, я рада представить вам вашу новую сестру. Ее зовут Эланис, она из рода Марлен. С сегодняшнего дня она будет обучаться вместе с вами.

Они все хором произносят мое имя и прикладывают руку к груди. Сначала мне кажется, что это обычный жест, но у одной из девушек — она в черной блузке, которая расстегнута чуть больше, чем позволяют приличия — я замечаю какой-то рисунок у сердца.

Только этого мне не хватало.

— Мне что...сделают татуировку? — прошипела я на ухо Оракул.

— Не бойся, дорогая, от этого еще никто не умер, — усмехнулась она в ответ.

Не знаю, с какой стати она решила, что я хочу быть помеченной, как и вся их секта. Может быть, Ищейки, о которых говорил Адриан, будут искать нас именно по этим татуировкам. Видит Бог, меньше всего мне хотелось бы расхаживать по улицам с чернилами под кожей. Может, я и параноик, но в чем-то принц был прав — я не очень хороша в выживании, а паранойя чисто теоретически может мне в этом помочь.

— Ева, ты не поможешь нашей новенькой осмотреться?

Невысокая девушка с коротким ежиком темных волос, облаченная в черную блузку, выступила из стройного ряда Искупителей и подошла ко мне. Следом за ней шагнул рыжий парень с нагловатой улыбкой. Он помахал у Оракул перед носом и прокричал:

— Повелительница, а можно и мне помочь новенькой?

Он подмигнул мне, и я улыбнулась в ответ. Оракул закатила глаза.

— Прекрати называть меня так, Скилар. Это не очень уместно и едва ли уважительно. И да, я не против, чтобы ты присоединился к подготовке Эланис.

Скилар подошел ко мне, улыбаясь.

— Эта старушенция такая зануда, правда?

— Ты бы серьезно мог проявить хоть немного уважения, голова в опилках, — прошипела Ева, сверкнув зелеными глазами.

— Ты тоже зануда, Ева. Хоть кто-то здесь вообще развлекается? У вас такие лица, как будто нам завтра на войну.

Ева вздохнула, поправляя свои короткие каштановые волосы. Она перевела на меня взгляд и недовольно прищурилась.

— Слушай, я не горю желанием долго тут расхаживать, у меня сегодня поединок. Так что давай я быстро повожу тебя по местам, и ты не будешь задавать слишком много вопросов?

Классные ребята здесь. Кажется, их с детства обучают тому, как делать людей неразговорчивыми.

— Что за поединок?

Ева застонала, повернувшись к Скилар, который развел руками.

— Вот видишь? Опять эта новенькая будет задавать всякие глупые вопросы, а мне придется с ней возиться.

— Ну, ты можешь идти, а с ней повожусь я, — поигрывая бровями, хмыкнул Скилар.

— Во имя создания, сколько тебе вообще лет, Скилар?

— Девятнадцать, красотка, так что не завидуй и иди дерись на палках.

— Я не дерусь на палках, — завелась Ева.

— Я имел в виду твои руки.

— Черт возьми, Скилар, еще слово и я превращу тебя в фарш.

— Своими-то палками?

— Слушайте! — не выдержала я, — не надо со мной никому возиться. Я буду очень не против, если вы покажете мне, где выход, сделаете вид, что забыли, кто я, и пойдете по своим делам.

Ева разворачивается ко мне, оставляя хихикающего Скилара. Теперь весь ее гнев целиком и полностью направлен на меня.

— Ты что, думаешь, что самая умная здесь? Никуда ты не уйдешь. Ну, а если тебе не хватит мозгов, и ты попробуешь сбежать, то тебя подстрелят Хранители на выходе.

— Ты мне угрожаешь?

— Нет, советую побережь мозги, если они у тебя есть.

— Мозги — ее любимое слово, — подсказал Скилар.

— Заткнись.

Я отвлеклась от перепалки, обращая внимания на остальных людей, которых здесь было не меньше десятка. Все они либо о чем-то между собой переговаривались, либо последовали за Оракул в другую комнату.

— Сколько же здесь комнат? — пробормотала я.

— Смеешься? — ухмыляется Скилар, — это же Солнечный город.

Я приподнимаю брови, а Ева в очередной раз закатывает глаза.

— Я отрежу тебе язык, Скилар. Серьезно.

— Да крошка и так наверняка знает.

Они оба смотрят на меня в ожидании, но я отрицательно качаю головой. К сожалению, никто не посчитал, что я вообще должна хоть что-нибудь знать.

Ева громко стонет и вздыхает.

— Ладно. Если ты заметила, здесь плохое освещение и мама вела тебя долгое время вниз по лестнице...

— Мама?

Я настолько удивлена, что на секунду даже забываю о своем желании обладать информацией. Ева смотрит на меня в упор.

— Нора — твоя мама?

— Не твоего ума дела.

Ну да. Кто бы сомневался.

— Если не будешь перебивать, возможно, что-нибудь и узнаешь, — кривится она. — Так вот, здесь плохое освещение и мы находимся в катакомбах замка. Это такой большой подвал, если так понятнее. Это место называется Солнечный город.

Я оглядываюсь вокруг и хмыкаю. Затемненное помещение, низкие потолки, сырой запах — что может быть солнечнее?

— Солнечный город? У королевской семьи отличное чувство юмора.

— По-моему, отвратительное, — фыркает Скилар. — Они могли назвать это место чем-то вроде "Ярый дракон" или "Огнеопасное оружие". Вот это действительно было бы смешно,

ведь великая защита короля это... - он грустно смотрит на Еву, — ну да, вот это.

Ева угрожающе заносит руку и Скилар пятится назад, выпятив ладони вперед.

— Рыжий, ты действуешь мне на нервы.

— А вот это дискриминация, — обиженным голосом замечает Скилар.

— Ладно, Солнечный город — я поняла. Что-то еще, что мне нужно знать?

Ева лениво оттягивает край блузки, открывая взгляду солнце с четырьмя лучами, вытатуированное огнем на ее коже.

— Четыре королевских дома — четыре луча, — объясняет она.

— Ну конечно, — ухмыляется Скилар, оттягивая ворот черный кофты и демонстрируя свое солнце. Он поочередно указывает пальцем на каждый из лучей: — Тристан, Адриан, Селеста и Эсмеральда.

— Ой, да заткнись ты уже! — раздраженно взмахивает руками Ева.

— Кто будет татуировать на груди оружия имена тех, против кого это оружие может быть в теории использовано? — стучит по голове Скилар.

— А где же тогда имя королевы? — интересуюсь я.

Он наклоняется ко мне ближе и заговорщически подмигивает.

— А она не Лакнес. Она Элизабет Бишоп. Понимаешь, куда я клоню?

— Хочешь сказать, она — не член королевской семьи?

Скилар пожимает плечами.

— Я просто говорю, что возможно, тут происходит что-то куда большее...

— Черт бы тебя побрал, Скилар, — Ева впервые выглядит взволнованной, когда подносит свой указательный палец к его глазам, — если ты сейчас же не закроешь свой рот нам всем не сносить головы. Сделай нам всем одолжение, высказывай свои дурацкие теории, когда за дверями нет Хранителей и членов Элитного отряда. А ты, — она поворачивается ко мне, — запомни одну вещь: не задавай вопросов. Чем меньше ты знаешь, тем больше вероятность, что никому и в голову не придет тебя о чем-то спрашивать. И, может быть, ты сможешь прожить здесь спокойную жизнь, обзавестись тремя спиногрызами и тихо умереть.

Кажется, ко мне приставили еще одну Нору. Тут что, занимаются клонированием?

Внезапно, дверь открывается, и из нее выходят трое мужчин, разительно отличающихся от всех присутствующих. У каждого из них широкая грудь, а под тканью черных кофт перекачиваются внушительные мускулы. Они пристально оглядываются, как будто каждую секунду готовы к нападению. За ними следуют еще несколько мужчин и женщин, но выглядят они менее угрожающе.

— Эйдан! — кричит Скилар, приветственно размахивая руками, — чувак, ты еще жив! Какая удача!

Действительно — впереди всех вышагивает Эйдан, убийственно глядя на Скилар. Я едва узнаю его в черном облачении — но зато шрам возле коричневого глаза не позволяет спутать его ни с кем другим.

— Скилар...Эйдан — Искупитель? — шиплю я на ухо Скилару.

— Ну да, — он недоуменно смотрит на меня, — а что тебя так удивляет?

Действительно, Господи, а что меня так во всем этом удивляет?

Он останавливается на мне взглядом и чуть заметно вздрагивает, но я не успеваю никак отреагировать на его присутствие, потому что к нему подбегает Ева и говорит куда более мягким голосом:

— Эйдан, можно я сегодня с вами потренируюсь? Я так долго практиковалась, а

отработать удары с самим капитаном Элитного отряда...это было бы честью для меня.

Он переводит на нее затуманенный взгляд, как будто с трудом понимает, кто перед ним находится.

— Простите, Ева, но я подмастерье боевых искусств. Я не тренируюсь с учениками.

Ева вздрагивает, затем натягивает улыбку, быстро кивает и идет прочь. Она садится в углу и прячет глаза, стараясь ни на кого не смотреть.

— Ева — воин, — шепчет мне на ухо Скилар. — Для нее жизнь — это поле боя. Ее кумир — принцесса Селеста. Она тоже хочет сражаться за справедливость.

— И почему Эйдан отказался потренироваться с ней? — недоумеваю я.

— Таковы правила, — пожимает плечами Скилар, — подмастерьями становятся лишь лучшие воины, и они дерутся между собой. Ученики могут сразиться с подмастерьями лишь в финальном поединке, и, если те сочтут, что их навыки высоки, могут посветить их в свой круг. Тогда их начнут брать на задания. Но с Искупителями такого почти не случается. Мы — слишком ценный ресурс, чтобы нами так раскидываться. На заданиях погибают.

— Но не Эйдан.

— Эйдан — капитан Элитного отряда. Так уж случилось, что у него нет выбора. Он в личной охране короля.

— И по какой же причине?

— По той же, по которой мы все здесь, — он улыбается, — защищать его. Сейчас король особенно боится за собственную жизнь. Его же тоже все винят за грехи отца. Он опасается, что ему начнут мстить. А они, — он кивает в сторону мужчин, которые начали разговаривать, — это гарантия.

— Они — тоже члены Элитного отряда? — удивляюсь я.

— Ну да. Их личность засекречена, но я догадываюсь, что как минимум половина из них — Искупители.

— Но это же не имеет никакого смысла, — бормочу я, — зачем королю такая ненадежная охрана? Они же...просто люди. Они не могут быть просвещены, а значит, по природе своей склонны к предательствам, лжи и трусости.

— Может, настали времена, когда король куда сильнее начал бояться Просветителей, чем обычных людей. Поэтому мы с тобой, — он дергает меня за хвост, — самые крутые люди во всем королевстве. Мы с тобой герои. Сила рыжих!

Я внимательно приглядываюсь к Скилар. Рыжие волосы, веснушки и большие зеленые глаза — вряд ли его специально приставили шпионить за мной, но лучше быть осторожнее. Я ничего не потеряю, если задам ему несколько вопросов.

— Тебя продали родители? — быстро выпаливаю я.

Скилар на мгновение вздрагивает, но в следующую секунду уже ухмыляется и проводит рукой по торчащим в разные стороны волосам.

— Детка, ни у кого не хватило бы денег, чтобы меня купить.

— Серьезно, Скилар, как ты здесь очутился?

Он вздыхает, затем быстро смотрит по сторонам и недовольно бормочет.

— Ладно. Да, меня продали.

— И ты поверил?

— Да.

— Почему все люди в этом чертовом королевстве так легко верят в эту чушь?

— Потому что я видел это, Эланис, — чуть севшим голосом произносит Скилар.

Мое сердце уходит в пятки. Я смотрю на него раскрывшимися глазами и хриплю:

— В каком это смысле?

— Они пришли ночью, — прочистив горло, отвечает он, — Хранители короля. Мне было пять, но я все помню. Они предложили моим родителям контракт прямо при мне, а те, рыдая, подписали его. Не было никакого обмана, никакой магии просвещения. Была просто сделка — не в мою пользу.

Мои руки дрожат, и Скилар с улыбкой хватается меня за пальцы.

— Эй, выше нос. Все не так уж и плохо. Серьезно, если они так поступили, то тебе будет лучше без них. Оракул заботится о нас. А они, — он кивает на других Искупителей, — моя семья. Даже Ева.

Я вырываю руки, пристально глядя на Скилар, и произношу по слогам:

— Может, ты что-то и видел, а я не видела ничего. Ясно?

Он сочувственно кивает. Господи, возможно, мне стоит уже прекратить доказывать всем подряд, что мои родители никогда бы так со мной не поступили? Что, если... что, если...

Мои спутанные мысли прерывает Эйдан. Он стоит напротив меня и сосредоточенно смотрит в глаза, как будто звал меня уже несколько раз.

— Ты неубедителен, — хмыкает Скилар, — вот, смотри, как надо, — он дергает меня за хвост и кричит: — Элааааанис! Выходи из транса!

Я отталкиваю его и провожу рукой по горячей коже головы, поднимая глаза на Эйдана.

— И конечно, Эйдан, ты не мог и словом обмолвиться о том, что ты тоже Искупитель.

— В этом не было необходимости, — не взмахнув и бровью, отвечает Эйдан.

— Я заметила, что во всем, что касается меня и подробностей, нет особой необходимости! Какая досада.

— Я сказал вам, что вы многое узнаете сегодня.

— Можешь уже перейти на "ты", я не обижусь.

Эйдан вздыхает:

— Вас ждет принцесса Селеста, чтобы вы могли опробовать свою магию на ней. К сожалению, принц занят и не сможет составить вам компанию.

Я улавливаю едва заметные насмешливые нотки в его голосе. Если он думает, что своими поверхностными намеками выведет меня из себя, то у короля не самый умный капитан.

— Какая досада, — улыбаюсь я, глядя ему прямо в глаза. — Тогда, должно быть, мне придется самой позже навестить принца в его покоях, чтобы узнать, что именно его задержало.

Скилар раздражается громким смехом, а Эйдан, слегка изменившись в лице, приподнимает бровь.

— Она тебя уделала, Эйдан! — кричит он, — да и что ты удивляешься? Все знают, что каждая Искупительница только и ждет повода, чтобы броситься к принцу в постель.

— У некоторых из нас есть самоуважение.

К нам подходит Давина — светлые волосы собраны в пучок, а черный костюм смотрится на ней на редкость хорошо. Я замечаю, как несколько Искупительниц оценивают ее глазами и завистливо фыркают.

— Ну да, — ухмыляется Скилар, — а разве не ты несколькими днями ранее пыталась ублажить принца прямо в королевской зале Солнечного города?

Лицо Давины вспыхивает и она, заикаясь, отнекивается под нашими пристальными взглядами.

— Вовсе нет! И с чего ты такое взял?

— У этих стен есть уши, красотка.

Она испуганно смотрит на Эйдана, а затем пристыженно отводит глаза.

— Это не твое дело, Скилар.

— Да ладно тебе, не дуйся. Об этом и так уже всем известно.

Давина бросает на него уничтожающий взгляд и отходит от нас в сторону. Я старательно сдерживаю рвущуюся наружу улыбку и принимаюсь оглядываться по сторонам. Другая группа направляется в таинственную комнату тренировок, но Эйдан загораживает мне вид.

Он требовательно смотрит на меня темными, как сумрачная поверхность моря глазами, и ровным тоном произносит:

— Эланис, самое время вам отправляться к принцессе. Она уже ждет. Я провожу.

— А можно Давина меня проводит? — невинно улыбнувшись, интересуюсь я.

Он долго смотрит на меня, как будто пытается прочитать обратную сторону моей души, затем сдаётся и кивает.

— А почему не я? — возмущенно вопит Скилар, пока я удаляюсь от него. — Я бы тебя проводил!

— В другой раз, Скилар! — улыбнувшись, машу ему рукой я, — а если не будешь дуться, то в следующий раз я тебя поцелую!

Он издает победный клич, чем зарабатывает хороший подзатыльник от Эйдана.

Мой расчет был прост: в данную секунду Давина ни на чьей стороне. Она обижена на принца, а значит и на королевскую семью, а еще и на весь Солнечный город за то, что они в курсе ее интрижек. Обиженная девушка — лучший источник информации, вот уж это я знаю не понаслышке.

Я не надеялась, что она все расскажет незнакомке. Мне лишь хотелось, чтобы в моем лице она нашла поддержку, с которой можно было бы разделить свое горе. И сведения. Ведь, в конце концов, на данный момент я — единственный человек, у которого может хватить духу ей помочь.

— Эй, Давина.

Она стоит ко мне спиной, обняв себя руками. Услышав о моем приближении, она вздыхает.

— Что такое?

— Ты в порядке?

Давина поворачивается ко мне лицом и поправляет светлую прядь, вьющуюся у основания головы.

— Да. А с чего бы мне быть не в порядке?

Я несколько секунд медлю, а затем начинаю осторожно подбирать слова:

— Слушай, принц может быть очень убедителен. В этом нет твоей вины. Тебя незаслуженно бранят.

Она усмехается, недоверчиво поглядывая на меня.

— А с чего бы тебе защищать меня?

— Просто...люди не всегда такие, как о них говорят.

Давина снова обхватывает себя руками, и мы прижимаемся к углу. Отсюда открывается

хороший обзор на пять дверей, ведущих из помещения, а еще — на каждого Искупителя, который сейчас слоняется по залу без дела.

— Что ж, я — такая. Тебе стало легче?

Я молчу, потому что не знаю, как реагировать на такой поток нелюбви к себе, и она вздыхает:

— Слушай, Эланис, ты не понимаешь. Не думаю, что вообще кто-то понимает, каково одинокой девушке, ставшей заложницей дворца. Мне нужны деньги, чтобы прокормить свою семью, а иначе...они умрут от голода. Единственная возможность — хороший брак.

— Погоди, разве твоим родителям не заплатили, когда тебя продали?

— Они меня не продавали, — проговорила Давина, глядя в сторону. — Я сама ушла. У нас не было ни гроша за душой, а у меня несколько младших сестер и братьев.

— Почему же их тоже не забрали?

— Они не обладают моим даром. Судя по всему, я — единственная Искупительница в нашей семье. Способности перешли ко мне от моей бабушки. К сожалению, никто до конца не знает, как именно работает наша магия. Это же не просто какая-то игра в генетику. Это... благословение.

Ну да, с этим я трижды готова поспорить.

Давина собирается с мыслями и продолжает:

— Когда моим родителям предложили стандартный контракт, они отказались. Я ушла по своей воле, поэтому их не стали просвещать, но отказали в деньгах. В общем, им сейчас куда тяжелее, чем мне, а я даже помочь толком не могу. Я думала, работа Искупительницей поможет мне выплатить хоть часть наших долгов, но мне ничего не платят. Так, десяток весенцев в год, но этого недостаточно. Вот мне и приходится делать все, чтобы они как-то жили.

— Но разве принц не посочувствовал бы тебе, если бы узнал? Разве принцесса Эсмеральда не стала бы...

— Принц? Принцесса? — невесело хмыкнула Давина. — Очнись, Эланис. У них нет доступа к казне, их собственные деньги тщательно курируются. Единственный, кто может помочь мне — это король, но ему нет дела до тех, кто отказывается от контрактов. Он скажет, что родителям уже предлагали сделку, а этого вполне достаточно. Я знаю, что выйти замуж за принца нет шансов — он уже помолвлен с Кристиной Кравер. Я не подхожу для политического союза. Но у меня была надежда, что если я угожу ему, то он повлияет на отца. Все же, королю Тристану не чужды родственные чувства. У меня все равно нет других вариантов.

Я молчу, и Давина приглядывается ко мне, понимающе кивая головой:

— Но, кажется, ты оказалась в другой ситуации. Тебя продали, да?

— Так все говорят, — вздыхаю я, — но я не верю ни единому слову.

Давина пожимает плечами.

— Что ж, понимаю. Такое тяжело принять — особенно, когда ты молода.

И тут я замечаю то, что до этого ускользало от моего внимания. Все присутствующие Искупители действительно очень молоды — тут есть ребята, которым едва лет пятнадцать, а самым старшим не больше двадцати пяти. Единственная взрослая Искупительница, которую я видела — это Нора, но, судя по ее словам, она выросла во дворце. Это вызывает у меня недоумение.

— Но зачем им забирать именно детей?

— Дар детей еще только развивается, — пожимает плечами Давина. — Их легче обучать.

— То есть легче управлять ими.

— Эланис, хватит уже повсюду видеть заговоры. Seriously, не одна ты их видишь, но это бессмысленно. Да, мы — действительно оружие, но ты думаешь, королю не хотелось бы иметь преимущество после Слепой войны, когда нам даже армию иметь не позволено? Мы живем не в самое мирное время, а дар Искупителей — это гарантия.

— Ты не можешь быть такой наивной, Давина. И ты веришь, что король обучает и кормит нас только, чтобы иметь запасной план? — хмыкнув, отвечаю я. — Я уверена, что мы — это уже наступление. И когда я в этом убежусь, у меня будет шанс переубедить вас и вернуться к своим родителям.

Давина смотрит на меня с жалостью:

— Эланис, я знаю, что тебе трудно осознать, что близкие люди могли пойти на такое. Но... деньги способны на страшные вещи. Не все выбирают подчинение и вековую службу, когда могут получить безбедное существование и спокойствие.

Во мне закипает гнев. Я сжимаю кулаки и приближаюсь к ней вплотную:

— Ты не знаешь моих родителей, а король пока еще ничем не заслужил моего доверия. Я не поверю ни одному его слову, пока не услышу все это от них. И если чтобы доказать тебе правдивость моих слов мне нужно добыть доказательства, что король не так чист, ладно.

Давина вздыхает и поднимает руки в знак поражения:

— Делай, что хочешь. Я просто хотела помочь. Все это очень плохо для тебя кончится, Эланис, и, если ты действительно желаешь добра своим родителям — оставь их в покое. А еще, постарайся сносить голову на плечах. У короля, возможно, нет власти над твоей душой, но он все еще способен за секунду лишить тебя тела. Решать тебе.

Давина не понимает. Это не дело чести, долга или справедливости. У меня просто нет другого выбора. Если я хочу получить свободу, выбраться отсюда живой и найти своих родителей, мне надо переманить Искупителей на свою сторону. А для этого мне нужно узнать, зачем королю возвращать магию, способную его погубить.

Глава восьмая

Селеста

Жертва не означает ни безвозвратного отчуждения чего-то своего, ни искупления. Прежде всего это действие. Это отдача себя сущности, от которой ты считаешь себя неотделимым.

Антуан де Сент-Экзюпери. Военный лётчик

Моя мама — это отличный пример человека, оказавшегося в тюрьме у короны. Сюда же можно было бы причислить мою сестру, отца, да и всю нашу семью, но ни у кого это не проявлялось так ярко, как у моей матери. Элизабет Бишоп не принадлежала к могущественному роду Лакнеса, а стала лишь частью политической игры, способствующей усилению союза между регионами. Я видела, как трудно приходится маме доказывать свою преданность чужому народу. Она сама сделала из себя идеальную королеву — ее любили все, начиная со служанок и заканчивая моим отцом. Но хоть всем и казалось, что она счастлива, я знала, что это не так. Она скучала по райским пляжам Бишопа, по своей родне, по своим старым поданным, которые обожали ее куда больше жителей Лакнеса, если такое вообще возможно. У моей мамы никогда не было права выбора, как и у каждого из нас. И если отцу повезло, и он действительно полюбил ее до безумия (хотя мою маму сложно было не полюбить), то вряд ли она оказалась так же удачлива. Думаю, в конце концов, она просто приняла свое бремя и сделала из себя самую лучшую правительницу из всех существовавших. Эсмеральда напоминала маму куда больше, чем мы с Адрианом, пусть надежды на удачный брак и возлагали именно на нас.

Но, к сожалению, мамин пример возымел обратный эффект, ведь именно мне приходилось видеть грустные огоньки в ее глазах после показушных улыбок, и замечать, как она устало вынимает шпильки из прически после очередного приема. Я поняла только одно: я никогда не хочу притворяться, что мне нравится престол и навязанный мне родителями муж. Я не была такой сильной, как мама и сестра, чтобы отказаться от свободы во имя долга. Возможно, я просто не умела поступать правильно.

Я сидела в комнате для тренировок, ожидая первого урока с Эланис. Я совершенно не горела желанием заниматься с кем-либо сегодня, но меня уговорил Эйдан под предлогом, что "она подает большие надежды". Я не смогла отказать капитану и очень надеялась, что его планка не упала за последнее время. Она задерживалась, поэтому я стала вспоминать события предыдущей ночи. Накануне у меня не было никакого желания идти на бал и встречаться с принцем Габриэлем. Я его особо не знала, но сам факт того, что он был навязан мне помимо моей воли, заставлял меня кривиться.

Я непростительно задерживалась, но меня это не волновало. Я просидела перед зеркалом около часа, перебирая волосы и поглядывая на часы, усмехаясь тому, какой переполох, должно быть, устроила. Вот сейчас советники суеются и заявляют послам, что я жутко занята и опаздываю именно поэтому. Пусть эти напыщенные индюки, которые пришли шпионить за нами, понервничают.

После десятого стука в дверь и очередного слуги, которого я прогнала под предлогом, что не одета, раздался робкий голос:

— Можно войти?

— О, мама! Да, конечно.

Разумеется, мама знала, что отец не подпускает меня и близко к политике, поэтому занята я могу быть разве что изготовлением лука. Эта мысль заставила меня схватиться за шпильки и начать в срочном порядке выстраивать из них аккуратную композицию на голове. Мама, одетая в нарядное золотое платье и корону, со смехом наблюдала за мной.

— Что, стараешься всеми силами улизнуть? — улыбнулась она, подходя ближе, чтобы поправить мои локоны.

— Ты же знаешь, какая я горячая поклонница шпионов из Стейси, — хмыкнула я ответ.

— Солнышко, они — члены парламента, а не шпионы. Наши представители так же ездят к ним несколько раз в год, чтобы удостовериться, что все решения принимаются на благо процветания королевства, а не одного региона. Твоя сестра — наш посол мира.

— Ну, думаю, ты весьма разочарована, что я не такая, — вздохнула я.

Мамино лицо, тронутое едва заметными морщинами, озарила очередная улыбка. Она повернула к себе мою голову и посмотрела в глаза.

— Я счастлива, что ты такая, какая есть, Селеста. Смелая, умная, сообразительная и находчивая. Кому какое дело, что ты не любишь ходить в вычурных платьях и обладаешь своими представлениями о том, что лучше для народа? Однажды ты станешь великой правительницей.

Я вздыхаю, отводя глаза. Мама и понятия не имеет, какие у меня представления о том, что лучше для народа. Я бы соврала, если бы сказала, что они вообще у меня есть. Все, чем я занималась в последнее время — это совершала ошибки, за которые всегда платил кто-то другой. Мне хотелось бы, чтобы она мною гордилась, но день за днем я доказывала самой себе, что из меня никогда не выйдет истинной королевы.

— Я не могу, мам. Мне не нравится Габриэль, не нравится сама идея власти... мне даже Лакнес не очень нравится. Мне кажется, что я не подхожу всему этому. Ни этому морю, ни этим уличным забавам, ни балам. Я просто... другая.

— Послушай, милая, возможно, если бы ты дала окружающему миру шанс, он смог бы удивить тебя. Габриэль — прекрасный, честный и мудрый молодой человек, который будет тебя сдерживать.

В последний раз, когда мы встречались, он показался мне скучным и поверхностным. Это вполне способствовало идее Адриана о том, что Габриэль пылко в меня влюблен, потому что только у кого-то вроде него могла возникнуть идея о навязчивых чувствах после нескольких коротких свиданий.

Мама взяла со стола ожерелье из драгоценных камней и приложила его к моей шее.

— Тебя много чего ждет, моя хорошая. Тебе придется стать не просто королевой, а еще и Просветительницей. Ты должна будешь совершать казни и поступать так, как правильно. К сожалению, такова твоя судьба. Ты была рождена для великих целей — гораздо больших, чем многие из людей.

— Мама, я умею драться, а не становиться кумиром всех, как ты.

— Тебе придется научиться, Селеста, — проговорила она, застегивая ожерелье на моей шее, — научиться нравиться, научиться покорять. Тебе надо заставить их полюбить себя.

— Мне все равно, что обо мне думают. У меня есть лук и дар Просвещения — этого вполне достаточно, чтобы поставить людей на колени.

— Страх — это еще не все. Не абсолютная мера. Она, разумеется, приведет тебя к определенному числу приспешников, но количество бунтов против тебя будет непреодолимым. Тебе должно хватить мудрости править так, чтобы тебе поклонялись из

любви, а не из ненависти. Ты еще очень молода. Ты поймешь, и ты научишься. Но пока, — она наклоняется ближе и смотрит мне в глаза, — пока я хочу, чтобы ты развлекалась. Ходила на балы, заводила друзей, относилась к жизни легкомысленно. Ты еще успеешь убить достаточно людей.

Ее слова заставляют меня вздрогнуть — я всегда весьма агрессивно относилась к нашей внутренней политике, но мне никогда не хотелось никого убивать.

А, возможно, я просто себя обманываю.

Несколько лет назад, когда мне едва исполнилось пятнадцать лет, моя магия вышла из-под контроля. Мы играли с моей служанкой в саду, и я случайно просветила ее. Я с трудом могла бы вспомнить, как именно это случилось: я подняла руку, чтобы позвать ее и почувствовала, как каждая пустота в моем теле заполняется силой. Уже через секунду она сидела на коленях и смотрела на меня преданными глазами. Когда родители узнали об этом, они побледнели и строго приказали мне никому об этом не рассказывать. Позже я стала замечать, что эта служанка куда-то исчезла, а на все мои вопросы поданные тупили взоры и отделялись различными оправданиями. Через несколько месяцев я узнала от отца, что ее убили, чтобы не накликать беду на королевскую чету и не поставить наш авторитет под сомнение перед другими регионами.

— Селеста, если бы кто-то узнал, — бормотал отец, глядя в мои глаза, — что ты нестабильна, что ты так легко можешь выйти из-под контроля...тебя могли бы взять под стражу, сказать, что ты представляешь угрозу для королевства. Войну никто не забыл.

Я не могла принять это объяснение. Наверное, как только я услышала эти слова от отца, мне действительно захотелось выйти из-под контроля. Я начала просвещать людей за мельчайшие поступки без следствия, и Эсмеральде приходилось разбираться с моими проблемами. Думаю, я сознательно хотела накликать на нас беду под лозунгом "Ну что, убьете их всех?". Мне претили лицемерные идеи отца и вообще королевский строй, где страх за себя ставится выше пресловутой справедливости и жизни других. Именно поэтому меня удивляло, почему все грозно кричат на меня, когда я поступаю точно так же. Как по мне, лучше обладать абсолютной властью и не врать на этот счет, чем приторно лебезить перед регионами.

Может, Эсмеральда права и все это действительно просто большая истерика. Глупый переходный возраст и мои слабые попытки бросить родителям вызов, потому что я обижена на них, потому что я сознательно хочу отомстить им. Возможно, дело даже не в моей погибшей подруге, а в том, что меня никто никогда ни во что не ставил, а я была всего лишь генетическим недоразумением. Я выбрала быть сильной и превратить Просвещение из проклятия в дар, заставив его служить мне и вершить мое возмездие. Эсмеральда и мама не поняли бы этой стороны монеты, но тогда все это казалось мне справедливым. В шестнадцать лет я считала, что только я знаю, как поступить правильно. Оказывается, у моих ошибок слишком долгое эхо.

Габриэль входит без стука, что заставляет меня без удовольствия отметить, что он уже чувствует себя, как дома. Я плохо знала Габриэля, но у него было одно неоспоримое достоинство: он мог помочь мне сбежать. Порой, проезжая на жеребце по улицам Лакнеса или отправляясь на охоту с Адрианом, я только и мечтать могла о том дне, когда окажусь где-то в другом месте. Стейси представлялся мне бесконечной поляной свободы. Конечно, я буду навещать свою семью, но я никогда не чувствовала особой привязанности к Лакнесу. Мне всегда казалось, что я должна быть где-то еще.

— Принцесса, — произносит он, низко поклонившись.

Мама уже ушла, оставив нас наедине. Я склоняюсь в вынужденном реверансе, пока он обводит меня восхищенным взглядом.

— Вы выглядите...

— Габриэль, заходить в покои принцессы — дурной тон.

— Только если она не ваша будущая супруга, — возражает он.

— Даже в этом случае.

Я пытаюсь отвернуться, но он приближается ко мне и хватается за локоть. Его взволнованное лицо находится так близко, что я вижу каждую крапинку в его серых глазах.

— Неужели я ничуть не мил вам, Селеста?

Я вздыхаю, стараясь соблюдать почтительное расстояние между нами. Может быть, ему уже хватит думать обо мне, как о разнеженной барышне.

— Я не знаю, что это значит. Я оцениваю достоинства мужчины по его поступкам и качествам характера. Я не слишком сентиментальна.

Габриэль выпрямляется и смотрит на меня, усмехаясь, что очень меня напрягает.

— Ну, уж это я заметил, ваше высочество. Но неужели вы еще не усмотрели ни единого качества характера, за который стоило бы меня полюбить?

— Габриэль, это пошло, — морщусь я.

— Что — пошло?

— Выпрашивать любовь.

— Я не выпрашиваю любовь, — он кладет ладони на мой столик и суровеет, — я знаю, что у вас нет выбора, Селеста. Так же, как его нет и у меня. Но мне бы хотелось, чтобы вы не испытывали отвращения, находясь со мной. Чтобы вы хотя бы уважали меня, как человека, если я не достоин вашей любви.

Я все еще не сентиментальна, но его слова заставляют меня смягчиться.

— Габриэль, я слишком плохо вас знаю. В моем случае любовь скорее может появиться из дружбы и взаимной привязанности, а не из того из чего... — я делаю вздох, — из чего, вынуждена предположить, она появилась у вас.

Габриэль выпрямляется, потирая мужественный подбородок, и насмешливо поглядывает на меня.

— Вы думаете, я уже влюблен?

— Я этого не говорила, но ваши действия... скажем, я сделала выводы.

— Что ж... А что, если и так? Может быть, мне повезло больше вас. Мне повезло встретить прекрасную юную женщину, которая смела и говорит то, что думает, и у которой нет ни малейшей причины тут же не вскружить мне голову.

Он прикасается ко мне, и я вздрагиваю. Я мало что понимаю в любви — у меня нет патриотических чувств к своему региону, и я никогда не испытывала трепета при взгляде на симпатичного портного, как делала каждая подружка, которая когда-либо была у меня во дворце. Хотя, надо признать, даже друзей у меня особо не водилось после случая со служанкой. В конце концов, я просто смирилась с тем, что я — одиночка — и это устраивало меня. Я ни с кем не могла разделить ношу своего дара или хотя бы место в клетке, называемой тронем. И с самого детства меня приучили не надеяться на любовь, а заставлять других ее почувствовать — что тоже мне особо не удавалось. Может быть, я всегда считала, что одиночество слилось с моей кровью и стало горячей печатью на коже, уничтожая ту, кем я могла бы быть.

— Скажи, — задумчиво помолчав, пробормотала я, — какой он? Стейси?

Габриэль, ожидавший от меня ответа на свою тираду, теряется и застывает на секунду, все еще дотрагиваясь до моей руки.

— Там много гор, — наконец прочистив горло, говорит он. — Он обдувается всеми ветрами, а еще там полно лесов и равнин. В Лакнесе чувствуешь себя, как дома, а в Стейси... чувствуешь себя свободным.

Свобода...то, чего мне так не хватало. Я закрываю глаза и ощущаю на своей коже ласковый шепот ветра и обжигающий холод, заставляющий меня почувствовать себя живой. И впервые я не думаю о браке, как об еще одной клетке. Впервые я чувствую, что, возможно, Габриэль сможет стать моим союзником.

Дверь неслышно открывается, и я вздрагиваю, одергиваю полы темного плаща. Впереди идет Давина, а за ней следует рыжая девушка в черном облачении с самым растерянным выражением лица. Обе они склоняются предо мной в реверансе.

— Здравствуйте. Чем быстрее мы начнем, тем быстрее я смогу...

Прежде, чем кто-либо успел сказать что-то еще, в зал ворвался Эйдан. Когда он на меня посмотрел, все в моей душе перевернулось — капитан был взволнован, а это никогда еще не было хорошим знаком. Он осторожно оттолкнул оторопевших девушек в сторону и протянул мне руку.

— Принцесса, вы сейчас же должны пройти со мной.

Мое сердце бьется так быстро, что я отчетливо слышу его шум в ушах.

— Что произошло?

Он оглядывается на девушек, но по моему лицу понимает, что объяснения нужно дать прямо сейчас. Вздохнув, он тихо произносит:

— Ваша сестра была на мирной миссии в Стейси. Она сопровождала послов и принца Габриэля обратно в регион, чтобы обсудить ваш предстоящий брак и наше сотрудничество... на них напали, когда они пересекали границу. Возможно, кто-то из остатков горных племен. Нарушители были убиты при захвате...

Я хватаюсь за руку Эйдана, чтобы не упасть. Мое сердце звучит оглушительно громко.

— Что с моей сестрой? Где она?

— Она в порядке, — сглотнув, ответил Эйдан. — Ее только что доставили во дворец Спасителей, и она почти невредима.

— А Габриэль?

— Он ранен. На них напали, когда они остановились переночевать у границы — целью была принцесса Эсмеральда. Он бросился защищать ее, и один из преступников оставил ему рваную рану мечом на плече. Но не беспокойтесь, наши лекари делают все возможное и его жизнь вне опасности.

Я чуть расслабляюсь, и мое сердцебиение понемногу успокаивается.

— Он тоже здесь?

— Да. Он настоял, чтобы принцессу привезли домой первой. Они оба в больничном крыле.

Я срываюсь с места, оглябая девушек, которые испуганно смотрят мне вслед, и пробегаю мимо недоумевающих Искупителей. Судя по всему, Оракул уже осведомили, потому что ее нигде не видно. Я оставляю за спиной мрачные катакомбы, пробегаю через копию дворцового зала и преодолеваю двести ступенек, ведущих наверх, за несколько секунд. Покинув Солнечный город, я мчусь по освещенным дневным светом коридорам —

больничное крыло находится в восточной части дворца. Достигнув нужной комнаты, я рывком открываю дверь и врываюсь внутрь.

— Селеста, потише, — угрожающе шипит на меня мама.

Внутри спуют лекари и их ассистентки с таким количеством бинтов и различных пробирок, что мне становится плохо. Я сомневаюсь, что капитан врал члену королевской семьи, но он вполне мог преуменьшить размер опасности.

Две кровати заняты — на одной лежит Габриэль с повязкой на плече. Без величественного облачения он кажется мне совсем молодым, а его серые глаза, направленные на меня, сияют юным задором. Рядом лежит моя сестра — ее запястье перевязано, а красивое лицо и шею украшают несколько царапин, но, в целом, она действительно в порядке. Возле них собралась вся королевская семья и несколько представителей различных регионов, в том числе — послы из Стейси.

— Было бы странно, если бы она не устроила переворот, — улыбнулась Эсмеральда, поглядывая на меня.

— Во имя создания, ты в порядке? — я подбежала и дотронулась до ее пальцев.

— Да, дорогая, ничего страшного.

Я поймала себя на том, что сжимаю пальцы сестры так сильно, как будто она сейчас пропадет в мгновение ока. Я никогда не думала, что кто-то может ненавидеть Эсмеральду, но, как правило, добрым людям всегда причиняют самую сильную боль.

— Что произошло?

Адриан стоял рядом, подпирая стену плечом.

— Судя по всему, несколько экстремистов решили отомстить за последствия Слепой войны, — проговорил он. — На ком еще лучше выместить свою злость, как не на принцессе?

— Столько лет прошло, а они никак не могут нам этого простить, — хрипло пробормотал отец, поднимая глаза к небу. Он сидел возле постели Эсмеральды и дрожащими руками сжимал ее простынь.

Что ж, это вынудит отца принять еще больше мер в отношении собственной безопасности. Я вздыхаю, глядя на Эсмеральду:

— Будь там я и мой лук, то мы выбили бы из них все желание когда-нибудь еще произносить твое имя.

Эсмеральда хмыкает и поворачивает голову к Габриэлю, улыбаясь.

— Зато принц оказался рядом.

Он улыбается в ответ, но более сдержанно. Я подхожу к нему и осторожно касаюсь его плеча, пробегая пальцами до запястья. Все это время он внимательно следит за мной глазами, не произнося ни слова.

— Что ж, принц, — усмехаюсь я сквозь слезы, — рановато вы решили начать доказывать свою преданность Лакнесу. Я же еще не согласилась быть вашей навек.

Он смотрит на меня без улыбки.

— Селеста, я сделал бы это ради кого угодно.

Я знала. Теперь я это знала. Я смотрела на Габриэля и понимала, что не испытываю ничего из того, о чем пишут в романах, которые я украдкой читала, когда все выходило из библиотеки. У меня не было дрожи в коленках, романтического кружения головы, мои слова не путались, а разум оставался ясным. Но впервые глядя ему в глаза, на секунду я поняла, что смогу гордиться своим будущим мужем. Возможно, уважение — это вовсе не то, что завоевываешь за секунду. Вполне вероятно, заслуживать его надо каждый день все новым и

новым поступком, но порой одна ситуация меняет все. Сегодня Габриэль спас самого дорогого человека мне на свете. Я сколько угодно могу говорить, что мы с Эсмеральдой разные, а ругаться с ней я готова вечность, но никто и никогда не был мне более предан, чем она.

Я должна отплатить такой же преданностью и поступить так, как правильно, из любви к моей семье. Иногда нужно уметь жертвовать всем.

Я провожу костяшками пальцев по его щеке и улыбаюсь.

— Спасибо вам, мой принц.

Глава девятая

Эланис

Слезы — это та жидкость, которая выливается почему-то из глаз, когда выжимают твою душу.

Виктория Штефан

Переполох, вызванный известием о нападении на принцессу, подарил мне шанс незаметно улизнуть из комнаты тренировок. Оракул и Эйдан куда-то исчезли, а Давина бросилась вслед за капитаном и тоже бесследно пропала. Когда я проходила мимо Искупителей, то слышала обрывки разговоров, которые лишь повторяли то, что я уже знала.

Воспользовавшись случаем, я незаметно пробежала через комнату, где впервые беседовала с Оракул, и отправилась исследовать катакомбы Солнечного города. Из-за плохого освещения и изрядного количества поворотов здесь было легко заблудиться, поэтому по мере продвижения я составляла мысленную карту в голове. Нам с родителями часто приходилось отправляться в различные регионы, чтобы повидать родственников или добыть какую-нибудь незаурядную вещицу, поэтому я с детства научилась запоминать дороги и находить подсказки в самых обыденных местах. Сейчас я занималась именно этим. У меня было подозрение, что Солнечный город хранит куда больше тайн, чем мне говорят — наверняка, они не выставлены на всеобщее обозрение, но если провести здесь достаточно времени, то появится шанс наткнуться хоть на что-то.

Я бродила по катакомбам, ощупывая стены и полы в поисках хотя бы единой зацепки. Я выдохлась через несколько часов, но чувствовала, что не обошла и малой доли катакомб. Если здесь и есть подсказки об истинной цели Искупительниц, то они точно не спрятаны в этом месте.

Возможно, у меня паранойя. Нет, точнее, у меня абсолютно точно паранойя, но может быть Искупительницы — ее часть, и король действительно просто боится за свою жизнь. Но все мое нутро подсказывало мне, что нет ничего нормального в той ситуации, которая со мной произошла, и здесь было скрыто что-то гораздо большее.

— Погодите-ка...

Я стояла в одном из узких коридоров, с двух сторон окруженных лестницами. Здесь было сравнительно светлее, чем в других частях города, которые я уже успела обследовать. Присев, я осмотрела масляную лампу — масло в ней сгорело наполовину, то время, как в других местах все лампы были до краев наполнены свежим маслом. Было еще несколько мест, где лампы едва освещали проходы. Возможно, в этом не было никакого смысла и служанки просто халатно относились к своей работе, но все проходы, по которым я шла, находились в логически выстроенном порядке. Нет никакого объяснения, почему лампа здесь горит менее ярко, чем в предыдущих коридорах. Передо мной была крутая лестница — возможно, она ведет к верхнему ярусу замка? Но все равно, почему служанка не удостоверилась, что все лампы ярко горят?

В этом наверняка был какой-то порядок. Папа всегда говорил, что лампы — удивительная вещь. Они освещают общую картину и в то же время скрывают мелочи, в которых и содержится вся правда.

Раздался вкрадчивый шорох, и я вздрогнула, прислонившись к стене. Кто-то поднимался по ступенькам. Задержав дыхание, я взяла в руки лампу — не представляю, как буду ею

обороняться, но главное во всем — оригинальный подход. Шаги становились ближе, а мое сердце ухнуло куда-то вниз.

Высокая угрожающая тень внизу лестницы приняла очертания мужчины в черном костюме. Увидев меня, Эйдан остановился и вперил в меня тяжелый взгляд.

— Эланис, что вы тут делаете?

Облегченно вздохнув, я поставила лампу на пол и неловко улыбнулась.

— Решила прогуляться.

— Прогуляться? По Солнечному городу?

— Что, звучит, как плохая идея?

Он на секунду закрыл глаза, как будто отчаянно пытался сохранить самообладание.

— Черт возьми, в последнее время все, что с вами связано звучит, как очень плохая идея. Сейчас же возвращайтесь в зал для тренировок и ждите, пока вам скажут, что делать.

— Ваши приказы действуют на членов Элитного отряда, капитан. Я — Искупительница. И вы не имеете никакого права запрещать мне гулять по дворцу.

Я собиралась обогнуть его, но Эйдан полностью заслонял собой узкую лестницу, ведущую наверх.

— Что ж, раз вы проводите время за прогулками, то наверняка уже многому научились. Удивите меня чем-нибудь. Или ваши способности не заходят дальше попытки обороняться лампой?

— Я не шут, чтобы вас удивлять, — приподняв бровь, отозвалась я.

Неожиданно, Эйдан поднял правую руку и пригвоздил меня к стене одним резким рывком. Разом из легких вышел весь воздух, и я застонала от боли, пронзившей спину. Он приблизил свое лицо почти вплотную к моему, с интересом разглядывая меня.

— Что за... — невнятно прохрипела я.

— Я не пытаюсь играть в плохого парня, Эланис, — проговорил он, твердо глядя мне в глаза, — я лишь хочу показать вам, что тренироваться вам стоит вовсе не ради моей прихоти, а ради собственной безопасности. Во дворце хватает людей, которым ваше присутствие здесь вовсе не на руку. Это не угроза, а совет. Научитесь защищаться и научитесь контролировать свой страх.

Он оторвался от меня, и я схватилась за стену, хватая ртом воздух. Легкие жгло, но я практически ничего не замечала: перед глазами стояло серьезное лицо Эйдана.

— Так научи меня... — сквозь зубы сказала я. — Я знаю, ты можешь. Научи меня сражаться.

Капитан смерил меня взглядом и усмехнулся.

— Я не тренируюсь с беспомощными женщинами.

— Я не прошу тебя тренироваться со мной. Обучи меня.

— Это одно и то же.

— Так что, вся твоя бравада здесь была обычным позерством? Хотел поставить меня на место, а сам и предложить ничего не способен? — в моем голосе проскальзывала злость, но она не производила на капитана ни малейшего впечатление.

Эйдан вздохнул, слегка приподняв брови.

— Я не дерусь с учениками. А вы даже учеником считаться не можете. Но зато с вами могут тренироваться другие Искупители. Умейте начинать с малого, Эланис.

Он прислонился к стене и насмешливо посмотрел на меня.

— Может, ваша главная проблема в том, что вы ищете ответы на все и сразу. Вы хотите

знать все прямо в эту секунду, но упускаете множество мелочей, без которых не в силах сложить полноценной картины. Вы никогда не найдете ни одной разгадки, если будете решать самые сложные задачи, не поняв даже принципа их решения.

Я настороженно всмотрелась в его лицо. На что это он намекает? Неужели Эйдану что-то известно и он пытается сказать мне, что я иду в правильном направлении? Возможно, капитан только что подкинул мне подсказку.

По моему выражению он явно понял, что я превратно восприняла его слова и поспешно добавил:

— Я не обещаю, что вы вообще найдете ответы. Я даже не знаю, в действительности ли вопросы, которые вы себе задаете, не преувеличены. Но если бы я сам пытался что-то узнать, то начинал бы с мелочей.

Он подошел к лестнице, ведущей в Солнечный город, чтобы уйти, но я остановила его вопросом:

— Почему вас приставили присматривать за мной, капитан?

— Возможно, вы — птица важного полета, — хмыкнул Эйдан.

— Так вы не в курсе?

Он повернулся ко мне лицом и насмешливо посмотрел прямо в глаза.

— Вы же и сами знаете ответ. Вы слишком хлопотная, Эланис. За вами нужно приглядывать.

Слишком хлопотная. Ну да, разумеется. Неужели принц уже донес на меня королю?

— Или вы ожидали услышать, что вы мне понравились?

Его вопрос застал меня врасплох, и я на секунду смутилась.

— Нет, капитан. Я просто решила начать с малого. Тем более, у меня есть глаза, и я прекрасно заметила ваши отношения с Давиной.

В полумраке коридора я с трудом разглядела его дернувшиеся губы, и на секунду мне показалось, что это была улыбка.

— Возвращайтесь в Солнечный город. У вас есть дела.

Последующие недели прошли в хлопотах о принцессе Эсмеральде и принце Габриэле — случай не предали огласке во избежание паники. Оракул все время проводила с королевской семьей, поэтому мое обучение на некоторое время передали в руки других Искупителей. Преимущественно, боем со мной занимался Скилар, но все заканчивалось несколькими ударами и моим сокрушительным поражением.

— Ну и боец с тебя, — смеялся он. — А я уж думал, хилые ручонки Евы никому не переплунуть.

В одном он был прав: боец из меня был никудышный. Я обладала изрядной долей воображения и могла использовать различные предметы, чтобы обороняться, но это не могло мне помочь, если я не знала, как работает мое тело. К его чести, Скилар терпеливо пытался научить меня, спокойно разъясняя:

— Смотри, я обхватил тебя сзади, сжав обе твои руки по бокам. Ты можешь много чего сделать, чтобы сбить меня с толку: во-первых, я лишаю свободы действий не только тебя, но и себя самого. Мои ноги крепко прижаты к земле, чтобы держать тебя, а еще я близко к тебе наклонен, а значит — уязвим. Ты можешь наступить мне на ступни и ударить ногой по коленям, или нанести удар головой в лицо. А еще ты можешь подвинуть бедра в сторону и ударить меня кулаком в пах, но этого я серьезно попрошу тебя не делать...

Я рефлекторно сдвинулась в сторону и прицелила кулак сжатой руки в пах, но Скилар

отпустил мою руку и перехватил кулак, заломив его. Я вскрикнула от пронзительной боли и попыталась наступить ему на ногу, но он дернул меня назад, заставив потерять равновесие и навалиться на него всем телом.

— Видишь, твоя проблема в том, что ты предсказуема. Не думай минуту перед тем, как что-то сделать. Делай.

Я дернула головой назад, чтобы ударить его в нос, но он ловко увернулся.

— А еще — никогда не пользуйся советами противника.

В общем, я доставила Скилару огромное удовольствие, состоящее из моего постоянного унижения. С естественными науками дела у меня шли лучше, но тут уже была проблема в учителях. Нора ворчливым тоном рассказывала о том, как пришли к власти Просветители, а потом вдруг проваливалась в сон посреди истории или заявляла, что смертельно устала. Ева не стремилась помочь, а только шипела, что ей "не до возни со мной". Давина куда-то запропастилась, что заставило Скилара хмыкнуть:

— Угадайте, кто сейчас демонстрирует принцу все прелести королевской жизни!

С остальными Искупителями я так толком и не познакомилась, хотя все они были примерно моего возраста и показались мне весьма говорливыми в первую нашу встречу. Парни проводили все время в Боевой комнате — как я ее окрестила — где находилось различного вида приспособление для тренировок. Девушки же в основном либо сидели за книгами, либо вообще не появлялись в Солнечном городе. На вопросы о том, чем же они тогда занимаются, Скилар пожимал плечами.

— Может, пробуют свои чары на графах или вынюхивают что-то для короля. Без Просветителей тренироваться нам весьма трудно, а без Оракул — и вовсе безнадежно.

Оказалось, что Оракул была старейшиной клана Искупителей. Никто не знал, откуда она родом, и каким образом оказалась во дворце. Непонятно было и откуда она знает столько о наших корнях, если Искупители в Лакнесе были обнаружены лишь после Слепой войны при неизвестных обстоятельствах. Ясно было лишь то, что она очень близка с королевской семьей.

Я не видела Эйдана с того дня, как мы столкнулись в катакомбах Солнечного города. Говорят, что он проводит все свое время на заданиях в других регионах. Насколько мне известно, он — Ищейка.

— Это специальные люди, которых королевские дома посылают в другие регионы, — закатив глаза, объясняла Ева. — Они сопровождают Просветителей раз в полгода, чтобы те проверили количество просвещенных. Региональные шпионы докладывают им о том, сколько потенциальных людей было просвещено, и они их проверяют. Если у членов королевской семьи возникают подозрения, они могут запросить соответствующие отчеты и увеличить срок пребывания в регионе. Но так обычно не делают, — зевнув, проговорила Ева. — Безразборочное увеличение Просвещенных — дело опасное, а после Слепой войны никому не хочется шутить с этим.

— И как же они их проверяют?

— Только Просветители способны почувствовать просвещенных. У них, вроде как, детектор есть. Не знаю, какое-то чувство свыше. В общем, они что-то ощущают и могут с ходу сказать, кто просвещен, а кто — нет.

Таким образом, мои знания о Просветителях пополнялись. Я уже слышала про Ищейек, но подробности мне были неизвестны. Удивительно, как мало на самом деле знаешь, проживая перед королевским дворцом, пусть тебе всегда и кажется, будто ты владеешь всей

информацией. Я никогда и не догадывалась о том, что на самом деле происходит внутри дворца Спасителей.

Адриан все время проводил с сестрой, но продолжал присылать мне ни к чему необязывающие подарки: коробку конфет, несколько свежесрезанных роз или миниатюрное колечко, которое я могла надеть разве что на мизинец. Возможно, так он пытался извиниться за то, что случилось на балу. Нора говорит, чтобы я не обольщалась и это все для того, чтобы у ненужных людей не возникло подозрений о моем пребывании здесь, но вряд ли кого-то на самом деле интересует, присылает мне принц конфеты или нет. Я не стала высказываться на тему того, что на самом деле думаю на этот счет.

Вечером после очередной тренировки со Скилар я зашла в свою комнату, но вместо милого сувенира, обнаружила там принца. Он сидел на моей кровати, задумчиво глядя в окно на темнеющие воды Лакнеса. Его светлые волосы были небрежно взлохмачены, а вместо дорого камзола на нем была обычная белая рубашка.

Я поклонилась, хотя не похоже было, что он вообще меня заметил.

— Ваше высочество, как самочувствие принцессы? — спросила я.

В народе любили принцессу Эсмеральду за ее стремление сделать нашу жизнь лучше, а мир — крепче. Мама говорила, что она хотела бы видеть королевой именно ее, а не наследного принца. При мысли о матери все внутри у меня сжалось. Боль впиалась в мою кожу, оставляя там рваные знаки, напоминающие о несовершенстве моего некогда идеального мира.

Адриан оставил мой вопрос без ответа, лишь слегка кивнув, что, видимо, должно было означать, что она в добром здравии.

Наконец, он повернул голову и с какой-то грустной усмешкой посмотрел на меня.

— Ты скучаешь, правда? По настоящему воздуху, по истинному шелесту ветра. По возможности в действительности посмотреть на море вблизи, а не просто... из клетки.

Я старательно пытаюсь скрыть свое удивление, но вряд ли у меня получается. Мне всегда казалось, что принц наслаждается жизнью во дворце — охота, прислуга, хорошая еда, роскошные комнаты и океан перспектив. У него было все, о чем обычные жители Лакнеса могли только мечтать, а он называет свое безбедное существование клеткой? Я подавляю ответную усмешку и тихо говорю:

— Я привыкла наслаждаться всем этим с моими родителями. Без них меня не особо вдохновляет мысль даже смотреть на море.

— Что ж, — вздохнул он, — а вот у меня никогда не было возможности всем этим насладиться. Когда я выходил на улицу меня сразу узнавали. Я пытался посидеть у причала, но все вокруг глазели на меня, а Хранители стояли прямо за спиной. Я ведь даже на охоту никогда не мог поехать без сопровождающих. Мне всегда не хватало одиночества.

На секунду я позволила себе воспользоваться нашей неожиданной близостью, чтобы сказать ему правду.

— Простите, принц, если мои слова прозвучат жестоко, но, возможно, вы правы. Простите, но, быть может, одиночество вам бы действительно не помешало, чтобы сблизиться со своим народом.

Он поднимает глаза к потолку, и, к моему удивлению, начинает размеренно смеяться. Я ожидала, что он вышвырнет меня из комнаты и сообщит, что я провалила очередную проверку, которую он устроил, но он меня удивил.

— Знакомая история. Так мне говорят все, — хмыкнул он. — Я прекрасно знаю о своей

репутации. До недавнего времени меня интересовала только охота и, признаюсь, я доставлял отцу немало хлопот.

Я подошла ближе и присела рядом, приглашая его продолжать.

— Я всегда знал... — он помолчал, но все же собрался с мыслями и произнес: — всегда знал, какой будет моя судьба. Я мог лишь гадать, с какой именно принцессой меня обручат, но это было неизбежно. В моем случае, любовь — непозволительная роскошь. Только не начинай плакать, — усмехнулся он, глядя на меня.

— Да нет, — я пожалала плечами. — Вы будете удивлены, принц, но любовь — это для всех непозволительная роскошь.

— Даже для обычных людей? А на вас-то какие наложены запреты?

— Наверное, только общественные, — вздохнула я. — Мы пытаемся найти более выгодную партию, чтобы у нас был хлеб. Впрочем, как и вы. Я думаю, что многие из нас... в конце концов просто смиряются с достойным и хорошим человеком. Мне говорили, что головокружительная любовь не подходит для быта.

Адриан замолчал, отвернув голову в сторону.

— Простите, — спохватилась я. — Мне вовсе не хотелось задеть ваши чувства. Вам, должно быть, до сих пор нелегко.

Он помолчал, затем поднял на меня глаза, которые вмиг потемнели:

— Эланис, я не хотел бы это обсуждать.

История любви Адриана Лакнеса и Аделии Нэнси была самой знаменитой и трагичной сказкой если не всей Ламантры, то нашего региона уж точно. Как только все узнали о нежных чувствах принца к обычной девушке, которую он встретил, отправляясь на рынок за яблоками, то уже приготовили платки. Всем было ясно, что их любовь обречена с самого начала — наследный принц с заранее подготовленной партией и простая девушка. Не знаю уж против ли воли отца или получив согласие, но Адриан стал проводить большое количество времени на улицах города. Теперь принца можно было встретить на пирсе или возле торговых горячим шоколадом, и неизменно рядом с ним была миловидная девушка и два суровых Хранителя. Идиллия кончилась, когда ночью грабитель пробрался в дом Аделии и убил ее вместе со всей семьей. Аделия не принадлежала к королевской семье, но траур принца эхом отозвался по всему Лакнесу. Многие дни люди ходили понурые, оплакивая любимую пару региона. Мне, как и всем, было жаль Аделию, но пусть их расставание и не должно было быть таким, оно было неизбежно.

— В общем, — наконец пробормотал он, — после того случая я изменился. Стал больше интересоваться политикой и управлением государством...но к народу меня больше не влекло.

— Мне действительно очень жаль, ваше высочество.

Я не знала, что еще сказать, чтобы уменьшить его боль, поэтому просто отвела глаза, вперив взгляд в шкаф.

— Ну да ладно, — Адриан качнул головой, улыбнувшись. — Я пришел вовсе не для того, чтобы мы оба со слезами на глазах убежали из комнаты. Вообще-то, я хотел извиниться за свое поведение на балу. Мне показалось, что я слишком сильно на тебя надавил.

— Я не в обиде.

— Поэтому я решил сделать тебе небольшой подарок.

Я удивленно приподняла брови и покачала головой:

— Кстати об этом... спасибо большое за все, что вы мне присылаете, но в этом правда

нет необходимости. Не вижу никакого смысла в том, чтобы тратить на меня столько времени и внимания, когда это никак не окупается.

— Но мне это приятно, — возразил принц. — Знаю, ты думаешь, что я преследую лишь одну цель, но мне действительно доставляет удовольствие изредка радовать тебя. Мне бы не хотелось, чтобы ты была несчастна во дворце.

— Простите, ваше высочество, но, полагаю, это неизбежно.

— Я понимаю, — не моргнув и глазом, ответил он. — Поэтому я попросил нескольких Хранителей завтра сопроводить тебя на прогулку в город. Ты сможешь отправиться к пристани или побродить по улицам. Думаю, тебе это пойдет на пользу.

Я в изумлении подняла на него глаза. Неужели принц отпускает меня на волю? Дает мне шанс скрыться? Должен быть, это ловушка. Адриан заметил мое замешательство и уклончиво заметил:

— Должен сказать, что ты не можешь...ты же понимаешь, Эланис, что ты не можешь видеться со своими родителями. Так было прописано в их контракте.

Ну конечно — едва ли он пошел бы против воли отца. Я прекрасно осознаю, что то, что дает мне сейчас принц — большее из того, что он вообще способен предложить. Я зажимаю рубиновое кольцо в ладони, представляя, как окажусь на знакомых улицах Лакнеса, где все напоминало мне о доме. Эта мысль переполняет мое сердце счастьем и неотделимой от него тоской.

— Спасибо вам, — тихо произношу я, — вы очень благородны, ваше высочество.

Адриан смотрит мне в глаза долгим взглядом, не улыбаясь, что наталкивает меня на мысль, будто он все-таки преследует какую-то свою цель во всем это. Но прежде, чем я успеваю хоть что-то понять по выражению его лица, он отводит взгляд и улыбается.

— Спасибо тебе, что выслушала. Мне редко удается обсудить что-то помимо дворцовых интриг и обязанностей с придворными. А порой...нам всем нужно с кем-то поговорить.

Он встает, чтобы удалиться, и я поднимаюсь вслед за ним, склоняясь в реверансе, который смотрелся весьма забавно в тренировочном костюме.

— Вы куда лучше, чем пытаетесь казаться, ваше высочество, — улыbnулась я.

— А твой язычок все еще дерзок, — ухмыльнулся Адриан.

Мы стояли и насмешливо смотрели друг на друга, и в какую-то минуту я почувствовала, будто нас что-то связало. Нечто большее, чем общие потери и жажда свободы, но я так и не смогла понять, что именно. И на короткое мгновение, почти граничащее с иллюзией, мне показалось, что это чувство было взаимным.

Лакнес сегодня невероятно нежен: морские волны игриво ласкают остроконечные скалы и флиртуют с равномерно покачивающимися кораблями. Торговки не выкрикивают по обычаю названия разных вкусок, а лениво машут жителям, зазывая их к себе. Занимался полдень, когда я вместе с двумя Хранителями, одетыми, как обычные жители — Дэшоном и Гэйбом — покинули дворец.

Уже около часа мы прогуливались по узким улочкам, рассматривая лавки, усыпанные вкусокостями. Гэйб постоянно зевал, а Дэшон молчаливой тенью следовал за мной повсюду, не произнося ни слова.

— Долго мы еще будем тут торчать? — вздыхал Гэйб.

Я постоянно уклончиво называла время отбытия и пожимала плечами всякий раз, когда мы его превышали. Я была благодарна принцу за его неожиданный широкий жест, и, разумеется, не хотела наклепать на него беду, но я понимала, что на данный момент эта

прогулка — мой единственный шанс. Если я хочу найти моих родителей, если хочу сбежать... надо делать это сегодня. Неизвестно, когда еще мне представится возможность покинуть стены моей тюрьмы. К тому же, чем больше времени я провожу во дворце Спасителей, тем больше неприятных обстоятельств может возникнуть. На данный момент меня больше всего заботили мои родители, а если я сблизусь слишком сильно с другими людьми, то мой побег может встать под большим знаком вопроса. Я осознавала, что если судьбы Скилар, Адриана, Давины, Норы, Эйдана и других станут слишком сильно меня волновать, то я не смогу просто уйти. К сожалению, близость сейчас была для меня непозволительной роскошью. Бежать надо было сейчас, пока я еще могу все бросить.

Мы остановились у торговки фруктами, и я кивнула Дэшону:

— Купи яблок, а мы с Гэйбом отправимся к лотку в той стороне и поищем хороших овощей для ужина принца.

Достаточно было разделить их, а с одним уж я справлюсь. Чисто теоретически.

Гэйб осадил меня подозрительным взглядом и произнес:

— Не было никакого приказа что-либо покупать.

— Я готовлю принцу сюрприз, — невозмутимо улыбнулась я, хотя мое сердце отбивало бешеный ритм: — Он был так добр ко мне, что мне хочется отплатить тем же.

Дэшон пожал плечами:

— Купим вместе и пойдем дальше. Мне нельзя оставлять вас.

Спорить далее означало бы навлечь на себя ненужные подозрения, поэтому я послушно стояла рядом, пока Гэйб расплачивался за яблоки. В моей голове происходили быстрые вычисления. Я должна была найти способ сбежать, как-то отвлечь их и скрыться. Я не умею драться с двумя противниками, к тому же, они — Хранители. Понятия не имею, чем они занимались до этого, но, вероятнее всего, оба были просвещены за особо тяжкие преступления. Судя по подозрительности и юркости Гэйба, он, скорее всего, был вором или грабителем, а Дэшон, исходя из его молчаливой гнетущей натуры — наемным убийцей. Мне показалось, что безопаснее было бы сражаться с Гэйбом, но, кажется, пора менять планы и напомнить себе, что я лучше справляюсь с креативными задачами, чем с боем.

Фрукты на лотке располагались на тонком, длинном куске ткани, аккуратно подстеленным снизу. Если потянуть достаточно сильно, есть вероятность, что все фрукты каскадом посыплются вниз. Это поможет мне выиграть несколько минут, не более.

— И купи еще, пожалуйста, бананов, Гэйб, — лучезарно улыбнулась я.

Он закатил глаза и снова достал кошелек, передавая корзинку с яблоками Дэшону.

Руки обоих заняты. Я стремительно оглядела глазами рынок — через несколько лотков от меня шло разветвление улиц — достаточно запутанное, если точно не знаешь, куда направляешься. Если свернуть направо шагов через сорок, то можно пересечь улицу через небольшой бордель. Оттуда можно пробежать по переулкам и выйти к пристани, от которой до моего дома рукой подать. Достаточно выиграть времени на сорок шагов, забежать в бордель незамеченной, и я победила.

Ждать не было времени. Гэйб протянул несколько весенцев торговке, и я изо всех сил рванула на себя ткань, крепко ухватившись за нее. Фрукты посыпались нам под ноги, заставив Гэйба удивленно опустить глаза, а Дэшона — отступить. Я не стала далее проверять их реакцию, и, как только первые свежие яблоки коснулись мостовой, бросилась бежать.

Мне казалось, что я никогда в жизни не бегала так быстро. Когда в детстве я летела

через поля, меня подгоняли ощущения счастья и свободы, но сейчас меня гнал вперед лишь страх. И, на самом деле, я не знаю, в каком случае люди бегут быстрее — к своему счастью или от своих кошмаров.

Я преодолеваю сорок шагов за несколько секунд, затем сворачиваю на улицу и изо всех сил бегу к открытым дверям борделя, откуда доносятся громкие, раскатистые звуки. Еще парочка шагов и меня уже будет не догнать...

За спиной раздаются крики, и кто-то резко хватается за плечо. Я вырываюсь, но заведующий борделем — лысый человек угрожающего вида — цепко держит меня своими мясистыми пальцами.

— Ты куда еще собралась? — рычит он мне в лицо, — через мое заведение пробегаешь, а платить не вздумала?

Дрожащими руками я роюсь в карманах плаща, но у меня нет ни единого весенца — в королевстве мне еще ничего не выделили.

— Ну пожалуйста, у меня ничего нет, — срывающимся голосом умоляю я, дико озираясь назад.

В борделе стоит ужасная вонь сигар и дешевого вина. Несколько зевак с интересом поглядывают в нашу сторону.

— Тогда проваливай отсюда! — кричит он, обдавая меня пьяным дыханием.

Собравшись с духом, я заносу свободную руку и изо всех сил ударяю мужчину кулаком в лицо. Он издает громкий крик и сгибается пополам, ухватившись за один из столов.

— Ты что, совсем оборзела?!

Не чувствуя своих ног от ужаса, я бросаюсь бежать и на диком притоке адреналина пересекаю бордель, выбегая через заднюю дверь в самую гущу узких улочек. Я мчусь все дальше: петляю через переулки, пролетая мимо оторопевших прохожих, и выбегаю на пристань. Звуки погони затихают, но, возможно, их просто перекрывают крики внезапно проснувшихся торговков. От пристани остается совсем немного. Я бегу мимо причалов, еще раз поворачиваю налево и останавливаюсь возле маленьких, немного покошенных построек. Обогнув несколько домов, я рывком раскрываю калитку, вбегаю на крыльцо и изо всех сил тяну на себя дверь. Она без труда поддается — как и всегда, когда мама готовилась к стирке или отец собирался выехать на охоту — и залетаю внутрь.

— Мама! Папа! Это я! Быстро собирайтесь, мы уезжаем!

Мой голос эхом отдается от стен. Я изумленно оглядываюсь вокруг: все вещи на месте, но дом выглядит...опустевшим. Куда-то исчезло мамино столовое серебро, шторы задернуты, а на столах не стоят цветы.

— Мама?

Я пробегаю в гостиную, но и там никого нет. Все шкафы пусты — нет ни сувениров, которые нам привозили из Стейси, ни папиной коллекции корабликов.

— Папа?

Я взбегаю вверх по лестнице, но в спальне родителей тоже никого нет. Я рывком открываю шкафы, выдвигаю тумбочки, но все, кроме мебели, исчезло без следа. Как будто никого здесь никогда и не было.

Мое сердце уходит в пятки. Я с трудом облакачиваюсь о стену и на секунду перевожу дух. Легкие дерет от боли, но я не могу позволить себе ни секунды промедления.

Спустившись вниз, я выхожу на улицу и быстрым шагом подхожу к стойлу. Открыв двери, я ожидаю увидеть папиного любимого коня или Аниту, которую обещали вернуть

моей семье. Но там никого нет. Ни свежего стога сена, ни воды, ни лошадей. Все будто просто исчезло.

Боль в моей груди разрастается, и, наконец, я не выдерживаю. Я оседаю на холодную землю и начинаю громко, отчаянно плакать. Я завываю и обнимаю себя руками, как будто только это может спасти меня от одиночества.

Они пропали. Возможно, они переехали, купив новый дом на деньги королевства, а остальные вещи еще не перевезли. А возможно...

Я не хотела об этом думать. От одной мысли о том, что с ними могли что-то сделать, мне становится плохо. Но я успокаиваю себя тем, что если членам Элитного отряда было приказано убить мою семью, то вряд ли они стали бы воровать вещи и столовое серебро.

Если только они не хотели обставить все так, как будто моя семья переехала.

Я хватаю ртом воздух и изо всех сил кусаю свою ладонь, чтобы не закричать. Я должна поговорить с Эйданом. С Адрианом. Хоть с кем-то.

Неужели мне не позволяли увидаться с родителями, потому что...потому что видеться было уже не с кем?

Я теряю счет минутам, проведенным в стойле. Моя голова наполняется тяжестью, и я с трудом могу различить звуки приближающегося топота.

Гэйб и Дэшон врываются в стойло с громкими криками. Они подхватывают меня под руки, и я пытаюсь остановить их, попросить, чтобы они дали мне еще одну секунду наедине со своим горем в своем родном доме. Но я мигом вспоминаю, что они, по сути, уже и не люди вовсе. Они всего лишь служители короля, им не свойственно сострадание, если оно идет вразрез с приказами господина. Они всего лишь бесцельные куклы, набитые чучела, лишенные души.

Эта мысль заставляет меня рассмеяться. Хранители волокут меня все дальше от моего дома, а я продолжаю громко, заливисто хохотать, пока мне не начинает казаться, что именно смех является причиной тупой, обволакивающей боли внутри.

Глава десятая

Эйдан

... Не кровные узы выплетают ткань семейных отношений, а одна только любовь.

Гийом Мюссо. Потому что я тебя люблю

Принц и принцесса стоят напротив двери, ведущей в зал королевских Советов, и буравят ее глазами. Оба они понуры — Адриан с силой ударяет спиной по стене, а Селеста скрещивает руки на груди и недовольно переводит взгляд с него на меня.

— Успокойтесь, ваше высочество, — бесстрастно советую я. — Вы все равно не повлияете на исход процесса.

На самом деле, мне нет дела до переживаний принца, но я вынужден сказать то, что должен. Обязанности капитана Элитного отряда порой сильно давят на мое чувство собственного достоинства.

Он впивается в меня взглядом, прямо как в детстве. Я почти инстинктивно ожидаю, что за этим последует драка, но он лишь произносит:

— Не вам учить меня, капитан.

Я оставляю его замечание без ответа и просто пожимаю плечами. В Адриане нет особой жажды власти или тщеславия, что всегда меня удивляло. Когда нам было по семь лет, он впервые узнал о том, что магия Просвещения на меня не действует — он даже всерьез решил это проверить. Но когда он понял, что я сильнее его, то обозлился и бросился на меня с кулаками. Это была наша не последняя драка. Скорее она положила начало вражде, которая длится и по сей день. Я смутно догадывался о причинах, но понимал, что вовсе не отсутствие власти надо мной движет его ненавистью. Я знал, что дело было в другом.

— Прекратите, мальчики, — закатив глаза, произносит Селеста. — Уже трижды не дети, а все еще пытаетесь померяться достоинствами.

Я смотрю на реакцию Адриана, но тот упорно сохраняет самообладание. Какая невероятная выдержка! Я с трудом сдерживаю усмешку.

— Чертовы послы. Чертовы регионы. Чертовы люди, — бормочет Селеста, вперив глаза в потолок.

— Да они ничего не могут сделать, — не очень уверенно заверяет ее Адриан, — это была самооборона. Если они предлагают в качестве альтернативы голову Эсмеральды, то, возможно, отцу стоит усомниться в их преданности.

Мы уже около двадцати минут стоим у зала Советов. Как оказалось, причиной срочного собрания были забастовки в Стейси — как только люди узнали о том, что кого-то убили на месте без суда и следствия, то сразу же воспротивились. Под лозунгом "Просветители могут править нами только, если даруют справедливость" они высыпали на улицы и устроили массовые протесты. Многие были арестованы, но их судьба пока неясна. Послы из Стейси и других регионов быстро прибыли в Лакнес, чтобы разъяснить ситуацию, произошедшую на границе, и принять необходимые меры.

— Ваши люди не имели права никого убивать! — рычал посол из Кравера, — это противоречит всем нашим законам.

— Иначе убили бы меня и принцессу, — спокойно отвечал принц Габриэль. — Это была вынужденная мера.

— Теперь мы должны разбираться со всем этим! Знаете ли, вас, уважаемые, — указав на

королевский дом Лакнеса, продолжал посол, — и так несильно жалуют в Крайних землях. Люди не забыли свою историю. И вместо того, чтобы поддерживать репутацию мирных правителей, вы устраиваете такой беспредел! Это беспрецедентный случай!

— Разумеется! — вскочив со своего места, воскликнула Селеста. — Если бы нашего посла мира убили на границе со Стейси...вы представляете, к чему это могло бы привести? Люди могли потребовать развязать войну!

— Или ваша сестра стала бы мученицей, — язвительно заявил посол, — и Лакнес, возможно, искупил бы свои злодеяния перед лицом народа.

— Ах вы негодяй! — разом закричали Адриан и Селеста.

В итоге, их обоих удалили из зала Советов, а меня заставили их сопровождать. У меня не было выбора, пусть я и не был очень рад провести весь Совет за пределами собрания из-за того, что у кого-то не хватает ума держать рот закрытым.

— Почему этого мерзкого Кастерна никто не выгнал? — возмущалась Селеста. — Он там выступал больше всех!

— Полагаю, он посол Кравера, — пожав плечами, отвечаю я. — А значит, обязан там быть.

Селеста закатывает глаза и, повернув голову к Адриану, спрашивает:

— Ты слышал, как он намекнул на то, что его стране стоит хорошенько обдумать союз с регионом таких "сомнительных принципов"? Это уже ни в какие ворота не лезет. Искренне надеюсь, что отец поставит его на место. И где вообще Кристина?

— Понятия не имею, — пожав плечами, отвечает Адриан. — Я не видел ее с тех пор, как она приезжала на Совет полгода назад. Кажется, у нее дела дома.

— Ну, возможно, ей стоит начать больше интересоваться Лакнесом, потому что скоро ее домом станет этот регион.

— Кто бы говорил.

— Мое полноценное путешествие в Стейси со всем необходимым обучением начнется через несколько месяцев, — претенциозно заявляет Селеста. — Так что смени тон, пожалуйста. Я знаю свой долг.

— Ты просто злишься. А из-за твоего нрава выгнали нас обоих.

— Конечно! Они сейчас там говорят, что было бы лучше, если бы моя сестра умерла. Как я, по-твоему, должна к этому относиться?

Адриан тяжело вздыхает:

— Они политики.

Я стою рядом немой тенью, прислушиваясь к звуку шагов за стеной. Меня волнует состояние короля — в последнее время он совсем исхудал и говорит, что управление регионом ему дается все тяжелее. Я догадываюсь, что это, скорее всего, связано со страхом, но, как бы я ему не доказывал, что своей кровью готов искупить его жизнь, он лишь отмахивается. Я понимаю, что только моей преданности ему недостаточно. Он хочет заручиться поддержкой всех вокруг, чтобы ничто не угрожало его спокойному правлению.

— Капитан! Ваше высочество!

Мы оборачиваемся на звук, и перед нами предстают двое Хранителей — Гэйб и Дэшон. Недотепы в прошлом, но сегодня — отличные служащие. За руки они волокут Эланис — ее голова повисла, и она с трудом переставляет ноги, но все еще старается отмахнуться от них.

Видимо, услышав наши звания, Эланис поднимает рыжую голову и ее зеленые глаза наполняются гневом. Она вырывается, подбегает ко мне и приставляет палец к моему лицу

раньше, чем Хранители успевают оттащить ее обратно.

— Ты! Черт возьми, что ты с ними сделал? Клянусь, если ты хоть пальцем их тронул...

Я настолько ошарашен, что могу только моргать, пока она вновь пытается вырваться из цепких объятий.

— Ты, черствый, бесчувственный...

Насколько я не вынужден был бы признать, что она права, ее слова все же заставляют меня удивиться. Адриан бросается вперед и отталкивает Хранителей, прижимая ее к себе.

— Она спятила? — шепчет Селеста, глядя на нее расширившимися глазами.

Эланис со всей силы ударяет Адриана в грудь, заставляя Хранителей мигом скрутить ее. Они заламывают руки ей за спину, и я делаю шаг вперед, чтобы вмешаться. Долг не позволит мне поставить безопасность принца под угрозу, но почему-то все это действие причиняет мне дискомфорт.

К счастью, Адриан рычит, чтобы они отошли назад, на что Хранители неуверенно произносят:

— Господин сказал, что мы должны защищать вас любой ценой, ваше высочество.

— Она не опасна, — подчеркивает он.

Они с сомнением смотрят на Эланис и качают головой. Не могут послушаться приказа.

Адриан шагает вперед и ударяет Хранителей поочередно в носы — они сгибаются, но не могут ответить ударом. Это уже слишком. Я придвигаюсь ближе, чтобы перехватить его кулак, но Адриан уже с силой сжимает Эланис в объятиях. Я пытаюсь прикинуть, когда они успели так сблизиться, и что-то темное поднимается из глубин моей души. Сузившимся взглядом я наблюдаю, как она поднимает на него глаза и в них проскальзывает искорка узнавания. Это заставляет ее ощутимо ударить его еще раз.

— Как ты мог? Ты знал, что они умерли! Ты все знал!

— Простите, — запыхавшись, произносит Гэйб, — она...сбежала, пока мы были на прогулке. И вернулась к себе домой. Там никого не было, вот она и...взбесилась.

Мы разом поворачиваем головы в сторону Эланис. Адриан растерянно переводит взгляд на нее, затем оборачивается и рычит на Гэйба:

— С вами я, черт возьми, разберусь позже. Убирайтесь!

Я киваю им, давая понять, что ситуация под контролем. Пожав плечами, они послушно удаляются, оставляя нас наедине. Эланис продолжает биться в истерике, не обращая внимания на увещевания Адриана.

— Зачем ты убежала?! — требовательно спрашивал он.

— Ты знал, — рыдала она, — все вокруг мне врал...

— О чем она говорит? — недоумевала Селеста.

Я сам с трудом понимал, о чем именно шла речь. Вывернувшись из объятий Адриана, Эланис вновь бросилась ко мне и заколотила кулаками по моей груди.

— Что случилось с моими родителями?! Сейчас же отвечай мне!

— Успокойтесь, — тихо проговорил я, несильно сжав ее запястья, чтобы не причинять ей боль: — за контракт ваших родителей и ваше местоположение отвечали Хранители. Я же сам никогда их не видел. Они должны были получить все деньги от королевских казначеев в течение суток. Возможно, они переехали.

— Переехали?! — презрительно выплюнула Эланис, подняв на меня затуманенные зеленые глаза. — Никуда бы они не переехали! Они бы ждали меня...они бы думали, что я вернусь домой!

— Ты не можешь вернуться домой по контракту, — вставила Селеста. — Возможно, они просто не хотели видеть все, что напоминало им о тебе. Твои родители необязательно были плохими людьми. Просто не всем так легко...

Эланис рванулась к ней, как будто собиралась ударить или что-то высказать, но у меня не было выбора. Я не мог позволить ей причинить вред принцессе, даже если знал, что она вряд ли на это способна. Я схватил ее за плечи и рванул на себя, проговорив на ухо:

— Если вы не придете в себя сейчас же, то это очень плохо для вас кончится. За этой дверью находится король. Если он узнает, что вы тут творите, вас могут отправить на эшафот.

Она громко рассмеялась в сторону зала Советов, как будто была готова прямо сейчас ворваться туда и схватить короля за шкуру.

По сути, мне не было никакого дела до судьбы Эланис — с практической точки зрения, от нее пока нет никакой пользы, а хлопот она представляет нам всем куда больше. Я не знал, как далеко может зайти ее поиск ответов — возможно, тех самых, знать которые боялся даже я. Мне не нравилось, что она пытается посягнуть на мой устоявшийся мир. И не потому, что я боюсь перемен, а потому, что я знаю, чем все это будет чревато королю. Человеку, который стал для меня больше, чем отец.

Я не мог допустить, чтобы она причинила ему зло, но в то же время Эланис в какой-то степени восхищала меня. Редко и едва ли я мог бы сам себе в этом признаться, но ее огонь... заражал. Ее уверенность в своих поступках и верность своей семье — это те качества, которые достойны лучшего бойца. Возможно, будь она мужчиной, я был бы рад видеть ее в рядах Элитного отряда. Ей не хватает техники, но у нее есть самое главное — характер. В стенах этого дворца, который стал моим домом, мне чертовски не хватает таких людей.

Все это ставило меня перед нелегким выбором. Я мог бы прямо сейчас зайти в зал королевских Советов и сообщить, что, на мой взгляд, Эланис представляет угрозу. Королю этого было бы достаточно, чтобы обвинить ее в предательстве и нежеланию подчиняться кодексу Лакнеса — и ее бы тихо казнили, не привлекая к Искупительницам ненужного внимания. Пропажа ее родителей тоже сыграла бы нам на руку. Она просто бы исчезла, и никто никогда ни о чем бы не узнал. Но в то же время я понимаю, что Эланис — это прежде всего потенциал. Если правильно воспитать ее, то она сможет стать отличной защитой короля. Она сможет присоединиться ко мне. Плюс Адриан явно будет помехой ее казни — уж кто может знать, почему.

Я пытаюсь убедить себя в том, что мною движет исключительно волнение за короля, но, черт возьми, я не могу отрицать того, что мне хочется, чтобы она здесь осталась.

В конце концов, если она станет реальной угрозой, то избавиться от нее мы всегда успеем. Это заставляет меня сильнее прижать ее к себе, закрыть ей рот рукой и потащить прочь из зала. Адриан кладет тяжелую руку мне на плечо:

— Если ты хоть пальцем ее тронешь, Эйдан...

Я смеряю его взглядом:

— Не беспокойтесь, ваше высочество. Я позабочусь о ее безопасности.

И не очень вежливо стряхиваю его руку. Кажется, Адриану стоит напомнить, кто всегда выигрывал все поединки.

Эланис больше не сопротивляется. Она устала и тихо плачет мне в предплечье. Я действительно не знаю, что произошло с ее родителями, но, что бы там ни было, уверен, это пошло на благо короля. К сожалению, его маниакальная страсть обезопасить себя иногда

заходит слишком далеко. Но едва ли мне хотелось бы говорить ей это.

— Отпусти меня, — шепчет она, — или я сломаю тебе руку.

Я едва сдерживаю смех:

— Вы уже настолько сильны?

— Я не шучу.

Я подхватываю ее на руки, и она обессиленно утыкается мне в плечо. Все ее тело обмякает и Эланис забывается долгим, беспокойным сном.

Как только мы входим в ее комнату, я делаю знак Норе завесить шторы. Опустив Эланис на кровать, я уже собираюсь уйти, но ее спутанные волосы спадают ей на лицо, и я не могу удержаться. Поднеся руку, я осторожно отвожу огненно-рыжие пряди с ее глаз, и это настолько напоминает мне детство, что у меня впервые за долгое время начинает щемить сердце.

Я родился во дворце — понятия не имею, кто был моим отцом, да мама никогда и не распространялась на эту тему. Полагаю, он умер еще до моего рождения. Я родился до того, как королева забеременела Эсмеральдой, и часто считал, что именно поэтому мы с королем стали так близки. Мама была у королевской семьи на хорошем счету, а мне просто повезло оказаться рядом. Я был самым первым, кого король впервые взял на охоту; первым, кого король лично обучал сдерживать магию Просвещения; первым, кого он самолично избрал капитаном Элитного отряда. Я опередил других его детей во всем — и, если для принцесс это не представляло большой проблемы, то я всегда догадывался о чувствах Адриана. Когда-то давно он, я и Селеста были друзьями, но его характер не допускал даже возможности долгосрочной дружбы со мной. Он с детства пытался быть самым лучшим, но, к сожалению, лучшим всегда был я. И король ценил меня за это. Я любил короля, как родного отца — как человека, подарившего мне все, чего я не заслужил; как человека, делавшего для меня то, что делать он был не обязан. Быть лучшим было просто делом принципа. И чем старше мы становились, тем сильнее это вставало между мной и принцем. Отец считал его бездельником и разгильдяем, который может преуспеть разве что в количестве завоеванных женщин, а меня — воином, способным защищать его жизнь. Доверие, которое он мне оказывал, угнетало Адриана. И да, какое-то время я ему сочувствовал, но Адриана это не интересовало. Он ввязывался со мной в драки, чтобы доказать, что отец не прав, но все всегда заканчивалось одинаково.

— Это даже не твой отец! — кричал он мне в лицо, — тебя просто взяли с улицы!

И он был прав. Возможно, я слишком долго не понимал, почему Адриан меня ненавидит, если у него, в отличие от меня, есть отец. Но однажды я понял: я украл у него короля. Вполне может быть, я чувствовал бы себя хуже, если бы не считал, что заслужил его любовь и преданность. Мне не составило бы труда сегодня же отдать за него свою жизнь, а Адриан никогда не был на такое способен. Его привязанность к отцу теоретическая — ему просто хочется быть любимым ребенком. Я же готов реально ее доказывать. И, присмотрись он лучше, то понял бы, что отец делает все, чтобы защитить его — даже ставит мою жизнь под угрозу. И я никогда, ни разу не упрекнул его за это. Как бы король меня ни любил, я оставался нахлебником с улицы, а Адриан — сыном, наследником престола. Все было правильно. И если для Адриана все это было обычным соревнованием, тешащим его эго, то для меня это было реально проблемой. Ведь мне надо было доказывать каждый день, что я достоин всего того, что получаю.

Поэтому отчасти я понимал Эланис. Если бы я оказался в такой же ситуации, то сделал

бы все возможное, чтобы узнать о судьбе короля. Но я был не в том положении, чтобы быть на ее стороне. К сожалению.

Эланис сонно приоткрывает глаза и замечает мою руку у нее на лице. Я застигнут врасплох и не могу пошевелиться, будто меня поймали с поличным.

— Не уходи, — в полудреме шепчет она, проведя щекой по подушке.

Я знаю, что сейчас ей нужен кто-то рядом, но не могу. Мои приоритеты лежат совершенно не в ее направлении, и, даже если бы мне хотелось остаться, я никогда бы так не поступил. Поэтому я отвожу руку, сжимаю пальцы в кулак и направляюсь к выходу, плотно закрыв за собой дверь и надеясь, что поутру она подумает, будто это был всего лишь сон.

Глава одиннадцатая

Эланис

На самом деле он — как ребёнок. Ему нужна игрушка. Чья-то привязанность. Чтобы он мог разбить её вдребезги.

Джон Фаулз. Башня из чёрного дерева

Этой ночью мне снился Эйдан. Это смутило меня, ведь я ожидала увидеть лица своих родителей. Но вместо этого мне приснилось, как капитан с неожиданной нежностью для его огрубевших от ударов рук проводит пальцами по моему лицу. Во мне впервые за долгое время затрепетало странное желание, не связанное с бегством или спасением моей семьи — впервые мне захотелось чего-то, чему я сама еще не могу найти объяснения. И это одновременно волнует и будоражит мою душу.

С утра мне не хотелось открывать глаза. На какую-то секунду все события предыдущего дня показались сном, но как только я сжала пальцами простыню, реальность обрушилась на меня и ухватила за горло своими когтистыми пальцами.

Вчера я поступила более, чем необдуманно — кидаться на принца и капитана, крича во все горло, что я хочу знать, где мои родители — не лучшая стратегия. Но я была настолько сломлена, настолько в бешенстве и настолько не могла держать себя в руках, что потеряла способность анализировать свои действия. Все закончилось не в мою пользу, что было предсказуемо.

Мне захотелось зарыться с головой в подушку и заплакать, но я не могла себе этого позволить. Мало того, что доверие ко мне подорвано, так я еще и не заслужила ничего расположения. Если я хочу что-то узнать, мне придется встать с кровати и отправиться действовать. По крайней мере, Эйдан вчера выглядел весьма удивленным известием о пропаже мамы с папой, так что вряд ли он украл из дома серебро, чтобы подстроить их переезд. Возможно... они действительно переехали.

Но это отвратительное чувство в глубине души не позволяет мне в это поверить.

— Просыпайся, бездельница! У тебя уроки! — кричала Нора у меня над ухом.

Мне пришлось взять себя в руки. Горло давило, а глаза краснели от слез, но я заставила себя выползти из кровати и умыться. В итоге я даже на время убедила себя в том, что ничего страшного не произошло, и отправилась в Солнечный город.

Если бы не мысль, которая настойчиво выгрызала мой мозг и заставляла нервно кусать ногти, я даже была бы заинтересована обучением. Оракул вернулась, сообщив, что Эсмеральда и Габриэль идут на поправку, и сама занялась нашим образованием. На уроке истории мы оказались вместе с принцессой Селестой, которая, пожав плечами, села отдельно от Искупителей в дальний конец одной из тренировочных комнат.

Мы со Скилар сидели вместе, и он нервно подергивал ногой:

— Ты в порядке? Выглядишь, как труп.

Я покосилась на него, не переставая грызть ногти.

— У меня был тяжелый день.

— Не у тебя одной, — простонал он, — Ева заставила меня тренироваться, а постоянно выбивать дух из этой безнадежной персоны устаю даже я.

Ева, сидевшая перед нами рядом с Давиной, обернулась и одарила его убийственным взглядом.

— Я победила тебя пять раз из семи, герой.

— По-моему, со счетом у тебя такие же проблемы, как и с боем.

Она закатила глаза и отвернулась, а я прильнула ближе к Скилар и понизила голос:

— Скилар...вчера я ходила в дом своих родителей.

— Что? Ты чего, с ума сошла?! — мигом выпрямившись, закричал он.

Я пихнула его в плечо, чтобы он заткнулся и тихо произнесла:

— Я сбежала от Хранителей и пришла в дом. Там никого не было. Все было обставлено так, как будто они переехали.

— Ну, может, они действительно переехали? — недоуменно пожал плечами Скилар.

Мне нужен был союзник. Нужен был кто-то, кому я смогу доверять, и кто будет на моей стороне. Я могла сколько угодно избегать ненужных связей, прятаться и оберегать себя от боли, но мне так чертовски не хватало друга в этом враждебном дворце. Поддержка Скилар была мне необходима.

— Я так не думаю, — срывающимся голосом проговорила я, — тем не менее, мне надо узнать правду.

— Крошка, твое стремление ставить перед собой невыполнимые цели сведет тебя в могилу.

— Брось, Скилар! Неужели ты бы не захотел выяснить что-то о судьбе своих родных?

Он приподнял бровь:

— Нет. Они продали меня и мне плевать, что с ними происходит и где они сейчас живут.

— Не говори так...

— Эланис, — он слегка стукнул кулаком по столу, — тебе пора уже принять это. Они продали тебя. Они не заслуживают того, чтобы ты их искала, слышишь? И еще рисковала своей головой и местом во дворце. Забудь о них.

Мои глаза наполняются слезами, и я отворачиваю голову, вперив взгляд в только что вошедшую Оракул. Ладно, возможно, мне придется найти себе другого союзника.

Я почувствовала осторожную руку на плече, и Скилар наклонился к моему уху:

— Прости...я не хотел тебя обидеть. Ладно, если ты правда считаешь, что во всем этом деле есть смысл, давай попробуем что-нибудь разузнать. Я спрошу своих знакомых Искупителей. Но, черт возьми, если твоя затея заставит мою красивую, очаровательную голову катиться по холодной земле, то я тебя убью.

В ту секунду я не могла быть более благодарна ему. С трудом сдерживаясь от желания броситься ему на шею и задушить в объятиях, я крепко сжала его руку и горячо зашептала:

— Скилар, огромное тебе спасибо! Ты даже не представляешь, как много все это для меня значит.

— Да уж...

Оракул прокашлялась и выразительно посмотрела в нашу сторону. Скилар закатил глаза, как бы говоря — вот видишь, ты уже ввязываешь меня в неприятности. Я успокаивающе провела ладонью по его руке и открыла тетрадь.

Кроме нас в кабинете находились принцесса и около десяти Искупителей — в основном, все девушки, не считая Скилара и нелюдимого парня по имени Стилл, который все время смотрел на стены и предпочитал делать вид, будто не понимает, где находится. Остальные, скорее всего, проводили время в зале для тренировок, который я старалась избегать. Оракул обвела нас своими ярко-голубыми глазами и откинула капюшон, обнажая

гладкую голову.

— Итак, если все успокоилось, то сегодня я хотела бы поговорить о приходе к власти Просветителей. Запомните: вы никогда не поймете свою природу, если не узнаете все о магии, которую способны сдерживать.

Она скрестила руки на груди и задумчиво прошлась по комнате, как будто перенеслась мыслями в те далекие, нерадостные времена.

— Давным-давно, больше весен назад, чем помнит современное человечество, мир был совсем другим. Он был отчасти похож на наш — в нем существовали короли и королевы, люди, жаждущие власти, и те, кто находился под ее гнетом. Наверное, большинство из нас посчитали бы его серым и унылым, потому что в нем не было магии — ни Просветителей, ни Искупителей. Сама по себе магия существовала, но люди боялись ее, как боятся всего неизвестного. Каждый, кто обладал даром, объявлялся еретиком — врагом Господа — и сжигался на костре. То были времена Великих Гонений, — Оракул немного помолчала. — Просветители вынуждены были скрываться и жить в тени, чтобы не привлекать к себе внимания, а Искупители... что ж, их история нам неизвестна. Вполне возможно, они жили среди обычных людей, ведь их дар — это скорее невосприимчивость к чужому дару. Раньше мир представлял собою множество разрозненных королевств, но всех их объединяла одна напасть — горные племена. Жители гор были самыми опасными и кровожадными существами из всех когда-либо живущих — они нападали и жестоко истребляли целые деревни, пытались уничтожить города. Никто не мог найти их, а, согласно легендам, бежать от них было невозможно. В одном из городов жила семья Просветителей — Кристин, Амелия, Стюарт и Агнес Лакнес. Это были самые преданные, самые верные своему дому и народу люди. Как только они узнали, что на их город напало горное племя и начало жестоко уничтожать все, что они любили, они, не побоявшись смерти, вышли на улицы и просветили каждого горного жителя. Те стали первыми Хранителями королевства. Узнав о проявившейся необузданной силе и единственной возможности избавиться от горных племен, люди поддержали семью Лакнес. Один за другим королевства пали, а власть полностью перешла в руки Просветителей. Три сестры и брат разделили мир на четыре региона и отправились править мудро и справедливо — Кристин стала королевой Стейси, Амелия — Кравера, Агнес — Бишопы, а Стюарт — Лакнеса. В их честь люди воздвигли Дворец Спасителей в напоминание о том, как Просветители спасли их от страшных горных племен. Именно поэтому королевский дом Лакнеса считается исключительным — именно от него берут свои корни дети всех регионов.

Скилар вскидывает руку, привлекая внимание Оракул. Она кивает ему, и он медленно произносит:

— Тот факт, что Стюарт стал править Лакнесом, можно считать дискриминацией?

— Кажется, я не поняла тебя, Скилар, — спокойно ответила Оракул.

— Ну, всем девушкам пришлось придумать новые имена для регионов, а Стюарту позволили сохранить фамилию Лакнес...

— Просто не продолжай, — прошипела Ева.

— Что? — возмутился Скилар, — если бы мы с тобой правили двумя регионами, я бы тоже оставил фамилию Лакнес за собой. Не хватало, чтобы такое звучное звание позорили!

Оракул едва заметно закатила глаза и повернулась ко всем нам:

— У вас есть вопросы?

Я вскидываю руку, толком не успевая подумать. Сейчас мне просто нужно как можно

больше информации.

— Что именно известно о происхождении Искупителей? Как нас нашли?

— Я была первой, о ком удалось узнать, — ответила Оракул, глядя мне в глаза, — меня нашли сразу после Слепой войны — я была еще совсем ребенком и не поддавалась магии... Моя мать — видимо, носительница гена, — погибла во времена сражений. Отец прятал меня в Стейси и был просвещен. Меня же оставили свободной, потому что я была еще совсем ребенком. Я выросла во дворце и научилась управлять своей магией. А потом король начал искать других Искупительниц. Мне неизвестно, знают ли другие регионы об Искупительницах. На данный момент — это засекреченная информация.

— А есть такие, как мы, в других регионах? — поинтересовалась Давина.

— Было бы безумно самонадеянно и эгоистично думать иначе, — подмигнув, отозвалась Оракул.

— И какой же была первоначальная функция Искупителей? — неожиданно спросил Стилл. Он казался таким же удивленным звуком собственного голоса, как и мы все, поэтому мигом смутился и вперил взгляд в стену.

На этот вопрос Оракул как всегда ответила уклончиво — ничего конкретного, что-то про защиту королевской семьи, и, преимущественно, короля. Недостаток подробностей заставляет меня думать, что во всем это скрыто куда больше того, во что нас посвящают.

Впервые я была даже рада боевым искусствам. На какую-то секунду концентрация и тщательная работа мышц вытеснила из головы все другие мысли, заставив даже Скилар удивленно присвистнуть:

— Для девчонки, которая не в состоянии отличить свою правую руку от левой, ты сегодня на удивление хороша.

Сегодня мы тренировались втроем с Давиной, которая оказалась отличным бойцом — она легко уложила Скилар на лопатки, но едва ли это заставило бы его признать поражение. Во время боя я спросила, видела ли Давина своих родителей после того, как ее забрали во дворец, но она лишь покачала головой:

— Мне не позволяют с ними видеться.

— И ты не находишь это подозрительным?

— Я думаю, что на некоторые вопросы лучше не знать ответов, — пожав плечами, отвечала она.

На мой рассказ о побеге Давина отреагировала так же, как и Скилар — предположила, что мои родители действительно переехали, а я — сошла с ума.

— Слушай, — сказала она, — Солнечный город — наша со Скилар семья. И твоя теперь тоже. Поверь, если бы кто-то из них нас обманывал, мы бы все уже знали. А если бы их обманывал король, то они тоже докопались бы до правды. Думаю, раз система работает, значит, в ней действительно нет прорех.

С этим мне было трудно спорить. Неужели никто за все эти годы не пытался поступить так же, как я? Едва ли это было так.

Во время очередного нападения на Скилар, кто-то осторожно постучал пальцами по моему плечу. Обернувшись, я увидела Эйдана — он стоял с неожиданно смущенным выражением лица, слегка потупив глаза, как будто стеснялся смотреть мне в лицо. Ну, уж это было удивительно.

— Пойдемте, — прочистив горло, проговорил он.

Я растерянно оглянулась на Скилар и Давину, не понимая, к чему он ведет.

— Сегодня тренировать вас буду я.

Не знаю, кто из нас троих в этот момент удивился сильнее.

— В смысле сам тренировать? — заорал Скилар, — подмастерье тренирует ученика?! В смысле, чувак, это же просто вау!

Давина усмехнулась, приподняв брови.

— Что ж, капитан, вы умеете завоевать девушку.

— И твои чары тебе не помогли, — поддразнил ее Скилар.

Она пихнула его в плечо, сморщившись:

— Отвали, Скилар, ты отвратителен. Сейчас я сама научу тебя хорошим манерам.

Эйдан молчал, невыразительно глядя на нас. Мне было все равно с кем тренироваться, а со вчерашнего дня злость на капитана немного поутихла.

Мы зашли в Боевую комнату, где кроме нас тренировались два высоких, крупных мужчины — по мнению Скилар, еще двое членов Элитного отряда. Заметив нас, они оба отвлекаются, подходят к Эйдану и хлопают его по плечу — от этого панибратского жеста я теряю всякий дар речи.

— Привет, брат, — басовито произносит один из них с густой бородой. — Вижу, сегодня ты не один.

— Развлекитесь, — хмыкает второй.

— Эланис, это Джошуа, — он кивает на первого, — а это Вал.

Я узнаю Джошуа по басовитому голосу — он был в числе тех, кто забирал меня из сарая дяди Томсона. Что ж, это не прибавляет ни капли нежных чувств ни к одному из них. Отстраненно кивнув, я стараюсь избежать их взгляда.

— Мы оставим вас наедине, — поиграв бровями, ухмыляется Джошуа.

— Да, капитану явно нужно расслабиться, — поддерживает Вал.

Они еще раз хлопают друг друга по рукам и удаляются, бросая на нас косые взгляды через плечо. Эта сцена не произвела ни на меня, ни на Эйдана никакого впечатления. Я молчу, потому что не хочу начинать первой разговор после того, что произошло вчера.

— Слушайте, — он откашливается, — я знаю, что вам было нелегко узнать о переезде ваших родителей. И вполне понимаю, что ваши выводы по поводу меня были оправданными. Я лишь надеюсь, что это не помешает вашему развитию в качестве Искупительницы.

Конечно, я все понимаю. Для Эйдана я тоже самое, что и для Адриана — не более, чем выгодное вложение или, в крайнем случае, расходный материал. Я нужна им ровно до того момента, пока выполняю свои прямые функции, а в случае, если начну доставлять слишком много хлопот — от меня избавятся.

Только вот может быть, мне действительно хочется, чтобы от меня избавились. Чтобы все это закончилось.

Я сжимаю мамино колечко в руке, чтобы не поддаваться своей слабости.

— А если я не хочу развиваться, как Искупительница? — тихо произношу я.

Многозначительное молчание Эйдана и взгляд его карих глаз выразились предельно ясно. Если мне повезет, то меня не убьют, но вряд ли.

Я не могу умереть сейчас. Я должна найти своих родителей, а если нет — о чем мне даже думать страшно — то отомстить за них.

Каждый раз, когда кто-то делал мне больно или я нуждалась в поддержке, отец говорил мне одну и ту же фразу: "Помни, Эланис, мы защищаем то, что считаем правильным". Я должна бороться за единственно правильную вещь в моей жизни — мою семью. Черт

возьми, еще никогда в моей жизни ничто не было так важно, так просто и одновременно с тем так правильно.

Я стискиваю зубы и поднимаю на Эйдана глаза. Мне не нужна поддержка, которую он и не собирается мне предлагать — я и сама справлюсь.

— Тогда я очень польщена тем, что вы лично решили заняться моим развитием, капитан, — твердо произношу я.

Эйдан предлагает мне для начала продемонстрировать ему то, чему я уже научилась. Я делаю парочку безуспешных выпадов — капитан ловко отскакивает в сторону, а я с трудом могу устоять на месте. Я ожидала, что он окажется серьезным противником, но меня удивила та охотничья грация, с которой он двигался. Понятия не имею, как ему удастся так гибко передвигать свое мощное, мускулистое тело, когда я путаюсь в собственных ногах. Не дав ни одному из нас шанса отдышаться, я делаю еще один выпад, целясь капитану прямо в лицо.

Эйдан перехватывает мою руку, резко разворачивает и прижимает спиной к себе. Я с трудом могу дышать, а он продолжает заламывать мою руку, обхватив меня за талию.

— Хватит, я поняла, — хриплю я.

— И это вы скажете своему убийце? — ухмыляется мне в ухо Эйдан.

Он прижимает меня еще сильнее, и я теряю всякую ориентацию и способность разговаривать. Рука горит огнем, а еще он так сильно сдавливает мою талию, что я начинаю глотать ртом воздух. Эйдан хочет проучить меня не просто за мое сегодняшнее высказывание, а за все те дни, что я доставляла ему проблемы перед королем.

— Вы нравитесь мне куда больше, когда не можете разговаривать, — замечает он, пальцами сжимая мои ребра.

Еще секунда и я упаду в обморок.

— Запомните свою слабость, потому что больше вы никогда себя так не почувствуете.

Я резко глотаю воздух, когда его руки отпускают меня, и падаю на пол, заходясь в кашле. С трудом придя в себя, я поднимаю голову и смотрю в его торжествующие глаза. Он впервые улыбается и на щеках у него появляются детские ямочки, что весьма не соответствует его грозному образу воина.

— А знаешь, — почти стогну я, — все же я рада, что хоть что-то в целом свете может заставить тебя улыбнуться.

Улыбка в один миг слетает с его лица, и он хмурится. Я хихикаю, чем раздражаю его еще больше.

— Кажется, я был слишком нежен с вами, Эланис. Живо поднимайтесь и хотя бы притворитесь, что понимаете, как работают части вашего тела.

— Ха-ха, как смешно, — бормочу я, отряхиваясь.

Тренировка с Эйданом — это ад, и я не преувеличиваю. Он решил, что я все же не достойна бороться с подмастерьем, поэтому заставил меня пробежать не меньше сотни кругов по комнате, затем присесть с десятками рапир и шпаг в руках, а в конце снова вызвал меня на поединок. Я была настолько измотана, что готова была признать поражение даже, если бы он легонько ткнул меня пальцем.

Но отчасти я была ему благодарна. Знаю, он делал это не ради меня, а ради защиты короля, но интенсивные тренировки помогли мне на какое-то время расслабиться.

— Совру, если скажу, что доволен, — хмыкнул Эйдан, — но могло быть хуже.

— У тебя просто нет чувства юмора, — стараясь отдышаться, пробормотала я.

— Зато у меня есть чувство координации.

Я удивленно раскрыла рот и улыбнулась:

— Беру свои слова назад, сарказм — ваше все, капитан.

— Слышал, сарказм делает мужчину неотразимым, — усмехнулся он, прислонившись к стене и ни капельки не устав.

— Только не тебя.

— Боюсь, я не смогу теперь спать по ночам. Вы разбили мне сердце, Эланис.

— А оно у тебя есть?

— Поаккуратнее, я могу и повеситься. Хотя тренировки с вами хуже смерти.

Я засмеялась и застыла, удивленная звуком собственного голоса. Знаю, это звучит странно, но Эйдан заставил меня на секунду... повеселиться. Забыть о том, кто я такая и что на самом деле тут делаю. Наверное, во всем дворце никто не понимает лучше нас двоих, насколько это непозволительная роскошь — для каждого из нас. Наше общение не подарит мне никакой дополнительной информации, а лишь осложнит и без того непростые вещи. Я прекраснее капитана понимаю, что водить с ним дружбу — самая плохая идея из всех, какие только могли прийти мне в голову.

По бегающему взгляду Эйдана я догадываюсь, что он думает о том же самом. Возможно, интерес, основанный на разных мотивах, может зайти слишком далеко. Но между нами никогда не будет ничего, что заставит нас захотеть остаться.

Я не хочу, чтобы Эйдан хоть когда-нибудь стал моей причиной задержаться здесь хоть на одну лишнюю секунду.

Я дотрагиваюсь рукой до шпаги, лежащей передо мной на столе, и, не глядя на него, произношу:

— Думаю, это была плохой идеей.

Я не вижу лица Эйдана, но представляю, как он задумчиво потирает рукой подбородок.

— Не нужно нам больше заниматься вместе.

Он не шутит на тему того, что я устала и так быстро сдалась. Он прекрасно понимает, что это серьезно.

— Мне несложно тренировать вас, — наконец, произносит он.

— Лжец, — ухмыляюсь я, наконец осмелившись взглянуть на него.

Эйдан смотрит мне в глаза и улыбается в ответ, как будто видит меня насквозь — даже там, где я сама о себе ничего не знаю. И в эту секунду я становлюсь чем-то большим, чем маленькой Искупительницей Эланис.

Мягкая поступь Оракул заставляет нас выпрямиться. Я с трудом могу что-либо понять по ее выражению лица, но сейчас она немного хмурится, словно недовольна.

— Эланис, тебе следует продолжить тренировки отдельно.

Я кидаю быстрый взгляд на Эйдана, но он не смотрит на меня. Его глаза прикованы к Оракул, которая поворачивается к нему и произносит:

— Пойдем, Эйдан, у нас с тобой тоже есть дела.

Эйдан кивает и приближается к ней:

— Да, мама.

Мир в одну секунду переворачивается с ног на голову. Ну конечно, если во всем этом дворце и должно было произойти что-то еще удивительное, то почему бы не это?

— Вы...мама Эйдана? — еле слышным голосом произношу я.

Оракул смотрит на меня так, как будто я не в своем уме.

— Ну конечно я мама Эйдана. Тебе об этом еще ничего неизвестно?

Действительно. Кто-то вообще считает здесь нужным ставить меня в известность хоть чего-то?

Я настолько устала, что даже не чувствую себя удивленной. Махнув рукой, я приближаюсь к выходу и говорю:

— Да, я слышала об этом.

Осторожное покашливание Эйдана говорит о том, что он в курсе о моем неведении, но это не должно его волновать:

— Была рада позаниматься с вами, капитан. До встречи, Оракул.

Это все было полной глупостью. Мне нужно выяснить, где мои родители, и бежать отсюда так далеко, как позволят ноги. А еще лучше сначала убежать, а потом начать что-то узнавать. Мне не нужно заводить друзей, привязываться к кому-то или притворяться, что меня все устраивает. И хватит об этом.

— Ну и как ты это сделала?

Я с удивлением оборачиваюсь и обнаруживаю у себя за спиной Еву. Одной рукой она почесывает свои короткие темные волосы, а в другой держит острый кинжал, перекатывая его между пальцами.

— Сделала что?

— Околдовала капитана, разумеется, — хмыкает она.

Я напускаю на себя самый безразличный вид:

— Совершенно не понимаю, о чем ты.

— Да брось, детка. Все знают, что Эйдан ни с кем не тренируется — а тем более, с учениками. Ему плевать на все, что не касается короля и его любимых Элитовцев.

— И Давины, — подсказываю я, приподняв брови.

Ева недоуменно смотрит на меня, а затем начинает медленно, размеренно смеяться:

— Это она тебе сказала?

— У меня есть глаза.

— Не знаю, что там твое бурное воображение тебе подсказало, но Эйдану нет никакого дела до Давины. Она-то наверняка влюблена в него по уши, но капитану от нее ничего не нужно. С тобой же другая история, — Ева задумчиво начинает поигрывать кинжалом, — так что же это? Вы в каком-то сговоре или он просто на тебя запал?

Я краснею с головы до ног, но стараюсь держать себя в руках. Ева ошибается. Не знаю, зачем Эйдану обучать меня, но полагаю, все это как-то связано с обеспечением безопасности короля. В одном она была права: печется он только об этом.

— Мы не в сговоре, и он на меня не запал, — наконец произношу я, — у меня есть то, что ему нужно — я могу защитить короля.

— Мы все можем, — пристально смотрит на меня Ева, — и многие куда лучше, чем ты, — ее слова напоминают мне о том, как Эйдан отказался тренироваться с ней несколькими неделями ранее. — Но он выделил тебя. Делай с этой информацией, что хочешь, но при желании люди могут воспользоваться его слабостью по отношению к тебе. На твоём месте, я бы не радовалась. Не зря Элитовцам нельзя ни на ком жениться — они должны быть преданы только одному человеку и это король. Чувства любого из Элитного отряда делают тебя огромной мишенью.

Я хмурюсь и складываю руки на груди:

— Это угроза?

Ева перестает перекачивать кинжал в руке и смеется:

— Нет, глупая. Я-то как раз-таки на твоей стороне. Просто думаю, что тебе стоит перестать зевать и начать оглядываться по сторонам. А еще поменьше преданно смотри ему в рот. Что бы там ни было, он все же капитан. Если это будет в интересах короля, ему ничего не будет стоить тут же предать тебя.

Ева отходит от меня и идет по направлению в Боевую комнату, но я не решаюсь последовать за ней. Мне совершенно не понравился этот разговор, но я была вынуждена признать ее частичную правоту. Однажды мне придется покинуть этот дворец и всех его обитателей, и я собираюсь сделать это без сожалений.

Из мыслей меня выдергивает крик одного из парней, которого я раньше не видела. На нем костюм Искупителя, и он машет рукой в мою сторону:

— Эй, ты же Эланис? К тебе пришел принц.

Я не успеваю удивиться тому, как быстро в этом месте пополняется число Искупителей. Сколько же детей они забирают и как часто? Как они вообще умудряются выслеживать нас? Черт бы побрал этих Просветителей.

То, как Искупительницы смотрят на Адриана, наталкивает меня на мысль, что Скилар все же был прав. Они тихо перешептываются и кидают на него такие откровенные взгляды, что не по себе становится даже мне. Он стоит посреди Общего Зала, сложив руки на груди, а снующие мимо девушки с хихиканьем здороваются с ним. Возможно, они уже успели пройти через все те стадии, через которые пришлось пройти и мне — спутница на балу, парочка душевных разговоров, а потом самая блаженная ночь в жизни, после которой принц не сможет вспомнить твое имя. До последнего этапа я, разумеется, доходить не планирую.

Я ухмыляюсь и смотрю, как он приближается ближе. Сегодня на Адриане такой же черный костюм, как и на всех Искупителях — и я бы не удивилась, если бы он тоже к ним принадлежал, но, судя по словам Оракул, такой роскоши еще никто не удостоивался. Тут уж либо Просветитель, либо Искупитель.

Я не разговаривала с Адрианом со вчерашнего дня — да мне и не хотелось бы обсуждать это. Я уже поняла, что принцу тоже ничего неизвестно, а если мне так хочется сведений, то лучше стучаться напрямик к королю и надеяться на то, что на следующее утро моя голова не будет катиться по ступенькам дворца.

По выражению лица Адриана трудно сказать, собирается ли он отчитать меня за мое поведение и неподобающие выходки, а если да — то каким образом. Но когда он останавливается рядом, на его лице появляется робкая улыбка, и впервые я думаю, что, возможно, он немного мне сочувствует.

— Привет. Как ты?

Поверить не могу, что слышу эти слова от человека, который заявил мне на балу, что я — его выгодное вложение. В который раз я убеждаюсь, что совсем не понимаю, из какого теста в действительности слеплен Адриан.

Вместо ответа я пожимаю плечами, потому что на самом деле не знаю, как ответить на этот вопрос.

— Простите, — чувствую себя обязанной произнести эти слова. — Я не должна была так кидаться на вас вчера.

— Что ж, методы были выбраны не лучшие, но я понимаю тебя, Эланис. Не переживай, я не буду читать тебе лекцию на тему того, что ты подвела меня, а ты это сделала. Надеюсь, теперь тебе стало легче. Уверен, твои родители сейчас живут в безопасности в большом

доме и не знают забот.

Думаю, по тому, как я отвожу взгляд, он понимает, что я не настроена об этом говорить. Быстро оглядевшись, он проводит рукой по волосам и слегка ухмыляется:

— Пойдем со мной. Сегодня ты впервые опробуешь свою магию на мне. А после этого у меня для тебя есть небольшой утешительный подарок.

Я отчасти благодарна Адриану, но неужели он думает, что коробка конфет сделает мою жизнь лучше?

— Давай же, — подбадривает он, — тебе понравится.

Как будто у меня есть выбор! Кисло улыбнувшись, я беру его под руку, и мы покидаем Общий Зал под задорный свист Скилар. Давины нигде не видно, но, думаю, она была бы куда более довольна проведенным с принцем временем, чем я.

Мы покидаем Солнечный город, что заставляет меня немного заволноваться. Что же за место он выбрал для тренировок? Принц молчит, а я — к своему немалому стыду — устала задавать вопросы и не получать на них ответов.

Минут через десять мы оказываемся в просторном помещении, где все уставлено продуктами и досками, в воздухе витают упоительные запахи выпечки, а в печи игриво потрескивает огонь. К моему удивлению, здесь никого нет.

— Кухня? — изумленно обернувшись к принцу, недоумеваю я.

Адриан подмигивает.

— И мы будем здесь тренироваться?

— Что, тебе не нравится?

Не знаю, насколько серьезно я могу относиться к тренировке в подобном месте.

— Нравится, — бормочу я, пробежавшись пальцами по разделочной доске, — и дайте я угадаю. Подарком будет торт?

— Пусть это будет твоей мотивацией, — загадочно пожав плечами, улыбается Адриан.

В нашем старом доме у нас была маленькая кухонька, где мы с мамой, толкая друг друга, пытались дотянуться до муки и специй, и всегда смеялись, потому что неизменно оказывались грязными с ног до головы. Что-то обязательно падало или рассыпалось, и, пусть мы никогда не хвастались таким количеством денег, чтобы каждый раз заменять испорченные продукты, мы никогда не расстраивались по этому поводу. Мама умела превратить готовку в самое забавное развлечение на свете. И я обожала готовить. Отчасти потому, что нам было так весело, а отчасти потому, что папа всегда пробовал мои кулинарные шедевры — которые часто оказывались несъедобными — и требовал добавки, заявляя, что это лучшее, что он ел в своей жизни.

Мне кажется, что у меня еще никогда так сильно не болело сердце.

Адриан осторожно дотрагивается пальцами до моего плеча и утыкается носом мне в шею. От этого родственного жеста я закрываю глаза и делаю все возможное, чтобы не заплакать.

— Пойдем, — шепчет он.

Тренировки помогут мне собраться. Всегда помогают.

Я выпрямляю плечи и оборачиваюсь к нему. Он стоит напротив и мягко смотрит на меня.

— Итак, сосредоточься. Представь, как сила течет по твоим венам. Наполняет тебя. Представь, какого она цвета, запаха, формы. Представь, как она выходит за пределы твоего тела и защищает тебя куполом. Как будто ты в большой стеклянной банке и моя магия

ударяется о ее стены.

Я послушно закрыла глаза и почувствовала, как моя кровь начинает гореть. Вся боль, все эмоции, которые я испытывала, превращались в горячую энергию, текущую у меня по венам. Моя сила вовсе не была стеклянной банкой. Моя сила была огненным кольцом, которое окружало меня огромными всполохами пламени.

Я открыла глаза и увидела, как Адриан напряженно смотрит на меня, протянув в мою сторону руку. В прошлый раз, когда так сделал король, я чувствовала сопротивление — чувствовала, как две наши силы столкнулись и вступили в борьбу. Сейчас же я почти ничего не ощущала. Слабое давление, которое съедалось жаром моего огня.

— Что ж, очень хорошо, — чуть удивленно произнес Адриан. — Возможно, я давно не тренировался.

— Это я стала сильнее, — улыбнулась я.

— Подожди, я еще покажу тебе, что такое настоящая сила!

Но и последующие попытки принца не увенчались успехом. Однажды его сила дошла до легкого покалывания на моей коже, но этот момент был настолько быстрым, что почти показался мне плодом его воображения.

— Ага! — торжествующе воскликнул Адриан.

— Слушайте, ваше высочество, это было достаточно...

Он одарил меня грозным взглядом, и я с улыбкой прикусила язык.

— Как скажете.

— Твоя магия способна не только бороться с моей, — объяснял он в перерыве между безуспешными попытками воздействовать на меня, — ты можешь перенаправлять магию Просвещения, подавлять ее во мне, использовать против меня. Но, во-первых, даже не думай пытаться, а во-вторых, это требует годы тренировок. Так что опусти свой вздернутый носик!

Я смеялась в ответ на его забавные лекции, так непохожие на фанатичные рассказы Оракул. Через час тренировок принц предложил сделать перерыв. Думаю, все дело было в том, что он устал, но он отказывался это признавать.

— Что ж, — переведя дух, улыбнулся Адриан, — а вот и твой приз.

Он сдернул полотенце со стола рядом с ним, и открыл моему взору несколько мисок, масло, муку, огромное количество глазури, сахарной пудры и присыпок...

Я едва не завизжала.

— Мы будем готовить торт!

Ну, если что-то в целом мире и могло заставить меня почувствовать себя лучше, то это вовсе не поедание торта, а процесс его приготовления.

— Я думал о кексах. Ты не против?

Я отчаянно замотала головой. Знаю, все правила приличия запрещают мне сейчас же броситься ему на шею, но если бы я могла, то сделала бы это. Что ж, если именно так заботливо Адриан завоевывает девушек, то я понимаю, откуда идет слух о его бесчисленных победах.

Принц — ужасный кулинар. Полагаю, ему никогда в жизни не приходилось что-то себе готовить, поэтому он долго задумчиво разглядывал содержимое муки, как будто искал подсказку, что именно с ней делать.

Я уже выложила в миску кубики масла и со смехом за ним наблюдала.

— Ваше высочество, думаю, это ей стоит вас бояться, а не наоборот.

— Она очень странно выглядит, — хмуро произнес Адриан, с опаской заглядывая

внутри пакета.

— Только не говорите мне, что никогда не видели муки.

— Видел...но не очень представляю, что с ней делать.

И тут вдруг все мои проблемы отошли на второй план. Я начала громко смеяться, чем заработала уничтожающий взгляд.

— Хотя знаешь, возможно, я разберусь, — сообщил Адриан с приторной улыбкой.

О, это не могло хорошо кончиться. Я с визгом сорвалась с места, когда принц занес пакет с мукой в мою сторону. Белые всполохи окружили меня, и я закашлялась, старательно унося ноги. Принц издал боевой клич и бросился следом.

— Сейчас же идите сюда и позвольте извлекать вас в муке, Эланис!

— Вот еще!

Я схватила со стола пакетик с присыпкой и швырнула ее в сторону Адриана. Разноцветные шарики застряли в его светлых волосах, заставив меня рассмеяться еще громче.

На одном из поворотов он схватил меня и щедро обсыпал нас обоих мукой. Не переставая смеяться, я провела пальцем по сахарной пудре у него на щеке и осторожно слизнула.

— Блаженство, — сладко улыбнулась я.

Адриан засмеялся, тоже попробовав пудры со своего лица.

— Если мои повара готовят именно так, то я лично вызовусь помогать им с готовкой каждое утро.

— Да вы скорее будете есть свои ногти, чем станете помогать им с готовкой!

В ответ Адриан издал оскорбленный возглас и вновь схватился за пакет с мукой, а я пустилась наутек.

Кексы мы все же приготовили. Ну, ладно, я приготовила, а Адриан с серьезным видом посыпал готовые кексы сахарной пудрой, как будто только что постигнул этот мир. Запасов муки у королевских поваров, слава богу, было немерено.

Добавляя в разных пропорциях изюм, шоколад и фрукты я чувствовала себя дома. Вот уж не думала, что когда-то испытаю это чувство во дворце. Хотя, конечно, это лишь слабое подобие. Как читать чей-то дневник и притворяться, что он — это настоящая жизнь.

— А разве вам не нужно заниматься государственными делами? — поинтересовалась я, наблюдая, как он тщательно работает над внешним видом кексов.

— Нужно, — ответил Адриан, не отрываясь от работы.

— Тогда, возможно, мне не стоит вас отвлекать?

Принц выпрямился и любовно посмотрел на свой шедевр.

— Отец в последнее время не подпускает меня к делам. Я присутствую на политических советах и обсуждаю с ним принятия решений, но он не посвящает меня в свои далеко идущие планы. Думаю, он сомневается, что я готов стать королем.

Мне не хотелось говорить об этом Адриану, но так думал не только король. В Лакнесе Адриан не пользовался особой популярностью, в отличие, скажем, от принцессы Эсмеральды. Даже принцесса Селеста по мнению многих являлась более достойной кандидатурой, чем разбалованный, легкомысленный наследный принц.

— Я стараюсь, — пробормотал он. — Принимать решения на благо королевства. Выпрашивать улучшения пособий у отца и условий их получения. Но, конечно, я все понимаю. Я не посол мира, не пример для подрастающего поколения и у меня

отвратительная репутация. У народа нет причин любить меня. Я просто...не знаю, как все исправить.

В последнее время Адриан стал чаще появляться перед толпой на главном балконе дворца Спасителей, где рассуждал о будущем региона и наших планах на ближайшие годы. Я, как и многие, считала это обычным позерством — мол, понял, что правление уже близко и решил завоевать союзников. Но сегодня я впервые поняла, что для Адриана это действительно имеет значение. Ему не все равно. И для меня это уже было качеством великого правителя.

— Мне есть, что предложить этому миру. Я способен на перемены, ровно как и на поддержание старого строя. Но мои ошибки стоили мне слишком дорого

Я осторожно кладу руку ему на плечо и произношу:

— Я уверена, что вы будете замечательным королем, ваше высочество. И мир тоже это увидит.

Он поворачивает ко мне голову, и его глаза сияют робким блеском надежды.

— Ты правда так думаешь?

— Не сомневаюсь.

И к своему собственному удивлению, я действительно говорила правду. Адриан Лакнес оказался не фантомом девичьих желаний и не воображаемым прекрасным принцем. Он оказался неожиданно человечным.

Адриан протягивает мне кекс — лучшую из своих работ — и нервно наблюдает за тем, как я пробую кусочек, как будто от моих слов зависит его дальнейшая судьба.

Наши кексы и отдаленно не походили на то, что пекла мама — хотя я никогда не могла ни в чем превзойти ее кулинарные шедевры. У нас они вышли немного суховатыми и слишком сладкими, да и с фруктами мы намудрили. С кексами, как и с людьми, очень важно чувствовать меру — сколько добавить любви, где оказаться более нежным и где не переборщить.

— Совсем неплохо, — с улыбкой произношу я, протягивая ему мой кусочек.

Адриан одобрительно кивает, надкусывая кекс:

— Что ж, это было забавнее, чем я ожидал.

— А чего же вы ожидали?

Он задумчиво взял со стола еще один кекс.

— Не знаю. Наверное, что ты расплачешься посреди готовки или попытаешься убить меня ножом. К твоему сведению, снаружи стояли Хранители...ну так, на всякий случай.

Я изумленно оглядываюсь, но по довольному выражению лица Адриана понимаю, что он просто хочет меня раззадорить. Хотя я ни на секунды не сомневаюсь, что Хранители действительно там стоят. А может, некоторые из них спрятались где-нибудь в печи или среди теста. Разве можно удивляться их присутствию?

— Тогда вам ничего не угрожает, — с улыбкой произношу я.

Адриан провожает меня до комнаты — мы разделили оставшиеся кексы пополам и аккуратно завернули их в фольгу. Я останавливаюсь перед дверью, чтобы Нора не видела нас вместе, и смотрю в его карие глаза:

— Спасибо, ваше высочество. Сегодняшний день был...

— Незабываем, — довершает он.

— Ну, я не стала бы так выражаться... — я ухмыляюсь, — но он точно пришелся мне по душе.

Я собираюсь уйти, но Адриан хватает мою руку и взволнованно приближается ко мне.

— Подожди...по поводу того, что я сказал на балу... Ты должна знать, что я так не думаю. Ты для меня не просто вложение, которое может окупиться.

— Вы не знаете меня, ваше высочество, — тихо говорю я, покачивая головой.

— Нет, я не об этом. Я не считаю, что Искупительницы — это трофеи короля. Я бы... — он делает вздох и закрывает глаза, — я так многое хотел бы тебе рассказать, но я не могу. Для меня ты в первую очередь человек, Эланис, и мне плевать на каких условиях ты здесь находишься. Я хочу, чтобы ты никогда не забывала о том, кто ты такая на самом деле.

Наверное, мне никогда еще не было так стыдно, как в тот момент. Я считала, что имею право поступать по отношению к принцу так же, как он поступает по отношению ко мне. Он считал меня вложением, а я его — способом получения информации. Я никогда не думала, что он может видеть во мне что-то большое — то, чего я сама не видела в нем.

— Борьба — не всегда выход, но она — форма твоего существования. Ты не можешь просто отказаться от своей сущности.

Я сжимаю его руку, чтобы он знал, что я его понимаю. Я его слышу. Порой все, что тебе нужно — это не ответ, а две пары глаз, которые яснее всяких слов дадут понять, что кто-то тебя прочувствовал.

Селеста

Один надеялся, другой предался отчаянию: каждый из них сам избрал свою долю.

Эмили Бронте. Грозовой перевал

Прошло две недели после выздоровления Эсмеральды и Габриэля, а это означало только одно — наследному принцу пора возвращаться домой. Все эти две недели я провела в постоянных хлопотах — оказалось, что доктора не позволяют сестре исполнять ее обязанности, и они временно переходят ко мне. Почти на всех мероприятиях и Советах мы появлялись с Эсмеральдой вместе, поэтому я сомневалась, что ее работа сможет осложнить мне жизнь. Оказалось, что пока я охотилась или сражалась на мечях с братом, она занималась огромным количеством вещей, которые кто-то назвал важными. Каждый день мне приходилось почти постоянно сидеть у стола и лично отвечать на письма послов, членов Совета, принцев и принцесс, королей и королев... Я искренне думала, что это работа отца, но, как оказалось, посол мира — это не просто название. В мои обязанности так же входила проверка отчетов о Просветителях и прямая связь с Ищейками, а еще организация благотворительных мероприятий и планирование миролюбивых миссий...

— Я не уверена, что ее высочество одобрит то, как я хозяйничаю с ее проектами, — неуверенно пробормотала я, кивая на кипу бумаг.

Главная советница и помощница Эсмеральды леди Де Броуз, которую приставили следить за мной, лишь пожала плечами и позаботилась о том, чтобы мне заменили свечу.

— Пока принцесса не поправится, это ваш пост. Она сказала, что полностью вам доверяет, а если у вас есть вопросы, вы можете обратиться к ней.

— Вы прекрасно знаете, что принцессе не позволяют сейчас заботиться о делах.

Она неприязненно посмотрела на меня и снова передернула плечами. Что эта женщина вообще здесь делает?

В итоге я удалила ее и до окончания моего недолгого правления справлялась со всеми делами сама. Наверное, никогда в жизни мне еще не приходилось работать днями и ночами, не прерываясь ни на сон, ни на развлечения. Все это заставило меня усомниться в том, что Эсмеральда — человек.

Мой братец в это время занимался вещами куда более интересными. Он — будущий король, а вовсе не посол мира, поэтому негоже ему тратить свое время на такие глупые занятия. Через неделю после моих страданий и его каникул, отец наконец взял Адриана с собой в Кравер, где должен был состояться бал по случаю совершеннолетия Кристины и Совет, на котором обсудят условия их брака. Я даже перестала ему завидовать.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Никто во всем дворце не праздновал выздоровление сестры больше, чем я — раскидав все бумаги на ее столе, я влетела к ней в комнату и осыпала все ее лицо поцелуями. По случаю поправки Эсмеральды в ближайшее время обещался бал, на который съедутся представители всех регионов. Накал страстей после инцидента в Стейси поутих — беспорядки были устранены, а отец выступил с личным обращением к семьям погибших, принося свои извинения за то, что они были подвергнуты самому жестокому суду. Принимая во внимание условия происшествия, он все-таки согласен, чтобы Лакнес выплатил весенцы семьям пострадавших. А если кто-то что-то и знает о правлении, так это то, что деньги

решают все. Я абсолютно не считала нужным извиняться перед семьями убийц за участь, которую те заслужили, но восстания — это то, что нужно нам всем сейчас меньше всего. Король Стейси выступил с ответной речью, где принес свои извинения за происшествие с принцессой и пообещал максимальную безопасность всем новоприбывшим в его регион.

Но это, конечно, все слова.

Выздоровление Габриэля тоже весьма меня волновало. Я навещала его несколько раз, но интенсивная работа не позволяла мне выкроить и лишней минуты на себя. К тому же, его постоянно отводили на какие-то процедуры или в кабинет Советов, где он связывался с семьей или что-то обсуждал с Адрианом. Будь он в более добром здравии, я предположила бы, что они пьют вино, закинув ноги на стол и обсуждают, каково это — быть королями. Хотя, впрочем, я слишком строга к своему брату.

В день, когда их обоих выписали из госпиталя, я постучалась в его комнату, и, дождавшись разрешения войти, приоткрыла дверь.

Габриэль, одетый в одни лишь штаны и высокие сапоги, сидел на кровати и перебирал документы, разложенные вокруг него. Когда я вошла, он поднял глаза и улыбнулся:

— Простите, ваше высочество, я не одет.

— Это могло бы волновать меня меньше всего, — я подошла ближе и опустилась на край кровати. — Рада видеть вас в добром здравии, ваше высочество.

— Спасибо, что навещали меня, — пробормотал он, отложив документы в сторону, — я был тронут.

— Вы спасли мою сестру. Не говоря уже о том, что вы — мой будущий муж. Я не могла поступить иначе.

На его лице появляется игривая улыбка:

— Я думал, вы не сентиментальны.

— Не путайте отсутствие сентиментальности с бессердечностью. Сантименты никому еще не приносили ничего хорошего, но черствость — это совсем не то же самое. Вы удивитесь, но я способна чувствовать благодарность.

— Значит, одного благородного поступка будет недостаточно, чтобы покорить вас?

— Боюсь, вам придется постараться еще.

Он тихо засмеялся, опустив голову.

— Что ж, думаю, это стоит того.

Я улыбнулась в ответ, и тут Габриэль потянулся вперед и сжал мою руку. Его серые глаза серьезно посмотрели на меня.

— Селеста, я прошу вас поехать со мной в Стейси.

— Но моя поездка запланирована не раньше, чем...

— Я знаю. Я хочу, чтобы вы увидели там все по-настоящему — без послов и советников, без Хранителей за вашей спиной. Только со мной.

— Габриэль, — я оторопело смотрела на него, — я убеждена, что вы спешите.

Он непонимающе качнул головой.

— Но разве это не то, чего бы вы хотели? Я предлагаю вам свободу. Сейчас. И я хочу, чтобы вы знали — каждый день жизни со мной вы будете свободной.

Я не знала, что сказать. Габриэль понятия не имел, как много он мне предлагал — больше, чем я могла бы принять. Я прямо сейчас взобралась бы на коня и понеслась за ним в Стейси, потому что я обожаю приключения, и мне осточертела жизнь во дворце. И мне осточертел Лакнес. Я так устала жить там, где моя жизнь мне не принадлежит — где я

вынуждена подчиняться всем, кроме себя самой.

Но разве я действительно могу так поступить?

— Вы предлагаете мне сбежать?

— Нет, разумеется, нет... ваши отец и мать с братом уехали в Кравер и вернутся не раньше, чем через неделю. Мои родители сейчас тоже на приеме в Кравере. Ваша сестра не будет против. Я скажу, что возьму вас с собой на миссию. Не забывайте, что вы — моя будущая супруга. Если вы хотите... уехать со мной, то я обещаю, что вы вернетесь еще до возвращения его величества.

Если отец узнает, что я сбежала куда-то еще даже не с моим мужем, то он в лучшем случае отрубит мне голову. Конечно, если информация просочится, то можно представить это, как неофициальное знакомство с регионом и мое рвение стать королевой Стейси, но... черт возьми, это же будет скандал. А после того, что произошло с Эсмеральдой, придет еще больше послов, которые начнут требовать моего сожжения за несоблюдение протокола.

Удивительно, что в мою голову вообще лезут такие мысли. Еще пару месяцев назад меня не пришлось бы спрашивать дважды.

Но я так хочу уехать... я хочу посмотреть на Стейси. Узнать, сможет ли этот регион сделать меня счастливой. И да, Габриэль прав — во время официальной поездки мне не дадут ни секунды побыть одной.

Принцессе не полагается быть безрассудной, но королеве — тем более. Я никогда не смогу сделать ничего подобного, когда стану тенью своего мужа. Уверена, моей маме не раз хотелось бы выкинуть какую-нибудь глупость, но она не может компрометировать нас. Сегодня мой последний шанс побыть просто Селестой.

— Вы обещаете, что никто об этом не узнает, кроме моей сестры? — требовательно спросила я.

Глаза Габриэля зажглись, и он закивал. Господи, а я думала, что он скучный и дотошный! Принц начинает нравиться мне все больше и больше.

И как я только на все это решилась?

— И вы выделите мне время на прогулку в одиночестве. И никаких Хранителей или кто там у вас охраняет регион! И позвольте напомнить, ваше высочество, что я еще не ваша супруга, так что мы будем жить в разных комнатах.

— Я все понял, — закатив глаза, усмехнулся Габриэль.

Сердце скачет у меня в груди от предвкушения и азарта.

— И когда мы выдвигаемся?

— Я приказал конюхам подковать и напоить коней. Осталось условиться с Эсмеральдой, приготовить вашего коня, и мы сможем выдвинуться этой ночью. С нами поедут Надсмотрщики из Стейси, с которыми я приехал, но они не болтливы. Ночью мы сядем на корабль, и нас переправят в Стейси.

Кажется, огромная кипа работы плохо на мне сказалась, потому что я практически без колебаний ввязалась в эту авантюру. Вот уж никогда не думала, что Габриэль будет моим... другом.

Эсмеральда, как и следовало ожидать, сказала, что я сошла с ума и наверняка ввяжусь себя в неприятности, но протестовать не стала. Вместо этого она крепко обняла меня, наказала быть осторожной и не выходить на улицу без капюшона. И вообще желательно, чтобы никто меня не видел. В свою очередь она пообещала предупредить меня в случае, если родители решат вернуться раньше намеченного срока.

Вечером мы с Габриэлем в черных плащах, окруженные Надсмотрщиками, отправились в порт, находящийся в северной стороне Лакнеса, где сели на корабль, идущий в Стейси. Мы плыли два дня и две ночи, несколько раз совершая пересадки, и вскоре, усталые и измученные, добрались. Сойдя на берег, мы еще несколько часов скакали по равнинам, пока не увидели впереди подобие города.

Габриэль ни на секунду не преувеличивал. Стейси — это бесконечные луга и равнины, стройные ряды лесов, виднеющиеся вдаль, и небесно-голубое небо. Я гнала своего коня так быстро, что Надсмотрщики за спиной озабоченно кричали, чтобы я остановилась, но Габриэль махал им рукой, что все в порядке. Ветер обдувал мне лицо, слезы лились из глаз, но я так и не смогла определить — от ветра или от счастья.

Габриэль отвел мне отдельную комнату в замке, который оказался чуть меньше дворца Спасителей. Он был почти точной копией моего дворца в Лакнесе, но все же казался более свободным. Как будто даже камни здесь были другие. Я не видела двух младших братьев принца — Джуллиана и Келсея — но по слухам они не поехали в Кравер.

— Твоя служанка неболтлива, так что не переживай.

Габриэль стоял у входа в мою комнату и осматривался. У него был усталый вид — наверняка после ранения такой путь дался ему нелегко, но в первую очередь он все равно позаботился обо мне.

Если бы Габриэль задал мне тот же вопрос сегодня, то я нашла бы не меньше сотни причин, по которым мне следует его полюбить.

— Если тебе что-нибудь понадобится, дай ей знать, — он провел пальцем по подсвечнику. — Знаю, тут темновато и вид не очень, но было опасно выдавать тебе лучшую комнату...

— Габриэль, — перебила я его, — все прекрасно. Лучше, чем могло бы быть.

Он бросил на меня удивленный взгляд:

— Что ж, я пойду. Завтра ты можешь взять коня или пойти прогуляться в город. Если ты настаиваешь, с тобой не будет Надсмотрщиков, но пожалуйста, будь осторожна. После того, что случилось с Эсмеральдой, мне не хотелось бы подвергать тебя опасности. Хоть Стейси и хорошо охраняется, никогда не знаешь, что ждет тебя за поворотом. Вечером мы соберемся вместе на ужин, а послезавтра я лично повожу тебя повсюду.

Габриэль знал, что самый ценный подарок, который он может подарить мне — это день наедине с самой собой.

В порыве благодарности и чувства уважения, которому я не могу найти точного определения, я обхватила его за шею и прижалась к его губам. Когда я открыла глаза, принц ошарашенно дотрагивался пальцами до моей щеки. Я едва удержалась от смеха.

— Спасибо, — пробормотала я, улыбаясь.

Габриэль, с трудом придя в себя, притянул меня ближе за талию и выдохнул:

— Если именно так ты будешь меня благодарить за всякие приятные мелочи, то я вынужден буду делать их постоянно.

— Ты же знаешь, что это не мелочи.

Когда я стану королевой, у меня больше не будет такой возможности. Последний шанс быть свободной — это эти несколько дней. Я не могла ими поступиться. Габриэль подарил мне все.

Он снова прижался губами к моим губам, и чем глубже становился наш поцелуй, тем лучше я понимала, что такое любовь.

Моя прогулка по Стейси заняла ровно три часа, потому что вместе со звоном часов башни на главной площади, я заметила что-то неладное. Я давно не охотилась, но мои навыки никуда не делись: я до сих пор чувствую каждый измененный шаг, каждый вздох, определяющий, что дичь что-то заметила. Просто я никогда не думала, что дичью стану я.

Охотник в каком-то смысле — тоже лишь животное. Куда более стратегическое, осторожное и до абсурда терпеливое. Каждый охотник прекрасно понимает, что у нападения есть свой час, а если ты не можешь его дожидаться, то обязательно совершишь ошибку. Поспешность равняется опасности.

Я выучила психологию охотников до самой корочки просто потому, что сама такая. Я осторожно передвигалась по улицам Стейси, накинув капюшон, любуясь просторностью улиц, каких никогда не встретишь в Лакнесе, огромными лавочками и кипой людей. Все они были на одно лицо — кроме двух. Двое выглядели совсем не так, как остальные — они были спокойнее, их взгляд был сдержанным и слишком пристальным, чтобы не вызывать подозрений. На них были такие же черные плащи, как и на мне, что не позволяло хорошо разглядеть их наружность. Они стояли у лавки с овощами и о чем-то спрашивали торговку, но их тела были повернуты ко мне. Все мои внутренние рецепторы кричали.

Я находилась достаточно далеко от дворца, но если я затеряюсь в толпе, то, возможно, у меня будет шанс скрыться незамеченной. В конце концов, может, они просто узнали во мне принцессу.

Я двинулась в противоположную главной площади сторону, сливаясь с общим потоком людей — краем глаза я заметила, как они покинули торговку и ленивым шагом направились следом за мной.

Черт возьми.

Меня явно преследуют.

Если они потеряют меня из виду, то я могу скинуть плащ и остаться в одном платье, сбивая их с толку. Нет, платье слишком искусно сделано — оно не похоже на все остальные. Плюс к тому, если они знают, кто я, то это меня не спасет.

Хотя, возможно, привлеченное внимание станет моей защитой.

Я кинула взгляд назад — двое мужчин приближались неспешным шагом. Что же делать? Если скину плащ, то точно накликаю на себя беду — отец все узнает. Возможно, у меня есть шанс скрыться во дворце раньше, чем они до меня доберутся.

Я ускоряю шаг — они все так же продолжают неспешно следовать за мной. Кто же они такие? Одни из протестующих против убийства преступников, напавших на Эсмеральду? Откуда им известно, что я здесь?

Черт возьми, я не должна была приезжать. О чем я только думала? Что несколько дней, проведенные в Стейси, сделают из меня кого-то другого? Позволят мне забыть, что я наследная принцесса, у меня есть обязанности и долг перед Ламантрой? А мне всегда казалось, что наивность и я — вещи несовместимые.

Двое мужчин приближались в выдержанном темпе. Со стороны могло показаться, что они просто прогуливаются. Я ускорила шаг, бросая взгляды через плечо и стараясь оставаться спокойной. Охотник всегда чувствует запах страха.

Я свернула на людную улицу, надеясь слиться с толпой, но моя походка, моя одежда — все выдавало меня с головой. Я и подумать не могла, что быть Селестой Лакнес так хлопотно.

Улица расширилась, но я старалась держаться поближе к торговым лавкам — и это

было моей главной ошибкой. Мне потребовалось меньше двадцати секунд, чтобы понять это. В Лакнесе улицы очень узкие и все расположено близко друг к другу, поэтому я по привычке двигалась возле знакомых лотков с фруктами и овощами.

Как глупо, Селеста. Загнать саму себя же в угол своих привычек.

Именно поэтому я всегда говорила, что люди абсолютно ничем не отличаются от животных. Мы живем инстинктами, которые нас убивают.

Кто-то хватается меня за руку и резко тянет за прилавок. Я спотыкаюсь, падаю и ударяюсь головой о лоток — из моего горла вырывается крик, но неизвестный зажимает мне рот ладонью. В ту же секунду он пытается связать мне руки веревкой, чтобы я не смогла воспользоваться магией. Вряд ли меня это остановит, но я должна установить с ним зрительный контакт, чтобы просветить его. Я вырываю руки и кусаю незнакомца за палец, но меня тянут вглубь прилавка, и я теряю ориентацию и способность мыслить здраво. Кровь, капающая с ресниц, заслоняет мне обзор, но все произошло за считанные секунды, и, судя по всему, никто не обратил внимания. Почему же никто ничего не заметил? Ведь когда я стреляю из лука в одну птицу, другие разлетаются. Люди же тоже стадные животные. Неужели в толпе никто не замечает никого, кроме себя?

Я брыкаюсь и заламываю мизинец незнакомцу, зажимающему мне рот — вместе со сладким хрустом раздается тихий, шипящий крик. Он ослабляет хватку, позволяя мне вырваться — я стараюсь подняться с земли за лотком и применить магию, но в следующую секунду передо мной вырастают двое моих преследователей, и один из них ударяет меня в лицо. Я поднимаю руки, глядя на одного из них — его глаза становятся огромными, и он падает передо мной на колени. В следующую же секунду меня ударяют по голове сзади, но я успеваю увидеть, как третий мужчина всаживает нож просвещенному в сердце.

Последняя моя мысль была на удивление оптимистичной. Если бы я могла, то улыбнулась бы мужчине, который занес свой кулак для удара. В конце концов, если мне суждено сегодня умереть, то я умру не наследной принцессой Лакнеса, а обычной, не самой везучей девушкой Селестой.

Глава тринадцатая

Селеста

Любовь — это только повод для боли. И для того, чтобы приносить боль.

Грегори Галлоуэй. Простой как снег

— Убей ее уже.

— Ну да! Хочу я сам портить руки кровью наследной принцессы. И нашей будущей королевы, должен заметить.

— Ты идиот? Ты сам ее ударил и притащил сюда.

— Ударить и убить — не одно и то же, олух.

— Ага, а так, думаешь, королевская семья погладит тебя по головке? Убей ее!

— Еще чего! Сам убей.

— Тогда я заберу все деньги.

— Да пожалуйста. Я вообще не собирался во все это впутываться. А после смерти твоего братца я не хочу иметь с тобою ничего общего.

— Жертвуешь двумя тысячами весенцев? Ты точно полный идиот.

— Слушай, я здесь только потому, что твой брат вечно попадает в неприятности. Если вы решили вписаться в интрижки такого уровня — пожалуйста. Я же — обычный вор. И с меня хватит.

— Я убил своего брата, а значит, вполне могу убить и тебя.

— Не угрожай мне. Я не просвещен и мне не нужны твои деньги.

Этот разговор длится уже около пяти минут. Я лежу на холодном полу — уже не на земле — мои руки связаны, а на глаза надета повязка. Судя по всему, плащ с меня тоже стянули, но платье оставили нетронутым. Хоть какое-то уважение к их будущей королеве.

Моя голова болит так, как будто меня очень долго били ею о стену. Я стараюсь не шевелиться, чтобы избежать нежелательных ощущений, но у меня ничего не получается. Хоть кровь больше не течет.

— Эй, — хриплю я, — вы, недоумки.

Разговор стихает, и через несколько секунд самый боязливый неуверенно шепчет:

— Не надо с ней разговаривать. Вдруг она нас узнает потом?

— Какой же ты бестолковый, — раздраженно рявкает второй, — как она тебя узнает? У нее глаза завязаны. И лучше держись от нее подальше. Вдруг магия работает и без зрительного контакта...

Наступила короткая пауза, позволившая мне предположить, что оба мужчины от меня отделились. Судя по запаху, я находилась в затхлом помещении, где давно никого не было — до сегодняшнего дня.

— Что вам от меня нужно?

Раздался озабоченный шепот, и смелый проговорил:

— Чтобы ты тихо умерла, принцесска.

— Послушайте, — выдохнула я, — кто бы вам ни заплатил, он скорее всего сделал это из чувства мести. Слепая война давно закончилась, сколько можно наказывать нас за грехи наших предков? Моя семья может заплатить вам в разы больше.

Тихий смешок был прерван ударом и возмущенным криком.

— Заткнись, — прошипел смелый, — сиди и молчи, а то убью тебя сейчас.

— А чего же ты медлишь?

Вряд ли задавать такой вопрос своему похитителю уместно, но если уж умирать, то лучше бы хотя бы знать за что.

— Деньги получим и убьем, — фыркнул трусишка.

— О, идиот всех идиотов, у тебя есть свойство помалкивать?

— Никакой я не идиот, — обиженно отозвался второй, — к тому же, она все равно умрет.

— Да, но это не значит...

Их перепалка была прервана яростным стуком. Раздался толчок, и оба похитителя двинулись в сторону двери.

Итак, надо собраться с мыслями и успокоиться. Я попыталась просунуть руки под пятками, но оказалось, что мои ноги привязаны к какому-то стулу.

— Идиоты, — пробормотала я.

Кто вообще нанимает таких недоумков?

Ладно, надо сосредоточиться. Я смастерила бесчисленное количество ловушек и знала, как выбраться из каждой из них. Мне всего лишь надо примерить на себя роль жертвы.

Преодолевая головную боль, я начала усиленно тереться виском о пол, чтобы хоть немного сдвинуть повязку. Она была завязана так крепко, что я не чувствовала своих глаз. У меня нет лишнего времени. Я начала тереться сильнее, причиняя себе боль, но повязка не сдвинулась ни на миллиметр. Вместо этого я почувствовала что-то теплое, стекающее по лицу — видимо, открылась рана.

Просто замечательно.

Раздался хлопок и торопливые шаги. Почувствовав чью-то руку на своем плече, я вскрикнула и дернулась в сторону. Черт возьми, я буду бороться до последнего. Ни за что не умру безвольной трусихой, которая в свои последние минуты жалобно молила о пощаде.

— Селеста, это я... Господи, Селеста...

Габриэль?!

Он осторожно снял с моих глаз повязку. Дождавшись, пока перед глазами перестанут плясать разноцветные точки, я вгляделась в его бледное, перепуганное лицо.

— Что ты здесь делаешь?

— Нам нужно уходить, — выдохнул он, проведя рукой по моей рассеченной голове.

Он поднес к лицу пальцы, выпачканные в моей крови, и с силой сжал их в кулак. Его лицо стало еще бледнее, скулы заходили желваками, но он ничего не сказал, а лишь продолжил развязывать мои руки и ноги.

— Как ты узнал, что я здесь?

— Селеста, давай обсудим все позже. Нам нужно идти.

Он ловкими движениями развязывает веревки на моих конечностях, пока я быстро оглядываюсь. Я действительно нахожусь в старом, заброшенном просторном здании. Свет едва проникает сюда из-за заколоченных окон, но дверь наружу широко распахнута — я вижу несколько Надсмотрщиков, которые склонились над телами двух мужчин.

— Ты убил их? — срывающимся голосом шепчу я.

Габриэль и бровью не поводит, отбрасывая стул в сторону.

— Габриэль, если кто-то узнает... а все точно узнают, что ты опять убил кого-то без суда... я даже не знаю, что будет дальше. Господи, это все из-за меня.

Он резко повернулся и вплотную приблизил мое лицо к своему.

— В этом нет твоей вины, — настойчиво проговорил он. — Слышишь? Ни на йоту.

Габриэль подхватывает меня на руки, и я даже не пытаюсь сопротивляться. Голова гудит все сильнее, но я заставляю себя оставаться в сознании. Уткнувшись в его плечо, я наблюдаю за тем, как он спешно уносит меня все дальше от места моего заточения. Тела у входа исчезли — видимо, обо всем позаботились Надсмотрщики. Один из них пытается забрать меня у принца, но Габриэль еще крепче прижимает меня к себе.

Я хочу задать ему тысячу вопросов, но мои глаза закрываются раньше, чем он успевает посадить меня в обычную, ничем не выделяющуюся повозку. Перед тем, как забыться, мне мерещится, будто я заметила какую-то знакомую фигуру в противоположной стороне улицы, но уже через секунду это кажется лишь сном.

— Кто они такие? Объясни мне все!

Спустя день я сидела в своей выделенной комнате, где обо мне заботились две самые преданные служанки Габриэля. Об инциденте было известно только нескольким Надсмотрщикам и двум девушкам, но это было лишь делом времени.

Я чувствовала себя уже гораздо лучше — головная боль не прошла, но уменьшилась, к тому же, меня каждый день щедро обмазывали различными лекарственными кремами для скорейшего заживления ран.

Единственное, что осталось неразрешенным — мой разговор с Габриэлем.

Принц сидит напротив моей кровати на небольшом стуле, потирая рукой подбородок, заросший щетиной. С момента вчерашнего дня он как будто повзрослел лет на пять — выражение его глаз стало более острым, движения — резкими. И что-то мне подсказывало, что дело здесь не только в моем похищении.

— Экстремисты, — пробормотал он, — судя по всему, последователи тех, кто напал на Эсмеральду.

— Неправда, — покачала головой я, — они сказали, что им заплатили. А когда я сказала про Слепую войну, они лишь рассмеялись.

— Селеста, они могут и не знать, кто их нанял. Но кто еще, по-твоему, станет нападать на принцессу из других земель?

Я молча вперила в него взгляд, а он, не выдержав, спрятал лицо в ладонях. Читать Габриэля с каждым днем становилось все проще и проще.

— Ты либо вдруг превратился в труса, либо не хочешь мне говорить.

— Возможно, тебе сложно смириться с правдой, — вздохнул он.

— Что-то же происходит, правда? Что-то большее, чем простая месть. Что это, Габриэль? Восстания? Протесты? Господи, просто скажи мне. Образование тайных организаций?

Габриэль откинулся на спинку стула и потер переносицу.

— Тайные организации существовали всегда. Я понятия не имею, кто напал на тебя, Селеста — и это пугает меня больше всего.

Я вздохнула, прислонившись к спинке кровати.

— Но как ты нашел меня?

— Уличная торговка видела, как тебя схватили, и сообщила одному из Надсмотрщиков. Весть дошла до меня, и я послал своих лучших людей с охотничьими собаками на твои поиски.

Что-то во всей этой истории все равно меня волновало, но я не могла сейчас найти слов, чтобы объяснить свою тревогу, поэтому просто вздохнула.

— В Стейси сейчас столько проблем... — пробормотала я. — Это становится опасным.

— Я не должен был приглашать тебя приехать, — твердым голосом проговорил он. — Это все моя вина. После того, что случилось с Эсмеральдой, звать тебя сейчас и позволять гулять одной, было верхом безрассудства.

— Габриэль, я сама...

— Тебе нужно уехать.

Мне показалось, что я ослышалась. Я смотрела на него с опешившим видом, а он сидел, оперев локти в колени, и избегал моего взгляда.

— Как только ты поправишься, я позабочусь о том, чтобы тебя быстро и безопасно переправили в Лакнес.

Он снова сжал пальцами переносицу.

Видеть это уже становилось невыносимым.

— Посмотри на меня.

Он не сдвинулся с места.

— Пожалуйста, посмотри на меня.

Наконец, Габриэль поднимает голову и смотрит прямо мне в глаза. Его изнеможенный вид приводит меня в ужас.

— В этом нет твоей вины, слышишь?

— Не надо пытаться заставить меня почувствовать себя лучше, — рычит он.

— По-моему, тебе стоит перестать брать на себя ответственность за мои поступки. Все случилось, как случилось — и в этом не было ничьей вины. Если бы мы могли этого избежать, если бы знали, как поступить правильно, то возможно, все было бы по-другому, но не было. Сейчас нам просто нужно решить, что делать дальше.

Габриэль проводит рукой по волосам, встает и устремляет взгляд в небольшое окно, выходящее на дворцовый сад.

— Это-то меня и заботит, Селеста. Мы вполне можем сочинить парочку нелепых баек и тайно переправить тебя домой. Но что будет дальше?

Я похолодела. В отчаянии я сжала пальцами простыни и смотрела на его отрешенный профиль. Никогда в жизни бы не подумала, что меня так напугает перспектива этого разговора.

— О чем ты?

Габриэль вздохнул и закрыл глаза.

— Лакнесов не любят в Стейси. Наш брак лишь поставит тебя под удар — а ты постоянно должна будешь находиться на публике. Как бы ты ни была сильна, сколько бы охраны я к тебе не приставил, я всегда буду волноваться за твою безопасность. Возможно, было бы лучше, если бы ты стала королевой региона, где тебе не придется постоянно переживать за свою жизнь.

Сердце стучит у меня в горле. Ну, вот и все, момент, которого я так долго ждала — Габриэль разрывает нашу помолвку. Я свободна в своем выборе. Теперь я могу выйти замуж разве что за наследного принца Бишопа, но, судя по слухам, он уже помолвлен с сестрой Кристины Кравер. Да и к тому же, Бишоп считается самым бедным регионом Ламантры, и несмотря на свою собственную женитьбу, отец никогда не позволит потомку Лакнеса править там.

Получается, я могу вообще не выходить замуж. Почему же я не чувствую ничего, кроме щемящего чувства пустоты, как будто мне показали что-то особенное и в ту же секунду этого

лишили?

Мужчина, стоящий передо мной — резко очерченный профиль, широкие плечи, пронзительный взгляд добрых глаз...если бы кто-то несколько месяцев назад сказал мне, что я буду бояться его потерять, я бы рассмеялась этому человеку в лицо.

Я никогда не думала, что Габриэль станет мне близок. Он стал моим другом, моей опорой — а я в жизни бы не призналась, что мне нужно чье-то плечо. Я теряла что-то в эту секунду. То, что почему-то уже по праву считала своим.

— Я хочу быть твоей королевой, — тихо говорю я с колотящимся сердцем.

Габриэль поворачивает голову и недоверчиво смотрит в мою сторону.

— Это же клетка, Селеста. Та самая, от которой ты всегда бежала.

Он был прав. Трон, корона — это антонимы свободы. Мне претит мысль о существовании в стенах замка, показательных казнях и фальшивых приемах. Но есть ли у меня альтернатива? Что лучше — остаться в четырех стенах Лакнеса, где я смогу медленно задыхаться, или разделить скомканное, затворническое существование с ним?

Я не могу произнести вслух то, что хочу. Слова стискивают мне горло, и впервые я понимаю, как физически тяжело становится уязвимой.

Габриэль взволнованно подходит ближе, садится рядом со мной на кровать и берет меня за руку. Его глаза пылают тем самым огнем, увидеть который я боялась больше всего.

— Неужели... — шепчет он, пристально глядя мне в глаза, — что-то изменилось?

Я знаю, каких слов он ждет от меня. Но буду ли я честна с ним, если произнесу их вслух? В конце концов, я никогда не знала, что такое любовь. Возможно, я просто смирилась с мыслью, что не способна любить, а значит — и быть любимой. Вечность с Габриэлем всегда казалась мне вынужденной мерой, тем, что мне придется перетерпеть. Так что же такое свобода: быть в плену своих чувств рядом с ним или быть вольной птицей в Лакнесе, в котором мне все стоит поперек горла?

Господи, я так запуталась.

Он проводит пальцами по моей ладони и мое сердце начинает стучать так громко, что я слышу его отголоски в своих ушах. Это чувство почти напоминает дикий ужас, смешиваемый с легким привкусом возбуждения.

Возможно, будь я кем-то другим, все было бы проще. Я смотрю в его взволнованные глаза и понимаю, что его королевой меня толкают стать вовсе не нежные чувства, а долг. Я обещала своей семье, что поступлю так, как правильно. И если я что-то и поняла за свою жизнь, так это то, что твердой основой правления является вовсе не шаткая привязанность, а обязанности. Залогом моей короны будет верность семье, а не любовь к Габриэлю. Только так я смогу принять свое предназначение и не сломаться при первых же проблемах. А мое сердце...пусть оно всегда будет принадлежать мне.

— Я приму корону Стейси и стану служить региону и своим поданным, как и завещали мне мои родители. И если мне придется сложить голову за свой долг, то так тому и быть.

Мне казалось, что эти слова произношу не я. Селеста Лакнес, охотница и стрелок, боец и бунтарка так легко отдается во власть королевства. Последние двадцать четыре часа изменили меня. Я впервые поняла, как мало моя жизнь стоит на самом деле — и насколько меньше стоит моя свобода. У меня никогда не было цели, мечты или идеи, за которую мне хотелось бы сражаться — лишь вынужденное сопротивление против навязанных мне идеалов. Впервые мне захотелось наполнить свое заранее обреченное существование смыслом.

Габриэль зарывается носом в мою руку, но я успеваю заметить отблеск разочарования в его глазах.

— Я понимаю, — наконец, произносит он, — ты хочешь сделать это ради верности своей семье, и я не смею требовать от тебя большего. Ты станешь удивительной королевой, Селеста. Королевой, иметь которую я и не мог бы мечтать. Но все же, — он медлит, — подумай над моим предложением. Я сделаю все, чтобы обеспечить твою безопасность, но это не та цена, которую ты должна платить.

— Любая цена будет слишком дорога, — произношу я, проведя рукой по его спутанным волосам, — вопрос лишь в том, почему я готова ее платить.

Мы сталкиваемся глазами, и нас обоих пронзает отчаяние:

— Ты же понимаешь, я не могу поступить иначе.

Я никогда не думала, что принятие короны принесет нам с Габриэлем такую боль. Он тяжело вздыхает:

— Для меня трон всегда был...чем-то разумеющимся. Моей единственной дорогой. Наследный принц, старший ребенок — у меня никогда не было выбора. Со временем я даже убедил себя, что это именно то, чего я хочу на самом деле. И знаешь, я чертовски тебе завидую, Селеста. У тебя были мечты, выходящие за пределы того, что тебе навязала Ламантра. У меня их никогда не было. Я просто последователь чужих убеждений. Я сам превратил себя в пешку не в моей игре. И сейчас я начинаю думать, что, возможно, эгоизм — это не так уж и плохо. Может, тебе действительно стоит поступить так, как того хочешь ты, и если тебе не нужна корона...Посмотри, что она уже с тобой сделала, — он нежно проводит пальцами по синякам на моей руке.

— Я отказывалась от своего долга, потому что так было лучше для меня, — произношу я. — Но я — часть семьи Лакнеса. Я не имею права подводить своих родителей, свою сестру и своего брата. Я уже сделала свой выбор. Моя жизнь не принадлежит мне, Габриэль. Она принадлежит Ламантре. И я готова принять ответственность за свое решение.

Удивительно, как некоторые происшествия меняют нас. Нападение на мою сестру, попытка убить меня...все это научило меня тому, как легко может оборваться наша жизнь. И что бы я оставила после себя? Несколько несбывшихся надежд, неосуществленных планов, самодельный лук и пошлые легенды о великой охотнице Селесте.

В конце концов, я просто хотела стать кем-то большим, чем я уже была. И дело было не в Габриэле, не в моей семье и даже не в Ламантре. Дело было во мне.

— Ты справишься, — шепчет он, — а я тебе помогу.

Наши пальцы соприкасаются и ток, пронзивший меня, напоминает нам обоим о том, что пути Господни неисповедимы.

Глава четырнадцатая

Эланис

Прежде чем рассказать мне о вещах, не предназначенных для постороннего слуха, убедись, что я действительно тот, за кого себя выдаю.

Керстин Гир. Зильбер. Третий дневник сновидений

Я чувствую, что во дворце что-то происходит, но в подробности меня не посветили — впрочем, как и других Искупителей. Несколько недель назад из Стейси прибыл принц Габриэль, а вместе с его приездом резко изменилась общая атмосфера моего нового дома. Адриан стал хмур и каждый раз, когда мы встречались, лишь окидывал меня отсутствующим взглядом и слабо отвечал на мои приветствия. Принцесса я видела лишь однажды, и обе тоже пребывали в скверном расположении духа. Не знаю, с чем это связано, но, если быть честной, сейчас меня это не особо интересовало.

Несмотря на мои слова, Эйдан продолжил тренировать меня. Он не высказывается о моих успехах, но, судя по тому, что язвить он стал меньше, у меня все же что-то получается.

— Рано вы собой гордитесь, — фыркнул он всякий раз, когда я улыбалась после сносного удара, — с вами все еще может справиться даже натренированный ребенок.

Когда мои друзья из Солнечного города и принц были заняты, я проводила время за чтением книг и воспоминаниями о доме. Я не собиралась сдаваться и должна была найти своих родителей, но в одном Эйдан и Скилар оба были правы — я все еще слишком слабая. Каждая свободная минута уходила на то, чтобы больше тренироваться, но, когда любая физическая активность становилась нестерпимой, я чаще всего читала в своей комнате. Мои пальцы пробегались по творениям знаменитых Ламантарских писателей — Брената, Каста, Людвиг — и меня охватывало острое чувство пустоты. В последнее время книг почти не писали.

Несмотря на гордость и силу моего региона, экономическая ситуация Лакнеса благоволила не всем, поэтому актеры, писатели и художники стали редкими встречаемыми, но именно благодаря этому тяга к искусству у простого населения усиливалась. Я никогда не забуду те времена, когда я была маленькой, и папа брал меня на пристань, где работал престарелый художник. У него были небольшие, добрые глаза, скрытые седыми волосами, спадающими на лицо, отчего он был похож на волшебника. Он рисовал за один весенец, поэтому папа изредка подводил меня к нему и позволял позировать. И, наблюдая за тем, как художник любовно выводит свободные, размашистые линии, я дрожала от восторга, потому что чувствовала, будто стала частью чего-то особенного.

Адриан снисходительно относился к моим рассказам о живописи. Он считал, что есть дела куда более важные, чем обычные развлечения поселения.

— Но это вовсе не развлечения, — возражала я, — это культура народа. Это традиции, которых Лакнес давно был лишен. Можешь назвать навскидку несколько вещей, которыми мы отличались бы от Бишопа? Или, скажем, от Стейси?

Адриан хмурился, на что я торжественно заявляла:

— А все потому, что мы стали лишь обычной частью Ламантры.

— Искусство, — сердился он в ответ, — это лишь оправдание для безделья. И тебе очень повезло, что ты такая прелестная, а то за твои слова тебя можно было бы назвать государственной преступницей! Посмотри вокруг: Лакнес — это моря, бесконечная

вереница кораблей, легкий бриз, узкие улочки...

Думаю, Адриану очень не повезло, что я такая упрямая.

— Возможно, завтра все это исчезнет. Улицы перестроят, моря пересохнут, а корабли исчезнут за горизонтом. И что же останется от Лакнеса? И сможет ли он вообще так называться? Ведь регион — это не просто ландшафт, а еще и то, что создаем мы сами.

Нам с Адрианом практически всегда было комфортно друг с другом — ровно до того момента, когда мы начинали расходиться во мнениях. Я была упряма, а он — нетерпим к чужой точке зрения. Его можно было понять, ведь он вырос среди всеобщего одобрения и поддержки, поэтому считал свои мысли непреложной истиной. В итоге, каждый наш спор — даже на самую безобидную тему — заканчивался тем, что он злился и уходил в другую комнату, а я — обижалась на него за неспособность убедить меня в своей правде.

С Эйданом все было иначе. Он вообще избегал споров на любую тему, а если и вступал со мной в дискуссию, то делал это очень странным образом. Чаще всего он высказывал свое мнение без притязаний на правоту, что тоже весьма меня раздражало.

— А ты не можешь хоть иногда высказывать свое мнение без "но это не точно" и "знать наверняка я не могу"? — недоумевала я.

Он лишь пожимал плечами в ответ.

— Но ведь знать наверняка я действительно не могу. И вам не советую. Только сумасшедшие и глупцы считают себя правыми.

— Эйдан, но как же ты узнаешь, что на самом деле правда, если не будешь ее искать? — со стоном спрашивала я.

— Правда — понятие относительное, а чужое мнение меня не интересует. И свое навязывать я никому не собираюсь.

Их политическая подкованность всегда вставала между нами — они умели выразить свое мнение так, что я в итоге никак не могла понять, вступили они со мной в открытый спор или нет. Это весьма расстраивало, ведь я скучала по качественным дискуссиям. Поэтому, большинство времени я проводила за спорами со Скилар. Ему-то уж точно никогда не составляло труда сказать мне то, что он на самом деле думает. Чаще всего это сводилось к непритязательному:

— Ты, крошка, несешь какую-то чушь.

Но, по крайней мере, это было хоть что-то.

Однако большинство времени я все еще уделяю тренировкам. Я тренировалась с несколькими Искупителями, но кроме Эйдана ни разу не сражалась с бойцом Элитного отряда. Думаю, они все считают меня легкой мишенью — а еще собачкой Эйдана, судя по их насмешливым взглядам. Меня это не особо трогает, да и капитана тоже — хотя, полагаю, его вообще мало что может задеть.

Сегодня вместо Эйдана в зале тренировок появилась Оракул. Она властным жестом указала тренирующимся на дверь, но меня попросила задержаться. Я уже достаточно отработала, нарезая круги по залу с двумя рапирами в руках, и не отказалась бы от стакана воды.

— Да? — приподняв брови, смотрю на нее я.

Оракул медленно приближается ко мне. На ней обычный плащ — разве что капюшон не скрывает гладкую голову. Ее небесно-голубые глаза пронизывают меня насквозь. Несмотря на устрашающий вид, Оракул никогда вызывала во мне беспокойства, но сейчас по моему телу пробегает мелкая дрожь. Я непроизвольно расставляю ноги, чтобы встать в боевую

стойку, что не ускользает от ее внимания. Она издает тихий смешок и наклоняет голову:

— Неужели это страх в твоих глазах, Эланис?

Я сдавленно сглатываю и произношу дрогнувшим голосом:

— Нет, Оракул, ничуть.

— Никогда не ври мне. Видишь, как просто тебя напугать — как легко заставить тебя поверить в то, что я превосхожу тебя по силе и мощи.

Понятия не имею, как ей об этом сказать, но так и есть. Я всегда относилась к Оракул с уважением — в конце концов, она одна из немногих, кто считает меня не просто скотом. Более того, она — предводительница Искупительниц. Разве ей не положено быть сильнее всех?

А возможно, все дело в том, что я о ней практически ничего не знаю, и это меня волнует. История ее происхождения, обнаружение дара...все это кажется мне подозрительным.

— А вы? Вы никогда не врете?

Она слегка приподнимает белесые брови.

— Совсем не обязательно произносить слова вслух, чтобы лгать. Иногда достаточно не позволять человеку задавать нужные вопросы.

О да, точно, ведь это не они привирают, а я недостаточно умна, чтобы их раскусить.

— Так что же — я не задаю нужных вопросов?

— Помнишь, — устремив глаза вдаль, произносит Оракул, — нашу первую официальную встречу? Я попросила тебя задать мне пять вопросов, которые ты считаешь наиболее важными, но ты, увлеченная моими ответами, начала спрашивать меня о том, что не имело для тебя большого значения. Большинство людей не понимают, что истинный ответ, который они ищут, зависит от вопроса, который они зададут. Именно поэтому они и обречены на вечные скитания во тьме.

Я с трудом могу различать, когда Оракул говорит истинно мудрые вещи, а когда просто несет околесицу, приправленную горечью ее прошлого. И как у Оракул вырос такой сын, как Эйдан? Вот уж интересно — один всегда молчит, а другая говорит все подряд.

Внезапно, Оракул отбрасывает полы своего плаща, выхватывает два кинжала, и, взмахнув ими, резко начинает наступать на меня. Я застываю на месте и хочу что-то произнести, но она угрожающе заносит кинжалы в мою сторону, заставляя меня двигаться. Увернувшись от удара, я спотыкаюсь и начинаю пятиться назад, инстинктивно хватаясь руками за все, что может мне пригодиться.

— Оракул! — кричу я, проехавшись рукой по столу с оружием.

Она не дает мне схватить меч, вонзив кинжал в то место, где только что находилась моя рука.

— Оракул, перестаньте!

Вместо ответа она с равнодушным видом взмахивает кинжалом в сантиметре от моих глаз.

Из моего горла рвется крик, но Эйдан, будь он неладен, тренировал меня, как воина. Он говорил, что лучше умереть тихо, чем моля о пощаде. Или все его хваленые уроки не имеют никакой ценности, когда дело доходит до реальной угрозы?

Ну уж нет, лучше я с позором останусь жива, чем молча умру.

Я набираю в легкие побольше воздуха, загородив лицо рукой, но Оракул оказывается быстрее. Она рассекает мне руку кинжалом и приставляет второй к моему горлу. Я

взвизгиваю от острой боли, но больше не могу произнести ни слова: ее холодные голубые глаза лишают меня дара речи.

Она ввергает меня в панику одним своим видом.

— И вот так ты позволила обычной женщине победить себя, — надрывным голосом шепчет она. — Ты способна на куда большее.

Мое сердце колотится где-то в горле, а рука горит огнем, но мой голос срывается не от страха и боли, а от неподдельной ярости.

— Это что, был очередной дурацкий эксперимент?

Оракул слегка пожимает плечами, и, выпрямившись, убирает кинжалы в ножны.

Бросив на меня взгляд, она протягивает руку, чтобы помочь мне встать, но я отмахиваюсь и поднимаюсь сама. Меня распирает от унижения, злости и горючей обиды — сколько времени должно пройти, прежде чем меня начнут воспринимать, как человека?

— Эланис...

— Не надо! — я резко оборачиваюсь, глядя на Оракул огромными от злости глазами. — С самого моего прибытия надо мной насмехались, унижали, доказывали, что все вокруг лучше, умнее и сильнее меня. Больше никто и никогда не будет обращаться со мной подобным образом — ни вы, ни ваш сын, ни король. И в следующий раз, если вы когда-нибудь еще решитесь меня проверить, я возьму нож, и не буду отвечать за последствия.

Оракул кивает и смотрит на меня с каким-то новым чувством...удовлетворением? На ее губах расцветает улыбка, но меня уже тошнит от всего этого. Я не хочу, чтобы она была довольна тем, что очередная ее выходка удалась, скорее, наоборот — мне хочется, чтобы она была от меня в ужасе. Мне не хочется ей нравиться и не хочется потакать ей. Очевидно, Оракул — это лишь еще одно напоминание о моей лишенной свободе.

— То есть, ты думаешь, что не попыталась защитить себя лишь из-за моего положения? — наклонив голову, интересуется она.

Господи, я так устала от этого.

— Я ничего не думаю. Мне все это надоело. У меня нет никаких доказательств, что король выполняет свою часть сделки, а посему, я не вижу причин здесь находиться.

— Видишь ли, ты упускаешь одну важную деталь. Ты уже здесь, а значит, могла бы многому научиться. Как использовать свой дар, как сражаться. Но вместо этого ты тратишь свою жизнь на то, чтобы сбежать и переживать о том, что сбежать не можешь. Тебе не кажется это неразумным?

Я молчу, хотя прекрасно понимаю, что выслушивать одни и те же нравоучения от зомбированной Искупительницы бессмысленно. Мне бы стоило просто уйти, но я остаюсь на месте из-за малой доли любопытства, которая еще во мне осталась.

— Тебе всю жизнь будут причинять боль, Эланис. Научись перенаправлять ее, научись бороться с ней. Как только ты поймешь, что боль и гнев — твои главные союзники — ты сможешь совершить великие вещи.

Она делает мне жест, чтобы я приблизилась к ней. Я нерешительно смотрю в ее голубые прозрачные глаза, и делаю осторожный шаг вперед.

Оракул хватает меня за раненную руку и изо всех сил давит на порез, заставляя меня издать громкий крик. Рана горит огнем, я с трудом пытаюсь вырвать ладонь, но она крепко держит меня цепкими пальцами.

— Давай, — шепчет Оракул, — примени силу.

Я кричу громче, когда давление увеличивается. О какой силе она говорит? Моя магия не

подействует на нее.

— Давай же, покажи мне, на что ты способна.

Я поднимаю глаза и чувствую, как нечто огненное поднимается из моей израненной кожи и наталкивается на стеклянную стену, которую представляют собой голубые глаза Оракул. Моя сила неуверенно вспыхивает редкими искрами и возвращается обратно в мое тело.

— Это не все, — рычит Оракул и впивается ногтями в мою рану.

Я задыхаюсь от крика и опускаюсь на колени. Я делаю все возможное, чтобы выпустить больше силы, но ничего не получается — стеклянный щит слишком прочный. Оракул начинает раздирать рану, кровь заливает наши руки и мне кажется, что еще секунда, и я потеряю сознание.

— Ох, Эланис, за все эти месяцы во дворце ты уже могла бы чему-нибудь да научиться.

Она отпускает мою руку, и я с громким стоном прижимаю ее к груди. Меня тошнит от запаха собственной крови, но я заставляю себя поднять глаза и встретиться с холодным, равнодушным взглядом Оракул.

Все, что только что произошло, не укладывается у меня в голове. Оракул — синоним медитации, самый спокойный и рассудительный человек, который мне встречался во всем этом дворце, устраивает мне такое испытание?

— О, я вижу этот взгляд, — усмехается она. — Уже считаешь меня монстром?

— Зачем вы это сделали? — с трудом хриплю я.

— Это одна из моих методик — я обучаю через боль. Самый действенный способ, когда обычные тренировки оказываются бесполезными.

Я тяжело дышу, и собственные слова сжимают мне горло:

— Они не бесполезны. Вы просто не дали мне шанса, прежде чем вцепиться мне в кожу!

Оракул смотрит на меня с примесью неожиданного презрения. Теперь-то до меня доходит, что она, несмотря на все ее показное спокойствие, понимает только силу.

— Скилар смог побороть меня через месяц после своего нахождения во дворце. Ева — через три недели. Давина — через одну. Ты отстаешь по всем параметрам, Эланис, и то, что ты не хочешь здесь находиться, не оправдывает тебя. Если через неделю ты не покажешь мне результатов, я сообщу королю, что от тебя нет никакого толку, и ты станешь работать обычной служанкой.

— Может, работать обычной служанкой лучше, чем быть живым щитом короля, — злобно выплевываю я.

— Решать тебе.

Она протягивает мне рапиру, валявшуюся возле ее ног, и я медленно беру ее уцелевшей рукой. Оружие рядом с этой женщиной мне бы точно не помешало.

Больше Оракул не произносит ни единого слова — она поправляет полы своего плаща и покидает зал тренировок. Я не успеваю ни прийти в себя, ни перевести дух, прежде чем вместо нее передо мной появляется Эйдан. Я ловлю себя на полной облегчения мысли, что у него темно-карие глаза, а не голубые, а то я не смогла бы провести еще хоть минуту, глядя в эти две бездны.

Он смотрит не на меня, а на кровь на моей руке, и хмурится, но не произносит ни слова. Вместо этого он достает из кармана белоснежный платок и молча предлагает его мне.

Я без всякого выражения смотрю ему в лицо, и враждебно прижимаю руку к черной

кофте. Пусть заставит меня поверить в то, что ему было не наплевать на то, что здесь происходило, и он целиком не одобряет методы своей мамы. Пожав плечами, он прячет платок обратно в карман.

— Я слышал, как вы кричали, — глядя на меня с чуть заметным неодобрением, резюмирует Эйдан.

Еще секунда и я ему врежу.

— Да что ты? — взвилась я. — Твоя мамаша чуть меня не убила, а потом раздирала мне рану, чтобы я выпустила какую-то силу. И никто — никто! — в целом Солнечном городе не посчитал нужным заглянуть и поинтересоваться, а все ли, черт возьми, у меня хорошо! И если ты слышал, что я кричала, то мог бы прийти и хотя бы одним глазком удостовериться, что я еще жива. Не то чтобы я рассчитывала на заботу с твоей стороны, капитан, но, думаю, это было бы не лишним в целях помощи королю, ведь это все, что тебя волнует, как и всех в этом чертовом королевстве!

Эйдан выслушивает мои обвинения, не поведя и бровью. В глубине души я все же надеюсь, что он извинится, придумает какое-то оправдание и себе, и матери. Что бы там ни было, мне все равно хочется думать, что Эйдан на моей стороне.

Но, конечно, он ничего такого не делает.

— Это называется обучение болью. Через него проходят все. А то, что вы не смогли выдержать небольшое покалывание — ваша проблема.

Мне показалось, что моя голова сейчас взорвется. Я смотрю на него дикими, расширившимися от злости глазами, но судя по скучающему выражению его лица, говорить ему что-то бессмысленно. Для Эйдана лучше умереть, чем издать хоть писк, пока враг стоит над твоей головой.

Я швырнула в него рапиру, врученную мне Оракул в качестве символа ее победы, и двинулась в сторону выхода.

— Эланис, сейчас же вернитесь и продолжите обучение, — тихим, властным голосом произносит он.

— Да пошел ты!

Я не могу удержаться и перед тем, как уйти, бросаю быстрый взгляд на Эйдана. Он стоит, вытянув руки по швам, и бесстрастно наблюдает за моим уходом. Почему-то тот факт, что вся эта ситуация ни капельки его не трогает, разозлил меня еще больше, заставив с шумом хлопнуть напоследок дверь.

В глубине души я надеюсь пробежать через весь Солнечный город незамеченной, но я не могла быть более наивной. Краем глаза я замечаю Давину и Еву, тренирующихся в углу главного зала возле пятерых Искупителей, но Скилар нигде нет. Я вижу перед собой высокую тяжелую дверь, замаскированную под стену, и стремительно приближаюсь к ней, молясь по пути не встретить Оракул, но тут кто-то хватает меня за раненную руку и с силой тянет на себя. Я издаю что-то среднее между хрипом и стоном, и с трудом вырываю руку, прижимая ее к груди.

Скилар расширившимися глазами смотрит на кровь на своих пальцах. Он переводит взгляд на меня и мне уже начинает казаться, что его сейчас стошнит.

— Господи, успокойся, никто не умирает, — быстро говорю я, прежде чем он что-нибудь прокричит.

— Ненавижу кровь, — шепчет Скилар, с трудом сглатывая и вытирая руку о спортивные штаны.

— Оказывается, ты неженка? — невесело улыбаюсь я.

— Нет, просто не повезло с желудком.

Глаза Скилар сегодня куда серьезнее, чем обычно. Он пристально смотрит на меня, как будто хочет что-то сказать, а затем аккуратно берет под локоть и просит следовать за ним. Кровь хлещет из моей раны и начинает привлекать внимание, поэтому я стараюсь спрятать руку и осторожно слеую за ним без пререканий.

Он приводит меня в комнату, напоминающую залы для тренировок, только все здесь уставлено операционными столами, колбами с настойками и травами, бинтами и хирургическими принадлежностями. Запах нашатыря ударяет мне в нос, и я кривлюсь:

— Только этого не хватало.

— Хочешь перевязать рану своим прелестным шелковым платочком и умереть? Прости, детка, но без тебя здесь будет скучновато.

Вот это уже вряд ли.

Скилар подводит меня к небольшому операционному столу, скрытому зеленой занавеской. Он бросает на меня непонятный, замешкавшийся взгляд, но потом передумывает и медленно приоткрывает занавеску.

— Док, вы здесь?

В ответ раздается характерный кашель и громкое пыхтение. В нос мне ударяет какой-то острый запах, смешанный с нашатырем. Едва не срывая занавески, перед нами предстает мужчина с густой щетиной на лице лет сорока пяти. На нем белый, поношенный костюм, который ему великоват, а на голове забавная шапочка такого же цвета. Он раздраженно срывает ее одной рукой, а во второй я замечаю длинную палочку, которую он самозабвенно курит. От нее исходит такой тошнотворный, резкий аромат, что я едва удерживаюсь от желания закрыть нос руками.

Док смотрит на нас затуманенным взглядом и раздраженно размахивает клубы дыма.

— Это еще кто? — хрипит он, щуря на меня маленькие черные глаза.

— Это Эланис, — бодро говорит Скилар, а затем морщится: — Док, опять вы курите эту свою ерунду.

— В голове у тебя ерунда, а это мята, — щерится Док, — ну и что произошло? Во имя всех святых духов, паренек, скажи, что ты справишься с этим сам. У меня заслуженный перерыв на перекур. А ты и твои чокнутые братья по оружию уже достали меня со своими выдуманными болячками в виде пореза на спине длиной в Ламантру.

— Конечно, Док, — улыбается Скилар, — у нее небольшая рана на руке, я сам справлюсь.

Док вздыхает и швыряет свою шапку на стол.

— Ладно, я вернусь минут через десять и проверю, что ты там ей наделал, оболтус.

Он кивает мне в ответ на мою осторожную улыбку и, чуть пошатываясь, покидает операционную. Я изумленно смотрю на Скилар, но он лишь пожимает плечами:

— Пусть его внешний вид тебя не обманывает. Док, может, не спал и не мылся три дня, но он профессионал своего дела. Он научил меня многим докторским примочкам и иногда я ему помогаю. Во всем Солнечном городе ты не найдешь никого искуснее, чем он. Держу пари, королевская чета умоляла его стать их лекарем, но он...немного неформатный, сама понимаешь. Ему куда больше по душе безумная работа без стабильной зарплаты в месте, которое никогда не освещается солнцем. Такой уж Док.

— И почему мне это нравится в нем больше всего? — ухмыляюсь я.

Скилар усаживает меня на операционный стол и осторожно промокает мою рану тряпкой, смоченной водой. Я шиплю от боли, но стараюсь сидеть спокойно.

— Я так борюсь со своим страхом, — морщится он, задерживая дыхание и стараясь спокойно смотреть на струйки крови.

— Что ж, у тебя неплохо получается, — стараюсь улыбнуться я, чуть похрипывая от боли.

Он, в свою очередь, делает быстрый вдох и тяжело смотрит на мою рану.

— Это... — с трудом подбирая слова, проговаривает Скилар, — это было испытание болью? Она пыталась заставить тебя применить свою магию на ней? Сдвинуть ее собственный барьер?

Я киваю, не глядя на него.

— Я не понимаю, Скилар. До сих пор не могу понять, зачем она это сделала.

— Ну, скажем так, это не очень хороший знак. Обычно через обучение болью проходят опытные Просветители перед заданиями. Если тебя начали обучать так рано, значит, она хочет, чтобы ты развивалась быстрее.

— Это ненормально. Она могла убить меня, а никому и дела бы не было. Даже Эйдану было плевать, а ему вроде как положено присматривать за мной.

— Нашла от кого ждать помощи, — усмехается Скилар, осторожно проводя тряпкой по моей руке. — Капитану нет никакого дела до боли. Все знают, что Оракул обучала его так с детства.

На миг жжение, волнами расходящееся по моему телу пропадает, и я холодею.

— Что значит с детства?

— Била розгами, причиняла боль, чтобы он высвободил свою силу. Эйдан сильнейший боец, но никогда не был сильнейшим Искупителем, а ей это, скажем так, не по нраву. Она же главная, а ее сын априори должен быть самым лучшим — не просто главарем Элитного отряда, а примером для нас всех. Сам говорить не могу, но такие ходят слухи. Правда однажды я видел, как наш красавчик капитан снимал майку, и под ней у него было немало загрубевших рубцов. Может, они были оставлены в память о битвах, но я бы не удивился, если бы на такое решилась его мамаша.

— Скилар, — говорю я еле слушающимся языком, — но это же ужасно. Мы обязаны рассказать кому-нибудь.

— А кому ты расскажешь? Королю? Оракул — единственный источник знаний об Искупителях. Она главная. Плюс к тому, вряд ли он не согласен с ее методами.

— Неужели она и тебя пыталась ранить?

Скилар уклончиво качнул головой:

— Скажем, у нас была одна такая сессия, но я показал ей, где раки зимуют.

Я с трудом рассмеялась, но мой смех сразу стих, как только он прижег мою рану. За это я люблю Скилар больше всего — он заставляет меня смеяться в мои самые темные дни.

— Слушай, — он немного медлит, не сводя глаза с моей рваной раны, — по поводу твоих родителей и всей этой продажи...я порасспрашивал своих знакомых. Большинство из них либо выросли во дворце, либо не в курсе, что случилось с их родителями. Они считают Просветителей богами, как и все здесь, поэтому не сомневались в их компетентности. Но есть одна женщина...в общем, она работает на кухне. Ее зовут Маккенна и она бывшая Искупительница. Кое-кто из моих знакомых обмолвился, что она так и не смирилась с потерей родителей и у нее была довольно странная судьба, но больше о ней никому ничего

неизвестно. К тому же, мне показалось странным, что она больше не тренируется с нами. Это все, что мне известно.

Я стискиваю его руку своей целой рукой и, едва сдерживая слезы, разглядываю его вздернутый, веснушчатый нос, тонкие губы, озорные зеленые глаза и неряшливую, рыжую шевелюру. Вот он — мой нелепый, смешной друг Скилар. Ходячее недоразумение и едва ли не лучшее, что случилось со мной в этом дворце. Я все еще хочу отсюда сбежать и побыстрее, но, кажется, чем дольше я здесь остаюсь, тем сложнее это будет сделать.

— Спасибо тебе, Скилар, ты и не представляешь, как помог мне.

— Крошка, — вздыхает он, — знаю, ты упертая и не слушаешь меня, но позволь напомнить тебе одну вещь, которую тебе еще предстоит прочувствовать на собственной шкуре: в этом дворце больше всего тебе стоит остерегаться ответов на свои вопросы. Неведение — вот твое спасение.

Он смотрит мне в глаза и, со вздохом протягивает:

— Ну или нет, если тебя зовут Эланис Марлен и ты невыносимо упряма.

— Если королю нечего скрывать, то и нечего бояться, не так ли? — улыбаюсь я, пока он обматывает бинт вокруг моей ладони.

— Ох, Эланис, твои любопытство и наивность уж точно сведут тебя в могилу.

— И это говорите мне вы, господин Скилар?

— Именно так. Твой самый рациональный и рассудительный друг Скилар.

Нас прерывает стук распахнутой двери, и в операционную входит Эйдан. Я уже хотела было съязвить на тему того, что не ожидала его появления, но выражение его лица меня останавливает.

Можете ли поверить, но он зол.

Он приближается быстрым шагом, его лоб нахмурен, брови сдвинуты, и он тяжело дышит, как будто еще секунда и он разнесет эту операционную к чертям.

— Кому-то не помешало бы взять уроки по управлению гневом, — присвистывает Скилар, оглянувшись через плечо.

— Заканчивайте, — рявкает Эйдан, приблизившись к нам.

— Если вы не заметили, капитан, то мы слишком заняты, устраняя последствия расточительности вашей матушки по отношению к своим подданным Искупителям, — невозмутимо мурлычет Скилар, продолжая заматывать мою руку.

И тут происходит уж что-то совсем неожиданное. Эйдан бросается вперед, хватая Скилар за шкирку и пригвозждает его к стене, чуть не сорвав зеленые занавески. Я даже вскакиваю от изумления.

— Ты что, совсем спятил? Сейчас же отпусти его!

Скилар синее и с трудом смотрит на капитана.

— Она пойдет со мной и меня не интересует, успел ты замотать ей рану или нет, — рычит Эйдан.

Я с силой ударяю капитана кулаком по спине, но он не обращает на меня никакого внимания.

— Эланис, сейчас же собирайтесь.

Я ударяю его сильнее, чем следовало бы, заставив недовольно обернуться на меня и все же отпустить бедного Скилар.

— Да что с тобой такое? — едва не срываясь на крик, спрашиваю я,

— Что со мной такое? Да что с вами такое? — он приближается ко мне, вынуждая меня

сделать осторожный шаг назад. — Давайте сразу разберемся, Эланис — здесь я приказываю, а вы — выполняете приказы. И если я посчитал, что вам следует остаться и тренироваться, то вам, черт побери, надо остаться и тренироваться!

Что ж, возможно, послать его было не самой лучшей идеей.

— Ты не имел права трогать его! — кричу я, подбегая к облокотившемуся об операционный стол Скилар, — если хотел проучить кого-то — проучил бы меня!

Пять минут назад я готова была простить Эйдану все, что он когда-либо говорил мне просто потому, что его была мама, но, черт возьми, он же ничем от нее не отличается. Я пытаюсь убить эту мысль в себе, ведь я прекрасно понимаю, что насилие порождает насилие, но в глубине моей души нарастает другое чувство, которое я со страхом подавляю. На секунду мне кажется, что за то, что он только что сделал, Эйдан заслужил свои побои.

Конечно, я не права. Его поведение — это всего лишь результат действий его матери. Но сейчас мне почему-то не хочется оправдывать его.

Эйдан замечает нерешительность на моем лице, и, по тому, как на секунду меняется его разъяренный взгляд, я догадываюсь, что он все понял.

— Я сам решаю, кто и как будет отвечать за ваше безрассудство, — наконец говорит он, как ни в чем не бывало.

Скилар слегка отталкивает меня, и я вырастаю в качестве преграды между ним и капитаном. Эйдан тянется к моей почти до конца забинтованной руке, чтобы схватить ее, но в последний момент его пальцы останавливаются, и он просто поднимает на меня суровый взгляд.

— Эй-эй, слушайте, детки, в моей операционной никто умирать не будет, поняли? Нашлись тут желающие подпортить мне статистику. А уж тем более не мой стажер, черт возьми!

Разнося запах жженой мяты, в операционную нервным, ускоренным шагом влетает Док. Он быстро смотрит по сторонам и сразу подходит к Скилар, который уже немного отдышался и хватался руками за стену.

— Да уж, — цокает языком Док, — Эйдан, твой кулак стоит десятерых Элитовцев, черт тебя подери. Не могу сказать, что я не впечатлен, но в следующий раз лучше бей стену. А еще лучше кого-нибудь из придворных. Хотя нет, ведь кроме меня лечить-то их некому, — он хохотнул от собственной шутки.

Эйдан отступает и смотрит на Дока с едва заметным сожалением.

— Не хотел доставлять вам проблем, Док, — тихо произносит он.

— Как похвально, — передразнивает его Док, поддерживая Скилар, — ты мог бы подумать об этом пятью минутами раньше, когда я спокойно курил свою мяту.

Эйдан закатывает глаза, а Скилар возмущенно сопит, как будто его силу поставили под сомнение.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, вновь приблизившись к Скилар.

Он кивает, мрачно покосившись на Эйдана:

— Капитан в последнее время не в форме. Я-то думал, ты способен на большое.

— Прости, Скилар, — вздыхает Эйдан, — я погорячился. К тебе все это не имел никакого отношения.

Он смотрит на меня таким взглядом, который позволяет всем понять, к кому все это имело самое прямое отношение.

Не уверена, сожалеет ли Эйдан по-настоящему или просто говорит те слова, которые

должен сказать. Я не слишком хороша в понимании капитана.

Скилар кивает мне и остается с Доком, но выглядит он вполне нормально. Я благодарю Скилар, тяжело смотрю на Эйдана и иду к выходу. Капитан тенью следует за мной.

— Вы не должны были убегать, — наконец разрывает он тишину уже менее сердитым голосом.

Я останавливаюсь, как только за нами захлопывается дверь, и разворачиваюсь к нему.

— Ты хочешь поговорить обо всем, чего не следовало делать тебе?

Он молча приподнимает бровь.

— А я себя и не оправдывал.

Я не могу найти логического объяснения, почему именно эта ситуация стала последней каплей для Эйдана. Я никогда не видела его в таком состоянии. Он был не просто зол, он был в неконтролируемом бешенстве.

— Знаете, что я думаю? Я думаю, что вы слишком держитесь за те образы, которые придумали людям, поэтому предпочитаете не замечать, что некоторые их поступки идут вразрез с вашим мнением о них.

— Зачем мне этот урок психологии от тебя?

— Он не для вас. — Эйдан хмурится, — я долго думал о том, что вы сказали мне. Будто нам не следует тренироваться вместе, потому что это порождает некоторые... сложности.

У меня болят голова и рука, я в смятении и не знаю, что мне думать, а он вдруг вспоминает про тот момент. Единственный момент, когда устоявшиеся между нами отношения пошатнулись.

— Эланис, я не против вас. Я не согласен с вашими убеждениями, но это не делает вас автоматически моим врагом. Так же, как и союзником.

Я говорила совершенно о других сложностях, но что уж удивляться, что Эйдан опять все переводит в игру "кто на чьей стороне".

— Раз ты не хочешь помогать мне, то зачем вообще затевать этот разговор? Давай же, Эйдан, признай это — я для тебя всего лишь оружие для защиты короля, не более. Совершенно необязательно водить со мной дружбу.

Я сознательно отвергаю его попытки извиниться или сблизиться со мной. Эйдан не понимает, что каждым своим словом причиняет мне боль, ведь каждая его черта, каждое его выражение подчеркивают — мы вынужденные сожители. А раз уж так сложились обстоятельства, постараемся не тратить слишком много сил души на ненависть и вражду. Именно поэтому мне хочется оттолкнуть его, сделать ему больнее, чем он делает мне, ведь на самом деле...на самую капельку, на самую малость я привязалась к Эйдану. Он стал для меня кем-то большим, чем просто капитаном Элитного отряда, который мешает мне вернуться домой. Но я знаю, что, несмотря на все это, мне нельзя доверять ему.

Он не пытается опровергнуть мои слова, но смотрит на меня таким странным взглядом, как будто ожидает чего-то или хочет что-то сказать. Ненавижу это чувство, как будто внутри него живут несколько человек и постоянно борются между собой.

Наконец, он произносит:

— Все это не мешает мне по-своему уважать вас. Вы просто не понимаете, кем вы могли бы быть. Для всего Лакнеса. Вы могли бы стать лучшим бойцом, лучшей Искупительницей, но...

— Мне все это не нужно, — заканчиваю я и устало смотрю на него. — Я просто хочу найти своих родителей.

Он выдерживает долгую паузу, затем вздыхает и взмахивает головой.

— Я не могу пойти против воли короля и разглашать эту информацию даже, если бы она была мне известна.

Какая неожиданность.

— Но я могу дать вам совет. Точнее, сделать вполне прямое заявление. Король проверяет Искупительниц каждые три месяца и выбирает лучших из них, чтобы отправить на задание. Так же лучшие получают аудиенцию с королем. Я говорю это не потому, что выигрыш позволит вам что-то выведать, а потому, что он сможет спасти вашу жизнь. За вами наблюдают, Эланис. И вами очень недовольны. Никому не нужны хлопоты, особенно, когда дело касается тайного проекта Искупителей. Выиграйте и получите одобрение короля.

— Какого рода задания? — с придыханием интересуюсь я.

— Миссии в других регионах. Возможно, сопровождение королевских особ вместе с членами Элитного отряда. Вам нужно завоевать доверие, а в этом вы явно не преуспеваете.

Я зашла в тупик в плане поиска информации. На сегодняшний день у меня есть лишь обрывки: имя женщины, работающей на кухне, неурядица с лампами и то, что сейчас сказал Эйдан. Возможно, миссия и прямая аудиенция у короля помогут мне переиграть все в мою сторону.

Только есть одно но. По бегавшему взгляду Эйдана и его напряженной позе я понимаю, что мне не выиграть.

— У меня есть шансы? — прямо спрашиваю я.

Он на секунду запинается и пожимает плечами:

— Трудно сказать. Выбор состоит из трех этапов: физическая часть, магическая и мыслительная. Если в последней вы, может, и могли бы преуспеть, то по первым двум уступаете практически всем. Но Эланис, вы можете это сделать.

Я впервые вижу Эйдана таким взволнованным. Он низко ко мне наклоняется и шепчет, а его глаза расширяются:

— Это ваш единственный шанс. Поймите, если вы не будете соответствовать их ожиданиям...они убьют вас.

Он не сказал "избавятся" или "отправят работать на кухне". Он сказал, что они убьют меня.

Впервые я начала понимать, насколько реальна опасность, угрожающая мне.

— Более того, — он прочищает горло, — исполнителям миссий дают некоторые привилегии. Они обговариваются с королем.

Как раз то, что мне нужно.

Я с трудом киваю, а затем делаю что-то, чего сама от себя не ожидала. Я провожу пальцем по шраму, который змеится от левой брови, огибает его темно-карий глаз и исчезает на щеке, как будто вращаясь в кожу. Эйдан вздрагивает, но не отводит от меня настойчивого взгляда.

— Это она с тобой сделала? — тихо спрашиваю я.

Его лицо застывает, становится жестким — скулы резко выделяются, подбородок напрягается, и я чувствую его тяжелое дыхание.

— Мое прошлое запечатлено на моем лице, — произносит он, — но это не значит, что оно стоит воспоминаний.

Моя рука застывает у него на щеке. Мне так многое хочется сказать, но каждое слово застревает в горле. Я теряюсь в догадках, как женщина, которая показалась мне моим

первым союзником, могла так поступить с собственным сыном. Все это наталкивает меня на определенные мысли.

Я отступаю от него и тихо произношу:

— Я все поняла. Я хочу выиграть эти испытания.

По бегающему взгляду Эйдана кажется, что он либо слишком растерян, чтобы отвечать, либо считает, что у меня нет ни малейшего шанса. Он слегка дотрагивается до моей руки и у меня начинает покалывать кожу, а его шепот обжигает мое лицо:

— Я верю в вас, Эланис.

Капитан проводит пальцами по поверхности камня, как будто проверяя ее на прочность, а затем мягко дотрагивается до моей перебинтованной раны, оставляя на белоснежных перевязках дымчатые следы. Пыль в этом месте появляется из ниоткуда, а возможно, мы все просто сбрасываем старую кожу, впиваясь в стены такими, какими когда-то были.

Глава пятнадцатая

Эланис

Везде происходят революции, отчего же не во мне?

Фредерик Бегбедер. Воспоминания необразумившегося молодого человека

За всю историю существования Ламантры не было события более бессмысленного и кровопролитного, чем Слепая война. Отец всегда говорил мне, что войны — это шахматные игры, за которые приходится слишком дорого платить. Никаких благородных мотивов или честных намерений — одни лишь просчет, жажда власти и денег.

Король Двэйн — двенадцатый правитель Лакнеса, отец Тристана, дедушка наследного принца Адриана и самый многообещающий лидер за последние несколько столетий. Говорят, нет ничего плохого в том, чтобы хотеть лучшего для себя и своих людей, пока твои благие намерения не превращаются в пороки, а за ними — в преступления. В школе меня учили, что короля Двэйна сгубили две вещи: алчность и тщеславие, но я считаю иначе. Я думаю, что Двэйна сгубила любовь. Он был фанатиком, главным поклонником своей страны, но не людей, которые в ней жили. Именно по этой причине он решил, что распределение земель было произведено незаконно и несправедливо, а посему, Лакнес претендует на часть Ближайших Земель, принадлежавших Бишопу. Его осудили все регионы, кроме одного — Стейси, где жили оба брата и три племянницы Двэйна.

Король не сомневался в том, что Лакнес исключителен из-за своей истории и достоин того, чтобы управлять всеми регионами.

"Долой Ламантру — да здравствует Лакнес!" — вот, с какими лозунгами выходили на улицы сторонники Двэйна.

В те дни Просветители сошли с ума. Просвещать начали всех в попытке собрать огромную армию безвольных людей, но бежать им было некуда. Дороги проходили либо через долины Стейси, либо через море — до сих пор ходят легенды о людях, пропавших в бескрайних водах и по приданиям поселившихся на диких островах. Стейси превратился в военную базу, куда отсылали оружие и новопросвещенных армейцев.

Но, оказалось, если две стороны обладают одинаковым смертоносным оружием, победу одержать невозможно. Бишоп и Кравер ответили предсказуемо — армией таких же просвещенных людей. Война превратилась в обычную кровавую резню между людьми, которые не могли ничего решать, — за которых заведомо сделали неправильный выбор.

Война закончилась убийством Двэйна — о его убийце ходят лишь слухи. Возможно, это был кто-то из повстанцев или из живущих во дворце, а может — его собственная семья. Так или иначе, его смерть положила конец вражде между регионами, и с огромными потерями Стейси отступил. Они до сих пор винят Лакнес во всех своих бедах, ведь именно наш королевский дом ввязал их в войну, которая осталась черным пятном на их репутации и красным — на их населении.

Прошло несколько десятков лет — на Лакнес наложили санкции, запретили иметь полноценную армию и урезали условия Просвещения до второй смены правителей региона, а также ввели систему Ищеек и стали проверять всех и каждого.

Но, конечно, как бы мы ни старались, люди ничего не забыли.

Говорят, войну называли Слепой, потому что слепы были люди, которые воевали — бездушные куклы, во всем подчиняющиеся своим хозяевам. Однако мой отец всегда говорил,

что слепы были вовсе не те, кто подвергся магии просвещения, а сами Просветители — ослепленные собственной властью и постоянной жадой чего-то большего.

Почему-то именно эта история вспомнилась мне здесь — в пропитанной жаром и снующими повсюду телами кухне. Наверное, все дело было в маленькой, полной женщине, которая сутулилась под тяжестью подноса с выпечкой и быстрыми шажками приближалась ко мне.

— Что-то не так? — взволнованно спросила она, поднимая на меня слезящиеся карие глаза.

— Вы Маккенна? — сразу перешла к делу я.

Она не менее встревоженно кивнула и поставила поднос на стол. Кто-то крикнул, чтобы мы подвинулись, и я быстро сказала:

— Мне нужно с вами поговорить.

Она еще раз с сомнением оглядела меня, но, видимо, любопытство пересилило. Вытерев руки о фартук, она бросила поварам, что ненадолго отлучится, и поспешила в небольшую каморку возле кухни, где хранились ведра и швабры. Плотно прикрыв за собой дверь, Маккенна выжидающе посмотрела на меня.

— Меня зовут Эланис и я Искупительница.

Она испуганно прижала руки ко рту:

— Девочка, не нужно говорить об этом всем подряд!

— Послушайте, — настойчиво продолжала я. — До меня дошла информация, что вы тоже Искупительница. Я ищу своих родителей и надеюсь, что вы сможете мне в этом помочь. Король говорит, что после подписания договора они просто исчезли, не стали искать меня. Он говорит, что они меня продали, но я не верю. И у меня есть основания полагать, что вы тоже не поверили.

Маккенна нервно дергала в руках фартук.

— Незачем тебе здесь быть, — пробормотала она. — В беду попадем и ты, и я. И мои дети.

Я слегка опешила.

— Ваши дети?

Она кивнула.

— Я прошу вас, Маккенна, — взмолилась я, — вы — моя единственная надежда. Я умоляю вас, скажите, что вы знаете. Неужели вы не чувствовали себя так же, когда вам сказали, что ваши родители способны за деньги навсегда отказаться от вас? Почему больше никто не борется за своих близких? За что тогда вообще бороться?

— А я и борюсь, — тихо пробормотала она. — За своих детей, понимаешь? Если король посчитает, что ты слишком упорствуешь в своих вопросах, то разговор с тобой будет коротким, и ты окажешься здесь же. В лучшем случае. А если и это тебя ничему не научит, то от тебя избавятся, как избавляются от всех не пришедшихся к делу Искупителей.

— Почему никто не бунтует? Почему Искупители позволяют убивать себя?

— По той же причине, по которой мы вообще до сих пор существуем. Все боятся. Ладно, убьют тебя, но у многих же есть семья, дети... — она всхлипывает, — хотя вас и того лишили. Он вас нарочно ломает так. Показывает, что для всех, кроме него, вы ничего не стоите. Очень умно, не так ли?

Я хватаю ее за руку, чтобы она поверила мне. Мне очень, очень нужно, чтобы она поверила мне.

— Что происходит с подписанием контракта? Их заставляют? Пытают?

Маккенна отчаянно трясет головой.

— Я не знаю. Правда, не знаю. Судя по слухам, кого-то действительно продают, а чьи-то родители просто исчезают...да никто и не ищет. Из дворца нельзя выйти, а Искупители тут на хорошем счету. В итоге, получается, что всех вроде как купили за деньги. Большинство из нас забирали в раннем возрасте — многим еще и девяти не исполнилось. Таким не сложно внушить, что их родители не любят и вообще ужасные люди. Я же с детства знала, кто я такая. Мои родители дружили с одним из давних членов Элитного отряда, и он рассказал им, что за мной придут. Прятали они меня долгое время, но на мое восемнадцатилетие меня все же забрали. Родители остались в том доме вместе со стражей, а позже мне предъявили бумаги...такие же, как и у всех. Цена, условия и подпись, — слезы катились у нее по щекам, — но я-то все знала. Знала, что мама бы так никогда со мной не поступила. Я несколько раз пыталась сбежать и каждый раз меня ловили. Однажды попыталась учинить бунт, потому что мне казалось, что у меня и так уже все отняли — больше жертвовать мне нечем. Король посчитал, что от меня слишком много шума и сослал меня на кухню, а здесь люди совсем другие — боятся Просветителей. Искупители тоже их боятся, ведь на их стороне армия и, как ни крути, большинство людей. Я так и не смогла ничего доказать — думаю, никто и не хотел знать правду. Детям, которых с детства обучали фразе "твои родители тебя продали", трудно что-то объяснить. В итоге мои слова стали никому не нужны. Я осталась во дворце, влюбилась, вышла замуж и родила детей... больше мне идти уже некуда, — она всхлипнула и утерла рукавом слезы. — Мне главное, чтобы детей не трогали. Я уговорила с королем, что буду держать рот на замке, если он оставит моих детей работать со мной, на кухне, а не отдаст их в Искупители. Один бог знает, для чего он вас тренирует на самом деле, а так мне спокойнее.

Меня всю трясло от ее рассказа. Я не ошиблась. Мои родители не продавали меня. Я смогу доказать правду...нет, я смогу уйти и вернуться к ним. Я смогу сбежать.

— Послушай, — Маккенна впивается пальцами в мою руку и поднимает на меня полные слез глаза, — я никогда никому этого не рассказывала с тех пор, как родила. Думала, что боюсь, что они укротили мой дух, но нет. Я ждала. Все это время я ждала тебя. Другого человека, который поставит систему под сомнение, которому будет, за что сражаться. Скилар хороший парень и он говорил, что ты не такая, как все. Что ты сильная, ты храбра. Ты сможешь отомстить Тристану за нас всех.

Я отшатываюсь от нее, потому что голова у меня идет кругом. Скилар совсем рехнулся? Что он ей наговорил? Я не собиралась никого спасать, бунтовать против Просветителей или ставить систему под сомнение. Я хотела тихо убраться отсюда, найти родителей и поселиться в маленькой деревушке где-нибудь в Крайних Землях, где нас никто не найдет. Таков был мой план, а вовсе не складывать голову в борьбе против идеального строя, который создавался столетиями.

— Я...я... — заикаясь, бормочу я, но, думаю, по моему лицу она все понимает.

— Послушай меня, — теперь уже увещевает меня Маккенна, — сколько еще таких детей сидит там и верит, что родители бросили их? Сколько таких еще будет? Ради чего Тристан собирает армию Искупителей? Сколько еще подлостей он совершал? Этот человек... — ее голос срывается, — мог убить все наши семьи.

Меня мутит. Еще секунда и я упаду в обморок.

— Есть те, кто хочет бороться...нам просто нужен кто-то, кто нас поведет. Почему не

ты, Эланис? Почему ты не можешь помочь кому-то кроме себя?

— Я не революционерка, — шепчу я. — У меня не хватит сил. Я не могу брать на себя ответственность за вашу жизнь, за жизнь других людей. Это...слишком для меня.

Ее пальцы впиваются в мою рану, но я не издаю ни звука. Боль отрезвляет меня, мерными волнами разливаясь по венам.

— Ты уже взяла на себя ответственность за мою жизнь, — твердо произносит она.

— Почему вы верите в меня?

— Я знаю Скилар с младенчества, а он видит людей насквозь. И он сказал, что ты — наша надежда. Я склонна ему верить.

Скилар? Скилар, который и слово боится сказать против Просветителей? Да что здесь происходит?

— И что же мне делать? — спрашиваю я первое, что приходит на ум.

— У тебя есть друзья. Обратись к ним. И, что еще важнее, заведи их себе побольше. В самый трудный час они тебе понадобятся. Ты думаешь, что вся твоя история заканчивается на той фазе, где ты возвращаешься к своим родителям, но она станет началом чего-то куда большего. И ты уже не сможешь это остановить.

Нас прерывает широко распахнувшаяся дверь, и мы в испуге отпрыгиваем друг от друга. Маккенна прячет руки за спину, как будто любое проявление сочувствия по отношению ко мне отбрасывает тень на ее репутацию.

Женщина вся в муке и с очень усталым, вытянутым лицом, держит за руки двух детей лет двенадцати и тринадцати — мальчика и девочку. Оба с любопытством на меня поглядывают.

— Маккенна, они повсюду искали тебя, — хриплым голосом произносит женщина, бросая на меня равнодушный взгляд.

— О, конечно, конечно, — бормочет Маккенна, хватая детей за руки.

— Привет, — скромно улыбается мне девочка.

На ней сшитое из шерсти платье и видно, что ей очень жарко. На мальчике такой же сшитый костюм, и он совершенно не скрывает, что хочет поскорее куда-нибудь исчезнуть.

— Привет, — улыбаюсь я в ответ, — как тебя зовут?

— Алвена, — она показывает мне идеально белые зубки, — в переводе — друг эльфа. А тебя?

— Эланис. В переводе — сверкающая звезда.

Она кивает, как будто мы связали себя друг с другом общим секретом.

— А это, — она тычет пальцем в мальчика, — Генри. В переводе — зануда.

Мальчик обиженно фыркает:

— Сама ты зануда!

Я вижу, как Маккенна боится, как она выталкивает своих детей из каморки и бросает на меня быстрый, последний взгляд.

В ее глазах мольба. Отчаяние.

Я прекрасно понимаю, что она для меня сейчас сделала — как рискнула всем и изъявила истинную отвагу. Только она проявила по отношению ко мне ту храбрость, которой у меня самой нет. Я боролась за то, что считала правильным — за своих родителей, но я не готова принять на себя груз борьбы за всех остальных. Да и против кого нам надо бороться? Против короля? Против Просветителей? Может, против Оракул? Для меня корень проблемы заключается в Тристане, потому что он стоит за контрактом моей семьи, но,

вероятно, масштаб картины куда больше. Однако мне не хочется выяснять. Я не смогу никого за собой повести, потому что это может сильно мне аукнуться и хуже станет всем — мне, моим родителям, Искупителям, Маккенне. Мы ничего не добьемся, а кончится все лужей крови. Это будет Слепая война в более сжатых масштабах — смертоносное оружие против смертоносного оружия.

Я замечаю свое отражение в ведре с водой. Склоненные, рыжие волосы, потерянный взгляд зеленых глаз. Я просто не верю в свою победу. Господи, да я даже себя спасти не могу.

Тряхнув плечами, я ободряюще улыбаюсь Маккенне, мол, все получится, я на твоей стороне. Мне хотелось поблагодарить ее за силу и упорство, но в кухне находилось слишком много людей и нам обеим не хотелось, чтобы нас видели вместе.

Проходя мимо, я тихо шепчу ей "спасибо", треплю по волосам деток и чувствую, как она в последний раз сжимает мою руку. Я улыбаюсь ей, но улыбка сдавливает мне лицо, ведь я прекрасно понимаю, что никогда не смогу выполнить то, о чем она меня просит.

В свою комнату я вернулась ближе к полуночи, когда весь дворец уже понемногу расходился ко сну. Однако, к своему удивлению, на своей кровати я увидела не рассерженную Нору в ночнушке, а принца Адриана.

Он задумчиво листал одну из моих книг, но, как только я вошла, тут же отложил свое занятие и поднялся с кровати.

— Не ожидала вас здесь увидеть, ваше высочество, — чуть охрипшим голосом проговорила я.

Последние несколько недель пропастью легли между нами, и я это чувствовала. Ощущение неловкости явно не покидало никого из нас, потому что он мялся на месте и прятал глаза, как будто ожидал, что я сама заведу разговор.

— Я был занят, — прочистив горло, высказался Адриан.

— Какие-то неприятности в королевстве?

— Ничуть.

Я жду продолжения, но он молчит, уперев взгляд в пол. Зачем он вообще сюда пришел, если не собирался ни о чем говорить?

— Что ж, думаю, вам пора отправляться ко сну. Я тоже устала.

— Погоди.

Я вздрагиваю, когда Адриан подходит ближе и дотрагивается до моей руки.

— Все это время я думал о твоих словах. О том, на каких правах ты здесь находишься... и я начал задавать вопросы самому себе. Отцу не нравится, что я общаюсь с тобой, но я не могу держаться от тебя подальше, потому что ты...заставляешь меня смотреть на вещи по-другому.

Он набирает в легкие побольше воздуха:

— Перестав задавать вопросы о деятельности отца, я начал задавать вопросы себе. Каким правителем хочу быть я? Каких людей хочу вести за собой? И знаешь...я пришел к выводу, что меньше всего хочу быть похож на своего отца. Эланис, я готов помочь тебе. Я помогу тебе найти родителей, а когда взойду на престол, распушу Искупителей. Хватит забирать детей взамен на деньги, хватит делать из них холодное оружие. Если информация об этом просочится, мы можем ввязать себя в очередную войну с регионами, а мне это ни к чему — нам всем это ни к чему. Я хочу, чтобы ты и все остальные дети, которых лишили семьи и дома, обрели свободу.

Поверить в это не могу. Адриан Лакнес — сын короля Тристана и заявляет нечто подобное? Но почему? Неужели люди действительно способны измениться, если сильно того захотят, если увидят негативный пример, если начнут делать свои выводы?

Но могу ли я доверять ему?

Слишком много вопросов.

— Я ценю ваши слова, — наконец произношу я. — И, если вы действительно хотите мне помочь, то есть одно дело, с которым я хотела бы разобраться. Возможно, оно покажется вам пустяком, но я прошу вас довериться моей интуиции. Так же, как и я доверюсь вашим словам.

Адриан кивает, и впервые я вижу не похоть, легкомысленность и жажду простой жизни в его глазах, а готовность к борьбе и уверенность в том, что он поступает правильно.

Возможно, единственный способ выбраться отсюда — это научиться доверять другим. Я вспоминаю Маккенну и ее полное надежды выражение лица, но тут же отряхиваюсь от этой мысли. Ей и остальным поможет Адриан — мне же нужно выбраться отсюда и найти своих родителей. И хватит об этом.

Глава шестнадцатая

Эйдан

Иногда самая жестокая схватка — это схватка с самим собой.

Джефффри Дивер. Двенадцатая карта

Члены Элитного отряда неслышно двигаются по грунтовой дороге позади меня. Этот знакомый ритуал действует успокаивающе, заставляет мое сердце биться в размеренном ритме — даже несмотря на то, чем мы занимаемся.

Я делаю двум братьям знак притаиться за кустами перед небольшим, деревянным домом, а остальным двум — спрятаться со мной с противоположной стороны. Мы трое внимательно наблюдаем за тем, как из окна льется приглушенный свет, обманывая ночь.

— Эйдан, — шепчет Вал, сидящий слева от меня.

Я недоволюсь кошусь на него. Разговаривать на заданиях неприято, а Вал всегда был тем, кто любил почесать языком больше других.

— Эта девочка... сколько ей лет?

Я всматриваюсь в глаза Вала и читаю в них сомнение. Не знаю, с каких пор он вообще задает такие вопросы — нас с детства обучали тому, что мы делаем и почему мы это делаем. Быть избранными и не быть просвещенными — огромная честь для всех моих братьев. Такие слова не нравятся мне хотя бы потому, что ставят под сомнение авторитет короля, и Вал об этом знает.

Двенадцать членов Элитного отряда. Кодекс, подписанный кровью двенадцати братьев.

— Около семи, — неопределенно отвечаю я, хотя прекрасно знаю, что ей шесть и пять месяцев.

— Шесть, — поправляет меня Джошуа, равнодушно глядя на окно.

Вал сглатывает, пряча глаза:

— Вам никогда не кажется, что мы делаем что-то... не то?

— Как только мне начинает что-то казаться, я вспоминаю вид эшафота, — бормочет Джошуа.

Все в королевстве полагали, что члены Элитного отряда не просвещены потому, что король пытается доказать, будто доверяет обычным людям. Я же знал, что это не так. Никогда Совет не позволил бы Лакнесу просвещать людей без причины после Слепой войны — даже во имя армии. Ради этого у нас есть Хранители, но они по закону не могут входить в личную охрану короля. Совет прекрасно знал, к чему подталкивает Тристана — к тому, чтобы он признал человеческую жизнь, как достойную. Однако он никогда не пошел бы на это. В какой-то степени, Искупители — это просто очередной вызов, ненужная провокация, навязчивая паранойя. Но ничто на свете не стоит для меня прежде благополучия его величества.

— Вам обоим стоило бы вспомнить о том, кому вы служите, — сквозь зубы цежу я.

Они знают, что я недоволен их словами. Мне претит мысль, что некоторые из моих братьев преданы королю лишь потому, что боятся сложить свои головы за менее благие цели. Наша верность исключительна. Ни одному из нас не стоило бы ничего вонзить нож себе в грудь ради спасения Тристана. Но, судя по всему, некоторыми из Элитовцев движут другие мысли.

— Не ставь мою преданность под сомнение, Эйдан, — фыркает Джошуа. — Я поклялся

на кресте в том, что не изменю своим убеждениям и короне. Все это, однако, идет вразрез с моим обычным инстинктом самосохранения.

— Как забавно, что ты все еще помнишь это слово, — раздается смешок Джозефа из соседних кустов.

Джошуа без удовольствия косится на него.

— Еще скажи, что я трус.

Члены Элитного отряда воспринимают смерть не так, как большинство людей. С детства монахи обучали нас контролировать себя, свои страхи и свои мысли. Для нас смерть — это всего лишь повод достойно завершить жизнь, уйти со сцены на кульминации. Каждый из нас знает, что если мы падем за правое дело, то смерть пощадит нас в новой жизни.

Я всматриваюсь в мягкий свет окна, ожидая чьей-нибудь тени, но сам думаю о другом. Перед глазами у меня стоит кодекс Элитного отряда — двенадцать пунктов, нарушить которые означало бы отказаться от собственной чести.

— Я о том... — колеблется Вал, перебирая полы плаща, — что мы совершаем правое дело, но методы, которые мы для этого используем... часто мало меня радуют.

— Забирать деток на попечение короля взамен на кругленькую сумму их родителям не самая ужасная сделка, как по мне, — фыркает Джозеф.

— Заткнись, — раздражается Джошуа.

— Не заставляй меня учить тебя манерам, брат, — предупредительным голосом обращаюсь к нему я.

Каждый из нас отдал бы жизнь друг за друга, не задумываясь. Но это не означает, что в промежутках нам не хочется устроить бойню со всеми видами оружия наперевес.

Вал тяжело смотрит на Джозефа, но ничего не произносит. Вал никогда не знал своих родителей — его привезла с собой моя мать из Стейси, а вот Джозеф поступил на службу после того, как отверг свою семью и решил посветить себя короне. По его словам, ему было семь лет, когда он принял такое решение. Что бы я там ни думал о моральных начинаниях Джозефа, я никогда не встречал человека более преданного своему делу, чем он. Так же, как и я, он считал короля своим единственным отцом. Что ж, это создает некоторую конкуренцию.

— Нам не следует обсуждать приказы, — говорю я, потрепав Вала по плечу.

— А я и не собирался, — вздыхает он. — Просто надоедает уже видеть всех этих плачущих детей и родителей, которых мы оставляем на попечение Хранителей.

— А что их жалеть? — сплевывает Джозеф. — Все они одинаковые. Моральные уроды, готовые за деньги родных детей отдать — все до единого.

— Оно-то разумеется, но ты мог бы подумать и о детях.

— Так всем будет лучше, Вал, и ты, черт возьми, это знаешь.

— Хватит, — рявкнул я громче, чем следовало бы в подобных обстоятельствах. — Услышу хоть слово, отвлекающее вас от задания — будете все разгребать конюшни месяц.

Джозеф громко чертыхнулся, а Вал лишь мрачно посмотрел прямо перед собой. Мне хотелось бы сказать Валу несколько ободряющих слов, но я не мог проявить подобную слабость перед другими братьями.

Все знали, что Вал, я и Джошуа связаны чуть более сильными нитями, чем остальные Элитовцы. Мы трое были Искупителями, которых мама привезла из Стейси — судя по ее словам, спасала из пожара, в котором погибли их родители — ее близкие друзья. Вал и Джошуа — кровные братья, но это никогда не мешало им относиться ко мне так, как будто я

— часть их семьи. Элитовцы ни разу не упрекнули меня в снисходительном отношении к ним, а я...полагаю, просто никогда не давал им повода. Вал и Джошуа были для меня такими же братьями, как и любой другой из двенадцати членов Элитного отряда, но все же...я чувствовал, что если передо мной встанет такая необходимость, я скорее закрою грудью любого из них, чем кого-то другого.

Свет слегка мигнул в окне, и я напряженно всмотрелся в окно, выходящее на уютный сад. Девочка с двумя светлыми хвостиками осторожно выглянула на улицу и вдохнула прохладный, осенний воздух.

— Элоди!

К девочке приблизилась молодая женщина в ночной рубашке. Она обняла ребенка за плечи, подгоняя ее прочь, и закрыла окно, преждевременно внимательно оглядев сад. Она как будто ждала подвоха, видела сквозь кусты, за которыми притаились пять черных плащей, несущих разруху в ее дом. Наконец, ничего не заметив, она гасит свет и все звуки затихают.

— Ну что? — подает басовитый голос Элуа, — заберем ее сейчас?

Вал прожигает меня взглядом, но я качаю головой:

— Еще не время. Дождемся ее седьмого дня рождения.

— В этом нет смысла, — закатывает глаза Джозеф. — У девочки будет только больше ненужных воспоминаний о родителях.

Я не думаю, что воспоминания о семье, какой бы она не была, могут быть ненужными. Сам не могу объяснить, почему оттягиваю этот момент, ведь Джозеф по-своему прав, но почему-то от одного взгляда на эту девочку мне вспоминается Эланис. Ведь несколько месяцев назад я точно так же сидел в засаде и наблюдал за тем, как она выходит во двор, чтобы потрепать по загривку лошадей, а ее рыжие волосы развеваются на холодном ветру. Как она стоит у забора и смотрит вдаль, будто мир слишком тесен для нее. Порой мне хочется, чтобы я никогда не забирал ее. Чтобы король так и не узнал о ней, чтобы не послал нас на слезку, чтобы она уехала и жила где-нибудь далеко со своими родителями. После того, как я отобрал Эланис, каждое мое задание становилось личным, интимным. И мне это нравилось меньше всех.

В такие минуты я всегда вспоминаю о преданности королю, о своих обязательствах, о статусе капитана Элитного отряда. Колебания — это совсем не то, чему меня учили.

Но дать Элоди еще несколько дней — вовсе не проявление слабости.

Я поднимаюсь с колен, и мои братья следуют за мной. Судя по насмешливому взгляду Джозефа, я поступил неразумно, но мои решения неоспоримы.

Мы медленно исчезаем в ночи, но впервые на душе у меня по-настоящему тяжело. В следующий раз мы вернемся сюда, чтобы забрать эту девочку навсегда.

Глава семнадцатая

Эланис

Сама жизнь похожа на морские волны: сначала кажется, что ничего не меняется, но однажды замечаешь, как много боли унесла вода.

Джоди Пиколт. Ангел для сестры.

Три дня назад мне сделали татуировку — солнце и четыре луча. Полагаю, меня официально приняли в секту. Пока мне вводили чернила под кожу, я вспоминала, как месяц назад корчилась от ужаса при мысли о том, чем именно может оказаться эта татуировка — чипом, информацией, страшным ядом... теперь же мне было все равно. Какая разница, если у них появится очередной способ слежения за мной? Я и так отсюда не сбегу.

Скилар избегал разговоров о Маккенне, но, судя по его взволнованному выражению лица и быстрых взглядах, которые он кидал на меня, ему все же было что-то известно. В Солнечном городе воцарилась мрачная атмосфера, которая впервые полностью соответствовала внешнему виду этого места.

Последние несколько дней я провела в раздумьях и тренировках. Тренировал меня, разумеется, Эйдан, но я была слишком рассеянна, чем чертовски его раздражала.

— Соберитесь, Эланис! — цедил он. — Эти испытания важнее всех балов и встреч, которые будут в вашей жизни.

А то-то я не знала. Но слова Маккенны, ее надежды... все это не шло у меня из головы.

Я получаю сильный удар по голове и прихожу в себя. Эйдан смотрит на меня, стоя чуть поодаль в комнате для тренировок, и тяжело вздыхает.

— Вы абсолютно, невыразимо, тривиально бесполезны.

— Ценю твою поддержку, — стогну я, разминая ноги.

Он складывает руки на груди, и я делаю резкий выпад вперед, целясь ему в адамово яблоко. Его лицо едва заметно подрагивает, но он моментально перехватывает мою руку, тянет на себя и прижимает меня спиной к своему животу.

— Признайся, я застала тебя врасплох, — хриплю я.

Я чувствую его тяжелое дыхание над моим ухом, и мое тело начинает покалывать. Запястье горит в том месте, где его пальцы соприкасаются с моей оголенной кожей. Я откидываю голову назад и прижимаюсь к его плечу, стараясь отогнать ненужные мысли.

Его дыхание обжигает мою шею.

— Ни капли.

Он разворачивает меня, и связь между нами пропадает. Его глаза смотрят по обычаю насмешливо, как будто ничего не изменилось в этом саркастичном, бесчувственном теле.

Я прячу лицо, чтобы он не увидел краску, которая залила мои щеки. В глубине души мне хочется узнать, почувствовал ли он хоть долю того, что испытала я, но даже мысль об этом кажется безумием.

Я не должна думать обо всем этом. Меня тянет к Эйдану, но все это плохо закончится — и прежде всего, для меня. Я стараюсь напомнить себе о своих целях и о том, что идея доверять главному приспешнику короля могла прийти в голову только абсолютному глупцу, но ничего не могу с собой поделать. С каждым днем Эйдан становится все менее капитаном для меня и все более моим другом. Однажды моя нарастающая привязанность к нему без сомнения встанет между нами и бросит мне в лицо необходимость принимать решение, к

которому я не буду готова. Я впиваюсь в ладони ногтями, стараясь переключить внимание на боль, которая в кои-то веки не имеет ничего общего с душевными страданиями.

— Вы будете драться против любого Искупителя, чье имя выпадет вам во время жеребьевки, — прочистив горло, говорит Эйдан. — Вам может повезти, а может и не очень. Во время второго испытания вам придется сдерживать магию самой Оракул, поэтому советую вам потренироваться с...его высочеством.

Он произносит титул Адриана так, как будто жует кислую конфету.

— А третья часть испытания мне неизвестна. Обычно она на умение пошевелить мозгами или на элементарные принципы выживания. К ней невозможно подготовиться.

Я киваю, оглядывая оружие, стройно сложенное на стенах и столах вокруг нас.

— Бой будет рукопашным?

— Необязательно. Выбор оружия тоже будет определен с помощью жеребьевки. У вас есть шансы с тремя видами оружия, — он подходит к острой шпаге и пробегает по ней длинными пальцами, — с вот этим.

Затем он переходит к рапире с узорчатой рукояткой.

— Вот этим.

Он поднимает глаза на меня, и я перестаю дышать.

— И с вашими руками.

Сглотнув, я оглядываю лук, арбалеты, булавы, цеп, серп, стилет, копье, багор и множество всякой всячины, которой заполнен зал для тренировок, и почти с умиротворением понимаю, что мне конец.

— А если меня покалечат? — тихо спрашиваю я.

Весьма резонный вопрос в такой-то ситуации, но он заставляет Эйдана посмотреть на меня с легким разочарованием. Я понимаю, что ему хочется сделать из меня идеальную машину для убийств, какой является он сам, но в отличие от него, мне не хочется сложить голову за короля Тристана, не издав ни единого звука.

— Не переживайте. На вас будет защитный костюм, и никто не станет рубить вам голову. Если только вы не нажили себе врагов среди Искупителей, — он медленно смеется, чем зарабатывает мой гневный взгляд. — Ну и вы, будьте добры, держите себя в руках. Не нужно наглядно демонстрировать свой характер.

Я киваю, и между нами повисает неловкое молчание. Эйдан проводит рукой по волосам и оглядывается по сторонам, как будто собирается уйти.

— Эйдан?

Он поднимает на меня взгляд.

— Да?

— Можно вопрос?

Капитан облокачивается о стол и пожимает плечами.

— Как хотите.

— Ты близок с Оракул?

Не знаю, почему этот вопрос все же сорвался с моих губ. Это не моего ума дела, но мне так не хотелось верить, что у сына и матери есть хоть что-то общее. Я лучше любого другого знаю, что капитан готов на многое — если не на все — ради своего правителя, но все же...я надеюсь, что он не такой, как моя учительница, чей взгляд исполнен холода, а сердце — червей.

— С каких это пор вы стали моей подружкой, Эланис? — усмехается он.

— Просто подумала, что раз мы проводим вместе целые сутки, то я могла бы что-то узнать о тебе.

Он задумчиво кивает, прислонив голову к стене.

— Что ж, почему бы вам не начать с более простых вопросов? Какой у меня любимый цвет? Какую погоду я люблю? Нравится ли мне смотреть на закаты? Романтичен ли я?

— Ты мог бы и не ерничать. Чтобы знать кого-то по-настоящему совершенно необязательно знать его любимый цвет.

— А, то есть вы меня знаете?

— Ладно, не хочешь — не говори. Я просто спросила.

Я стаскиваю свою черную кофту со стола, чтобы надеть ее поверх белой майки, и собираюсь уйти, но тут Эйдан подает голос. Его голова опущена, и он сидит в задумчивости.

— Я куда ближе с королем, чем со своей матерью. Для меня она такой же Оракул, как и для всех вас — человек, которого я почитаю и уважаю. Но нет, я не знал материнской ласки и внимания, если вы об этом. Меня воспитывали, как члена Элитного отряда — тут уж, сами понимаете, не до проявлений любви. Да и сам я на нее, честно говоря, не способен.

— Ты любишь короля, — шепчу я, боясь спугнуть порыв его внезапной откровенности.

Эйдан медленно кивает.

— Я предан королю. До последней капли. Не знаю, любовь ли это сына к отцу, но я верен ему. Для меня это куда более понятное определение, чем любовь.

Эйдан переводит взгляд на меня и усмехается.

— Вы не знаете своего счастья, Эланис. Ваша жизнь сложилась совсем по-другому. Возможно, не счастливее, чем у меня, но вы хотя бы знаете, что такое любовь.

В тот момент мне хотелось убить Оракул. Причинить боль всем, кто сделал из Эйдана — из маленького мальчика, которым он когда-то был — машину для убийств, во всем подчиняющуюся хозяину. Мне хотелось стереть с его лица этот шрам, это напоминание о том, в кого его превратили. Эти люди не заслужили его преданности. Ни на секунду.

— Ты не обязан так жить, Эйдан, — произношу я. — Твою волю еще никто не забирал. Так почему же ты отдаешь ее просто так?

— Что ж, быть может, это и есть проявление любви. Подчиниться кому-то, потому что сам так решил.

— Но ты так не решал. Да и кому ты подчиняешься? Почему король достоин твоей преданности?

Я подхожу к нему ближе, пока не могу в мельчайших деталях разглядеть его шрам. Карие глаза внимательно наблюдают за мной.

— Ты не заслужил этого.

Эйдан смотрит на меня, не отрываясь. Напряжение между нами возрастает и мне кажется, что его лицо и упрямо поджатые губы дрогнули. Его дыхание учащается, и я едва могу держать себя в руках.

— Поверьте мне, — его голос звучит непривычно насмешливо, — я заслужил это больше всех.

Я не знаю, что сказать, но внезапно он подается вперед и, чуть склонив голову, произносит:

— Что вы чувствуете сейчас?

Наверное, с рождения я не была в таком смятении. Я вспыхиваю, но не двигаюсь с места, потому что отступить означало бы признаться во всем самой.

— В каком смысле?

Он подается еще ближе, и я чувствую его дыхание на своих губах.

— Прямо сейчас. Что вы чувствуете?

Я стараюсь смотреть ему в глаза, не шевелясь, но мой взгляд предательски блуждает по его лицу.

Его рука внезапно прикасается к моей груди, и я готова поспорить, что он чувствует учащенное биение моего сердца.

— А сейчас?

Я смотрю ему в глаза, но внезапно чувство, которое я испытываю, сменяется злостью. Эйдан зря самонадеянно думает, что заполучил мою свободу. Она, как и мое сердце, все еще принадлежат мне.

Я перехватываю его руку и заламываю кисть, заставив его издать возмущенный, неожиданный стон.

— Еще раз так сделаешь, и Доку придется повозиться, — рычу я.

Эйдан издает нечленораздельный смешок. Я делаю шаг назад, и он потирает свою кисть, самодовольно глядя на меня.

— Вот видите.

— Что?

— Вас всего-то надо немного разозлить, и вы уже готовы бросаться в бой.

— Это было не смешно, — отрезаю я.

— Разумеется, — невозмутимо отвечает Эйдан, отходя от стола. — Мне просто нужно было понять, что именно заставляет вас бороться. И это злость.

— Не знаю, учили ли вас этому в вашей элитной школе, капитан, но некрасиво играть на чувствах других людей.

На лице Эйдана появляется легкая ухмылка, и он склоняет голову:

— На чувствах?

Меня раздражает от злости. В одном Эйдан точно был прав — сейчас я вполне могла бы раскромсать ему лицо.

— Если урок закончен, вы можете не утруждать себя, — шиплю я, указывая ему на дверь.

Эйдан пытается спрятать улыбку, но у него с трудом это получается. Кивнув, он кланяется мне напоследок и бросает:

— И все же, вы абсолютно очаровательны, когда злитесь.

Я подавляю желание бросить ему вслед рапиру, но, когда за ним закрывается дверь, ловлю себя на том, что смеюсь. Я никогда еще не видела Эйдана таким игривым, таким... живым. Как будто передо мной был не капитан Элитного отряда, а мальчишка Эйдан, которого, как мне казалось, уничтожили. Возможно, шрам — это последнее, что осталось от просто Эйдана.

И все же он не помог мне забыть. С его уходом мысли о родителях снова наводнили мою голову. Тревога всегда граничит во мне где-то рядом с любым другим чувством. Слова Маккенны совершенно изменили игру. Если мои родители не продавали меня и не получали никаких денег, то у меня нет идей о том, где они могут сейчас быть... даже живы ли они. У меня трясутся руки, но я заставляю себя подумать и о другом заявлении Маккенны. На меня легла куда большая ответственность, чем просто за свою семью. Теперь на мне судьба и других Искупителей тоже.

Я отряхиваюсь от этих мыслей. Конечно же, нет. Почему я должна отвечать за кого-то еще? На ум мне приходит Алвена — этот маленький друг эльфа — и Генри. Я почти злюсь на Маккенну за то, что она переложила на меня их судьбу — как будто я самолично это выбирала. Если за все эти годы ни она, ни Нора, ни кто-либо еще не смог ничего изменить, почему все вдруг решили, что я смогу? Да кто я вообще такая?

И тут я понимаю, что она имела в виду. Сама по себе я никто, но, если мои друзья пойдут за мной...возможно, у меня появится шанс.

Опасная мысль. Очень опасная. Я стараюсь переключиться на что-то более приятное, но с удивлением замечаю, что в голове нет ни одной светлой мысли. Такое ощущение, что все внутри меня сейчас напоминает катакомбы дворца — темное, беспросветное и позабывшее о том, как выглядит солнечный свет.

— Эланис, можно с тобой поговорить?

Я уже собираюсь покинуть Солнечный город, когда меня настигает Давина. Она отделяется от небольшой группки Искупителей, которые повторяют свойства различных трав — судя по всему, одно из возможных заданий, которому мне придется обучиться во дворцовой библиотеке. Она приравнивается к моему шагу, и мы отходим на другой конец комнаты. Мимо нас снуют любопытные Искупители — многих из которых я так толком и не узнала.

— Да?

Давина поправляет идеальный золотистый хвостик и твердо смотрит мне в глаза.

— Скажи мне, что происходит между тобой и капитаном?

Вопрос застаёт меня врасплох, но я не даю себе времени смутиться.

— Ничего. Какое это имеет значение?

Давина складывает руки на груди.

— Не буду лгать тебе, Эланис — я обеспокоена. Я долгое время пыталась стать приближенной принца, но я всегда была фавориткой капитана. Эйдан — это мой билет, понимаешь?

Я едва сдерживаюсь, чтобы не сморщиться от отвращения.

— Может, тебе пора перестать уже думать только о деньгах.

— Как легко тебе говорить, — передразнивает Давина, — ты лишилась всего, а у меня еще есть семья. И мне нужно кормить их. Как, по-твоему, я это сделаю? Не знаю, можно ли назвать нас подругами, но мы сблизились за время твоего пребывания во дворце. Поэтому я прошу тебя — уступи его мне. Я вижу, что он равнодушен к тебе. Совсем не так, как к обычной фаворитке. Но пожалуйста, ради моих родителей, ради моих сестер...не забирай у меня мое место. Эйдан и так уже оказывает мне куда меньше внимания. Он обеспечивал меня деньгами, потому что...так принято. Но если я перестану считаться его фавориткой, то у него не будет никаких обязательств передо мной.

Я стараюсь не показать, насколько я обескуражена подобным заявлением. У Эйдана есть фаворитка? И это Давина? Не то, чтобы я удивлена, что это Давина, но разве у капитана Элитного отряда действительно есть чувства такого рода?

— Капитан благороден, — наконец нахожусь со словами я. — Наверняка он не посмеет отказать тебе в помощи.

Давина хватая меня за руку и заглядывает мне в глаза:

— Я прошу тебя об...уверенности в этом. Пожалуйста. Если он предложит тебе мое место...не забирай его у меня.

Я внимательно смотрю на Давину, но чувствую только накатывающую тошноту. Стать фавориткой Эйдана? Добровольно обменять свою свободу на деньги, которые уже никому не помогут? Да я лучше сбегу и сложу голову, чем позволю Эйдану так гнусно насмеяться над моими чувствами. Я говорила все это вовсе не для того, чтобы разделить с ним ложе, а потому... господи, какая же я глупая.

При всем этом я не осуждаю Давину. Я понимаю, что ею движет. Если я могу морщиться в ответ на такие слова, то лишь потому, что отвечаю только за себя. Давина же давно поставила себя на последнее место. И я не стану подставлять ее из-за глупой, никчемной ревности.

— Можешь не беспокоиться, — медленно произношу я. — У меня нет намерений становиться фавориткой кого бы там ни было — капитана или принца. Или самого короля.

Давина кивает, но в глазах у нее стоят слезы.

— Спасибо, Эланис, ты не представляешь, сколько твои слова для меня значат. Если я когда-нибудь что-то смогу для тебя сделать... только скажи.

Я киваю в ответ и бреду прочь из Солнечного города, но разум мой затуманен. В Лакнесе всегда ходили слухи о фаворитках королей, наложницах принцев, но все это оставалось лишь на уровне слухов. Если Адриан и был известен своими похождениями, то Эйдан... поверить не могу, что эта новость так меня потрясла.

Я стараюсь выкинуть капитана из головы, но какая-то странная надежда, появившаяся во мне, теперь заменилась вопиющим чувством пустоты. Почему-то еще никогда я не чувствовала себя такой одинокой.

— Эй, бестолочь! — кричит Нора, когда я вхожу в комнату. — Вот, как ты готовишься к испытаниям? Еще лишь восемь, а ты уже пришла прилечь! Ну что взять с глупой девчонки!

Я подхожу к своей кровати и будто во сне опускаюсь на нее. Нора замечает, что что-то не так, и обеспокоенно приближается ко мне.

— Ну-ну, детка? Что-то не так?

В моей голове каша. Я поднимаю глаза на Нору и несколько неуверенно произношу:

— Скажи, Нора... капитан Эйдан... сколько у него фавориток?

Нора запинается и старательно прячет глаза.

— Ни к чести девушке задавать подобные вопросы.

— Ты не ответила.

— Больше, чем тебе хотелось бы знать, — вздыхает Нора, — о точном числе мне неизвестно, но за время моего проживания во дворце всякие слухи ходили. Девочка моя, он все же мужчина.

— Я знаю. Я говорю про сегодняшний день. Сколько у него их на данный момент?

Нора долго смотрит мне в глаза, и пожимает плечами.

— Не могу знать.

Я вздыхаю, закрывая лицо руками.

— Детка, — говорит Нора, присаживаясь рядом и похлопывая меня по плечу, — неужто ты влюбилась в нашего капитана? Ты уж никак забыла, зачем во дворец явилась?

Я молчу, потому что не знаю, что сказать. Нет, я не забыла. Просто в какой-то момент все запуталось, и я позволила себе больше, чем должна была. Мой промах.

— Вспышка страсти может погубить тебя, Эланис, — шепчет Нора мне на ухо. — Любовь — это вообще абсолютно ненужное осложнение. В твоем положении она — последнее, с чем тебе нужно справляться. А капитан... не тот он человек, который тебе

нужен.

Я киваю, но не поднимаю глаз, чтобы Нора не видела моих слез. Мне так больно, потому что кто-то вдруг взял и разделил мою жизнь на то, что мне иметь позволено и на то, что осталось по ту сторону баррикад. Я думаю лишь о том, что должна была выйти замуж, родить детей и жить в тихой деревушке у озера. Моя жизнь должна была быть наполнена обычным житейским счастьем, как у моих родителей. Но я здесь. Борюсь неизвестно за что и отстаиваю чьи-то убеждения.

Может, все проблема в том, что я сама не понимаю, кто я такая.

Нора похлопывает меня по плечу и начинает осторожно раздевать.

— Поспи, дорогая. Завтра тебе станет легче.

Мама всегда так говорила, когда у меня что-то шло не так. И, что удивительно, утро всегда наступало, и дышать действительно становилось легче. Но мамы здесь нет, и я не знаю, действуют ли на меня целительные слова Норы. Я ведь даже не могу точно сказать, что расстроило меня больше — ревность к Эйдану или обида за все то, что у меня отняли. Теперь у меня лишь два пути — в фаворитки к мужчине, к которому я испытываю чувства или во главу полка, который отдаст свою жизнь за якобы правое дело. Прекрасные перспективы.

Я хлюпаю носом, но, когда моя голова касается подушки, забываюсь быстрым сном благодаря ласковой колыбельной Норы.

Мое утро начинается с головной боли, громких ударов в дверь и чьих-то криков. Я отрываю голову от подушки и вижу Адриана, который сердито пытается протиснуться в комнату мимо моей служанки.

— Ваше высочество, ниже вашего достоинства врываться в комнату к молодой, не одетой девушке! — верещит Нора, уперев руки в бока, — какие слухи пойдут по дворцу?

Адриан закатывает глаза и пытается осторожно подвинуть Нору в сторону.

— Нора, я все понимаю, но, поверьте, у меня есть весомые причины войти. Эланис меня ждет.

— О, боги, какой срам! Никак не могу вас пустить. Живо уходите, ваше высочество!

— Нора, вы забываетесь! — повышает голос Адриан.

— Я выполняю приказания короля!

Я вскакиваю с кровати прежде, чем эта ссора перерастет в схватку между Просветителем и Искупительницей. На мне шелковая ночная рубашка, что, полагаю, является вопиющим нарушением этикета, но я выросла в небольшом домике в Лакнесе. Я не очень хорошо осведомлена в вопросах приличий. Думаю, никто не посчитал нужным посвятить меня в них, ведь я всего лишь Искупительница, а не какая-нибудь фаворитка принца.

Это было не самой лучшей мыслью.

Адриан протискивается мимо Норы и подходит ко мне, упорно стараясь смотреть мне прямо в глаза. Робкое солнце пробивается через высокое окно — судя по всему, сейчас раннее утро, — но Адриан уже полностью одет. Разве что его светлые волосы взъерошены чуть больше обычного.

Я делаю сонный реверанс, но Адриан приподнимает меня за локоть.

— Что за спешка, ваше высочество? — зеваю я.

Адриан удостоверяется, что Нора ушла в свою комнату, бормоча проклятия, и наклоняется ко мне.

— По поводу нашего разговора... я узнал то, что нужно.

Я тотчас просыпаюсь и хватаю принца за руку:

— Дайте мне пару минут.

Через четверть часа (Нора не захотела выпускать меня в неглиже слоняться по дворцу) мы с принцем двинулись в катакомбы Солнечного города. Шли мы в тишине, стараясь не привлекать внимание направляющихся с утра пораньше на тренировки Искупителей. Я совсем забыла, что все как с цепи сорвались с этими испытаниями.

— Ты уже готова к соревнованиям? — приподняв брови, поинтересовался принц, когда мы спускались на нижние ярусы дворца.

Я пожимаю плечами, тяжело вздохнув.

— Вы были заняты, ваше высочество, поэтому у меня не было возможности потренировать свою магию.

— Ты могла бы тренироваться с Оракул. Правилами это не запрещено, а она лучше всех умеет противопоставлять свою магию другим Искупителям. Тебе бы тоже не помешало этому научиться.

Да уж. Уверена, именно этим и бросились заниматься Искупители, когда узнали о дате соревнований. Но после хваленого испытания болью, видеть Оракул у меня не было ни малейшего желания. К тому же, она сама все время пропадала в покоях королевской четы. Наверняка, они там вместе вынашивают замысел, как покорить мир. Принадлежность Оракул к этой шайке меня ни капельки не удивляет. Неплохо было бы обсудить это с кем-то, но пока я не готова целиком довериться никому, кроме, может быть, Скилар.

— Я поработаю над этим, — мрачно отзываюсь я.

Мы приходим в то самое узкое место между двумя лестницами, где когда-то пригвоздил меня к стене Эйдан. Я присаживаюсь на корточки у масляной лампы и указываю на нее пальцем:

— Видите? Все еще наполнена наполовину. Как и в прошлый раз.

Адриан утвердительно кивает.

— Я пришел сюда по твоей просьбе и заметил некую закономерность, — он взмахивает рукой себе за спину, — вот там лампы наполнены до краев, как и все после этих двух. Эти две указывают на винтовую лестницу. Но если мы поднимемся по ней...

Адриан берет меня за руку, и мы вместе взбираемся по крутой лестнице. Она выводит нас на новый уровень катакомб, но здесь оказывается тупик. Три стены, которые никуда не ведут. Здесь стоит лишь одна, едва подрагивающая лампа. Две остальные полностью пусты.

— Я подумал, что это тупик — нет смысла освещать его. Но во дворце немало потайных ходов и лазов, где можно легко заблудиться, поэтому служанки обычно так не поступают. Я и не обратил бы на это внимание, если бы не одна деталь...

В почти крошечной тьме мы подходим к одной из стен, и Адриан стучит по ней кулаком. Я ничего не вижу, поэтому не могу сделать никаких выводов.

— Слышишь? — требовательно спрашивает он.

— Что?

— Она звучит не так, как другие стены, — он стучит по соседней стене в доказательство своих слов. — И на ощупь другая. Это не камень. А, возможно, другой вид камня. Я не уверен. Можно было бы позвать строителей и спросить...

— Нет! Я же сказала, ваше высочество, это должно остаться строго между нами.

Я не могу разглядеть в темноте, но, кажется, Адриан согласно кивает.

— И зачем же делать так, чтобы одна из стен отличалась от другой? И зачем прятать ее в слабом освещении? — спрашиваю я.

— Думаю, мы оба уже знаем ответ. Чтобы скрыть что-то за этой стеной.

Размышления не занимают у меня ни минуты.

— Тогда нам нужно узнать, что это.

Я тянусь к лампам, но Адриан хватается меня за руку:

— Может...не стоит? Знаешь, Эланис, жизнь научила меня, что лучше не знать ответов на некоторые вопросы.

Такое ощущение, что их обучают во дворце этой фразе. Я слышала ее уже такое количество раз, что скоро меня стошнит. Я оборачиваюсь на Адриана, и прижимаю свое лицо к его вплотную. Едва заметный свет пляшет в его прищуренных глазах.

— Я хочу знать, ради чего я жертвую своей жизнью в этом дворце, — рычу я. — Что такого важного от меня все скрывают и чего от меня хотят на самом деле. Я хочу, чтобы все перестали обманывать меня. Мне нужно знать. И вам, ваше высочество, тоже.

Я вижу некоторую долю замешательства в Адриане, но он все же сдается и кивает.

За свою жизнь я прочитала немало книг, поэтому с энтузиазмом воскликнула, что эта дверь наверняка должна открываться так же, как и во всех сказках. Неудивительно, что Адриан посмотрел на меня, как на полоумную. Мы проводим несколько часов, вертя лампы в разные стороны, давя на камни и пытаясь найти волшебный рычаг, который открыл бы стену.

Но все тщетно.

— Должны же они ее как-то открывать! — возмущаюсь я. — Тут должен быть какой-то ход!

— Эланис!

Мои глаза уже привыкли к темноте, и, обернувшись, я всматриваюсь в настороженное лицо Адриана. Приложив палец к губам, он кивает головой в сторону лестницы. До меня начинают доноситься тихие, размеренные голоса. Мои ноги прирастают к полу, и я как можно тише опускаюсь на колени, прижавшись спиной к стене.

— Ваши успехи меня очень интересуют, — слышится голос короля. — Вы понимаете, о чем я.

— Разумеется, — приглушенно отвечает Оракул. — Но пока еще не все готово. Вы знаете, ваше величество, я не потерплю исключительности в Солнечном городе. Это опасно для вас.

— Я очень надеюсь на это, Оракул, — голос короля неожиданно холоден, — мы тратим слишком много сил и энергии на некоторых кандидатах. А еще больше денег. Вы знаете, материальные затраты для меня вторичны, но под угрозой безопасность моих детей и... моя. Я желаю, чтобы все было сделано в кратчайшие сроки. Не хотелось бы напоминать вам о том, что вы сами уже не так уж исключительны.

Наступает напряженная пауза, но, наконец, Оракул выдавливает:

— Я приму это к сведению, мой господин.

— Что ж, тогда я с удовольствием взгляну на моих милейших Искупителей! Нет ничего более изысканного, чем развивающаяся сила, — король со смаком причмокивает.

Мое сердце стучит у меня в горле, когда они останавливаются прямо перед лестницей, шаркая ногами по ступенькам. Я вслушиваюсь в продолжение их разговора, но они переходят на яростный, доходящий до непочтительности шепот. Через несколько мгновений,

показавшихся мне вечностью, их голоса начинают удаляться, и мы с принцем наконец можем робко выглянуть из своих укрытий.

— О чем они разговаривали? — мрачно интересуется Адриан.

— Да уж явно не о пончиках.

— Что они затеяли? — продолжал рассеянно бормотать Адриан. — Что не готово?

Может, они про соревнования?

Я закатываю глаза:

— При всем уважении, ваше высочество, но иногда вы чертовски наивны. Просто ваш отец сейчас занят темными делами, и Оракул принимает в них ярое участие.

— За такие слова тебя следует казнить, — рычит Адриан, вскинув свою светлую голову.

— За правду в Ламантре обычно щадят, мой повелитель, — не выдерживаю я.

— Это никакая не правда. Мы не знаем, о чем шла речь.

— Что, хотите выяснить?

На секунду Адриан замолкает и бросает мрачный взгляд в то место, где недавно стояли Оракул и его отец.

— Слушайте, ваше высочество...однажды вы станете королем. Поймите, что порой самые близкие люди оказываются не такими, как мы думали.

— Как твои родители? — выплевывает Адриан.

Я вздрагиваю, но он не позволяет мне ничего сказать. Вместо лишних слов, Адриан вскакивает и быстрым шагом сбегает по винтовой лестнице вниз. Я упираю взгляд в стену, но мне больше не хочется плакать или рвать на себе волосы за то, что он сказал. Адриан ошибается. И я еще всем это докажу.

Глава восемнадцатая

Эланис

Можешь жить здесь — и вся жизнь пройдет спокойно. Но кто знает, что с тобой будет, если примешь вызов судьбы?

Андрей Шум. Веллоэнс. Восхождение

Сегодняшний день можно по праву назвать сумасшедшим. С самого утра меня разбудила Нора громкими криками о том, что "час испытаний настал, а я все еще дубина". Все, чего бы мне хотелось — это набросить на голову подушку и зарыться в одеяло, но я заставила себя встать, умыться холодной водой и твердо посмотреть на себя в зеркало.

— Я выиграю, — уверенно проговорила я. — Выиграю, встречу с королем и уберусь отсюда навсегда.

Все, что произошло за последние дни, сделало мое решение очень простым. Мои привязанности больше не имели никакого значения. Я вернулась к своим изначальным приоритетам, и, если ради того, чтобы узнать правду о моих родителях, мне придется оставить своих друзей... что ж, я к этому готова. Надеюсь, они поймут меня.

Последние две недели со мной тренировались принцессы Селеста и Эсмеральда. Судя по словам последней, я делаю успехи. Кажется, она единственная во всем дворце, кто так считает. Мои боевые навыки тоже улучшились — это я поняла, основываясь на том, что улыбка Скилар становилась все менее высокомерной с каждым разом, что он со мной сражался. Да, я не была сильнейшим бойцом, но судя по неприязненным взглядам некоторых Искупителей, я действительно происходила из знатного и могущественного рода. Возможно, у меня все же есть шанс. По крайней мере, именно в этом я убеждала себя сегодня утром перед зеркалом, стараясь не засмеяться от нелепости собственных слов.

Я облачаюсь в золотой, узкий костюм, подаренный королем всем Искупителям, и движусь за Норой в катакомбы дворца.

Тридцать пять Искупителей выстраиваются в ряд в Тронном зале Солнечного города. Два огромных трона занимает королевская чета в мехах и бриллиантах. Репрезентация королевского зала в Солнечном городе явно не приносит им большого удовольствия — оба выглядят хмурыми, а король с легким налетом недовольствия скребет пальцами по бархатной обивке трона. Их дети стоят по обе стороны от них, словно немая, грациозная стража. С удивлением я замечаю здесь Адриана — вот уж не думала, что и он явится поглазеть на Искупителей. На нем белоснежный камзол, отделанный драгоценными камнями, в котором он выглядит, как настоящий король. Он старательно избегает моего взгляда, и я отвечаю ему тем же.

С двух сторон от тронов расставлены позолоченные стулья, на которых восседают приближенные королевской семьи. Я вижу восьмерых членов Элитного отряда в черных плащах, недовольно сощурившуюся Оракул, а также несколько графов и послов, посвященных в проект Искупителей. Всего кроме нас здесь около двадцати человек.

— Приветствую вас, мои дорогие Искупители, — кряхтя, проговаривает король, глядя на нас маленькими, суженными глазками.

Мы склоняемся перед ним на одно колено, и я с трудом стараюсь не сморщиться от отвращения. Все эти дни у меня не шли из головы слова, которые он произнес перед Оракул. Я предполагала, что о чем бы ни шла речь, но это как-то связано с сегодняшними

соревнованиями. Это заставляло меня понервничать.

— Сегодня вы здесь для того, чтобы пройти три важных испытания, которые выявят сильнейших из вас. Они отправятся на задания, которые я организую, а также получат определенные привилегии. Сегодняшний день был выбран не случайно. Ровно пятьсот лет прошло с тех пор, как Лакнесы подчинили себе Ламантру и распространили свой род на четыре уважаемых региона. В честь этого праздника я обещаю, что выполню одно любое желание трех победителей. Если, разумеется, — он устремляет на меня взгляд, — оно не нарушает контракта и кодекса Ламантры.

Как забавно, что он думает, будто я выиграю.

— Что ж, да начнутся соревнования!

Наши зрители раздражаются аплодисментами, но я их почти не слышу. Король смотрит на меня с каким-то странным чувством. Будто голодный коршун, он присматривается ко мне, разглядывает меня и голодно слюпывает. Такое ощущение, что ему не терпится меня схватить. Я неприязненно ежусь и отвожу глаза.

Справа и слева от меня стоят Давина и Скилар. Скилар расслаблен — он подмигивает графиням и мужественно расправляет плечи. Давина же подавлена — она нервничает, но больше переживает за меня.

— Готова? — бормочет она мне на ухо.

Я пожимаю плечами и сжимаю ее руку.

— Главное выжить.

Нора и Ева стоят чуть поодаль. Обе настроены решительно. Нашу линейку возглавляют Эйдан и двое других Искупителей — Вал и Джошуа. Ни один мускул не дрогнул на их лице.

— Не очень честно ставить нас наравне с Элитным отрядом, — шепчу я Давине.

— А они не сильнейшие Искупители, — пожимает плечами она, — а это для короля главный критерий, когда речь идет о нас. Наша сила — это гораздо больше, чем физическая подкованность.

— И кто же сильнейший Искупитель? — шепчу я ответ.

Она краснеет, и я все понимаю без слов.

— Ты тоже, — добавляет она. — Ты приходишь из древнейшего рода. Так Оракул сказала. С должными тренировками ты станешь куда сильнее меня.

Только у меня нет на это времени.

Нас разбивают на две шеренги. Перед тронами стоит длинный стол с карточками, которые на первый взгляд кажутся пустыми.

— Каждый из вас подойдет и возьмет одну из карточек. На ней будет написано имя вашего соперника. Ева, прошу, — зычно произносит король.

Ева подходит к столу и наугад вытягивает карточку. Прочитав имя, и ничуть не изменившись в лице, она озвучивает:

— Скилар.

Скилар издает весьма неприличный в подобных обстоятельствах клич и исполняет радостный танец.

— О да, крошка, — он поводит бровями из соседней шеренги и подмигивает Еве.

Ева закатывает глаза, и они оба отходят, образуя третью шеренгу.

Я с замиранием сердца смотрю, как рдеют карточки, лежащие на столе. Больше всего я испугалась за Нору, которой достался Джошуа, но ее это ни капельки не расстроило. Когда подошла моя очередь, на столе осталось пять имен. Я не хотела смотреть себе за спину или

на вторую шеренгу, пытаясь подсчитать, кто же мне достанется. Помолвившись, я взялась за край карточки и перевернула ее.

Сердце мое ушло в пятки.

— Озвучь имя, Эланис, — нетерпеливо подгонял меня король.

В моем горле пересохло, и я тихо выдавила из себя имя.

— Громче!

Я вздохнула и четко произнесла:

— Эйдан.

В зале наступает неловкая тишина. Я почти слышу, как одновременно Искупители сочувственно вздыхают, предвкушая мое сокрушительное поражение. Обернувшись, я перехватываю взгляд Эйдана. Его лицо ничего не выражает, но я уже достаточно узнала капитана, чтобы прочесть в его глазах напряжение. Он явно не обрадовался выбору.

Мы с Эйданом медленно примыкаем к третьей шеренге. Он смотрит прямо перед собой, и, должно быть, кажется бесстрастным для всех окружающих, но я с замиранием сердца жду его нелестных слов.

— Эланис, черт бы вас побрал, — тихо выругался он. — Вы не могли бы стать чуть более удачливой?

С грустным вздохом я смотрю на Скилар, который сочувственно улыбается и показывает знак, что мне конец.

— Ты не учил меня вытягивать правильные карточки.

Эйдан издает тихий смешок:

— Боже.

Когда все разбились по парам, пришло время выбирать оружие. Король по очереди приглашал одного человека из каждой пары, чтобы тот выбрал карточку, лежащую на другой стороне стола.

— Эланис, — неприятно улыбнулся король, приглашая меня к столу.

Старый злодей прознал, что я не в фаворитках у фортуны.

Чувствуя на себе мрачный взгляд Эйдана, я на негнущихся ногах подошла к столу. Ладно, надо довериться интуиции. Проведя рукой над карточками, я выбрала ту, которая лежала чуть дальше от всех остальных.

— Рукопашный бой! — радостно объявила я.

Хотя, надо признать, поводов для радости мало. Я стараюсь подбодрить себя тем, что за все эти месяцы во дворце чему-то научилась, но я никогда ни в чем не выигрывала Эйдана — черт возьми, да никто никогда ни в чем его не выигрывал! Зато хоть не опозорюсь тем, что так и не разобралась, как правильно держать булаву.

Надо подготовить себя к тому, что я проиграю это испытание, но я возлагала надежды на два других — возможно, мои корни помогут мне в схватке с Оракул или я окажусь сообразительной и разберусь в соревнованиях на логику. Эйдан смотрит на меня с таким выражением, как будто считает меня абсолютно безнадежной по всем пунктам. Сомневаюсь, что он совсем сбрасывает меня со счетов, но для него я точно не стою в одном ряду с другими моими собратьями.

— Вы быстро прогрессируете, — пробормотал он.

— Пожалей лицо, — мрачно отозвалась я.

Эйдан не улыбается, но взгляд его немного теплеет.

— Я постараюсь не причинять вам боль, — тихо обещает он.

Я тяжело вздыхаю и пожимаю плечами:

— Делай, что должен.

Когда последний участник забрал свою карточку, король любовно взглянул на нас:

— Искупители, я приглашаю первую пару пройти в Тренировочный зал. Гостей попрошу проследовать туда же. После первого испытания все приглашаются на банкет, куда вас проведут Хранители.

Король с королевой поднимаются, и все Искупители снова опускаются перед ними на колени. Королева смотрит на меня с легким налетом сочувствия, и я вспоминаю, с каким восхищением следила за ней много лет назад, когда она с таким благородством исполняла приговор Рея Стоуна. Теперь все это кажется мне обычной мишурой, которой Просветители подкупили нас, чтобы прийти к власти. Отмахнувшись от этих мыслей, краем глаза я замечаю, как резко опустился на одно колено Эйдан и с какой преданностью склонил свою темную голову. Еще немного и меня стошнит.

Как только последние гости покидают Тронный зал, Искупители подбадривающе хлопают по плечам Еву и Скилар. Я пробираюсь к ним поближе и преданно сжимаю руку своего друга:

— Будь осторожнее, ладно?

Он ухмыляется, глядя мне в лицо, но ему не удается скрыть то, как он взволнован:

— Не волнуйся, детка. Это же Ева! Я побеждал ее с тех пор, как научился ходить.

Ева косится на него с усмешкой:

— Надеюсь, ты повторяешь эту мантру перед сном.

— Береги себя, — бормочет мне на ухо Скилар, — не рвись за победой в своем раунде.

Эйдан не позволит себе ударить в грязь лицом перед королем, что бы он там ни обещал тебе. Защищайся, а потом сдайся сама. Лучше унизиться, чем остаться без конечностей.

Скилар прав и мы оба это знаем. Я порывисто обнимаю его и зарываюсь лицом ему в плечо. Мне хочется думать, что Ева не причинит Скилар вреда — в конце концов, как можно сознательно ранить кого-то вроде него? Порой я задаюсь вопросом, а не проверяет ли таким образом король, на что мы способны — сможем ли восстать против своих друзей из корыстных побуждений.

Я треплю рыжие волосы Скилар, и он хмыкает мне в ухо, разжимая объятия.

Нора храбрится, и я сжимаю ее руку, пока мы наблюдаем, как Ева и Скилар в сопровождении Хранителей выходят за двери. Им достались рапиры. Могло быть куда хуже.

Искупители понемногу расходятся по разным концам Тронного зала. Некоторые пытаются тренироваться, но большинство предпочитает держаться в одиночестве. Сохраняют энергию и навыки для себя.

— Возможно, вам следовало бы меньше переживать за своих друзей.

Эйдан стоит, прислонившись плечом к стене, и внимательно смотрит на меня своими темными глазами. От его пристального, горящего взгляда мне становится тяжелее дышать. Я гоню от себя посторонние мысли и киваю на его ежедневный черный костюм:

— Почему ты не переодет?

Он ухмыляется.

— Золото мне не к лицу.

Я усмехаюсь в ответ. Не могу представить себе мрачного капитана Элитного отряда в золотом костюме.

— Вы боитесь? — спрашивает он.

— Я разочарована, — честно отвечаю я.

— Что, считаете, с кем-то другим у вас было бы больше шансов?

— Нет, Эйдан, я просто не хочу драться с тобой.

Он недоуменно склоняет голову:

— Мы делали это на протяжении нескольких месяцев.

Я стараюсь мыслить здраво, но не выдерживаю и раздражаюсь:

— Что это вообще за правила? С каких это пор подмастерьям разрешается сражаться с учениками?

— О, вы не правы. Многие ученики ждут этой возможности и принимают ее, как оказанную им честь.

Он отделяется от стены и подходит ко мне ближе:

— Не волнуйтесь так. Вы многому научились за время наших тренировок, и я верю в вас.

Вдруг он дотрагивается до моей щеки и отводит непослушную прядь с моего лица. Я вздрагиваю и, не в силах пошевелиться, смотрю в его настойчивые темно-карие глаза. На ум тут же приходит сон, в котором он так же прикасался ко мне и смотрел так, как будто...

— Я собиралась сломать тебе руку, — хрипло шепчу я.

Он замечает, что на нас смотрят, и тут же прячет свои пальцы в кулак. Его лицо темнеет, а дыхание учащается, но через секунду он снова овладевает собой.

— Что ж, у вас появилась прекрасная возможность это сделать, — слегка улыбается он, и, приобняв меня за талию, ведет в сторону от дерущихся.

Мы молча ждем своей очереди в углу Тронного зала. Эйдан сидит, прислонившись к стене, и покачивает в руках кинжал — понятия не имею, кто позволил ему пронести с собой оружие на соревнования, но, судя по всему, капитана правила не касаются. Он выглядит погруженным в свои мысли, но периодически я ловлю на себе его испытующий взгляд. Когда до нас с Эйданом остается всего две пары, я начинаю разминаться и настраивать себя. Его это веселит, и он с ухмылкой замечает:

— Вы приводите меня в ужас, Эланис!

— Надеюсь, ты уже трясешься, — киваю я, поочередно выбрасывая в воздух ноги и руки.

Он предлагает свою помощь, но я лишь качаю головой. Все, что я могла запомнить — я уже запомнила. В глубине души мне страшно от того, что наши отношения неминуемо рухнут из-за того, что сейчас произойдет, но я не считаю нужным лишний раз расстраиваться из-за неизбежного.

— Эланис и Эйдан! — громко объявляет Хранитель.

Эйдан вскакивает, и, дотронувшись до моей спины, подталкивает меня к центру Тронного зала. Я делаю глубокий вздох и иду вперед, стараясь мыслить здраво. Мне нужно всего лишь продержаться несколько минут, а дальше самостоятельно выйти из игры. Скилар был прав. Эйдан никогда не позволит себе сражаться хуже, чем мог бы перед королем. Если я не сдамся сама, он выбьет из меня жизнь и будет продолжать до тех пор, пока Тристан его не остановит. А мы оба знаем, что сделает он это с очень небольшой охотой.

— Помните о позициях, — шепчет мне на ухо Эйдан, пока нас ведут по узким коридорам.

Я киваю, и он крепко стискивает мою руку. Наши пальцы переплетаются, и я вновь могу дышать полной грудью. Рядом с Эйданом все мои страхи перестают иметь значение, потому

что, судя по болтовне чересчур впечатлительных Искупительниц, капитан Элитного отряда — один из самых страшных монстров Ламантры. Что может быть лучше, чем иметь на своей стороне монстра?

Мы заходим в Тренировочный зал, где сидят наши зрители. Королевская чета расположилась на обитых бархатом стульях в передней части зала, оставив нам с Эйданом для борьбы огражденную часть. Такое ощущение, что мы выступаем на сцене, а наша единственная роль — развлечь уставших от жизни богачей. Я неприязненно кошусь на перешептывающихся графов, подмигивающих Эйдану графинь, на принцесс, которые с интересом следят за нами, и на Адриана, который хмуро потупил взгляд в пол.

Какой-то цирк.

Меня подмывает отказаться от всего этого и быстрым шагом вылететь за дверь, но я заставляю себя пройти на середину арены. Нельзя сдавать назад. За этими стенами мои родители. От них меня отделяет одно правильно сформулированное желание. Я не могу отступить.

— Господа, поприветствуйте Эйдана и Эланис! — зычно произносит король под скромные аплодисменты, — Эйдана вы знаете, как капитана Элитного отряда и моего самого верного служителя. Эланис же пока для вас — загадка. Но я уверен, — он хищно улыбается, — что она удивит вас.

Я чувствую на себе пристальные взгляды. У меня подкашиваются ноги, когда мы с Эйданом становимся лицом к лицу. Раньше все было по-другому — до этого момента я была уверена в том, что капитан ни за что не сделает ничего, что могло бы пойти мне во вред, но сейчас... мне хочется ему верить, но инстинкты подсказывают мне быть настороже. В конечном итоге, он тоже борется за свою правду. Прежде, чем разойтись в разные стороны, я успеваю рассмотреть выражение его глаз. Они не смотрят на меня по обычаю холодно или насмешливо — сегодня они подрагивают темным светом, как будто капитан с трудом пытается скрыть свое волнение. Я запрещаю себе думать об этом, делаю пять шагов прочь от Эйдана и разворачиваюсь.

— Приготовиться! — объявляет Оракул со своего места в первом ряду.

Мы встаем в боевые стойки, как делали уже тысячу раз до этого. Я не спускаю с Эйдана глаз, а он исподлобья смотрит на меня в ответ. Его широкая, мощная фигура заставляет меня нервно переминаясь с ноги на ногу.

Несколько минут. Продержаться всего несколько минут.

— В бой!

Эйдан оглушает меня метким ударом в живот. Я сгибаюсь пополам скорее от шока, чем от боли — что бы там ни было, но я все же не ожидала, что он нападет так быстро. Выпрямившись, я стараюсь сделать выпад, целясь ему в челюсть, но Эйдан перехватывает мою руку, заламывает назад и толкает меня лицом в пол. Я чувствую кровь на своих губах, все тело болит, но я заставляю себя встать. Я делаю шаг по направлению к нему, но он ловко уворачивается от удара, словно танцуя по залу. Взгляд Эйдана становится азартным, когда я еще раз пытаюсь безуспешно постоять за себя.

Зрители недовольны. Краем глаза я вижу зевающую графиню и скучающее выражение Адриана. Даже он просто пришел сюда поглазеть на меня. Я и не думала, что принц сочтет меня настолько равной себе, чтобы беспокоиться о моей судьбе, но я доверилась ему, а он смотрит на меня так, как будто мы вернулись в начало путешествия и я снова лишь расходный материал.

Злость поднимается откуда-то из глубин моего существа. Я смотрю на Эйдана диким взглядом и его непроницаемое лицо на секунду вздрагивает. Не могу поверить, что действительно так думаю, но Эйдан сейчас — это лишь помеха моей встрече с родителями.

Я должна сделать это ради них. Так же, как Эйдан делает это ради короля.

Встав в стойку, я делаю выпад, целясь в живот, но в последний момент ударяю капитана в лицо. Он отступает, вертя головой от недоумения, но в еще большем шоке пребываю я. Сделав еще один шаг вперед, я ударяю его в челюсть, а затем — коленом в живот. Что происходит? Эйдан знает меня, как облупленную. Почему он ничего не делает?

Я обхватываю капитана руками и еще раз бью коленом в челюсть, пока он не падает навзничь. Эйдан обмякает в моих руках, но сквозь тонкую струйку крови, текущую у него изо рта, я различаю едва заметную улыбку.

В зале наступает оглушительная тишина. Я выпрямляюсь и оглядываю присутствующих, сжимаясь под их пристальными взглядами до крошечных размеров. Селеста и Адриан ошарашенно на меня смотрят, как будто я только что достала из рукава дракона. Графы и графини тихо перешептываются и бросают взгляды на поверженного Эйдана, который распростерся у моих ног. Я собираюсь с силами и поворачиваюсь лицом к королю. Он кажется равнодушным к тому, что только что произошло, но его глаза сияют недобрым светом. Мое сердце колотится от страха, но я не позволяю себе даже пошевелиться.

— Дамы и господа, — медленно смакуя слова произносит он, — у нас есть победитель. Эланис Марлен! Теперь наша последняя пара покинет зал, а вы решите, кто, на ваш взгляд, был самым достойным бойцом из всех представленных нам Искупителей.

Под аплодисменты меня за руку выводит из Тренировочного зала Хранитель. Эйдана подхватывают подмышки, но он отнекивается и с трудом идет, вытирая кровь с лица ладонью. Я не могу встретиться с ним глазами и рассмотреть, что именно я сделала с ним. На ум мне сразу приходят шрамы у него на спине. Господи, кем я стала? Я опускаю глаза на кровь на своих руках и сжимаю пальцы в кулаки, стараясь притвориться, что удары нанесли именно мне. Я никогда не думала, что причинять боль больнее, чем страдать от нее самому.

Нас ведут через катакомбы Солнечного города и оставляют перед входом в Тронный зал. Наконец, я оборачиваюсь к Эйдану, но позволяю злости заглушить чувство вины:

— Ну и что это было?

Он недоуменно смотрит на меня. На его челюсти синяк, глаз подбит и из носа течет кровь, но, в целом, он в порядке. Все мое тело протестующе ломит от боли, но я не обращаю на это внимания.

— Что именно?

— Ты мне поддался!

— Эланис, вам эта победа нужна была куда больше, чем мне.

— Это-то я понимаю, но твой авторитет был поставлен под сомнение. Капитан Элитного отряда проигрывает рядовой девчонке! Ты испортил свою репутацию, а как к этому отнесется король?

Эйдан смотрит на меня, не моргая.

— Что? — раздражаюсь я.

Его лицо чуть светлеет и вдруг он начинает медленно смеяться.

— Погодите-ка. Вы что, Эланис, переживаете за меня?

— Вовсе нет, — в смущении отнекиваюсь я.

— Это, конечно, очень мило и все такое, но если кто-то и нуждается в защите, то это

вы. Не беспокойтесь за меня. Я служу королю слишком долго, чтобы один случай поставил мою карьеру под сомнение.

Я не выгляжу сильно убежденной, но решаю не спорить с ним:

— Что ж... спасибо. Эйдан, по поводу того, что я...

— Не берите в голову.

Эйдан потирает рукой подбородок и выглядит так, как будто ничего необычного не произошло, но я знаю, что между нами что-то изменилось. Та вспышка ярости была вовсе не адресована ему. Я не должна была с такой злостью нападать на Эйдана лишь потому, что по какой-то причине видела в его лице короля.

— Прости меня, — шепчу я, не глядя на него.

— Эланис, вы сделали то, что должны были сделать. На вашем месте я поступил бы так же.

Он приподнимает мое лицо за подбородок и от этого неожиданно ласкового жеста у меня перехватывает дыхание.

— Я же обещал, что не причиню вам боль. Я никогда не нарушаю своих обещаний, — он отпускает мой подбородок и встряхивает головой: — а теперь нам нужно пройти в Тронный зал, где Док, возможно, соизволит залатать наши раны.

Я стараюсь прийти в себя и поверить, что я просто слишком сильно ударила голову. Власть, которую капитан имеет надо мной, абсолютно необъяснима и достаточно опасна. Особенно для меня.

Искупители разошлись по разным концам зала. Кто-то сидел, прижав лед к лицу, кто-то стоял, все еще стараясь прийти в себя. Я озабоченно шарю глазами по залу и нахожу Скилар. Он о чем-то тихо разговаривает с Евой, но издали оба они выглядят нормально. Давина зажимает нос рукой, а рядом с ней стоит Нора, за которую я волновалась больше всех. Нора немного согнулась, держась за правый бок, но в целом, кажется, здорова. Как так вообще получилось?

Я подхожу к ней и подхватываю ее под руку. Эйдан следует за мной немой тенью и внимательно оглядывается по сторонам. В который раз я задаю себе вопрос: дань ли эта его профессии капитана или ему действительно есть чего опасаться.

— Нора, ты в порядке?

— Конечно, — хрипло смеется она, — я же еще не совсем из ума выжила. Сдалась этому амбалу через пять секунд. Но побегать он меня заставил.

— Рад видеть вас в добром здравии, Нора, — встречает Эйдан, а затем откланивается и идет переговорить о чем-то с Валом и Джошуа.

Его место заменяет Давина, которая бросает на удаляющегося капитана быстрый взгляд. Уверена, от него он не укрылся — как, собственно, и от меня. Ее светлые волосы собраны в пучок, подчеркивая удивительные разноцветные глаза.

— Ты выглядишь чудесно, — улыбается она.

— Ты тоже, — улыбаюсь я в ответ, — когда закончится банкет и будет оглашение результатов?

— Минут через тридцать. Сразу после этого мы приступим ко второму испытанию. Все, кто больше не в состоянии участвовать, покидают соревнования.

— Так значит, борьба продолжается?

Давина тяжело вздыхает:

— Одного победителя назовут сейчас. Того, кто, по мнению публики, сражался

достойнее всех. Обычно выявляют троих победителей — по одному в каждой категории. Порой от этих правил отступают...но, ты же знаешь. Балом здесь заправляют приближенные короля.

Я едва удерживаюсь от разочарованного стога. Уж это явно увеличивает мои шансы на победу.

Мы проводим полчаса в Тронном зале. В какой-то момент ко мне подсакивает Док, появившийся из ниоткуда, и хватает меня за лицо. Из угла его рта свисает палочка, от которой тошнотворно веет мятой.

— Все не так плачевно, — присвистывает Док, — я-то думал, смотреть уже будет не на что.

— Рада, что сократила вам работенку, Док, — усмехаюсь я.

Он отводит меня в дальний конец зала и достает лед из небольшого контейнера.

— Это какой-то вид свободы для вас? — спрашиваю я, пока он пробегает длинными пальцами по моим ранам, — ведь вы могли стать лекарем короля, но выбрали такую... непостоянную работу.

— Свобода — это лишь оправдание для собственной никчемности, — равнодушно пожав плечами, отвечает Док.

— И что, разве куда лучше сдаться? Сидеть и позволять другим решать все за вас? Вы ведь сами отказались от такой жизни, Док.

Он медленно переводит на меня взгляд и смотрит мне в глаза так, как будто только что заметил. Через секунду его лицо светлеет, и он начинает медленно, с издевкой смеяться:

— А ты что же, действительно думаешь, будто что-то решаешь?

Я не нахожусь со словами, поэтому молча позволяю ему прижать лед к моим губам.

— Все возвращайтесь в Тренировочный зал! — гремит Хранитель.

Я зажимаю лед рукой, и мы перекидываемся с Доком очень странными взглядами. Нас вдруг как будто что-то соединило, что-то, чему я еще не могу найти объяснения.

Мы выстраиваемся в ряд и шествуем обратно в зал. Зрители смотрят на наши боевые шрамы уже куда более дружелюбно. Король все так же сидит на обитом бархате стуле и недовольно постукивает пальцами по руке своей королевы.

— Приветствую вас снова в этом зале, Искупители, — кряхтя, улыбается он, — мы готовы огласить победителя в первом раунде. Зрители посоветовались и пришли к выводу, что одна пара особенно отличилась в состязании. Их поединок был отточен, как будто они практиковали свои навыки каждый день, и они оба заслуживают получить награду.

Он делает паузу и произносит:

— Ева и Скилар!

Мы аплодируем, когда они выходят на середину зала. Скилар светится от гордости, когда мы с Норой одобрительно свистим. Я искренне рада за друзей — выиграть в данном поединке шансов у меня не было, а им эта победа нужна не меньше, чем мне.

— Вы автоматически выбываете из дальнейшей борьбы за победу, так что можете присоединиться к зрителям.

Ева и Скилар занимают место в рядах графов и графинь. Скилар широко улыбается мне и поигрывает бровями, на что я поднимаю два больших пальца вверх. Они это заслужили.

— Остальные Искупители продолжают борьбу в следующем испытании.

Нас выстраивают в стройный ряд перед знакомым столом, на котором разбросаны новые карточки синего цвета. Все мои мысли сосредоточены на соревновании, суть которого

еще не была озвучена. В моей голове пульсирует лишь одна мысль.

Я должна победить.

— Итак, следующее испытание выявит силу наших Искупителей. Каждый из них встретится лицом к лицу с... — король делает многозначительную паузу, — Оракул.

Все внутри меня холодеет, когда я вспоминаю нашу последнюю встречу. Под стройный рой восхищенных возгласов Оракул поднимается со своего места, откидывает капюшон и смотрит прямо на меня ледяными голубыми глазами.

— Я желаю вам удачи, ученики. Покажите все, чему вы научились, — размеренно, будто пробуя слова на вкус, произносит она.

Я стараюсь ни о чем не думать, пока один за другим Искупители подходят к столу и берут синие карточки. Оказывается, на них написан номер, под которым мы зайдем обратно в Тренировочный зал, чтобы выступить против нашей учительницы. У меня подкашиваются ноги, но я иду следом за всеми и покорно вытягиваю карточку.

— Твой номер, Эланис, — требовательно произносит Оракул.

Я нервно сглатываю.

— Девять.

— Очень хорошо, — улыбается король, жестом предлагая мне следовать за всеми в Тронный зал.

Я медленно двигаюсь в сторону двери под пристальными взглядами заинтересованных зрителей. Краем глаза я замечаю, как графини перешептываются между собой, оценивая меня оглядывая. Я почти жалею, что мне достался рукопашный бой и я не смогла броситься в них рапирой. Скилар и Ева провожают меня грустными взглядами — особенно Скилар. Он помнит, чем для меня обернулась последняя схватка с Оракул, но я не хочу, чтобы он переживал за меня. Я ободряюще улыбаюсь ему с Евой, делая вид, будто все в полном порядке.

Я провожу в Тронном зале тридцать минут, стоя в углу и прикладывая лед к разбитой губе. Эйдан затерялся в толпе Искупителей, а Нора отправилась помогать Доку. Я думаю о том, как в прошлый раз моя сила, напоминающая огненные всполохи, безуспешно кусала ледяную стену Оракул. Возможно ли, что однажды мое племя растопит ее лед? Я не питаю никаких надежд по поводу этого испытания: чуда не случится, а моя доброжелательная наставница ясно дала понять, что я ее разочаровываю. В глубине души мне все же хочется верить, что какая-то магическая сила древнего рода Марлен, о которой все говорят, поможет мне, но удача сегодня не на моей стороне.

За спиной раздаётся осторожное покашливание, и я оборачиваюсь, сталкиваясь взглядом с Давиной. Она выглядит особенно задумчивой, как будто предстоящее испытание требует от нее исключительных умственных усилий.

— Ты в порядке?

Я неопределенно пожимаю плечами, потому что она сама знает ответ на этот вопрос.

Давина внимательно смотрит на меня, затем быстро оглядывается, собирается с силами и выпаливает:

— Слушай, я знаю, что ты проходила через испытание болью и у тебя был тет-а-тет с Оракул. Не знаю, что она тебе там наговорила, но победить Оракул практически невозможно. Она древнейшая из всех, кого мы знаем. Но у нее есть свои слабые стороны.

Она ближе наклоняется ко мне и доверительно шепчет:

— Сила Оракул...она как лед. Ледяная стена, которая ее окружает. Может, ты не

можешь пробить стену, но тебе это и не нужно. Тебе всего лишь надо нащупать трещинки.

Во время моей недавней встречи с Оракул я пробовала ее стену на прочность, но она не поддавалась мне, потому что лед был слишком толстым. Возможно, я просто выбрала неправильную стратегию? Мое пламя казалось чересчур маленьким по сравнению с силой Оракул, но, возможно, я просто не смогла найти прорех в ее магии.

— Спасибо, — тихо произношу я, обдумав слова Давины.

— Я не забуду твоей помощи, — обещает она, — и хочу отблагодарить тебя своей.

Я не успеваю сказать ничего в ответ, потому что Хранитель громко озвучивает мое имя. Мы с Давиной обмениваемся быстрыми взглядами прежде, чем я покидаю Тронный зал. Недалеко от Хранителя стоит Эйдан, отчего тот кажется маленьким и щуплым на его фоне — не переставая покачивать нож между пальцами, он о чем-то тихо беседует с Валом. На мгновение он отрывается от разговора, чтобы пристально посмотреть в мою сторону и подбадривающе кивнуть. Я практически слышу его голос в своей голове: "Я верю в вас".

Я стараюсь взять себя в руки.

По дороге в комнату тренировок я думаю только о том, сколько боли Оракул причинила мне в прошлый раз. Меньше всего мне бы хотелось, чтобы теперь унижение стало публичным. Мои попытки пробиться через ее силу были безуспешными, потому что я не понимала, куда надо целиться. Возможно, теперь я смогу что-то изменить.

Дверь в Тренировочный зал открывается и оттуда, с трудом держась рукой за Хранителя, выходит невысокая, темноволосая девушка. Она одаривает меня враждебным взглядом и сплевывает кровь на землю. От такого неожиданного недружелюбия со стороны Искупиительницы и ее состояния мне становится не по себе.

Оракул стоит посреди зала. За ее спиной маячит королевская семья, которая приветствует меня усталыми кивками. Я застываю перед дверью, нерешительно оглядываясь по сторонам.

— Подойди, — приказывает Оракул.

Ее голубые глаза сияют холодным блеском. Она смотрит на меня со смесью жалости и презрения, как будто заранее знает, что я опозорю ее перед гостями.

От всего этого меня тошнит.

На негнущихся ногах я приближаюсь к центру зала. Я не замечаю ни Адриана, ни принцесс, ни Еву и Скилар. Все, что я вижу — это фигуру, которая сейчас причинит мне боль. Всю мою кожу покалывает от ужасного предвкушения страданий.

Я нервно сглатываю и заставляю себя твердо посмотреть в глаза Оракул. Судя по всему, мне не нужно ее побеждать. Мне просто нужно выступить достойно, чтобы зрители оценили мою кандидатуру. Перед моими глазами встает нежное лицо мамы и лукавая улыбка отца. Я смагиваю слезы, и вспоминаю, почему я все это делаю.

Нет ничего больнее того, через что мне уже пришлось пройти.

— Скажи мне, когда будешь готова, — требовательно произносит Оракул и на мгновение мне кажется, будто ее тело хищно изгибается в преддверии нападения.

Я стараюсь взять себя в руки и настроиться, но меня отвлекает все вокруг — делающие ставки зрители, бесстрастный Адриан, скучающие принцессы и переживающие за меня друзья. Король бросает на меня ленивый взгляд и позвякивает кольцами.

Стервятник.

Меня охватывает злость, а это, как сказал Эйдан, мое лучшее оружие. Все мое существо подбирается, и я уже чувствую, как пламя во мне начинает разгораться и стонать от

желания, чтобы я выпустила его на свободу. Когда жжение внутри становится невыносимым, я сталкиваюсь с Оракул жестким взглядом, и произношу:

— Начнем.

Оракул поднимает руку и наводит ее на меня, но мы обе знаем, что это обыкновенное позерство — способ развеселить Просветителей. Вся ее сила в глазах, в барьере, установленном в ее голове.

Я перебираю пальцами воздух и с наслаждением ощущаю, как огненные языки пламени счастливо вырываются из меня и бросаются в сторону Оракул. Они насаждают на нее рыжими искрами, окружают ее голубые глаза, обволакивают ее сущность. Оракул приподнимает бровь, и всполохи пламени визгливо ударяются о ледяную стену, которая с легкостью поглощает их. Моя голова взрывается от боли, когда Оракул начинает давить на мое пламя, отодвигая стену все ближе и ближе ко мне, впиваясь льдинами в каждую клеточку моего мозга. Я едва удерживаюсь от крика, и огонь, который вышел за пределы меня, в ужасе возвращается обратно.

Я замечаю равнодушную ухмылку на ее губах, и это злит меня еще больше.

Пламя осторожно подбирается к Оракул с разных сторон. Она без всяких усилий отражает мои удары, поглощая мой внутренний огонь и давая отпор тысячью ледяных осколков. Из моего носа течет кровь, и я понимаю, что дольше не выдержу.

Внезапно, один из языков пламени нащупывает некую впадину в ледяной стене, которую выстроила вокруг себя Оракул. На одну секунду выражение ее лица становится мрачным, и тут я понимаю, что имела в виду Давина, когда говорила о трещинах. Я кусаю ее сильнее в это место, и чувствую, что Оракул начинает злиться. Она обрушивает на меня всю силу своей ледяной магии, заставляя меня пошатнуться и едва удержаться на ногах. Кровь хлыщет из моих ушей, голова звенит от боли, но я упорно продолжаю давить на одно и то же место. Я стараюсь сосредоточить всю свою магию на этой впадине, и мое пламенное войско с рычанием вонзается в найденную прореху.

Лицо Оракул сменяется гневной гримасой. Она шипит, и на меня обрушивается такой силы стена, как будто мне внезапно на голову упал потолок. Я чувствую, как из глаз течет что-то липкое, похоже на слезы, но уже не ощущаю боли. Кажется, я слышу чей-то крик, но, когда моя голова касается пола, это перестает иметь значение.

Глава девятнадцатая

Эланис

Они были изгоями и искателями приключений, и меня тянуло к ним, как добровольца, который ничего не знает о войне, может тянуть на фронт.

Алекс Шерер. Охотники за облаками

Я просыпаюсь от резкого, сладковатого запаха мяты и настойчивого кашля у меня над ухом. Приоткрыв глаза и поморгав, я различаю Дока, который требовательно буравит меня взглядом.

— Ну вот, девочка, уже гораздо лучше.

— Мне надо идти, — шепчет чей-то голос, — не нужно, чтобы нас видели вместе.

Док отстраненно кивает, но смотрит только на меня. Я пытаюсь повернуть голову, чтобы увидеть того, кто говорит, но не могу пошевелиться.

— Я думала, мы собираемся обсудить некоторые вещи, — раздается еще один ворчливый шепот.

— Не хватало только, чтобы король зашел сюда проверить, как она! Эйдан и так уже несколько раз околачивался у двери! — рявкает кто-то на повышенных тонах.

— Ты смеешься? У короля достаточно Искупителей, чтобы не беспокоиться за нее. Хотел бы — остановил бы все это представление до того, как она поцеловала пол.

— Только не говорите, что не понимаете, зачем все это было. Он хотел проучить ее. А заодно и всех тех, кто осмелится не повиноваться ему. Никто не неприкосновенен — вот его посыл.

— Тогда почему он не убил ее? Казнил бы на площади под предлогом и все.

— Он тратит деньги на ее содержание, кусок опилок. Ему надо было проучить ее, а не убить.

— Сплетники, помолчите! — рявкает Док.

Док помогает мне приподняться и заставляет выпить какую-то таблетку. Я морщусь от горького привкуса, но послушно делаю все, что он велит. Голова гудит, а перед глазами все плывет, но вместо того, чтобы обращать внимание на боль, я старательно прислушиваюсь к своим чувствам Искупительницы. Мое пламя превратилось в сморщенный комочек и с трудом откашливается дымом, заставляя меня тяжело вздохнуть. Наконец, все вокруг приходит в некий фокус, и я могу осмотреться.

Я нахожусь в личной кладовке Дока, как мы прозвали ее со Скилар. Кроме меня здесь находятся Ева, Давина, Скилар, Нора, девушка, которую я увидела, когда входила в Тренировочный зал и два парня в золотых костюмах Искупителей, с которыми я и словом не перекинулась. Все они наблюдают за мной с разными чувствами, но в одном они солидарны — каждый озабоченно хмурится.

Давина тут же подбегает ко мне и участливо заглядывает в глаза.

— Что случилось? — хриплю я, оглядывая их.

— Ты потеряла сознание, — объясняет Давина, — после этого испытание продолжилось, а тебя отнесли к Доку...

Мне хочется задать ей тысячу вопросов, но мы обе знали, что только один сейчас имеет значение.

— Кто выиграл? Кто выиграл поединок с Оракул?

Парень, стоящий чуть поодаль со скрещенными руками на груди, неопределенно фыркает.

— Ты, — улыбается Давина, — ты и я. Нас обеих признали победительницами.

Я облегченно закрываю глаза и приваливаюсь головой к спинке кровати.

— Я бы на твоём месте так не радовался, — подает голос темноволосый, коренастый парень, стоящий в углу.

Это заставляет меня понервничать. Я приглядываюсь к нему, пытаюсь вспомнить, видела ли его раньше, но мне ничего не приходит на ум, однако он, несомненно, выглядит очень знакомым.

— Почему? — спрашиваю я.

Давина бросает на парня раздраженный взгляд.

— Гарван, это может подождать.

— Ничего уже не может подождать, — рывкает Гарван. — Мы должны решить это. Сейчас.

— Гарван, спокойствие — это философия жизни, — изрекает Док, рассматривая колбочки на полке возле моей кровати.

Моя голова снова идет кругом.

— Что происходит? О чем он говорит?

— Никто не знает, что именно ждет победителей, — неприязненно косится на меня Гарван, — и вряд ли ваша участь будет такой уж завидной.

— Я бы очень оценила, если бы ты говорил более прямо, — раздражаюсь я.

— Вы бы лучше сначала убедились, что ей можно доверять, — подает голос девушка, которую я видела ранее. — Девчонка-то с принцем обжимается.

— Поставь под сомнение еще и мою верность, — бросает ей Давина.

— Я готов поручиться за Эланис, — добавляет Скилар.

Да что, черт возьми, происходит?

Я перехватываю взгляд Скилар и недоуменно смотрю на него. Его лицо выражает сочувствие, но он качает головой в знак того, что я должна остаться здесь и слушать.

— Эланис, — начинает Док, — то, что ты сейчас услышишь, настолько конфиденциально, что легче убить тебя, чем доверить тебе такой секрет.

— Хватит нагнетать атмосферу, Док, — закатывает глаза Скилар.

Док подходит к моей кровати, садится рядом и протягивает мне стакан воды. Я принимаю его, но не пью. Все мое существо обратилось вслух.

— Мы наблюдали за тобой с момента твоего прихода, Эланис, — начинает Док.

— Кто это — мы? — уточняю я.

— Мы зовем себя Орден Солнца. И мы здесь для того, чтобы свергнуть короля.

Мне кажется, я ослышалась. Стакан выскользывает у меня из рук, но Док ловко подхватывает его.

— Будь осторожна, — с укоризной просит он.

— Что? — шепчу я чувствуя себя так, как будто очутилась в параллельной вселенной, — вы хотите свергнуть короля?

— Наше существование началось четыре года назад. В то время обнаружили моих сыновей, — Док поднимает глаза на парней, чьих имен я не знала, и я наконец понимаю, почему оба показались мне такими знакомыми, — я женился еще до того, как согласился работать в королевском дворце, но с тех пор не видел свою семью. После того, как моих

сыновей обнаружили с даром Искупителей, я пытался отправиться на поиски жены, но все было тщетно. Она пропала. Бесследно исчезла. Впрочем, как и многие другие. У моих детей не было выбора — отправляться на службу королю или нет. Уже тогда я догадывался, что король собирает Искупителей не просто так. Он изобретает новое оружие, но мне были неизвестны подробности. Судя по слухам, испытания, которые выявляют сильнейших Искупителей, проводятся не просто ради секретных заданий и поблажек. Так король выбирает тех, чья сила находится в зените. Мы не знаем, что именно король делает с этой силой и как использует ее. Ради этого бойцы нашего Ордена и выиграли соревнования. Это оправданный риск, к сожалению, — тихо произносит Док.

Я смотрю на него так, как будто он вдруг заговорил на незнакомом мне диалекте ламантрского. Док выглядит абсолютно спокойным, как будто каждый день обсуждает заговоры, словно список покупок. Из его вечно пропахших мятой уст эти слова вылетают странными птицами, которых никто не ожидал увидеть в наших краях. У меня все это не укладывается в голове, но одна мысль уж точно не дает мне покоя.

— Вы все, — бормочу я, — вы все осаждали меня каждый раз, когда я пыталась выступить против короля. Вы говорили, что я не права, что заблуждаюсь... Скилар, и ты все знал?

— Мы не могли тебе сказать, — объясняет Давина, — во-первых, комната Дока — единственная, где можно говорить о подобных вещах. Она была спроецирована архитектором, который был членом Ордена Солнца. Он специально сделал ее звуконепроницаемой, но королю об этом неизвестно. Во-вторых, мы не могли тебе доверять, а теперь...

— Теперь что?

— Теперь мы взвесили все за и против, — раздраженно произносит девушка, которая явно не является моей большой фанаткой, — ты выиграла испытания, а значит, должна знать, что происходит. Ты нужна нам на нашей стороне. У тебя внушительный потенциал, а твой характер доказывает, что ты готова бороться. Но, а если честнее, то нам просто кажется, что ты обладаешь информацией.

Я смотрю на Скилар, ожидая его слов, но он лишь стыдливо опускает голову.

— Прости меня, Эланис, — бормочет он, — я не мог ничего сказать тебе до того, как они начнут тебе доверять.

— Поэтому ты отправил меня к Маккенне? — злюсь я, — чтобы она зарядила меня на борьбу?

— Маккенна не может быть членом Ордена, — качает головой Док, — но она знает о нашем существовании. У Маккенны маленькие дети, а она и так уже слишком многим пожертвовала ради их безопасности. Рассказать тебе свою историю было исключительно ее желанием. Мы никогда не стали бы просить ее об этом.

— Она сказала, что есть люди, которые хотят бороться, но вам нужен лидер. И что этим лидером должна стать я.

Эта мысль билась в моей голове, словно запертая в клетку птичка, а теперь вырвалась на волю, и, кажется, удивила не меня одну. Но сейчас, когда я высказала ее вслух и поделила с кем-то ношу, которая была для меня неподъемной, мне стало легче. Я еще ничего не знала об Ордене, но мне казалось, будто он стоит у меня за спиной и поддерживает за плечи, не давая упасть.

— Притормози, — скалится девушка, — для начала, как насчет того, что ты просто

расскажешь нам все, что знаешь, а лидерство уже будешь выпрашивать потом.

Я оглядываю их, но не спешу ничего говорить. Во-первых, я действительно практически ничего не знаю, а во-вторых...да, большинство из этих людей — мои друзья, но они обманывали меня так долго, что я уже сомневаюсь, могу ли вообще им доверять.

— Вы здесь тоже из-за своих родителей? — я игнорирую девушку, что заставляет ее заходить по комнате от бешенства.

— Мы здесь из-за справедливости, — кричит Нора и подмигивает мне, заставляя меня издать изумленный вздох, — да, крошка, я еще не сдалась.

— Мы здесь из-за нашей свободы, Эланис, — произносит Ева, — мы просто хотим уйти. Ты же видишь, что наш ждет. Посмотри... — она делает паузу и сглатывает, — посмотри на мою мать. А ей еще повезло. За ней хотя бы сохранили титул Искупительницы. В основном, наша участь — это загнанная, полная страхов и ограничений жизнь Маккенны.

— Но вместе с собой мы захватим и этого засранца короля, — тихо произносит второй сын Дока — судя по всему, его зовут Бенджамин. Он выше Гарвана и более худощав, да и сам по себе куда больше напоминает отца.

— Разумеется, — соглашается Ева, — правда, мы еще понятия не имеем, как это сделать.

Я недоуменно смотрю на Дока, который все еще задумчиво расставляет баночки с лекарствами по местам.

— И за все эти годы вы так ничего и не придумали?

— Эй, не смотри на меня так! — оскорбленно восклицает Док, делая глубокую затыжку, — в Ордене никогда не состояло много людей, да и знаний нам не хватало. Все это время мы втирались в доверие, накапливали информацию... — он выразительно смотрит на Давину, которая краснеет.

— Давина! — изумляюсь я, — неужели ты прислуживала принцу и капитану ради сведений?

— Нет, — вздыхает она, — тут я тебе не соврала. Деньги действительно у меня в приоритете.

— Свобода важнее, — огрызается девочка.

— С тобой трудно спорить, Бланш.

Я недоуменно приподнимаю брови. От кого бы я меньше всего ожидала подобной страсти к борьбе — так это от Давины. В конце концов, она же яро заботится о своей семье, так почему решилась поставить под угрозу не только свою жизнь, но еще и своих близких? Кажется, я впервые замечаю отчаянный огонь, горящий в ее разноцветных глазах. Она такая же сумасшедшая, как и весь Орден Солнца — наверное, мы все отлично друг другу подходим. Теперь я даже представить себе не могу, как эти светящиеся от собственной силы люди могут кому-то принадлежать. И мне чертовски хочется быть такой же, как и они. Мне страшно, я полна сомнений и недоверия, но все во мне рвется присоединиться к этим отчаянным храбрецам, которым свобода оказалась важнее всего — даже собственной жизни.

— Ну, — требовательно смотрит на меня Бланш, — хочешь вступить в клуб — выкладывай, что знаешь.

— Ты могла бы быть помягче, — закатывает глаза Скилар.

Я в нерешительности смотрю перед собой, но понимаю, что выбора у меня нет. Орден Солнца — моя последняя надежда сбежать. Только на этот раз все будет так, как я хочу.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Я расскажу вам то, что узнала за это время, но при

одном условии.

— Начинается, — стонет Гарван, — теперь она уже выставляет нам условия!

— Я ничего не выставляю. Я предлагаю вам сделку — если она вас не устроит, то мы разойдемся и забудем об этом разговоре.

— Из Ордена так просто не уходят, — угрожающе рычит Бланш.

— Да успокойся ты уже! — рывкает Нора.

Док осаждают их взглядом и поворачивается ко мне. Его лицо, к моему удивлению, светится лукавством и любопытством.

— Смотрю, кто-то уже научился всему необходимому во дворце. И чего же ты хочешь?

— Для начала мне надо узнать — кто выиграл третье испытание?

— Кристиан, — отвечает Давина, но его имя мне ни о чем не говорит.

— Что ж, значит из нас всех победители — это я, Давина, Скилар и Ева. Король обещал исполнить одно желание каждого из победителей. Я хочу, чтобы мы все отправились в свои старые дома. Под любым предлогом.

Комната взрывается надменными стонами и потоком закатанных глаз.

— Он никогда не пойдет на это, — качает головой Давина, — нам запрещено видеться с семьями.

— Тогда мне надо, чтобы вы придумали, как это устроить, — твердо произношу я. — Только на этих условиях я готова делиться информацией.

Я прекрасно осознаю, что король не выдаст мне расположение родителей даже, если я приду ночью с ножом в его комнату. Но если мне каким-то образом удастся собрать больше доказательств...если дома всех моих друзей будут пусты, как и мой...

Что ж, это будет означать только одно.

— Откуда мы знаем, есть ли у тебя вообще какая-то информация? — подозрительно щурится Бланш.

Я с улыбкой смотрю на Дока:

— Это оправданный риск, не так ли?

Я иду через катакомбы Солнечного города в гнетущем молчании. Моя голова все еще болит, но после чудесного снадобья Дока мне значительно полегчало. Скилар идет рядом, шаркая ногами по ступенькам и бесцельно водя руками по каменным стенам.

— Ты злишься? — наконец, спрашивает он.

Я пожимаю плечами, не глядя на него.

— Эланис?

— Я не злюсь, Скилар, — вздыхаю я, — но да, ты мог хотя бы намекнуть, что не считаешь меня сумасшедшей.

— Я и сделал это, — возражает он.

Я открываю рот, чтобы сказать все, что думаю по этому поводу, но в последнюю секунду решаю промолчать. Док был прав. У этих стен есть уши, а последнее, чего бы мне хотелось — это чтобы хоть кто-то узнал о существовании Ордена. Я прекрасно понимаю, что эти заряженные на борьбу Искупители — моя последняя надежда, и, если честно, я в действительности абсолютно не злюсь на Скилар. На самом деле, мне бесконечно полегчало от того, что за моей спиной все же есть люди, которые поддерживают мои убеждения.

— Я рада, что ты в порядке, — тихо произношу я.

Скилар улыбается счастливой улыбкой, и, кажется, между нами вновь начинается устанавливаться прежнее доверие.

Мы заворачиваем за угол, и Скилар мнетя на месте, запустив пальцы в свои рыжие волосы.

— Тут я тебя оставлю. У меня еще есть дела в Солнечном городе, которые надо бы закончить. Доберешься сама?

Я киваю, и Скилар порывисто обнимает меня.

— Прости, — шепчет он мне на ухо, а затем отстраняется и сверкает лукавой улыбкой: — но не думай теперь, что можешь заполучить меня, детка!

— Да как я могу? — с улыбкой отвечаю я, хлопая его по плечу, — спасибо, Скилар. За все.

Он подмигивает мне и удаляется, а я продолжаю подниматься вверх по лестнице, пока редкие солнечные лучи не начинают просачиваться в темные коридоры. Неожиданно, кто-то дергает меня за руку и прижимает спиной к холодному камню стены. Я в ужасе вскрикиваю, но в полумраке прохода кроме меня и нападающего никого нет.

Мне зажимают рот рукой, но я вырываюсь и изо всех сил бью неизвестного ногой в пах. Раздается громкий стон, и в отсвете лампы я различаю скорчившегося на полу принца.

— О господи, — бормочу я, кидаясь к нему.

— Знаешь, ты могла бы быть и полюбезнее... — стонет Адриан, согнувшись пополам.

— Но откуда же я могла знать, ваше высочество? — восклицаю я, помогая ему сесть.

Он с трудом выпрямляется, облокотившись спиной о стену. Сквозь тяжелое дыхание я различаю редкие, едва слышные смешки.

— Что такое? — недоумеваю я.

Адриан поворачивает голову, и я сталкиваюсь с его карими насмешливыми глазами.

— Неудивительно, что ты сделала капитана в вашем поединке.

Я отвожу глаза и оставляю его слова без ответа. Думаю, он и так прекрасно понимает, как все было на самом деле.

— Что вы здесь делаете? — лучше уж сменить тему.

— Я искал тебя, — тихо произносит Адриан, глядя мне в глаза.

Со всеми этими событиями я совершенно забыла о нашем последнем разговоре. Помимо воли я почувствовала резкий холод между нами, который колот нас обоих. В ту же секунду мне немедленно захотелось уйти. Сейчас не лучшее время для выяснения отношений с принцем.

— Может, зря, — говорю я и порываюсь встать, но он хватает меня за руку и тянет обратно.

Я едва умудряюсь удержаться на ногах, и медленно оседаю рядом с Адрианом. Он смотрит на свои пальцы, сжимающие мою руку и перебегающие по кольцу, подаренному мне матерью. Я чувствую себя так, будто меня ошпарили, и отталкиваю его. Почему-то при мысли, что после тех слов отпрыск короля дотронется до последнего, что у меня осталось от родителей, меня начинает мутить.

— Я не хотел сказать то, что сказал, — бормочет он, все еще глядя на свою опустевшую руку.

— Я знаю, — я пожимаю плечами, — но все же вы это сказали.

— Не из дурных намерений.

Я едва удерживаюсь от желания закатить глаза.

— Ты и сама могла бы быть более тактичной, — продолжает Адриан, — и тот факт, что я ничего не сказал отцу...о многом говорит.

— О чем это?

— О моем отношении к тебе.

Внизу живота у меня появляется странное тревожное чувство. Атмосфера между нами накаляется, но я понятия не имею, что делать дальше — встать и уйти или остаться и позволить ему договорить.

— Меня не было рядом, я знаю, но я... — наконец он поднимает на меня глаза, — не мог перестать думать о тебе.

Я пытаюсь что-то сказать, но он прерывает меня:

— Подожди. Дай мне договорить. С того самого момента твоего появления во дворце я все понял. Твои рыжие волосы, зеленые глаза, твой острый ум, твоя борьба... все то, что показалось бы мне нелепым еще некоторое время назад, по какой-то странной причине очаровало меня. Ты... стала для меня не просто Искупительницей.

Мысли путаются в моей голове, но я ловлю первую за хвост: "Это все так не вовремя". Мне лестно отношение Адриана, но это лишь усложняет и так непростые вещи.

— Это невозможно, — я качаю головой, — ты знаешь, что это невозможно, особенно сейчас.

— Может, я и так слишком долго ждал этого момента.

Внезапно, он притягивает меня к себе за шею и припадает к моим губам. Его поцелуй сбивает меня с мыслей, заставляя потерять малейшую ориентацию. С трудом отдавая себя отчет в своих действиях, я тянусь к нему и запускаю руку в его золотистые волосы. Впервые за все время одиночества, лишений и предательств я в полной мере чувствую себя кому-то настолько нужной.

Просто, как бы я ни пыталась притвориться, что Адриан — именно тот, с кем я хочу это почувствовать, как только я открою глаза, реальность больно сшибет меня с ног.

Я отрываюсь от него, положив руку ему на грудь, словно преграду между нами. Наше тяжелое дыхание сливается, и я произношу:

— Хватит.

Он недоуменно поднимает на меня глаза и его лицо искажается:

— Что?

Я отстраняюсь, вновь обретая власть над своим телом. Обхватив себя руками, я заставляю себя посмотреть прямо на него.

— Адриан, ты действительно очень дорог мне. Ты мой друг, первый, кто отнесся ко мне по-человечески, а не как к куску мяса, который нужно обучить. Ты был тем, кто видел меня, а не просто Искупительницу. И я бесконечно благодарна тебе за это. И я правда тебя люблю. Просто... не так, как тебе бы этого хотелось.

Адриан молчит. Он потирает подбородок и отрешенно смотрит в сторону. Мое сердце падает куда-то вниз, потому что я никогда, ни за что на свете не хотела бы причинить ему боль.

— А кого ты любишь так? Эйдана? — усмехнувшись, произносит он.

— Это здесь абсолютно не при чем.

— Да черт возьми, брось, Эланис. Конечно же, при чем. Ведь в этом все и дело, правда? В том, что ты не можешь держать себя в руках каждый раз, когда видишь нашего милого капитана.

Его слова ударяют меня словно пощечина. Я краснею и качаю головой, но, черт возьми, он же прав. Сколько еще я должна скрывать это от самой себя? Может, тот факт, что мне

совершенно ни к чему эти чувства не давали мне признаться в них самой себе.

— Да ладно тебе, Эланис, я не в обиде, — невесело улыбается он. — Странно. Я привык получать абсолютно все, не желая этого. А когда мне действительно чего-то захотелось... я оказался недостаточно хорош для этого. Какая ирония.

— Адриан, все совершенно не так. Ты замечательный... — мой голос срывается, и я замолкаю, потому что все мои слова сейчас кажутся неуместными.

Он усмехается, глядя куда-то вверх, и на секунду мне кажется, будто так он пытается сдержать свои слезы.

— В чувствах вообще всегда все непросто, да? Любовь... — он смакует это слово, словно пробует его на вкус, — какое глупое, ненужное осложнение. Я бы на твоём месте тоже его опасался.

Он встает и собирается уйти, но я не могу отпустить его просто так.

— Не надо, — говорю я.

Он поворачивается, проведя рукой по волосам, и рассеянно смотрит на меня.

— Что?

— Не надо опасаться любви. В конечном итоге, кому-то все равно будет больно, но ты хотя бы можешь выбирать, кто причинит тебе эту боль.

Он улыбается одними губами, кивая головой.

— Что ж, — невесело усмехается Адриан, — кажется, я только что выбрал тебя.

Я смотрю, как Адриан медленно спускается вниз по лестнице, опустив голову, и исчезает в тени коридора. Я чувствую себя такой опустошенной, разбитой и потерянной, что почти решаюсь броситься вслед за ним и взять все свои слова обратно. Да, я могла бы полюбить Адриана за его благородство, тонкий ум и самоотверженность, но есть одно "но". Через неделю, через месяц или через год, но я сбегу отсюда и отправлюсь туда, где нужна больше всего. Так что, в конце концов, я не разбила сердце Адриана, а сохранила его. Если бы ему стало от этого хоть на секунду легче, то себя в этом дворце я лишила не меньшего.

Я утираю струящиеся по щекам слезы и прокладываю себе дальнейший путь через Солнечный город. Осталось только одно дело — один человек, которого я должна была обнадежить. Обо всем остальном я подумаю позже.

Кухня встречает меня разгоряченностью тел, криками, жаром и суетой. Я мгновенно теряю голову от соблазнительных запахов, напоминающих мне о том, что я не ела еще со вчерашнего дня, но меня отвлекает стоящая передо мной женщина. Она пыхтит с подносом в руках и пытается протиснуться мимо.

— Госпожа, подвиньтесь! — просит она раздраженным голосом, явно желая отвесить словечко посерьезнее.

— Простите, — я отодвигаюсь, позволяя ей подойти к печи, — подскажите, а где Маккенна?

Она вытирает руки о фартук и рассеянно смотрит на меня слезящимися от дыма глазами:

— Кто?

— Маккенна, — недоуменно объясняю я, — она здесь работает. У нее еще два ребенка — Алвена и Генри, они всегда рядом.

Женщина хмурится, а затем ее лицо проясняется:

— Аааа... она больше не работает здесь.

Мне кажется, что я ослышалась.

— То есть как?

Женщина пожимает плечами, разворачиваясь за новой порцией печенья.

— А куда же ее перевели?

— Меня не посвящают в подробности, — ворчит она.

Внизу живота у меня поселяется ужасное, щекочущее чувство. Я хватаюсь за край стола, потому что у меня такое ощущение, что еще секунда и я упаду.

— А дети? Где ее дети? — повышая голос до опасного крика, выпытываю я.

Женщина недовольно пыхтит:

— Кажется, их забрал король на какое-то обучение. А теперь извините, мне пора идти.

Она делает быстрый реверанс и с криками куда-то бежит. Я стою посреди кухни, мешая поварам пройти, не замечая ни возмущенных возгласов, ни едкого запаха дыма, ни отвратительной духоты. Осознание сшибает меня с ног, заставляет глотать слезы прямо на виду у всех. Я закрываю глаза, стараясь прийти в себя, но все, чего мне хочется — это разрыдаться или ударить кого-то или исчезнуть.

Я срываюсь с места и бегу из кухни — пробегаю по коридорам мимо покоев приезжих гостей, мимо комнат Искупителей, огибаю ошалевших Хранителей, бегу в главный зал, где все еще снуют герцоги и герцогини, обсуждающие забавные соревнования. Я бросаюсь на второй этаж и выбегаю на небольшой балкон, где передо мной раскидывается Лакнес. Я задыхаюсь от прилива кислорода, от порывов ветра, которые заглушают мою боль, от изнывающей прекрасной синевы моря и белых парусников, окруженных чайками. Я зажимаю рот рукой и считаю секунды до тех пор, пока придут Хранители и скажут мне убираться отсюда.

Маккенна нарушила договор, и король узнал об этом. Судя по всему, кто-то видел нас вместе и донес — у этих стен действительно есть уши. Но я знаю, что Маккенне было все равно, что будет с ней — теперь ее дети, единственные, кто имел для нее значение, отправились в рабство к королю. Маккенна пожертвовала своей свободой, чтобы не допустить этого, но Алвену и Генри сослали туда, где им место — в Искупители. Я понимаю, что, возможно, в этом нет моей вины — королю нужен был лишь повод, чтобы забрать подрастающих детей, обладающих интересующим его даром. Но Маккенна рискнула всем, чтобы помочь мне, чтобы дать Алвене и Генри шанс, которого не было у нее. Все, о чем она меня просила — это решиться подумать о ком-то, кроме себя.

Я так отчаянно пыталась это предотвратить, но стало слишком поздно. Все эти люди, которые стали частичкой моей души, изменили меня. Больше все это касается не только меня и моих родителей. И за них всех, за подло отнятую жизнь Маккенны, ее детей и тысячи других невинных, я должна отомстить. Я стану той, кого они ходят видеть. И Тристан Лакнес, тринадцатый правитель Лакнеса, заплатит за все.

Глава двадцатая

Селеста

Один умный человек сказал мне как-то, что если ты превратил своё сердце в оружие, то в конце концов оно обернётся против тебя самого.

Грегори Дэвид Робертс. Шантарам

Я без удовольствия наблюдаю за тем, как отец меряет шагами зал Советов. Он не сказал мне ни слова со времени моего возвращения из Стейси, и, судя по всему, запретил со мной разговаривать и всем остальным. Я перехватываю сочувственный взгляд Эсмеральды с другого конца стола, но тут же отвожу глаза. Часы раздражающе громко отсчитывают секунды.

Я сижу в зале Советов уже полчаса, не имея ни малейшего понятия, что же я все-таки тут делаю. По мере того, как здесь начали появляться мои родственники, послы Лакнеса, посол Стейси, а за ними и Габриэль, до меня все же дошло. Странно, что отец решил устроить мне взбучку только сейчас — да еще и вовремя соревнований, когда ему стоило бы занимать гостей.

Я закатываю глаза и вздыхаю.

— Даже не думай издавать эти раздраженные звуки! — вдруг застыв на месте, рычит отец в мою сторону, взмахивая пальцем.

Я удивленно замираю, чувствуя на себе неприязненные взгляды послов. Может, папа забыл, но мне давно уже не двенадцать, чтобы меня отчитывали перед всем Советом.

Мама сидит между Эсмеральдой и послом Стейси и выглядит очень напряженной. Изыщная рука скользит по ее лицу, когда она со стоном склоняет голову.

Уж кому-кому, а ей неприятностей я точно доставлять не хотела. Она узнала о моем краткосрочном побеге, как только мы с Габриэлем переправились обратно в Лакнес, но только нахмурилась и промолчала. Ее весьма взволновала часть о моем похищении, но лично мне показалось, что она даже молчаливо поддержала мое сумасбродство. Хотя я, скорее всего, ошибаюсь.

Габриэль сидит справа и буравит меня полным сожаления взглядом, но я не смотрю на него. Он считает себя виноватым во всем, что произошло, но я на него не злюсь. В конце концов, это было моим решением и моим личным бунтом — к Габриэлю это имело весьма посредственное отношение. Его приезд в Лакнес можно было назвать поистине героическим поступком, ведь он смело принял всю вину на себя. Жаль, что я не нуждаюсь в защите перед собственным отцом.

— Позвольте, мой повелитель, но чего мы ждем? — робко интересуется посол Лакнеса — толстенький мужчина с проглядывающей лысиной. Я разглядываю родной герб, вышитый на его плаще — олень с золотистыми рогами. Это единственное диковинное животное, обитающее в лесах Лакнеса, но по праву исключительности, наши прадеды приказали украсить его цветами нашего региона. Я перевожу взгляд на гордого сокола, цепляющегося за грудь посла Стейси — герб, на который я скоро разменяю свой.

Отец открывает рот, чтобы ответить, но тут в зал врывается Адриан. Он выглядит потрепанным и рассеянным — да и привычного лоска ему не достает. Я пытаюсь припомнить, когда в последний раз нормально разговаривала с братом, но у меня ничего не выходит. Кажется, я настолько была занята своей маленькой драмой, что совсем выпустила

его из виду. Я с сожалением вспоминаю о наших старых конных прогулках, об охоте, о том, как мы мастерили оружие на скорость и сражались в королевских лесах. Такое ощущение, что с тех пор прошло несколько лет. Никогда еще я не скучала по нему больше.

— Простите за опоздание, у меня были дела, — он кланяется и занимает место слева от меня.

— И что за дела у тебя были? — тихо шепчу я ему на ухо.

Он бросает на меня странный взгляд и пожимает плечами:

— Был слишком занят, придумывая, как отправить послов к черту.

Я прыскаю:

— О, да это задатки великого правителя! Кстати, нас собрали здесь, чтобы меня прилюдно отругать?

— Ну, давай посмотрим — ты сбежала со своим еще даже не мужем в другой регион под покровом ночи, где тебя пытались убить... да, наверное, именно для этого.

— Подумаешь, обычная пятница.

Король прерывает нас многозначительным покашливанием и прожигает меня взглядом. Я вздыхаю и выпрямляюсь, отчего корсет неудобно сдавливает мне бедра.

Дверь со скрипом открывается, и в комнату вливаются два человека, при виде которых у меня перехватывает дыхание. Темноволосый, высокий мужчина в расшитом драгоценными камнями красном камзоле с гербом в виде сокола на груди и женщина — величавая, зеленоглазая блондинка с хрустальной короной на голове в струящемся, нежно-голубом платье, грустно подчеркивающим ее угасающую молодость.

Кейтлин Кравер и Леонард Стейси — правители Стейси. Кажется, самое время начинать волноваться.

Мы все вскакиваем со своих мест, опустив голову перед королем и королевой. Я склоняюсь в низком реверансе, краем глаза замечая, как мои мама с папой подходят, чтобы поприветствовать королевскую чету. Габриэль так же приближается к своей семье, но они здороваются с ним с неожиданной холодностью.

Господи, ну и сколько же бед мы натворили? Кажется, это будет очень долгий Совет.

— Кейтлин, Леонард, спасибо, что проделали такой длинный путь, — улыбается отец, приглашая их за стол.

Они садятся справа от Габриэля, напротив моих родственников — такое ощущение, что это очередная война между Лакнесами и Стейси, а не попытка сохранить наш союз.

— Знаешь, что я думаю? — шепчет мне на ухо Адриан.

— И что же?

— Ты в дерьме.

Лучше не скажешь.

Отец стоит перед своим стулом и смотрит на нас со смесью стыда и грусти. Будь его воля, я бы уже висела перед дворцом в назидание двум другим его детям.

— Господа, мы собрались здесь, чтобы обсудить вопиющее происшествие, — он вздыхает и делает театральную паузу, — понимаю, что именно так оно и выглядит. Все, что нам нужно сейчас сделать — это не позволить данному скандалу стать публичным.

— Ты торопишь события, Тристан, — приподняв бровь, заявляет Кейтлин, — предлагаю сначала обсудить, стоит ли ваша дочь вообще такого союза.

Я изумленно смотрю на Кейтлин. Мама никогда не позволяла себе таких резких высказываний на собраниях. Если честно, это даже интригует меня. Неужели в Стейси я

действительно получу столько свободы?

— Не хотела бы ввязываться в перестрелку политическими терминами, Кейтлин, — неожиданно заявляет моя мама, — но это вовсе не моя дочь инициировала поездку.

У меня отвисает челюсть, когда я слышу едкие нотки в голосе моей матери — самой достопочтенной и совершенной королевы Лакнеса. Я вижу только лицо Эсмеральды, которая с трудом старается сохранить спокойное выражение. Ей тут вообще труднее всех — она же посол мира.

— Надо признать, ее величество права, — замечает наш посол — Норман, — к сожалению, его высочество принц Габриэль не только скомпрометировал принцессу, но и поставил под угрозу ее безопасность, а если еще точнее, ее жизнь.

Я открываю рот, чтобы высказаться, но отец кидает на меня убийственный взгляд, говорящий "Ты и так уже достаточно сделала", поэтому я замолкаю.

— Принцесса не должна была ставить себя в такое скандальное положение, — парирует посол Стейси, — судя по фактам, принц сделал все, чтобы поездка прошла незамеченной от любопытных глаз, но именно ее высочество настояла на самостоятельных прогулках. Я бы назвал это угождением будущей невесте.

— Проблема не в этом, — произносит Леонард, постукивая пальцами по столу, — данный скандал даст плохое начало этому браку. Простите, Тристан, но у Стейси и Лакнеса есть своя история, которая давно не по душе жителям обоих регионов. Брак вашей дочери и нашего сына мог бы положить начало новой эре только в том случае, если бы он был безупречным. К сожалению, — он внимательно смотрит на меня, — я полагаю, что ваша дочь слишком безрассудна, а мой сын — слишком влюблен, чтобы действовать благоразумно.

— Не понимаю, ваше величество, — морщится Норман, — по-моему, из этого можно было бы сделать прелестнейшую сказку для народа, а влюбленный принц — чарующее дополнение.

— Политические браки, посол, строятся на дипломатии, а не чувствах, — возражает Леонард, — я вынужден делать то, что лучше для моего народа. Принцесса Селеста — прекрасная партия и чудесная девушка, но слишком нестабильна, чтобы я без сомнений поставил ее рядом с моим сыном во главе региона.

— Раньше разговор об этом не шел, Леонард, — недовольно цедит мой отец, — Селеста — это дополнение к Габриэлю, а не правительница Стейси.

У меня перехватывает горло от его слов. Поверить не могу в то, что меня всю жизнь учили быть королевой, а в итоге я оказываюсь всего лишь украшением Габриэля. Да, я понимаю, что меня не подпустили бы ни к политике, ни к экономике страны, но это не значит, что у меня не было бы никакого веса в регионе. Я растерянно смотрю на маму, но она упорно избегает моего взгляда. Вот тебе и первый урок, Селеста — правда всегда больнее лжи.

— Более того, — бросая на чету Стейси мрачный взгляд, добавляет отец: — хочу напомнить вам, что любой королевский дом почтет за честь связать себя узами с дочерью Лакнеса.

— В этом нет никаких сомнений. Но нам нужна девушка, которая будет помогать Габриэлю поддерживать старый строй, на котором и держится Ламантра, — развея руками, отвечает Леонард, — сам посмотри, Тристан, вот уже сорок лет прошло. Последствия Слепой войны начинают забываться, а все потому, что мы следовали правилам. Я запросил

некоторые документы от моих Ищеек. Судя по тому, что мне было представлено, принцесса Селеста просветила трех человек без суда и следствия.

Все взгляды теперь обращены на меня. Внутри у меня все холодеет, и я ужасом цепляюсь за складки своего платья. Я и не думала, что мои старые ошибки так больно мне откликнутся.

— Эта информация не подтверждена, — злится мама.

— Клевета на принцессу может быть рассчитана, как неуважение к королевскому дому Лакнеса! — заводится отец.

— Если эта информация окажется правдой, мы вынуждены будем настаивать на суде, — выступает посол Стейси, — разумеется, только в том случае, если помолвка все же будет расторгнута. В противном случае я не вижу причин предавать эти сведения огласке.

Я сжимаю свое платье и говорю:

— Я хочу высказаться.

Отец раздосадовано смотрит на меня, но королевская чета Стейси зажигается неожиданным интересом. Габриэль смотрит прямо перед собой, и я не могу точно сказать, какие чувства он сейчас испытывает.

— Я совершала...плохие вещи, — с трудом подбирая слова, наконец произношу я то, что должна была сказать уже долгое время назад, — вещи, за которые мне стыдно, за которые я должна понести наказание и которые преследуют меня по сей день. Не все люди, которых я просветила, заслуживали этого. Многие из них ошиблись — подверглись влиянию момента — как и я, когда просветила их. И я, и они совершили ошибки, за которые должны были расплатиться. Я должна признаться вам, что никогда не хотела быть королевой Стейси, но встреча с принцем Габриэлем изменила меня. Я поняла, что хочу принять эту честь, потому что считаю, что, несмотря на мое прошлое, я могу стать достойной королевой. Моя мать научила меня терпению, моя сестра — благородству, мой отец — ответственности, а мой брат — храбрости. Я готова стать достойной опорой моему будущему королю, примером для подражания моим жителям и той, кем вы и мои родители смогут гордиться. Если вы позволите, то я стану истинной королевой Стейси — той, кого вам не придется стыдиться или опасаться. Я стану безупречной.

Я замолкаю, и в комнате повисает тишина. Я чувствую на себе потрясенный взгляд Габриэля, но не мог повернуть голову — мои глаза прикованы к королевской чете.

— То, что ты сказала, очень похвально, — усмехается Кейтлин, — но не только ты хочешь стать королевой Стейси, Селеста. Это вовсе не ноша, как тебе кажется. Это честь.

— Ваше величество, — улыбается Адриан, — не смею допустить никакого непочтения, но для девушки, которая все детство стреляла в птиц, это весьма смелые слова.

Изящный ротик Кейтлин брезгливо кривится.

— Стреляла в птиц? Как...импозантно.

— Я так же впечатлен вашей речью, принцесса, — склоняет голову Леонард, — но я в своем мнении неприступен. Я не хотел бы отдавать власть в руки девушки, чье прошлое может скомпрометировать королевскую семью Стейси. Это, как минимум, мой долг — позаботиться о судьбе короны. К тому же, мне кажется, для Габриэля есть куда более подходящая партия. Я говорю о принцессе Эсмеральде.

Эсмеральда изумленно поднимает свои большие глаза и недоуменно смотрит на короля Стейси. Я все сильнее сжимаю свое платье.

— Эсмеральда? — непонимающе качает головой отец, — но она посол мира от

Лакнеса.

— Именно поэтому она составит исключительную партию моему сыну. Она умна, благородна, стабильна — люди ее обожают. Не поймите меня неправильно, но народ был бы куда более рад видеть у трона ее, чем... — он сочувственно смотрит на меня, — вас, Селеста. Да и за кого вы собирались выдавать ее замуж, ваша светлость? В Лакнесе вы оставляете править своего сына, а в Бишопе и Кравере уже есть наследные принцы и все они помолвлены.

— Исключено! У Эсмеральды дела в Лакнесе. Моя дочь куда нужнее здесь, чем где-либо еще. Разумеется, ваше величество, — ядовитым голосом замечает мой отец, — вам хотелось бы видеть ее с гербом Стейси на мантии, потому что для вас это будет и рекламой, и показателем восстановленных отношений, но для Лакнеса это обернется лишь неудачами.

— Ваша дочь будет королевой. Какие же здесь неудачи?

— Эсмеральда — символ новых начал. Ее любят не только в Лакнесе, но и за его пределами. Сами понимаете, — разводит руками Норман, — именно такая реклама сейчас нужна Лакнесу после Слепой войны.

— Что ж, сделайте из нее новую Эсмеральду, — махнув на меня рукой, говорит Кейтлин, — или то, что она просвещает всех без разбора не делает вам чести?

— Вы забываетесь, ваша милость, — кривится моя мама, — не нужно апеллировать недостоверной информацией.

— Она же сама в этом призналась.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Отец смотрит на меня так, как будто был бы рад куда больше, если бы я сейчас же исчезла с лица земли. Мне хочется закрыть лицо руками и не видеть всего этого, но я не могу просто прятаться от своих проблем. Я совершала все эти ошибки, зная, что за этим последует, даже втайне надеясь, что я буду сидеть на Совете, и отцу будет за меня стыдно. Господи, кто же знал, что шестнадцатилетняя глупость не лечится. Возможно, выбери я другой способ бунтовать, все было бы иначе.

— Я хочу остаться в Лакнесе и продолжать свою миссию, — произносит Эсмеральда, прожигая взглядом королевскую чету.

— Боюсь, принцесса, это не ваше решение, — качает головой посол Стейси, — если ваши родители решат, что так будет лучше для обоих регионов, то вам придется занять престол.

— Он мне не нужен, — цедит Эсмеральда, — разве вам не хотелось бы видеть королеву, которая горит желанием управлять Стейси? Что ж, это не я. Это принцесса Селеста.

— Я думаю, разговор о принцессе Селесте закончен. Мы позаботимся о том, чтобы информация не просочилась. Если вы, ваша светлость, — глядя на отца произносит Леонард, — не сочтете союз Эсмеральды и Габриэля выгодным, то нам придется пересмотреть условия контракта. Возможно, это поколение так и не увидит укрепления отношений между Стейси и Лакнесом.

Мама прожигает отца взглядом, но я замечаю некоторое колебание в его лице. Для отца этот союз действительно не выгоден, но он гарантирует Лакнесу безопасность, а значит, и ему. А ведь это все, о чем мой отец переживал за последние чертовы десять лет. Он с куда большей охотой отказался бы и от меня, и от Эсмеральды, если бы это означало новых союзников. Только в этот раз у него не получилось продать меня повыгоднее.

— Отец, я согласен на этот брак только в том случае, если он будет заключен с

принцессой Селестой, — говорит Габриэль, глядя на своего отца.

Леонард смотрит на него тяжелым взглядом, и Габриэль чуть заметно вздрагивает.

— Это не твоего ума дела, сын.

Мне кажется, что Габриэль хочет опустить голову и отступить, но он остается непреклонен. То, как сильно он нервничает, заметно лишь по ходящему кадыку и напряженно сжатой челюсти.

— Тогда я нахожу невозможным исполнять обязанности короля.

В зале повисает мертвая тишина. Я поворачиваю голову и в изумлении смотрю на Габриэля. Да что он несет?

Я вижу, как раздражается королевская чета. Кейтлин принимается нервно поправлять прическу, а пальцы Леонарда сжимаются в кулак.

— Я попросил бы, ваше высочество, — произносит он ледяным тоном, — чтобы вы следили за своими выражениями. Прошу прощения, господа, он, видимо, утомился.

— Я не утомился, — рычит Габриэль, — и мои условия абсолютно серьезны. Я считаю принцессу Селесту замечательной кандидатурой на роль королевы Стейси.

— Да еще бы ты так не считал, влюбленный идиот, — стараюсь оставаться спокойным, цедит Леонард, заставляя Габриэля побледнеть.

— Вы же понимаете, ваше высочество, — покачиваясь на стуле, приподнимает брови посол Стейси, — что отказ от титула имеет множество последствий. Вы, как минимум, лишитесь денег и уважения, а еще будете вынуждены покинуть королевский дворец и жить, как простолюдин в Стейси. Более того, вам придется подписать контракт, который запретит вам состоять в любых отношениях с противоположным полом, ибо королевские семьи не потерпят смешения крови.

— Я понимаю это.

— Да черта с два! — Леонард вскакивает и изо всех сил ударяет кулаками по столу, — я ни за что этого не позволю! Мой единственный сын не откажется от престола ради девчонки! На тебе, Габриэль, держится не просто регион, а еще и продолжение рода Стейси! Я не позволю женщине и чужеземному принцу управлять моим регионом!

— Ваше величество, мне кажется, вам следует...

— Молчать! — рявкает Леонард, прожигая Габриэля глазами, — кажется, я давно не проводил образовательные беседы с моим сыном.

— Ваша светлость, все это можно решить мирным способом, — вздыхает мама.

— Послушайте наше предложение, — мигом встречается Норман, — мы уладим скандал, который произошел, а взамен помолвка не будет расторгнута. Селеста подпишет контракт, согласно которому она обязуется быть достойной королевой, соблюдать условия просвещения и не компрометировать королевскую семью. Мы так же позаботимся о сохранности ее прошлого. В противном случае...вам ведь не хотелось бы, чтобы народ узнал о том, как принц пытался опозорить честь ее высочества?

— Ох уж этот дипломатический шантаж, — закатывает глаза Кейтлин.

— Знаете ли, мы тоже можем вступить в эту игру с ответными угрозами, — передразнивает посол Стейси.

— Не стоит, — вздыхает Леонард, — кажется, мой сын уже возомнил себя королем.

Леонард пересекает комнату и становится лицом к лицу с моим отцом. Он намного выше отца и куда более молод, отчего папа кажется маленьким и иссохшим на его фоне. От этого зрелища мое сердце наполняется кровью. Я незаметно сжимаю руку Габриэля под

столом. Когда его пальцы ответно обхватывают мою ладонь, я делаю глубокий вздох, и мы оба ждем финального вердикта.

— Я хочу, чтобы за принцессой очень внимательно наблюдали, — произносит Леонард, глядя отцу в глаза, — чтобы из нее сделали идеальную королеву. Чтобы она научилась всему необходимому к прибытию в Стейси, а главное — кротости. В случае подобных инцидентов... мы изменим свое решение.

Габриэль изо всех сил стискивает мои пальцы.

— Я вынужден сказать то же самое, ваша светлость, — хрипит отец, пожимая ему руку.

— И мы настаиваем на контракте! — выкрикивает посол Стейси.

— Если государи не возражают, то я приглашаю вас в свой кабинет, где мы обсудим все составляющие контракта, — кивает Норман.

Послы откланиваются и удаляются под мерный стук каблучков. Отец улыбается, делая вид, что все прошло замечательно, но мы все знаем, какой высокой ценой ему достался этот мир:

— Спасибо за прибытие, господа. По случаю вашего приезда завтра состоится бал. К тому же, нам есть, что отпраздновать.

— Долгожданный союз двух регионов, — улыбается Кейтлин кривоватой улыбкой.

Несмотря на витающее в воздухе напряжение, я чувствую бесконечное облегчение. Знаю, и мне, и Эсмеральде еще хорошенько достанется от отца за вранье, но все самое ужасное позади. Я и сама не могла представить, как страшно мне будет потерять Габриэля и будущее, которое когда-то казалось мне лишь бременем.

— Ты поступил чертовски опрометчиво, — тихо говорю я ему на ухо.

Он бросает на меня лукавый взгляд.

— Но я в восхищении, — улыбаюсь я.

— Главное, что это сработало, — он прислоняется носом к моей щеке, — и ты со мной.

Многозначительное покашливание Адриана заставляет меня поморщиться, но на самом деле все, чего бы мне хотелось — это продлить это мгновение как можно дольше.

Королевская чета Стейси — включая Габриэля — покидает зал Советов в сопровождении моих матери и отца. Я думаю о том, как Леонард отреагирует на поведение своего сына без пристального наблюдения с нашей стороны, и мне становится не по себе. Короли не бывают миролюбивыми — уж я-то знаю. Неужели Габриэль станет таким же, как Леонард или мой отец? Одержимым властью, деньгами и собственной безопасностью? Возможно, именно ради этого я и стану его королевой — чтобы не допустить этого.

В зале остаемся лишь я, брат и сестра. Эсмеральда встает, шурша складками пышного изумрудного платья, и подходит к нам.

— Что ж, это был суровый Совет, сестрицы, — ухмыляется Адриан.

— И не говори, — вздыхаю я.

Эсмеральда виновато опускает глаза и тихо произносит:

— Прости меня, Селеста. Ты не должна была все это выслушивать. И я хочу, чтобы ты знала — ты ни капельки не хуже меня. Они не смеют считать тебя недостойной трона, потому что, если уж быть честной, то это Стейси не достоин ни твоего ума, ни твоих талантов, ни твоего сердца.

Все внутри меня отбивает бешеный ритм — я никогда еще не испытывала подобного смещения чувств. Рванувшись вперед, я порывисто обнимаю Эсмеральду и прижимаю ее к себе.

— Мы обе знаем, что ты лучшая из нас, — смеюсь я, зарываясь лицом в ее волосы.

— А мне процент сентиментальности не отойдет, потому что я не ваша сестра, — ворчит Адриан, прислоняясь к столу.

— Тебя скоро будет обнимать Кристина Кравер, — подначивает Эсмеральда.

— И это будут лучшие объятия в твоей жизни, — хохочу я.

Адриан издает громкий стон, и мы наваливаемся на него сверху. Брат и сестра прижимают меня к себе, и еще никогда в своей жизни я не чувствовала себя такой счастливой и такой защищенной.

— Пообещайте мне, что мы всегда будем вместе, — говорю я, стараясь спрятать нахлынувшие слезы.

— Эй, Селеста! Ты же не плакса, — удивляется Адриан, но затем мягко добавляет: — но да, сестренка, мы всегда будем вместе. Где бы мы ни были. Обещаю напиться на всех твоих балах!

— Только не на моих, а то отец повесит твою голову в качестве трофея себе на стену, — закатывает глаза Эсмеральда, — мы всегда будем вместе. Обещаю.

Мы стискиваем друг друга в объятиях, и на секунду мне кажется, что я почти приблизилась к полному пониманию того, что же такое любовь.

Следующий день прошел для меня в сплошных хлопотах по приготовлениям к балу. Несмотря на то, что у отца так и не выдалось возможности провести со мной воспитательную беседу, он, судя по всему, решил надоумить моих фрейлин сделать из меня образцовую принцессу. Еще никогда Луиза с такой яростью не скребла мою кожу, попутно краснея и сбивчиво извиняясь. Когда я вскрикнула в третий раз, она едва не расплакалась, добавив в мою ванну листьев роз и лаванды.

— Ладно, все в порядке, — утешила ее я. В конце концов, это не ее вина, а моя.

Я провела по меньшей мере четыре часа перед зеркалом, пока Луиза делала мне макияж и прическу. Я не стала даже пытаться вносить свои предложения по поводу своего внешнего вида, потому что она явно действовала по строгим указаниям. Когда она закончила, передо мной предстала весьма достойная принцесса — нежные румяна на яблочках, оттененные палитрой розового и фиолетового глаза, подчеркнутые вишневым блеском пухлые губы и спадающие блестящими волнами золотистые локоны. Какая жалость, что это не я.

— Вы восхитительны, ваше высочество, — с улыбкой провозглашает Луиза.

— Рада, что тебе нравится, — вздыхаю я, — что, платье тоже уже отобрали?

Луиза мнется, смущенно глядя вниз.

— Ваш отец приказал доставить его сегодня утром.

Кто бы сомневался.

— Что ж, покажи мне, что достойно внимания Кейтлин и Леонарда.

Странно, что отец думает, будто тряпки заставят их резко изменить мнение обо мне.

У моего папы, однако, совсем неплохой вкус. Луиза демонстрирует мне длинное белоснежное платье с пышной юбкой, заманчивым вырезом на груди и шелковыми прозрачными рукавами ручной работы. Отец хотел, чтобы я выглядела достаточно скромно, чтобы избегать ненужного внимания и достаточно заманчиво, чтобы интриговать чужой глаз.

Я облачаюсь в белоснежное платье, и ровно в пять часов за мной приходит Эйдан. На нем тоже белоснежный костюм, выгодно оттеняющий его темные волосы и мужественность смуглого лица. Капитан выглядит чуть более рассеянным, чем обычно, но, как только

перехватывает мой взгляд, мигом собирается и кланяется.

— Ваше высочество, вы ослепительны. Позвольте проводить вас.

Он подставляет мне локоть, и я с удовольствием принимаю его.

— Вы тоже особенно хороши, капитан. А где же мой жених? Разве не ему престало забирать свою даму?

— Боюсь, он будет ждать вас на балу. В виду некоторых... — он мнетя, — недоразумений его величество счел лучшим, если вы встретитесь там.

Я не стала ничего отвечать — кивнула и последовала за ним по длинным коридорам дворца, устланным красным ковром. Мы с Эйданом шли в молчании, и я чувствовала, что его мысли где-то далеко отсюда.

— Как ты, Эйдан? — тихо спрашиваю я, когда мы огибаем очередной коридор.

— В порядке, ваше высочество, как обычно.

— Брось, мы росли вместе. Я знаю тебя, как облупленного. Ты можешь мне рассказать.

Я помню те дни, когда я, Эйдан и Адриан были очень близки. В детстве нас всегда было трое, потому что Эсмеральде не нравились наши забавы, а мы считали ее занудой. Мы доставляли всем неприятности, проказничали и называли себя командой. А потом будто кошка пробежала между Эйданом и Адрианом, и я вынуждена была занять сторону брата в войне, причины которой были мне неизвестны. С тех пор мы не были близки, но в глубине души я скучаю по тем временам, когда капитан разделял наши увлечения. Просто с тех пор много воды утекло.

Эйдан бросает на меня взгляд, который яснее ясного говорит, что он тоже все помнит, но сейчас все так, как есть.

— Некоторые проблемы с Искупителями...ничего такого, о чем вам следовало бы волноваться.

— Ты скучаешь иногда? — я резко перевожу тему, — по нашим старым дням. По вылазкам, по походам в королевский лес, по нашим выходкам? Мы были теми еще сорванцами.

— Конечно, — он поднимает глаза к потолку, как будто пытается разглядеть за ним небесно-голубое небо, которое, в отличие от нас с ним, осталось все таким же, — я-то хотел быть, как вы. Только никогда не мог себе признаться в том, что примером для подражания выбрал девчонку.

— Ну, я всегда могла победить тебя на мечях, — смеюсь я. — Как жаль, что...

Я замолкаю, потому что не могу договорить. На самом деле мне хотелось сказать — как жаль, что ты тоже не мой брат. Между нами лежит пропасть длиной в титул и при самом большом желании нам никогда не удастся ее преодолеть.

— Я понимаю, — он кивает, — вы принцесса. И достойны всего самого лучшего. Я буду скучать по вам, когда вы уедете исполнять свой долг в Стейси. Только сделайте нам всем одолжение: никогда не меняйтесь. Я лучше еще тысячу раз услышу о том, сколько хлопот вы всем доставляете, чем буду восхвалять идеальную королеву.

Мое сердце сжимается, но мы с Эйданом оба знаем, что я не из плаксивых. Просто он напоминает мне о том, как приятно иметь рядом кого-то, кто принимает тебя таким, какой ты есть — особенно в мире дворцовых интриг, где каждый норовит сделать из тебя кого-то другого. К сожалению, я не красноречива, поэтому не знаю, как выразить все, что я чувствую, но что-то мне подсказывает, что он и так все понимает. Эйдан всегда был удивительным эмпатом. И мне больно от того, что отец решил превратить его в

хладнокровного убийцу. Я лишь надеюсь, что титул и власть не сломили Эйдана, а сделали его сильнее.

Я улыбаюсь ему и в этот момент это лучшее, что я могу сделать:

— И я тоже, Эйдан. Я тоже.

Мы заходим в бальный зал под объявление Хранителя, облаченного в нарядный красный камзол. Перед нами расстилается золотая винтовая лестница, ведущая в главную комнату всего дворца, отданную королем под проведения балов. Мы с капитаном не спеша спускаемся по ступенькам, и я изо всех сил стараюсь держать голову высоко, а спину — ровно, чтобы все разглядели во мне будущую королеву.

Внизу нас ожидает не меньше сотни гостей. Мимо них снуют официанты с небольшими закусками и бокалами прохладного шампанского. Я выхватываю один бокал и мигом осушаю его прежде, чем ко мне подходят герцог и герцогиня Барленские — старые друзья отца.

— Селеста! — растекается в натянутой улыбке графиня и наклоняется, чтобы запечатлеть на моей щеке смачный поцелуй, — какая красавица! Как ты поживаешь?

— Спасибо, герцогиня, — я неловко склоняюсь в реверансе, — все в добром здравии. Как вы? Как поживает Христоф?

— Ох, не спрашивай, шалун еще слишком мал для подобных мероприятий, но уже к ним рвется, — герцогиня жеманно хихикает.

— А где ваш жених, принцесса? — улыбается мне герцог.

Хотела бы я знать.

— Как раз собиралась отправиться на его поиски!

Я еще раз склоняюсь в реверансе и поспешно удаляюсь от них в сторону оркестра, где танцует несколько пар. Капитан предательски куда-то запропастился. Я выглядываю королевскую чету Стейси и замечаю их у противоположного конца зала — они беседуют с послами из Кравера и моими родителями. А это может означать только одно. Пошарив глазами по залу, я наконец нахожу Адриана. С самым страдальческим взглядом он крутит в руках Кристину Кравер, которая с каменным лицом повторяет движения танца. На ней длинное, строгое платье бордового оттенка, а волосы так туго затянуты наверх, что ни один волос не отстает от прически. Ну и, разумеется, улыбка не появится на этом лице, чтобы немного разбавить образ.

Так и не найдя ни сестры, ни Габриэля, я уверенным шагом приближаюсь к брату, вежливо огибая дружелюбных гостей. Некоторых из них я видела на соревнованиях, посвященных Искупителям — эти держатся куда более серьезно, как будто их значение во дворце невозможно переоценить. По крайней мере, я бы не осмелилась пытаться.

Я приближаюсь к паре, и, наконец, Адриан замечает меня. Никогда я еще не видела, чтобы он приветствовал меня с такой буйной радостью:

— Сестренка! — почти выкрикивает он, остановив Кристину, которая недовольно оборачивается через плечо.

Я приближаюсь ближе и делаю реверанс:

— Рада приветствовать вас, ваше высочество. Простите, что прерываю ваш танец.

— Ах, я и сама утомилась, — бормочет Кристина, склоняясь в ответном реверансе, — ваше присутствие радует и меня, принцесса.

— Вы уже вовсю готовитесь к свадьбе? — улыбаюсь я, чем зарабатываю убийственный взгляд Адриана.

— Столько хлопот, — медленно отвечает Кристина, холодно глядя на меня, — но мне

пока не хотелось бы об этом думать. Этим, занимаюсь, разумеется, не я.

— Ну, конечно, главной вашей заботой должно быть присутствие на этой церемонии, — невозмутимо соглашаюсь я.

— У нас обоих есть дела, требующие вмешательства более незамедлительного, — отвечает она, кидая взгляд на моего брата, — не так ли, Адриан?

Адриан растерянно моргает, но пожимает плечами и соглашается:

— Да, моя принцесса.

Я едва удерживаюсь от смешка. Насколько мне известно, в последние заботы Адриана входило ярое преследование Искупительниц и желание заглянуть под юбки всем фрейлинам дворца.

— А как продвигается ваша помолвка? — я вижу, что Кристина интересуется только из вежливости.

— Все замечательно, благодарю.

— А где же, в таком случае, ваш суженый?

Кажется, тетушка Кейтлин уже донесла любимой племяннице о неприятностях в раю. Я одариваю Кристину неприязненным взглядом, но она остается невозмутимой. Что ж, кажется, я начинаю понимать, почему будущее с ней заставляет брата рвать на себе волосы. В конечном итоге, мы всегда сможем опробовать на ней изготовленные луки...

— У него много дел, но скоро он наверняка присоединится к гостям, — стараюсь оставаться вежливой, отвечаю я.

— Это было бы хорошей идеей, — соглашается Кристина.

Адриан вклинивается между нами с самой сладкой улыбкой. Я благодарно наблюдаю за тем, как он берет принцессу под руку и склоняется перед ней с весьма заискивающим видом:

— Моя будущая королева не откажет мне в танце?

Кристина смотрит на него без всякого выражения, но спокойно отвечает:

— Почту за честь, ваше высочество.

Я едва сдерживаюсь от смеха, когда Адриан, натянув улыбку, уволакивает Кристину медленным танцем. Интересно, что он думает по поводу того, что она — единственная девушка во всей Ламантре, которая не теряет голову от его ухмылки?

Я осторожно продвигаюсь мимо гостей, попутно одаривая всех вежливыми приветствиями, и озабоченно пью шампанское. Мне не хотелось бы встречаться с родителями в одиночку, но ни Габриэля, ни Эсмеральды нигде нет. Едва бы они пропустили такой важный бал после того, что произошло. Внизу живота у меня поселяется отвратительное, мрачное чувство, а если мое прошлое чему-то меня и научило, так это доверять своим инстинктам.

Я бросаю быстрый взгляд в сторону моих родителей. Они выглядят слишком безмятежными, чтобы не вызывать подозрений, но, раз мой отец еще не послал никого на поиски Габриэля и Эсмеральды, значит, у них есть уважительная причина для отсутствия.

Только она мне уже не нравится.

Я не могу провести на балу ни одной лишней секунды. Тревога окутывает меня с головой, а ноги сами несут меня к выходу — я должна знать, где они. Лакнес не самое безопасное место для жертв королевских интриг.

— Куда вы, принцесса? — интересуется Хранитель у входа в зал.

— Мне нужно на воздух, — говорю я, активно обмахивая себя руками.

Он озабоченно кивает, и я несусь мимо него в сторону дворцовых коридоров. Я плутаю

мимо залов и комнат, навещаю кабинет Эсмеральды, захожу в ее покои, а затем иду напрямик в спальню принца.

Тяжело дыша и проклиная всех в этом дворце за узкие корсеты и неудобные платья, я, наконец, достигаю шестого этажа, где расселили королевскую семью Стейси. Я делаю Хранителям знак удалиться от покоев принца, но они лишь качают головой. В чем радость быть Просветителем, если в итоге вся власть все равно в руках отца? Я вздыхаю, и, слегка приоткрыв дверь, наклоняюсь вперед, чтобы заглянуть внутрь. Мне никогда еще не приходилось набираться столько мужества прежде, чем посмотреть правде в глаза.

Эсмеральда и Габриэль стоят друг напротив друга. Я вижу лишь лицо своей сестры, ее полные, очерченные губы и то, каким взглядом она смотрит на принца.

На моего принца.

Она проводит рукой по его щеке и что-то тихо произносит, на что Габриэль кивает и застывает перед ней. Мое сердце пропускает несколько ударов перед тем, как он разворачивается, чтобы уйти.

Я резко захлопываю дверь и бросаюсь бежать по коридору, чтобы он меня не заметил. Не понимаю, что только что произошло. Все мои мысли роились в хаотичном порядке. Они никогда не нарушили бы протокол просто так, не подставили всеобщее доверие после вчерашнего инцидента. Ради чего тогда был весь этот спектакль в зале Советов?

Я забежала за угол и остановилась отдышаться. Надо здраво оценивать ситуацию — ничего не произошло, а не быть влюбленной в Габриэля и ревновать его при этом к собственной сестре — это уж точно не по мне. Даже если между ними что-то и происходит... что ж, предположим, что Эсмеральда испытывает какие-то чувства к Габриэлю. Мысль не из самых адекватных, но я никогда еще не видела, чтобы она так на кого-то смотрела. Возможно, я должна уступить его ей. У них был бы счастливый брак, основанный на взаимной любви и на доверии, да и королевой она была бы куда лучшей.

Это вообще очень в духе моей сестры — уступить мне принца и корону, потому что только в Стейси у меня могли бы быть радужные перспективы.

Я прислоняюсь к стене и закрываю глаза. У меня что-то ноет внутри, о чем раньше я и не подозревала. Каждая мысль о том, что я должна поспособствовать чужим чувствам, заменялась эгоистичным "Он любит меня".

— Да уж, любит, — с трудом тихо усмехаюсь я, — если у него есть ответные чувства к Эсмеральде, то у него ко мне явно любовь до гроба.

Я пытаюсь развеселить саму себя, подойти ко всему этому с юмором. Какая мне разница кого любит Габриэль, если все, что он делал — это обременял меня своей страстью? Мне нет никакого дела до того, с кем он хочет быть по-настоящему. И мне все равно, притворялся ли он все это время просто для того, чтобы стимулировать меня быть хорошей женой. Наверняка, Эсмеральда попросила его сделать меня королевой Стейси, потому что непутевая сестра всем доставляет слишком много хлопот.

В конце концов, чувства Габриэля все равно были бы лишь обузой для нас обоих. Помехой в королевских интригах. Непозволительной роскошью для такого игрока, как он. Как жаль, что мама не научила играть меня.

Я опираюсь о стену, и медленно переставляя ноги, бреду в свои покои. Все мое тело налилось свинцом и болит так, как будто я скакала на лошади несколько дней. Я задыхаюсь, но продолжаю повторять себе, что ничего такого не произошло, что я переоцениваю значимость всего этого.

Я ругаю Габриэля, ругаю свою сестру, прощаю их, ругаю себя.... Я все жду, что это чувство пройдет, мне станет легче, и я смогу вздохнуть полной грудью.

Но ничего не происходит.

Глава двадцать первая

Эланис

Граница между светом и тьмой — ты.

Станислав Ежи Лец

В библиотеке, кроме меня, нет ни души. Я прохаживаюсь мимо старинных полок, рассматриваю пергаменты и свитки, теряюсь среди стеллажей и впервые чувствую себя в безопасности. Хотя, все это, конечно, лишь иллюзия.

С самого утра у меня болезненно сосало под ложечкой — сегодня состоится аудиенция у короля, на которой каждый из победителей попросит об одном желании. Наверное, именно поэтому я решила пойти в самое безлюдное место во всем дворце — чтобы потрепанные страницы вдохновили меня на правильно сформулированную просьбу. Где-то в глубине души я надеялась, что Скилар или Давина подадут мне знак, ведь они приняли мои условия, но по ним невозможно было догадаться, что между нами вообще состоялся подобный разговор. Даже Нора не повела и бровью, когда по привычке ворчливо подняла меня с утра пораньше.

Я дотрагиваюсь до корешка очередной книги, и чувство, которое я старалась в себе подавить, вновь вырывается наружу. Маккенна мертва, ее дети отправились служить королю, а я...обязана за всех отомстить.

Эта мысль все еще приживается в моей голове, но впервые со дня прибытия во дворец я чувствую, что готова к этому. Даже не потому, что поступить так будет правильно, а потому, что отныне для меня это — единственная дорога. Если мои родители в безопасности, то так тому и быть, а если же они...что ж, тогда мне нечего будет терять.

Члены Ордена все еще относятся ко мне с подозрением, и, полагаю, я отвечаю им тем же. Я впервые начала замечать Бланш на тренировках — она лучше всех метает ножи, а еще — неприязненные взгляды. Гарван и Бенджамин всегда держатся по отдельности, как будто скрывают ото всех тот факт, что они братья, но внешнее сходство с Доком выдает их с головой. Обычно Гарван занимается неподалеку от Бланш, а Бенджамин чаще всего молчаливо качается в углу Боевого зала. Если бы мои друзья не были членами Ордена, я, возможно, с опасением обдумывала бы вариант стать его частью, но после того, как я узнала о смерти Маккенны, игра резко изменилась. Я рассказала им об этом, и, думаю, они стали относиться ко мне иначе — даже Бланш взглянула на меня без обычного пренебрежения в глазах. Может, многие из них и не доверяли мне, но они верили Скилар, Давине и Доку. Мне бы не хотелось их подвести. Я припасла всю собранную мною информацию и готовилась открыть им ее сразу же после того, как они выполнят мои условия. А потом я без всяких задних мыслей присоединюсь к их миссии и буду готова, не ища вины ни в ком, сложить за нее голову.

Я дотрагиваюсь до черной, лакированной книги, больше похожей на папку с досье. Она осторожно виднеется позади других брошюр по мореплаванию, но кажется мне особенной. На ней серебряным шрифтом выведено: "Элитный отряд". Я не могу побороть свое любопытство, и раскрываю книгу на первой странице.

"Кодекс Элитного отряда".

У меня замирает сердце. Вот он — секретный кодекс, тайные двенадцать пунктов, о которых ходили легенды в Лакнесе. Я с жаром всматриваюсь в буквы:

— Двенадцать членов Элитного отряда могут быть избраны, одобрены и уволены со службы только королем или его официальным приемником.

— Двенадцать членов Элитного отряда подчиняются только королю или его официальному приемнику.

— Двенадцать членов Элитного отряда могут обладать доступом к любой информации, переданной им королем, невзирая на ее секретность.

— Двенадцать членов Элитного отряда не имеют права разглашать информацию, полученную из особых заданий или любых других конфиденциальных источников.

— Двенадцать членов Элитного отряда могут оправданно совершать любые действия, караемые законом Лакнеса, выполненные по приказу короля или его официального приемника.

— Двенадцать членов Элитного отряда обязаны защищать короля, его официального приемника и королевскую семью ценой собственной жизни.

— Двенадцать членов Элитного отряда не имеют права разглашать свою личность за пределами королевского дворца.

— В случае смерти одного из членов Элитного отряда, кандидатура на его замену должна быть предложена всеми братьями Элитного отряда и одобрена королем или его официальным приемником в течение 30 дней.

— Двенадцать членов Элитного отряда не смеют использовать оружие против собратьев или каким-либо другим образом причинять друг другу вред.

— Двенадцать членов Элитного отряда не могут добровольно покинуть службу. Уйти с поста они могут в двух случаях: увольнение или смерть. В случае увольнения, им запрещено разглашать о том, что они состояли при короле и любую другую информацию об их службе.

— В случае прихода к власти третьего лица или переворота, члены Элитного отряда обязаны немедленно покончить с собой во избежание распространения особо секретной информации.

— Нарушение любого из двенадцати пунктов карается немедленным увольнением со службы. Более серьезные преступления могут караться смертной казнью.

Я провожу пальцами по пунктам и задерживаю дыхание. Все это кажется мне достаточно жестоким. Неудивительно, что из Эйдана вышел боец, презирающий смерть и боль — он подписал контракт, в котором черным по белому написано, что он должен быть готов умереть. Судя по пунктам, у него в принципе куда больше шансов умереть, чем остаться в живых. Король действительно спятил. Я листаю страницы, чтобы узнать больше о личной свите короля. На последних страницах я вижу имена и краткое досье на всех членов Элитного отряда. Я нахожу Эйдана в самом конце, и дотрагиваюсь до его имени: "Эйдан О'Брайен". О нем нет никакой информации, кроме нескольких строк: "Капитан Элитного отряда. Двадцать три года. Мать: Оракул. Отец: Неизвестен. Сестра: Корал О'Брайен".

Я удивленно перечитываю строки снова и снова. У Эйдана есть сестра?

Меня прерывает шелест плаща и негромкий звук сапог. Я испуганно кладу книгу на место, как будто совершила преступление.

Из-за стеллажа выходит Эйдан. Его глаза с едва заметной озабоченностью оглядывают меня с ног до головы.

— Какого черта вы тут делаете, Эланис?

— А ты мог бы быть повежливее, — ворчу я.

— Я думал, вы валяетесь у Дока и не можете вспомнить собственное имя.

— Может, ты бы знал, если бы хоть изредка навещал меня.

Я хотела пошутить, но лицо Эйдана немного вытягивается:

— Разумеется, я навещал вас. Док не пускал меня...но оправдания не имеют значения.

С ним что-то не так. Я вижу это по впалым щекам, по тяжелому взгляду, по кругам под глазами и по тому, как он напрягает подбородок. Даже шрам его кажется острее, четче. Это пугает меня.

— Да ладно, Эйдан, не бери в голову.

— Мне не все равно, что с вами случится.

Я вздрагиваю, но тут же вспоминаю об обещании, данном Давине, и беру себя в руки.

— Поэтому ты пожалел меня на соревнованиях?

— Драка со мной уже была бы нечестной сделкой, — слегка наклонив голову, отвечает он.

— Что ж, еще раз спасибо.

Я иду вперед, чтобы обогнуть его, но, внезапно, Эйдан хватает меня за руку и рывком приближает к себе. Я настолько растеряна, что не могу сделать и шага, когда наши лица оказываются вплотную друг к другу.

— Там, в зале, — его голос становится хриплым, — ты была великолепна. Моя мать еще никогда не была настолько раздраженной после соревнований.

Голос подводит меня, поэтому я не издаю ни звука и лишь киваю.

— Когда я тебя ударил... — его дыхание учащается, — все, о чем я мог думать — так это о том, что сейчас я могу потерять тебя. Эта мысль крепко поселилась в моей голове. Я не мог спать после тех соревнований.

О чем он говорит? Я трясусь в его руках, словно пойманная в клетку птица. Я никогда не думала, что капитан способен на такие слова. Боже, да, кажется, я вообще понятия не имела о том, кто он такой на самом деле.

— Не хотела нарушать твой покой, — хрипло шепчу я, когда он переводит взгляд на мои губы.

Мое сердце сейчас выпрыгнет из груди. Глаза Эйдана смотрят прямо мне в душу.

— Лучше потерять сон, чем тебя.

Я смотрю на его раскрытые губы, чувствую его учащенное дыхание, теряюсь в его суровых, но сейчас неожиданно нежных карих глазах. И больше я не готова ждать ни секунды.

Наши губы сливаются так же неистово, каким, в глубине души, является и сам Эйдан. Его рычание эхом отдается в моих ушах, когда его сильные руки прижимают меня спиной к стеллажу. С каждым поцелуем, с каждым желанием зайти дальше, я становилась другой. Эйдан менял меня непреодолимо, а по его взгляду я понимала, как я меняю его.

Я скольжу по книгам, впиваюсь в его плечи и сильнее притягиваю к себе. Его губы жадно движутся по моей щеке, спускаются к моей шее, поглощают меня целиком. Господи, я никогда, никогда не знала, что такое чувствовать.

Я прихожу в себя только, когда оказываюсь на полу. Наша одежда разбросана по библиотеке и это зрелище заставляет меня улыбнуться. Я рассеянно провожу пальцами по широкой груди Эйдана, пробегаюсь по его шрамам и не могу насытиться видом его тела. Впервые Эйдан не спрятан от меня за плащом капитана Элитного отряда или костюмом Искупителя...впервые он абсолютно открыт передо мной. Его прищуренный взгляд нежно скользит по моему лицу, а взъерошенные темные волосы напоминают мне о том, насколько

он сейчас уязвим.

Я издаю тихий вздох, прислонившись щекой к его груди.

— О чем ты думаешь? — шепчет он, рассеянно водя пальцем по моему плечу.

Этот момент наполняет меня целиком, и последнее, что могло бы меня сейчас волновать — это что будет дальше.

— О том, что ты оказался совсем не таким холодным и суровым, каким кажешься, — улыбаюсь я ему в губы.

Он тихо смеется, зарываясь носом в мои волосы.

— Черт возьми, ты портишь мне репутацию.

— Готова поспорить, ты долго трудился над ее созданием.

Эйдан замолкает на секунду, устремив взгляд куда-то вдаль, но потом кивает:

— Да... Трудно быть на хорошем счету, когда ты никто. Трудно заставлять считаться с собой. Дворец не добр ни к кому, и, как бы мне не хотелось, чтобы ты была далеко отсюда, есть вещи, не зависящие от меня. Я лишь знаю, что здесь ты в большей безопасности, чем там. И здесь я хотя бы могу за тобой приглядывать.

— Вот, почему ты ходил за мной хвостиком с момента прибытия! Должна признать, ты меня очень пугал поначалу. Ты вел себя странновато со своей одержимостью мною.

Мы оба прыскаем, и он проводит носом по моим волосам.

— Я пытался держаться от тебя подальше. Правда пытался. Поверь, для человека на моей должности любые чувства — слишком большая помеха. Но, видимо, я оказался слишком слабым.

Мне совершенно не нравится это слышать, и я морщусь:

— Почему любые чувства для тебя — это слабость? Разве нельзя быть капитаном Элитного отряда, способным кого-то любить?

— Любовь ведет к состраданию, эмпатии и сомнениям. Разумеется, это не то, чему меня учили. Я не испытываю эмоций по поводу своих заданий, по поводу чужих смертей... — он делает паузу и смотрит мне в глаза, — чувства к тебе ставят под сомнение мою преданность, мою компетентность и мою верность короне. Разница лишь в том, что я сам это выбрал. Я оказался несовершенен и принял это. Из-за тебя.

Мое сердце пропускает несколько ударов, и сжимаю его пальцы:

— Поэтому король снабжает тебя столькими фаворитками? Чтобы удовлетворить твои потребности и убить в тебе все чувства?

Эйдан отстраненно кивает.

— Я не испытываю чувств к своим фавориткам. Это стало частью моей работы — и еще одним доказательством моей преданности.

Я с самого детства ненавидела делиться. Никому не давала свои конфеты, держала при себе свои немногочисленные игрушки и корчилась, когда меня называли жадиной. Кажется, какие-то привычки никогда не меняются. Я понимаю, что не имею права испытывать чувство собственности по отношению к капитану, ведь я делю его по крайней мере с одним человеком — королем — но ревность полосует мое сердце. Тем не менее, есть вещи, которые важнее моего комфорта.

— Кстати об этом... я хотела попросить тебя кое о чем. Давина... — я запинаюсь, потому что произносить это мне физически больно: — волнуется о том, что ты стал держать с ней дистанцию. Я хочу, чтобы ее семья не пострадала от твоих предпочтений.

Эйдан немного напрягается подо мной, и я зажмуриваюсь, ожидая его ответа. Через

секунду он расслабляется, тихо смеется и лукаво смотрит на меня:

— Как это мило с твоей стороны, Эланис — подталкивать меня к Давине из альтруистических побуждений, — он заглушает мой протест поцелуем, — но не беспокойся. Я не оставлю Давину без средств. Просто с тех пор, как я встретил тебя... — он нервно сглатывает, как будто эти слова непривычны для его языка, — я не мог больше быть ни с кем. Все перестало быть правильным, а его величество это не устраивает.

Мне больно от того, что верность Эйдана королю все еще пропастью лежит между нами. Я даже не знаю, сможем ли мы когда-нибудь преодолеть ее. У меня язык чешется немедленно рассказать ему о Маккенне, о Генри и Алвене, о нашем плане...но я не могу. Слушать биение его сердца, чувствовать свежесть его дыхания у себя на щеке и лгать ему — невыносимо. Я с куда большей охотой согласилась бы быть обманутой.

— Ты ничего ему не должен, — тихо, но твердо произношу я.

Голос Эйдана звучит неожиданно горько:

— Я должен ему больше, чем ты можешь себе представить. Я не могу просто уйти, понимаешь? Капитан Элитного отряда — это не должность, а стиль жизни, особое мышление, заложенное в меня с рождения. Я не знаю другой судьбы для себя.

Я приподнимаю голову и смотрю ему в глаза:

— Я могу показать тебе другую жизнь. Стать для тебя тем, кем умудрился стать для тебя король.

Эйдан закрывает глаза и усмехается, как будто я сама не знаю, о чем говорю.

— Я все понимаю, Эйдан. Я читала кодекс. Я представляю, как тебя запрограммировали, если ты готов убить себя за него.

На этих словах его глаза широко распахиваются и вспыхивают, но я не даю вставить ему ни слова:

— Но у тебя еще есть, за что бороться. Ты можешь вернуться домой, начать другую жизнь. Со мной. Ты вновь встретишься со своей сестрой, начнешь заниматься...

— Сестрой?

Я осекаюсь, когда ловлю на себе его недоуменный взгляд.

— Твоей сестрой. Корал.

Он приподнимается и создает препятствие между нами. Внезапно связь разрывается и мне хочется обхватить себя руками, защитить себя от его ледяного взгляда, скрыть собственную уязвимость перед ним. Боже, эта комната вдруг стала такой холодной.

— У меня нет сестры, — бесстрастным голосом произносит он.

О чем он говорит? Я запинаюсь и часто моргаю, растерянно глядя на него:

— Я нашла книгу...там было досье на вас. В твоём досье говорится, что у тебя есть сестра...Корал О'Брайен.

От звука своей фамилии Эйдан вздрагивает. Он смотрит на меня взглядом хищника, зверя — от былой нежности не осталось ни малейшего следа. Мне хочется забрать свои слова назад, убежать, а ведь я даже не понимаю, что такого сказала.

Я указываю на одну из черных книг, которые мы разбросали, и он хватается за нее с такой же скоростью, с которой недавно бросался исследовать мое тело. Все вдруг оказывается неправильным, перевернутым. Я с замиранием сердца смотрю, как он дико перелистывает страницы, и мне становится страшно. Я никогда не видела Эйдана в таком смятении, в такой ярости неизвестного мне происхождения.

— Этого не может быть, — бормочет он, впиваясь глазами в буквы. — Это чертова

ошибка.

Я понимаю, что ему сейчас кто-то нужен, поэтому, вопреки своему страху, протягиваю руку и дотрагиваюсь до его плеча.

Он поднимает голову, но смотрит на меня уже не Эйдан. Это холодный, безразличный ко всему капитан Элитного отряда — тот самый мужчина, которого создал король. Я задыхаюсь собственными словами, и не произношу ни звука.

— Мне надо идти, — ледяным тоном произносит он.

Он стряхивает мою руку, встает и внезапно с громким рычанием швыряет книгу через всю библиотеку. Я закрываю руками рот от неожиданности, когда она сбивает несколько рукописей в стеллажах. Он подхватывает свой черный плащ, а затем толкает стеллаж левой рукой и тот падает вниз, круша книги, рукописи, задевая другие стеллажи. Книги летят в мою сторону, жалят мои руки, оставляют синяки на коленях, но я ничего не чувствую. Эйдан в бешенстве хватается за другой стеллаж и с той же яростью опрокидывает его. Из моих глаз льются слезы, и я уворачиваюсь, сама не понимая, от чего же хочу себя защитить — от боли или от него.

— Хватит! — кричу я, когда Эйдан хватается за следующий стеллаж, — прекрати!

Он застывает, изумленный звуком моего голоса, и ошарашено смотрит на меня. Его качает из стороны в сторону, и он опирается о стену, как будто еще секунда, и он тоже упадет.

— Вот это, — говорит он, проведя рукой по подбородку, — настоящий я. И я, черт возьми, вам не компания.

— Что это? — кричу я, приподнимаясь с коленей. Черт возьми, больше я никогда не буду это терпеть! — Это все из-за того, что я сказала тебе о сестре? Почему ты так поступаешь со мной?

Я злобно утираю слезы, но холодное выражение его лица не меняется ни на секунду:

— Нет у меня никакой сестры, а вы...можете быть уверены, что больше я вас не потревожу. Его величество был прав. Я становлюсь слишком разнеженным.

С этими словами Эйдан разворачивается и выходит из библиотеки, оставляя меня в полном одиночестве с мыслями о том, что лучше бы всего этого вообще между нами не происходило.

Часы болезненно тикают у меня над ухом. Я сижу в просторном зале за круглым столом, бездумно глядя в одну и ту же точку. С момента того, что произошло в библиотеке, прошло более пяти часов, но я так и не смогла ничего толком осмыслить. Реакция Эйдана была дикой, но, с другой стороны, может ли это быть хорошим знаком для меня? Может, он так разозлился, потому что впервые понял, что король лжет ему? Я вспоминала о том, чего хотела все эти годы — спокойную, размеренную любовь с уверенностью в завтрашнем дне. Жизнь с Эйданом напоминает пляску на пороховой бочке. Я не знаю, хватит ли у меня сил все это выдержать. Но, что бы там ни было, я не виню капитана — я виню того, кто сделал его таким.

Я заставила себя собраться с мыслями и взять себя в руки. Сейчас есть дела поважнее. Стянутый на затылке хвост больно сдавливает мне череп, тиканье часов грозит разорвать барабанные перепонки, но я сижу, не двигаясь. Одна правильно сформулированная просьба — все, что отделяет меня от правды.

Двери раскрываются, и в сопровождении членов Элитного отряда в зал заходит король. За его спинами маячат две фигуры, но из-за темных капюшонов я не могу точно сказать, есть

ли среди них Эйдан. Король смеряет меня взглядом, и я склоняюсь перед ним на колени, стараясь побороть тошноту. Сейчас не время показывать характер.

— Эланис Марлен, — он произносит мое имя так, как будто жует сладкую конфету. От этого звука тошнота еще сильнее подбирается к горлу.

Будь моя воля, я свернула бы ему шею прямо здесь.

Я смотрю в пол, не осмеливаясь поднять на него глаза. Передо мной вдруг оказываются его лакированные золотые сапоги, и я чувствую, как мясистые пальцы сдавливают подбородок и поднимают мою голову.

Он смотрит мне прямо в глаза своим безразличным, холодным, жестоким взглядом. В нем нет ничего, что хоть отдаленно напоминало бы Адриана, Эсмеральду или Селесту. Я благодарю Господа за то, что им не достались эти прищуренные серые глаза, это острый орлиный нос и тонко сжатые губы. Лицо короля испещрено морщинами, как будто время вольно провело по нему своими когтистыми пальцами. Впервые я могу разглядеть его до мельчайших деталей.

— Почему ты так смотришь на меня? — хрипло дыша, спрашивает он. — Ты боишься меня, дитя?

У меня дрожат колени от того, как его пальцы больно впиваются в мою нежную кожу, но я не отвожу от него взгляда:

— Нет.

— Нет, ваше величество, — тихо произносит он.

Я медлю, и его пальцы перемещаются с моего подбородка на горло. Я едва успеваю понять, что он собирается сделать, как вдруг он обхватывает мою шею и сдавливает ее своими толстыми пальцами. Я задыхаюсь и инстинктивно хватаюсь за его запястье, стараясь облегчить хватку, но рука короля крепко держит меня за горло, впиваясь все сильнее. Я бы посмеялась над иронией этой метафоры, если бы была в состоянии думать.

Из моих глаз сыплются искры, я кашляю и со стоном хриплю:

— Нет, ваше величество.

Его пальцы разжимаются, и я падаю носом в пол, жадно хватая воздух.

Вот и вся моя напускная бравада — я кичусь тем, что свергну его и восстановлю справедливость, а сама сижу на коленях и повторяю за ним, как собачка. От этой мысли у меня появляется стойкое желание ударить себя по щеке.

— Видишь, Эланис, — произносит король, оглянув меня и приближаясь к столу, — нет никаких причин бояться меня, если соблюдаешь мои правила.

Я поднимаю глаза на членов Элитного отряда, но они двумя статуями застыли у входа. Я подавляю в себе дикое желание сорвать с них капюшоны, чтобы удостовериться, что среди них нет Эйдана, что он не позволил себе просто стоять и смотреть, как король пытается меня убить.

Просто, в конце концов, нет никакой разницы, здесь ли он. Выбирая между мной и королем, мы оба знаем, кого бы он выбрал.

Я поднимаюсь с колен и подхожу к столу. Король постукивает костяшками пальцев по контракту, лежащему перед ним. Я сажусь напротив него, создавая между нами приличное расстояние.

— Поздравляю с победой в соревнованиях, — как ни в чем не бывало произносит он, откидываясь на стуле, — ты проявила себя с прекрасной стороны. Признаюсь, именно этого я от тебя и ждал.

— Поэтому я заслужила награду, — сразу перехожу к делу я.

Король хрипло смеется:

— А ты не из терпеливых, правда? Это плохое качество, если хочешь знать. Оно же тебя и сгубит.

— Желание, ваше величество.

— Ох, желания, желания... — король устремляет взгляд на листок, лежащий перед ним, — все эти мещанские желания, от которых все равно нет никакого проку. Вот скажи, зачем вечно чего-то желать, прятаться, бороться за свою жизнь и за все, чего ты добился? — он отстраняется и наблюдает за тем, как свет играет в изумрудах его колец. — Конец-то все равно одинаковый.

— Для меня важен не конец пути, а сам путь. Неважно, где ты в итоге оказался — важно, как ты шел.

Король отстранено кивает, погруженный в свои мысли, и рассеянно произносит:

— Четыре брата сбились с пути...

Я недоуменно наблюдаю за тем, как он поигрывает кольцами на своих пальцах. Такое ощущение, что Тристан далеко отсюда, где-то в самых старых закоулках своей памяти.

— Ваше величество?

Он спохватывается и смотрит на меня так, как будто ожидал увидеть кого-то другого.

— А, это все еще ты...

— Желание, — напоминаю я.

— И чего же ты хочешь? — вздыхает король.

— Я хочу отправиться на прогулку в Лакнес.

Король смотрит на меня так, как будто я полнейшая идиотка, и начинает хрипло смеяться.

— Нет.

— Это еще почему?

— Ну, ты с ума сошла? Я не выпущу из дворца без сопровождения ни тебя, ни твоих маленьких друзей, которые по счастливому совпадению попросили меня о том же самом.

— Тогда я расскажу всем о том, что на самом деле происходит после подписания контракта.

Король усмехается:

— Вот только ты ничего не знаешь.

— Это не имеет значения.

— Что ж, тогда я убью тебя.

— Прекрасно.

Я смотрю на него, скрестив руки на груди. Я веду себя опрометчиво, но что-то в его взгляде подсказывает мне, что ему это нравится.

Король разводит руками, покачиваясь на стуле:

— Почему бы тебе не рискнуть и не попросить меня о том, чего ты хочешь на самом деле?

— Вы не скажете мне, где сейчас мои родители.

— Я не об этом. Почему бы тебе не попросить свободы?

Я замираю, переваривая услышанное. Что он такое несет? Но тут я замечаю лукавые огоньки в его глазах, и меня начинает трясти от злости.

Старый, напыщенный болван.

— Видишь, как забавно получается. Человек — существо социальное. Закинь вас в маленькое, небольшое общество с себе подобными, и вас уже даже удерживать не надо. Вы сами строите свои планы, налаживаете отношения, и уже не можете просто взять и уйти. Тебе не кажется это восхитительным?

Я едва могу держать себя в руках.

— Я — не часть вашего муравейника, и все еще могу отказаться делать то, о чем вы меня попросите. Возможно, вам стоило бы бояться Искупителей больше, чем кого-либо другого.

Король тихо смеется:

— И вот тут ты тоже ошибаешься. Что сделать, если вдруг встречаешь силу, с которой не можешь бороться? Подчини ее себе. Ты принадлежишь мне, Эланис. Ты не причинишь мне никого вреда. Искупители не просто не представляют для меня угрозы — они защищают меня, а я в ответ забочусь о них. Бедные сиротки, которых продали...кого еще им любить, как не своего спасителя, своего единственного отца?

— Вы мне омерзительны.

— Возможно, — он и бровью не поводит, — но только так можно властвовать.

С моих губ рвутся опрометчивые слова, но тут я замечаю, как уголки его губ начинают подрагивать, сдерживая рвущуюся наружу ухмылку.

— Вы же ждете любого повода, чтобы обвинить меня в измене, не так ли? — рычу я, прищурился глаза.

Он с издевкой посмеивается, снисходительно глядя на меня:

— Неужели ты думаешь, что мне нужен повод? Ты здесь, малышка, потому что я так решил, а не потому, что ты такая смелая и сильная запугала меня. Но помни, Эланис, мои пальцы всегда будут на твоём горле.

Я вся сжимаюсь, и, хрипя, как будто все еще задыхаюсь, повторяю:

— Желание.

Тристан вздыхает и проводит пальцем по контакту:

— Хорошо. Ты и твои друзья могут отправиться в небольшой тур по Лакнесу. Сопровождать вас будут мои Хранители, и если ты выкинешь какую-то шутку, то можешь не сомневаться, дорогая, в этот раз моя рука не дрогнет.

Я, вроде как, должна быть довольна, но во всем это мне чуется подвох. Никогда еще Тристан не соглашался на что-то, что не было выгодно ему.

— Хотя, ты ведь и так ничего не выкинешь, — усмехается он.

Я недоуменно приподнимаю бровь.

— Это еще что должно означать?

— Шашни с моим капитаном наверняка удержат тебя в седле. Или ты предпочитаешь моего сына?

Я застываю, как будто меня ударили в живот. Воздух разом выходит из меня, и я не узнаю собственный голос, когда говорю:

— Это не вашего ума дела.

— Да брось, дорогая! Это мой дворец. Тут все — моего ума дела. Особенно, — рычит он, — когда какая-то маленькая тварь уже начинает мнить себя королевой.

Я изо всех сил впиваюсь пальцами в стол, готовая сорваться с места и убежать. Взгляд Тристана становится пугающе осмысленным, выражение его лица меняется за секунду. Такое ощущение, что еще немного, и он с диким шипением набросится на меня прямо здесь.

— Пора кому-то доказать свою преданность, не так ли? — рычит король.

Он смотрит мне за спину и расплывается в улыбке:

— Эйдан, сын мой!

Я оборачиваюсь слишком резко, и в моей шее что-то хрустит. Это не может быть Эйдан. Там, за этим безликим плащом не может скрываться человек, который еще несколько часов назад сжимал меня в объятиях.

Мужчина, стоящий справа, откидывает капюшон и без всякого выражения смотрит на меня. Я вижу каждую трещину, мои пальцы чувствуют форму его шрама, но ничто не напоминает мне о том Эйдане, которого знаю я.

Он опускается на одно колено, склонив голову:

— Да, ваше величество?

— Подойди к нам.

Эйдан встает и приближается к столу, не удостоив меня и взглядом. Я кошусь на короля — черт возьми, все это не может хорошо кончиться. Я пытаюсь подавить в себе желание броситься на Тристана и уничтожить его прямо здесь. Что еще этот старый дурак может у меня отнять?

Король самодовольно смотрит на меня. Он обычный позер, демонстрирует, что контролирует все, что мне дорого. Ухмыляется, что моя жизнь никогда не будет принадлежать мне, потому что у него в руках находятся все ниточки, и он удачно за них дергает. Он думает, что я еще это не поняла? Что мне нужно очередное подтверждение того, как крепко он зажал меня в своем кулаке?

— Хватит, — тихо произношу я, хотя он ничего еще не сделал.

— Детка, запомни — в этом дворце приказы отдаю я.

Он смотрит на Эйдана оценивающим взглядом, как будто ожидает, что тот его удивит:

— Капитан, я когда-то давал тебе повод усомниться в моей любви?

— Нет, ваше величество, — не моргнув и глазом, отвечает Эйдан.

— Моей преданности тебе?

— Нет, ваше величество.

— Моей честности?

— Нет, ваше величество.

Я едва удерживаюсь от протестующего вопля. Что он такое несет? Он сам видел эти записи! Король явно лгал ему! Но Эйдан бросает на меня предупреждающий взгляд, как бы говоря мне "молчи", и, черт возьми, я снова его слушаюсь.

— Что ж, — произносит король, позвякивая кольцами, — тогда я хочу проверить, не изменилась ли твоя преданность из-за прихода этой девчонки. Сейчас ты возьмешь кинжал и пустишь ей кровь. Ты будешь делать это до тех пор, пока я не остановлю тебя. *Если я остановлю тебя.*

В моей голове сумбур. Я смотрю на Эйдана, а он смотрит на меня, и между нами случается один из тех молчаливых разговоров, которые мы всегда вели втайне ото всех. Я вижу его глаза — настойчивые, раскрытые от неизбежности. Я знаю, что ему трудно. Я пытаюсь улыбнуться, убедить нас обоих, что так поступить правильно, ведь Эйдан тоже связан по рукам и ногам тысячью контрактов и тем, что ему вбили в голову.

Но в глубине души мне хочется, чтобы он послал этого старика к черту и выбрал меня.

Эйдан переводит взгляд на короля.

— Если вам так угодно, мой господин.

— Отец, Эйдан, — король улыбается так тепло, что меня начинает тошнить, — твой отец.

Эйдан неуверенно смотрит на него, но, клянусь, его взгляд тоже теплеет. Мое сердце снова разбивается, как будто оно вообще когда-то было целым. Я стараюсь взять себя в руки — я не собираюсь умирать и мне надо подготовиться драться за свою жизнь, если придется, но я больше не могу сражаться с Эйданом.

Эйдан выжидающе разворачивается в мою сторону, как будто ждет, что я сама к нему подойду. Я смотрю на него с вызовом — надоело, что все вокруг говорят, что мне делать.

— Ну и долго все это будет длиться? — стонет король.

Эйдан крепко хватает меня за плечо и тянет на себя. Я пытаюсь сопротивляться, но это бесполезно. Одним рывком я оказываюсь прижата к нему спиной, и мне хочется смеяться от того, как черно жизнь пытается надо мной шутить.

Я чувствую прикосновение металла к коже, и мое сердце начинает биться быстрее. Я готовлюсь к боли, сжимаю пальцами ткань плаща Эйдана и закрываю глаза. Его дыхание у моего уха ускоряется, и я пытаюсь представить, что мы все еще в библиотеке, что он снова говорит мне все те слова, что короля здесь нет. Я думаю о маме и папе, слышу их смех, могу унюхать запах домашних пирогов, так напоминающих то, что мы пытались приготовить с Адрианом. От всех этих внезапно нахлынувших воспоминаний на моих глазах выступают слезы, но я давлю их в себе. Я не буду плакать перед Тристаном. Я выдержу это, а в следующий раз, когда мы увидимся, я убью его.

— Давай, Эйдан! — раздраженно подначивает его король.

Я сжимаю ткань его плаща изо всех сил, когда Эйдан нажимает на кинжал и ведет им от моей ключицы, разрывая тонкий костюм Искупительницы. Кожу обдаёт жаром, кровь ручейками бежит по моему телу, и я изо всех сил сдерживаю рвущийся с губ крик.

Кинжал вопросительно застывает в районе моей груди, но король качает головой:

— Я не сказал тебе останавливаться.

— Ваше величество, это опасно... — протестует Эйдан.

— Я отдал приказ.

Я смагиваю слезы, тупо глядя перед собой. Капитан издает тихий вздох у меня над ухом, и снова нажимает на лезвие кинжала. Теперь он проводит им грубее, проверяя мою кожу на прочность. Я не выдерживаю и издаю громкий крик, дергаясь в его руках, но Эйдан лишь крепче прижимает меня к себе. Тристан смотрит на меня с легким налетом удовлетворения.

— Хватит.

Кинжал застывает у моего живота, и я вырываюсь из рук Эйдана. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть ему в глаза — он выглядит бесстрастным, но в глубине его глаз плещется ярость. Теперь я могу ее разглядеть.

Я зажимаю порез руками — кровь залила мой костюм, но сейчас это не то, что меня волнует. Свободной рукой я откидываю мокрые от пота волосы со лба и твердо смотрю на короля, хрипя:

— Желание, черт возьми.

— Какой дух, — он восхищенно присвистывает, — Эйдан доказал свою преданность, но даже это тебя не сломило. Не могу дождаться увидеть, что сможет.

Король чиркает что-то на желтоватом пергаменте и протягивает листок с пером мне.

Я быстро пробегаюсь глазами по контракту на желание и ставлю на нем свою подпись.

— На мне, может, и тысяча порезов, — рычу я, швыряя ему контракт обратно, — но не надо думать, что я не могу за себя постоять. Я никогда не буду принадлежать вам.

Он усмехается.

— Это мы еще посмотрим, моя дорогая Эланис. А теперь иди. Не хочу видеть кровь на белоснежном ковре.

В зал входят Хранители и подхватывают меня под руки. Я покидаю зал, не глядя на Эйдана, который стоит в углу, провожая меня глазами. В бешенстве, я отпихиваю от себя Хранителей, и иду к выходу сама. Король сколько угодно может пытаться доказывать свою силу, но мы оба знаем, что одно мое существование — доказательство его слабости. Я — Эланис Марлен. Искупительница. И Тристану придется со мной считаться.

Глава двадцать вторая

Эйдан

С тобой я готов на смерть.

Герхарт Гауптман. Перед восходом солнца

Я никогда не думал, что что-то в этом мире еще может причинить мне боль. Физические мучения перестали приносить мне дискомфорт после окончания моего обучения — примерно в тринадцать лет. С тех пор я научился не только контролировать свое тело, но и свои эмоции. Воин во мне презирает боль. Я умею делать все, что, наверное, превращает меня в монстра, но не чувствую сожалений по этому поводу. Не чувствовал. До этого дня.

Эланис смотрит на меня огромными, разъяренными зелеными глазами, и я сам удивляюсь, какой ворох чувств это во мне поднимает. Такое ощущение, что все, что я когда-либо скрывал, подавлял и прятал в себе, вдруг вышло наружу и захлестнуло меня горячей волной. У меня перехватывает горло от щемящего чувства в груди, когда я вижу ее взгляд. Она смотрит на меня так, как будто я предал ее. Я, черт возьми, даже не помню, когда присягал ей на верность, но чувствую себя так, будто кто-то вонзил мне нож в живот. Я поднимаю глаза на короля — он наблюдает за мной с едва заметной тревогой. Я знаю, о чем он думает. Я верен ему — и только что доказал это — но мы оба знаем, что это была нечестная проверка. Король убил бы Эланис в назидание мне, если бы я не сделал то, что сделал. В конце концов, я все равно всего лишь пытался защитить ее, и он это понимает.

Я наблюдаю за тем, как Эланис уводят Хранители и как она отпихивается от них, а ее рыжие волосы сверкают огнем на фоне светлых стен. Мне было бы куда проще, если бы она действительно ненавидела и презирала меня — тогда мы оба избежали бы боли и осложнений. Я знаю, как опасно ей быть со мной, просто она сама еще этого не понимает. Так же она не понимает, что я никогда не позволю ничему с ней случиться, поэтому закончим мы оба на виселице. Если король начнет хотя бы подозревать, что она стала важна для меня, он тут же покончит с ней. Он дорожит мною куда больше, чем одной Искупительницей. Там, в библиотеке, я поступил более, чем опрометчиво, пусть никогда и не взял бы ничего назад.

Боже, мне хочется смеяться от того, как все получилось. Капитан Элитного отряда подчинился маленькой, самонадеянной девчонке.

Но даже несмотря на это, несмотря на мои чувства к ней, я помню, кто я есть. Я помню, кто мой отец. И ради него я готов пойти на все. По крайней мере, мне хочется так думать.

— Ты разочаровываешь меня, Эйдан.

Лицо короля меняется. Он становится озабоченным и подается вперед, чтобы лучше меня видеть.

— Эйдан, ты знаешь, что я сделал для тебя. Я считаю тебя своим сыном, я доверяю тебе так, как не доверяю своим родным детям. И вот, чем ты отплачиваешь мне? Отдаешь свое сердце девчонке, которая не может научиться держать рот на замке?

Я встаю на одно колено перед ним и склоняю голову в знак того, что я подчиняюсь только ему, но он лишь раздраженно вскидывает в мою сторону пальцы.

— Встань! К чему все эти позерские штучки, если ты не в состоянии даже удержать на себе ремень? Черт возьми, Эйдан, после всех этих лет, твою верность ко мне подрывают

чувства к этой... — он кривится, — к этой нахальной маленькой истеричке? Да что ты в ней нашел? Что в ней такого, чего нет во всех тех красотках, которых я самолично предлагал тебе? Ты знаешь установку. Любовь для тебя под запретом. Если монахи так и не выжгли эту мысль в твоей голове, то это придется сделать мне.

Я поднимаюсь с пола и стою, глядя ему в глаза. Понимаю, что любое сказанное мною слово будет воспринято им, как красная тряпка. Ему нужен повод. Малейший повод, чтобы я доказал, что поддался искушению.

Перед глазами с дичайшей ясностью встает картинка: распостертое, бездыханное тело Эланис посреди коридора. Я подбегаю к ней, но все, что я вижу — это море крови и потухшие глаза, которые еще недавно светились так ярко, что могли бы озарить весь этот чертов мир. Я никогда этого не допущу.

Мое сердце разрывается на две части. Король и Эланис тянут меня в противоположные друг другу стороны, но выбрать означает отказаться от одной из своих сущностей. Я всю жизнь прекрасно осознавал, что для меня — "правильно". Правильно — это служить моему единственному отцу, отдать за него жизнь в бою и умереть истинным воином. А потом появилась одна своенравная, любопытная Искупительница, которая слишком сильно любила своих родителей, и меньше, чем за полгода, поставила всю мою жизнь под сомнение. Я знаю, кому принадлежит моя шпага. А вот с сердцем начались проблемы.

Король вздыхает, потирая пальцами переносицу.

— Мы поступим так, — наконец говорит он, — Эланис останется во дворце и будет служить живым назиданием тебе. Если в будущем это повторится, тебе придется вспомнить этот момент и осознать, что ее кровь на твоих руках. И если появится еще одна девчонка, в которую тебе вдруг так сильно захочется влюбиться, тебе опять придется вспомнить этот момент и осознать, кто для тебя должен стоять на первом месте. Мои Элитовцы безупречны, а их верность — несомненна. Если даже мой капитан ставит само это определение под сомнение, то вся система, которую я выстроил вокруг себя, не имеет никакого смысла. Ты не посмеешь делать из меня идиота, Эйдан. Ты понял меня?

Я киваю, склоняя голову.

— Сын мой, — смягчается король, — я оставляю ее ради тебя. Потому что ты для меня важнее всех остальных. Ты — мой единственный истинный сын. Адриан — тряпка, Эсмеральда с Селестой никогда не станут настоящими воинами, а все эти просвещенные — всего лишь набитые чучела без души. Ты — не просто Элитовец, не просто мой капитан. Ты — моя последняя надежда.

Я знаю все эти слова, которые когда-то медом растекались по душе брошенного всеми маленького мальчика. Я помню, как надо мной стояла мать и щурила глаза перед тем, как задать очередную порку за непослушание монахам, а после всегда приходил король и помогал залатывать мои раны. Кого он делал из меня? Истинного воина или его верную собачку? Мальчик во мне все еще задается этими вопросами, а вот для капитана Элитного отряда они бессмысленны.

Единственный раз, когда я поставил свою верность под сомнение — это когда Эланис протянула мне черную книжку. Выжженное на бумаге доказательство того, что отец меня обманывал.

— Отец, — говорю я, подняв на него глаза, — могу ли я задать вам вопрос?

Он мягко улыбается мне и откидывается на стуле.

— Разумеется, сын мой.

Я не могу побороть сомнения в моей душе. И больше всего на свете я ненавижу чувство несовершенства. Единственный способ избавиться от этих навязчивых мыслей — высказать их вслух.

— В библиотеке я нашел книгу, в которой было досье на членов Элитного отряда. В моем упоминалось имя моей сестры — Корал, — я пристально смотрю на него, — что вы можете сказать по этому поводу?

Лицо короля меняется в миг. Он белеет, выпрямляется на стуле и выглядит таким разъяренным, каким я не видел его никогда.

Я слышу, как тихо выпускает вздох стоящий позади Аластер.

— И когда же это было, Эйдан? — кричит, брызжа слюной король, — когда ты прижимал эту чертову Искупительницу к стеллажам?

— Ответьте на мой вопрос, — рычу я в ответ.

Король в бешенстве вскакивает и ударяет ладонями по столу:

— Ты не имеешь права ничего у меня требовать, понял, щенок? Но я отвечу на твой вопрос, потому что я придерживаюсь своих позиций. Да, у тебя есть сестра. Она не обладает никакими особыми дарами, живет в деревушке Лакнеса в приемной семье и вполне счастлива. А знаешь, почему? Потому что, — кричит он, — я обеспечил ей это счастье!

— Почему вы не рассказывали мне о ней?

— Ты что, сам ничего не понимаешь? Чтобы у тебя было меньше соблазна бросить свою миссию! Все это время я заботился о тебе, даже о чувствах, которых быть у тебя не должно. Черт возьми, да лучше бы я мог просветить тебя! Ты должен был быть исключительным капитаном, потому что у тебя еще осталась сила воли, но все, что ты делаешь — это ставишь меня и мою преданность под сомнение.

Он вздыхает и взмахивает рукой в мою сторону, глядя на Аластера:

— Уведи его в темницу. Не хочу его видеть. Скажи братьям, что Эйдан будет отсутствовать в течение недели. Капитана на это время я назначу сам, — он прожигает меня взглядом: — а если наш старый капитан не одумается, то придется назначить нового человека на эту позицию на все время.

Я без всякого выражения смотрю на него. Король отомстил мне за то, как я с ним поступил, но он сам учил меня, что месть — удел слабых. Его объяснение по поводу моей сестры получилось слишком неубедительным — не было ни одной достойно причины скрывать ее от меня. Монахи действительно кое-чему научили меня. Ложь возводит стены между людьми.

Я все еще верен королю. Возможно, теперь я отчасти верен еще и кому-то другому.

Девушке с огненными волосами.

Аластер подходит ко мне, но я стряхиваю с себя его руку.

— Я сам пойду.

Никто из моих братьев не будет отводить меня в темницу.

— Поклонись мне, — раздается тихое рычание за спиной.

Я разворачиваюсь и склоняюсь перед королем. Он не убил мою преданность ему — слишком долго она во мне росла. Он изменил мою точку зрения.

Я покидаю зал Советов под гнетущее молчание. Наконец, Аластер произносит:

— Тебе не стоило этого делать, Эйдан. Сам знаешь — ты должен был показать, что предан ему. Только этого он от тебя и ждал.

— Корал — это моя семья, — произношу я, — как и король. Я имел право знать.

— Да брось ты! Ты даже не знаешь девчонку. А эта Искупительница...черт, не знал бы тебя, решил, что ты совсем умом тронулся.

Аластер был прав. Я начал забывать о том, кто я, поэтому и отправляюсь в темницу дворца.

Может, все это и к лучшему.

Мы с Аластером поворачиваем в главный коридор и видим Эланис. Она ожесточенно спорит о чем-то с двумя Хранителями, которые настойчиво тянут ее за обе руки. Она замечает нас и ее зеленые глаза вспыхивают, как будто она тут же все поняла.

— Эйдан! — кричит она, пока Хранители волокут ее прочь от меня, — Эйдан!

На ее одежде кровь, ответственность за которую лежит на мне. Король ясно дал понять — в следующий раз он не позволит мне остановиться, а я не знаю, как поступлю. Ей будет лучше, если она забудет о моем существовании.

Аластер внимательно наблюдает за мной, пока я смотрю, как Эланис волокут прочь от меня. Она оборачивается через плечо и от ее взгляда у меня разбивается сердце, которого, как я думал, у меня вообще уже не осталось.

— Ты должен бороться, Эйдан! — кричит она, — у тебя еще есть за что бороться!

Она исчезает в темноте коридора, и я могу выдохнуть. Эланис не понимает, что именно это я и делаю. Я борюсь за нее.

Аластер откидывает капюшон и со странным чувством, отдаленно напоминающим мне сожаление, смотрит на меня:

— Пойдем, брат. Я должен отвести тебя в темницу.

Глава двадцать третья

Эланис

Наверное, самое болезненное потрясение испытываешь, когда вдруг понимаешь, насколько был слеп.

Донна Тартт. Тайная история

Я не могу избавиться от навязчивой картинки в моей голове. Эйдан идет рядом с одним из членов Элитного отряда — глаза его ничего не выражают, как будто кто-то вдруг взял и выключил всю его душу. Я кричу, он замечает меня, и выражение его лица меняется, отчего мне кажется, что каждую клетку моего тела выпотрошили. Я никогда не видела, чтобы он так смотрел. Мы оба все поняли. Он прощается.

По дворцу поползли слухи. Капитан Элитного отряда отбывает наказание в темнице, где его снова учат, как правильно служить своему единственному правителю. И все это из-за меня.

Мне не было так больно с момента, когда мне показали контракт с подписью моих родителей. Или когда я пришла в свой старый дом и увидела, что он пуст, а мою голову наводнили тысячи ужасных мыслей. Но сегодня у меня есть шанс что-то исправить.

Я сижу в катакомбах Солнечного города на том самом месте, где две недели назад поцеловал меня Адриан. Масляная лампа скупо озаряет каменные стены и низкие потолки, и я представляю, как Эйдан смотрит в маленькое решетчатое окно, думая о своей старой жизни на свободе. От этой мысли я начинаю задыхаться.

Нерешительные шаги отвлекают меня от навязчивых видений. Адриан оглядывает место, где недавно признавался мне в чувствах с тем же замешательством, с каким впервые посмотрела на него я. Мне хочется что-то сказать ему, но я не могу подобрать слов.

— Спасибо, что пришел, — наконец произношу я.

Адриан слегка улыбается, подняв на меня взгляд:

— Как я мог не прийти?

Он не занимает место рядом со мной, поэтому я тоже поднимаюсь, стараясь сжаться в тесном пространстве катакомб.

— В чем дело? Сама знаешь, звать меня сейчас, когда ты в немилости у отца, было весьма опрометчиво. Надеюсь, у тебя была причина получше, чем желание увидеть мою неотразимую улыбку, — ухмыляется он.

Я прекрасно понимаю, что Адриан — единственный человек, который может мне помочь. Если у кого-то и есть влияние на Тристана, то у будущего наследника трона. Только есть одна небольшая проблемка. Нет ни единого шанса, что он захочет помогать мужчине, которого ненавидит.

— Адриан, — начинаю я, — прости, что позвала тебя и, возможно, доставила тебе кучу проблем. Но мне правда не к кому больше обратиться.

Адриан не поводит и бровью.

— Я слушаю.

— Твой отец бросил Эйдана в темницу, — сразу перехожу к делу я, — и назначил нового капитана. Из-за меня.

Адриан резко меняется в лице. Он хмыкает и качает головой, как будто поверить не может в то, что я говорю:

— И ты хочешь, чтобы я попросил отца освободить его? Ты в своем уме? Ты хоть понимаешь, чего требуешь от меня?

— Я ничего не требую. Я прошу тебя, чтобы ты сделал что-нибудь, чтобы освободить его, — мой голос срывается, — пожалуйста. Если ты откажешься, я все равно сделаю все, чтобы спасти его. Этот вариант будет более безопасным для всех.

Адриан недоверчиво ухмыляется.

— И с чего бы это я стал радеть за жизнь капитана?

Я не могу согласиться с тем, что вопрос, который он задал, весьма резонен. Я чувствую бесконечное отвращение к себе за то, что я делаю, но борюсь с собой и произношу:

— Ради меня.

Черт бы меня побрал! Скатиться в сомнительную манипуляцию чувствами Адриана ради того, чтобы выволить Эйдана из темницы. Мне претит мысль о том, чтобы причинять принцу боль, но я не могу поступить иначе. Только так он поможет мне. Просто я знаю, что ставки неравны — в тюрьме в Эйдане убьют все, что еще осталось от просто Эйдана. Он никогда не вспомнит о своих чувствах ко мне, он забудет про свою сестру, все, что от него останется — это верный служитель короля. Они уничтожат его душу без всякой магии, а я никогда этого не допущу.

Есть еще одна проблема. Я собираюсь убить короля, а это ставит нас с Эйданом по разные стороны баррикад. Я должна поговорить с ним, убедить его в том, что мы должны быть свободны. Перед глазами у меня встает то будущее, которого, скорее всего, у нас с ним никогда не будет — тихая деревушка, шелест травы, звонкий смех маленьких детей, Эйдан в простой городской одежде с широкой улыбкой на мужественном лице, и я — беззаботная, в легком платье. Дурацкое простое счастье, о котором я грезилась с рождения.

Адриан читает это все на моем лице — его глаза становятся суровыми, и я уже подбираю слова, чтобы начать умолять его.

— Что же такого в этом капитане, что ты готова ради него на все? Я мог бы предложить тебе в тысячу раз больше, чем он когда-либо хотя бы осмелился.

Я молчу, глядя Адриану в глаза. Если бы взглядом можно было гипнотизировать, я бы, без сомнения, попыталась.

— Ладно, — вздыхает он, — я попробую что-нибудь сделать, но ты должна пообещать мне не вмешиваться.

Меня накрывает огромной волной облегчения, а счастье клокочет в горле, но, если меня чему-то и научил дворец, так это тому, что счастье здесь всегда с привкусом горечи.

— Адриан, ты понятия не имеешь, сколько это для меня значит. Спасибо тебе, — теряясь в словах, говорю я, дотрагиваясь до его руки.

Принц смотрит на свою руку так, как будто не понимает, что я только что сделала, но в следующий миг поднимает на меня глаза и улыбается. Кажется, однажды между нами все сможет вернуться на круги своя.

— Есть еще кое-что, что ты должна знать.

Адриан наклоняется ко мне и понижает голос.

— Я видел, как Хранители отводят одного из победителей — Кристиана — к тому коридору, где мы нашли странную стену. Я подумал, что это совпадение, но они так и не вышли оттуда. Ты знаешь, что в том месте тупик. Значит, они как-то открыли стену и исчезли за ней. Ты видела Кристиана с тех пор?

Я качаю головой. Я не видела Кристиана и до этого, а даже если бы знала, кто он такой,

то была бы слишком занята навязчивыми мыслями о том, как спасти Эйдана.

— Я выясню, что это значит, — киваю я, — спасибо еще раз, Адриан. Твоя помощь неоценима. Если тебе когда-нибудь что-то понадобится, то знай, что я рядом.

— Ладно, — прочистив горло, говорит он, — я пойду, а ты возвращайся в Тренировочный зал. Не нужно, чтобы нас видели вместе.

Я провожаю Адриана взглядом, полным благодарности, а сама поворачиваю направо и бреду по знакомым коридорам. Несмотря на проблеск надежды, мысли, которые наводняют мой разум, впервые так же мрачны, как и атмосфера Солнечного города. В чем-то я точно изменилась. Раньше мое будущее было ясным и светлым — я сбегу из дворца и вернусь к своим родителям. С тех пор, как мои приоритеты изменились, поменялось и мое будущее. Все чаще и четче я вижу другую картину: свою голову, катящуюся по ступеням дворца Спасителей. И если я смогу спасти кого-то прежде, чем это произойдет, то можно считать, что я победила.

В Тренировочном зале почти пусто — многие Искупители удалились на бал в честь приезда четы из Стейси, остальные отправились на уроки истории в соседнем крыле. В зале кроме меня лишь четверо Искупителей, включая двух, которых мне хотелось бы видеть здесь меньше всего.

— Алвена! Генри! — кричу я, подбегая к ним.

Дети, одетые в два черных костюма, так не подходящие к их нежным чертам лица, оборачиваются на меня. Алвена радостно улыбается и пытается подойти ко мне, но ее хватает за руку какая-то молодая женщина, стоящая рядом. Она поднимает на меня пронзительные голубые глаза и сухо произносит:

— Эланис, тебе нельзя к ним приближаться. Его величество запретил.

— Это еще почему? — раздражаюсь я.

Генри пытается уцепиться за мою руку, но женщина резко оттаскивает его к себе.

— Ты делаешь ему больно, — рычу я.

— Уходи, и я перестану.

— Где мама? — хнычет Алвена.

— Твоя мама продала тебя, — бесстрастно отзывается женщина.

У меня перехватывает горло от вранья, которое позорит память Маккенны, но я не решаюсь ничего сказать под жестоким взглядом женщины. Она так цепко вцепилась в детей, что кто знает, на что она способна. Король научил меня, что в этом дворце готовы платить большую цену просто за то, чтобы проучить.

— Кто ты такая? — сухо спрашиваю я, глядя на ее голубое платье.

— Я — помощница короля. Буду следить за детьми, пока они не научатся всему, чему необходимо.

У старой Эланис чешется язык высказать, что подразумевается под словом "необходимо", но новая Эланис понимает, что все это бессмысленно. Слова никогда ничего не меняют.

Я опускаюсь перед малышами на корточки и улыбаюсь им:

— Не бойтесь, ладно? Я скоро вас увижу. А пока ведите себя хорошо и будьте очень смелыми.

Женщина неопределенно фыркает, но Алвена и Генри согласно кивают. Алвена грызет ноготь и испуганно поглядывает на брата, который гордо обещает быть самым храбрым воином.

Я не хочу, чтобы он когда-нибудь стал воином короля, но молчу. У этих детей никого больше не осталось. Я обязательно должна вернуться за ними и забрать их с собой после смерти Тристана. Я не могу оставить их.

Черт возьми, покинуть этот дворец становится все труднее.

Плюс к тому, я не могу не думать о других вещах. Если даже у нас получится обойти Элитный отряд и Хранителей, если мы доберемся до Тристана и убьем его, то что будет дальше? На нас в лучшем случае начнется охота. В худшем — нас убьют вместе с ним. Я начинаю думать о том, что быстрый приход Адриана на престол был бы самым оптимальным для нас вариантом, но к тому времени король успеет наделать слишком много всего. Адриан верит мне. Но еще он подвластен другим людям — на сцене слишком много переменных. Остальные Искупители, Оракул, Элитный отряд, королевская семья, регионы, с которыми мы связаны политическими связями. Свержения Тристана никогда не произойдет, а значит, единственный выход — это избавиться от него. Меня тошнит от мысли об убийстве человека, пусть даже этот человек и уничтожил мою семью. Но на карту поставлено слишком многое.

И тут меня осеняет. Ответ находился прямо у меня под носом, а я так долго и усердно не замечала его. Я сама ответила на свой вопрос, когда Тристан загнал меня в угол. Я — доказательство его несовершенства.

Я толкаю дверь в кабинет Дока и крепко запираю ее за собой. Все, кого я созвала — кому ненароком кивнула и подала знак — уже есть.

Члены Ордена Солнца расселись по кабинету Дока и смотрят на меня со смешенными чувствами. Бланш и Гарван организовали клуб нелюбви ко мне, поэтому держатся вместе и неприязненно на меня косятся. Очень мило. Ко мне приближается Скилар и похлопывает меня рукой по плечу.

— Крошка, — улыбается он, — мы все устроили. Завтра вылазка в город, а пока нам надо придумать план по свержению сама знаешь кого.

— Для начала, — огрызается Бланш, — ты выложишь нам все, что знаешь.

— Я тебе говорила успокоиться, — угрожающе смотрит на нее Ева.

Док выходит из операционной, покашливая и разнося сладковатый запах мяты. Он притаскивает стул и садится перед небольшим кругом, который мы создали, но я не даю ему вставить и слова.

— Для начала я считаю, что нам нужно разобраться с некоторыми условиями.

— Еще условия? — приподнимает брови Бенджамин.

— Да, — киваю я, — после свержения короля — каким бы способом оно ни произошло — перед нами встанет ряд вопросов, которые придется решать. Я знаю, что Орден Солнца стремится к мести, поэтому хочу потребовать несколько вещей. Первое — полная амнистия для капитана Элитного отряда и принца Адриана.

Комната Дока взрывается протестующими криками.

— Ну да, конечно! — вопит Бланш, — и с какой стати мы станем это делать? Принц такой же, как и его отец. Если кто-то и должен управлять Лакнесом, так один из нас!

— Я не говорю о сохранении престола. Я говорю о том, что вы пощадите его жизнь. Как и жизнь капитана.

— Эйдан никогда не делал ничего плохого, — встает на его защиту Давина.

— Конечно, только убил пару сотен человек во имя господина, которому он с таким рвением служит, — выплевывает Гарван, — а даже если бы мы и хотели, то спасти его все

равно не удастся. Элитный отряд сдвинут по фазе. Когда они узнают о заговоре, то поставят своей целью уничтожить нас одного за другим. И ваш парень, — он неприязненно смотрит на меня и Давину, — придет за вами первым.

Давина вздрагивает и прячет глаза, но я непоколебима.

— Никто не тронет Эйдана и Адриана, — рычу я, — они помогли нам слишком многим.

— Нам? — передразнивает Бланш, — чем это они помогли нам? Давайте теперь просить амнистию для всех, кто побывал в твоей постели.

— Я следила за ее постелью и там никого не было, — невозмутимо произносит Нора.

— Хватит! — прерывает их Док, — я согласен с Эланис. Никто из них не совершил злодеяний, заслуживающих смертной кары.

— Но, Док...

— Дальше, — выжидающе смотрит на меня Док.

— Мы должны предоставить убежище детям Маккенны. Где-то далеко отсюда, — добавляю я.

В этом со мной все соглашаются красноречивым молчанием. Ева кладет руку на плечо матери, и я догадываюсь, что Нора и Маккенна были близки.

— Мы заберем крошек, — кивает она, — и вырастим их достойными детьми своей матери.

— Что-то еще, красотка? — хмыкает Гарван, — или ты, наконец, выложишь все, что знаешь?

Я роюсь в памяти, думая о том, что еще я могу попросить. Все остальное не кажется мне достаточно важным для того, чтобы ставить под угрозу успех нашей миссии. Как бы больно мне ни было это осознавать, но война — это кровь и смерть. В конце концов, я все равно поступаю эгоистично, ведь пытаюсь гарантировать безопасность только тем людям, без которых жить не захочу уже я.

Под пристальными взглядами я рассказываю все, что известно мне о таинственной стене, за которой исчезают Искупители. После моего рассказа Док задумчиво потирает подбородок:

— Этого я боялся больше всего. Король забирает нашу силу.

— Но я видела Кристиана совсем недавно, — возражает Ева, — он тренировался вполсилы, но в целом выглядел нормально.

— Значит, они забирают не всю силу, а лишь ее часть, чтобы не привлекать внимания, — говорит Скилар.

— Почему Кристиан молчал?

— Король — лучший манипулятор из всех. Он мог наговорить ему, что угодно или запугать его. Не говори, что тебя все еще это удивляет.

— Но как им это удастся? Как они сохраняют это в секрете и как вообще можно забрать нашу силу? — недоумеваю я.

Док вздыхает, и я начинаю подозревать, что ему известно намного больше того, что он все это время мне говорил.

— Расскажи ей, — требует Нора.

Бланш пытается его остановить, но он смотрит на нее предупредительным взглядом. Я теперь — член Ордена. Если он не может доверять мне, то какой во всем этом смысл? Я доверила им свои секреты, и, думаю, Док готов доверить мне свои.

— Это...оружие, — качает головой он, — долгое время считалось лишь мифом.

Шуткой, которой пугают детей на ночь. Оно называется Стигма. Ты же знаешь, что магия Искупителей способна не просто сдерживать Просвещение — она может использовать и перенаправлять его. Большое количество такой магии может быть разрушительным. С ее помощью можно лишить силы правителей всех регионов сразу и направлять их в магию в таком бездумном порядке, что весь мир обратится в хаос. Первый алхимик — Астерна — наследница гор, разработала оружие, позволяющее извлекать из любого магического носителя их силу и закупоривать ее для дальнейшего использования. Никто не знает, как это происходит или как выглядит Стигма. Черт возьми, я даже думать не хотел, что она действительно существует, но на это указывают все факты. Соревнования, то, как король возится с нами, его недоверие к обычным людям и пропажи лучших Искупителей. Я думаю, в той комнате действительно хранится Стигма. И если король ее нашел, значит, уже понял, как ее использовать.

При мысли о том, что существует оружие, способное сделать меня уязвимой перед Просветителями, мне становится не по себе. Я представляю, на что может оказаться способен король, если он в действительности обладает такой властью. Он может просветить Эйдана и Орден Солнца, захватить власть над Ламантрой, назначить себя единственным правителем. Черт возьми, если Тристан зайдет слишком далеко, то процесс может стать необратимым.

— Скорее всего, Оракул обладает некими знаниями в этом деле, — предполагает Ева.

— Вряд ли, — качает головой Бенджамин, — Оракул негде было научиться алхимии, а без нее невозможно использовать Стигму.

Лично я не сомневаюсь ни секунды в том, что Оракул играет здесь не последнюю роль, но решаю оставить эти мысли при себе.

— Прекрасно, — раздражается Ева, — значит, алхимиком короля может быть кто угодно.

— Ты говорила о лампах? — игнорирует ее Док, обращаясь ко мне.

Я согласно киваю.

— Тогда я знаю, как открыть ту дверь. Этим мы займемся позже.

— В любом случае, — добавляет Давина, — мы все поняли, что Оракул тоже замешена в этом.

— Неудивительно, — фыркает Скилар, — старушенция работает на короля.

— Лучше бы ты рассказала, как его убить, а не про двери, — закатывает глаза Бланш, снова поворачиваясь ко мне. — Стигма и все такое — это, конечно, круто, но как по мне, то лучше убить засранца и дело с концом.

Я выхожу на середину комнаты и развожу руками:

— Может, нам не нужно убивать его?

Все взгляды уставлены на меня.

— Ты сошла с ума?

— Нам достаточно свергнуть Тристана, а на престол взойдет Адриан. Я знаю, слишком большой риск, но он на нашей стороне.

— И как ты собираешься сделать это, умница? — кривится Гарван.

— Подумайте сами. Проект Искупителей — это секретное оружие короля, которое ему не дозволено было иметь после Слепой войны. Если другие регионы узнают о нашем существовании и о том, какую угрозу представлял Тристан для нашего мира все это время, то его незамедлительно свергнут. Достаточно показать нашу силу во время одного из Советов и

этого хватит, чтобы навсегда от него избавиться.

Глаза Дока наполняются светом, но остальные смотрят на меня без особого воодушевления.

— В этом, безусловно, есть смысл.

— Да, а еще одна проблемка, — кричит Нора, — как только регионы узнают о существовании людей, которых можно использовать, как оружие против них, как тебе кажется, что они с нами сделают?

— Уничтожат, — бесцветным голосом произносит Ева.

— Или используют для своих целей. В итоге мы просто поменяем шило на мыло.

Я со вздохом скрещиваю руки на груди. Безусловно, я не учла этой детали. Мне казалось, что жизнь под гнетом Тристана — ужасна, но что, если для нас существует еще более страшные перспективы? Возможно ли, что мы пожертвуем нашим затворничеством ради полного уничтожения?

— Вы сами должны понимать, что это оправданный риск, — вдруг произносит Бенджамин, — это наша единственная надежда.

— Слишком опасно, — качает головой Бланш, — мы не можем рисковать жизнями стольких Искупителей.

— Нам придется отправиться в бега, — вздыхает Гарван, притягивая к себе Бланш, — но мы и так всегда знали, что так будет.

— Мы должны были отправиться в бега, — вырывается Бланш, — а не сотня других Искупителей, которые не имеют к этому никакого отношения.

— Да о чем ты говоришь, Бланш? — взрывается Скилар, — их забрали из дома, пичкали ложью, готовили к войне, воровали их силу, а после ты говоришь, что они не имеют к этому никакого отношения?

— Скилар прав, — тихо произносит Давина, — мы должны поступить так, как правильно. Есть шанс, что нас отпустят жить свободными, тем более, если правда об Искупителях предается огласке. Люди будут на нашей стороне. Тристан же продолжит убивать людей и отнимать нашу силу. Кристиан был победителем. Через пару дней придут за нами. Мы должны это сделать.

Я бросаю на Давину взгляд и снова удивляюсь тому, сколько храбрости в девушке, которая казалась мне лишь тенью сильных мужчин дворца Спасителей. Меня даже коробит то, с какой легкостью она принимает решения, от которых у меня волосы встают дыбом. Но мы все прекрасно понимаем, что она права. Я представляю, как Тристан с победной, мерзкой улыбкой отбирает силу, от которой еще недавно я бы самовольно отказалась, и меня начинает трясти. Кажется, только сейчас я впервые поняла, что это значит на самом деле — быть Искупительницей. Мой дар — это не просто бремя, отобравшее у меня родителей. Это то, что делает меня той, кто я есть, и помогает мне бороться.

— Ближайший Совет через неделю, — тихо говорит Док, — слушайте внимательно. На Совете будут присутствовать послы всех четырех регионов. Охраняют Советы двое Хранителей и двое Членов Элитного отряда. Внутри никого не пускают без особой необходимости. Вам придется стать этой необходимостью.

— Мы должны будем предупредить других, — бормочу я, — они должны знать, что делать, когда это произойдет.

— Бежать сломя голову? — фыркает Скилар.

— Им всем нужно будет скрыться. Иначе их убьют. Сам понимаешь.

— Разделим обязанности.

Док садится по-турецки в центре комнаты и выуживает из своего халата кусочек мела. Мы все наблюдаем за тем, как его тонкие пальцы выводят линии на полу.

— В день Совета — перед выполнением плана, пока все, включая короля, будут в зале

— Эланис, согласно моим указаниям, откроет дверь и украдет Стигму.

— Это звучит дико просто, — приподнимаю брови я.

— Предоставь всю техническую часть мне. Что бы там ни было внутри, ты будешь к этому готова. Архитектор, о котором я тебе рассказывал, оставил мне полные чертежи катакомб Солнечного города. Ты будешь знать это место вдоль и поперек прежде, чем войдешь туда. Но я не могу подготовить тебя к людям, с которыми ты столкнешься внутри, — Док внимательно смотрит на меня, — ты готова к этому?

Мне хочется уверенно кивнуть, но выходит лишь сдавленное движение головой. Больше всего на свете мне хочется быть сильной, когда во мне нуждаются, но сомнения окутывают мое сердце. Что, если я подведу их? Король ни о чем не печется сильнее, чем о собственной шкуре; Оракул — страшная женщина, и разве могу я думать, что они просто позволят мне украсть то, что так тщательно ото всех скрывали?

— Ты отправляешь ее на смерть, — рявкает Нора, — король наверняка заставил всю комнату членами Элитного отряда и Хранителями, которые убьют ее, как только она откроет дверь. Она, конечно, Искупительница, но не бессмертная.

— Нет, — качаю головой я, — но на моей стороне есть преимущество. У меня есть принц. Док, ты сказал, что магию Просвещения можно использовать и перенаправлять? Могу ли я заглушить Хранителя, просвещенного королем, чтобы его просветил Адриан?

— Технически, это возможно, но...

— Тебе никогда это не удастся, — пренебрежительно заканчивает за него Бланш, — такая магия требует годы тренировок, а ты даже мышь не просветишь.

Спасибо за здравую оценку моих способностей, Бланш.

— Возможно, я — нет, но Давине удастся, — говорю я.

Давина моргает, изумленно глядя на меня. Она нерешительно мнетя и протягивает:

— Кажется, я могла бы это сделать... с твоей помощью.

Если мы с Давиной просветим Хранителя, то он будет защищать нас ценой собственной жизни, а это, без сомнений, выгодная поддержка перед лицом короля. Возможно, у нас будет шанс.

— Ну и почему мы должны верить принцу? — не унимается Бланш. — Почему ты так уверена, что он не побежит жаловаться папочке, что ты пытаешься украсть его игрушку?

— Потому что Адриан всегда помогал мне — даже, когда это шло вразрез с желаниями его отца. Это он помог мне добыть сведения о той комнате. Я же сказала — он на нашей стороне.

Бланш фыркает, бросая Гарвану говорящий взгляд, но замолкает.

— Я убежден, — поднимает руку Скилар.

Док согласно кивает:

— Это наша надежда. Кажется, в кои-то веки, мы работаем вместе, а не на кого-то. Мы прождем вас ровно два часа. Если... — его голос срывается, — если Эланис и Давина не вернутся, то мы должны будем действовать дальше.

Все — даже Бланш с Гарваном — опускают глаза в общем скорбном жесте. В горле у меня пересыхает, и я судорожно сглатываю. На самом деле, никогда еще я не была так готова

пойти на это. Спасти тысячу Искупителей, множество жизней, отомстить за своих родителей...слишком большие цели и слишком большая ответственность. Внезапно я понимаю, что никакая плата за успех не будет высока.

Я могу спасти Эйдана. Освободить его от гнета короля, дать ему шанс на спокойную жизнь, где он подчиняется только себе. Я могу представить Лакнесу нового правителя, которого никто никогда ни во что не ставил и который оказался благороднее и честнее самой сладкой улыбки Тристана. Я могу помочь Алвене и Генри — сбросить с них оковы Искупления и подарить им нормальную жизнь с людьми, которые будут любить их, как родных детей. Я могу дать возможность своей семье — Скилару, Давине, Еве и Норе — обрести жизнь, которую они заслуживают. Я могу показать миру, что Док — не сумасшедший, курящий миллион мятных палочек, а гений, который радел за человечество. Впервые за все время моя маленькая, никчемная жизнь, заикленная себе, вдруг обрела смысл. И я готова за это умереть.

— Скилар и Ева представят магию Искупления на Совете. Гарван и Бенджамин будут прикрывать их. В это время я объясню Искупителям, что происходит. Вместе с Норой и Бланш мы выведем их через тайные ходы катакомб. Ровно в полночь там нас будет ждать корабль, который увезет нас подальше от Лакнеса. Твоему принцу, — поворачивается ко мне Док, — лучше выжить, чтобы стать новым достойным правителем.

— В крайнем случае, престол займет Эсми, что тоже не худший вариант, — добавляет Скилар, — главное — спасти Искупителей и свергнуть Тристана.

— Мы не можем быть уверены, как именно поведут себя послы, — вздыхает Док, — но спасение этих душ — все, что имеет сейчас значение.

— И мы заберем с собой Эйдана, — твердо произношу я.

— Если он захочет уйти, — соглашается Док.

Понятия не имею, как заставить его забраться на этот корабль, но я сделаю все, что в моих силах.

Все приближаются к Доку, чтобы детальнее изучить план, а я подхожу к Давине и тяну ее к себе за локоть. Ее разные глаза удивленно смотрят на меня.

— Что?

— Давина, послушай, — шепчу я, — я хочу, чтобы ты сделала все, чтобы выжить. Предоставь Стигму мне. От тебя требуется лишь просветить Хранителя, который будет прикрывать меня с Адрианом. Ты вернешься и выживешь, ясно?

Давина возмущенно смотрит на меня, но я продолжаю:

— Если меня убьют, то они ни за что не помогут Эйдану. Он останется здесь навсегда, понимаешь? Как ты думаешь, что сделают с капитаном предателя? У него не будет ни малейшего шанса. Давина, если я умру, то пообещай мне сделать что угодно, чтобы посадить Эйдана на этот корабль. Говори, что хочешь, обещай ему, что хочешь, хитри и обманывай, но посади его туда.

Давина выдыхает при этих словах и взгляд ее меняется. Она должна мне. И спасти Эйдана тоже в ее приоритетах.

— Ты его любишь, не так ли? — тихо произносит она.

Я молчу, но говорить мне и не нужно.

— Я тоже, — Давина поднимает на меня взгляд, — и я обещаю тебе, что спасу его.

В моей голове на секунду поселяется мысль, что все это было лишь уловкой — что Давина попросила меня держаться подальше от Эйдана вовсе не из-за денег, а из-за

ревности. Но я наблюдаю за ней и тут же отбрасываю эти мысли. Давина всегда ставила семью на первое место. Она не стала бы просить меня ни о чем, если бы это не было по-настоящему важно.

В конце концов, моя жизнь свелась к нескольким элементарным действиям — открыть дверь, забрать Стигму, убежать, и всем, что находится между этим. Я не могу не думать о том, что оставляю за спиной ради того, чтобы отомстить и дать другим людям шанс на нормальную жизнь. Я никогда не была героиней. И мне страшно. Для меня непросто пожертвовать всем из добрых побуждений, но я стараюсь. Кое-чему я точно научилась за время своей жизни во дворце. Зло или добро — это личный выбор, который определит твою сущность. Никто не рождается героем или злодеем. В конечном итоге, мы всегда выбираем сами.

Я бреду по Лакнесу, стараясь вспомнить о нежной любви к моему региону, но сделать это непросто. За спиной раздается мерный топот двух Хранителей, а Давина и Скилар бредут по обе стороны от меня. Морской бриз больно жалит мне лицо, но деревья на улицах начинают потихоньку оживать от плена зимы, которой я и не заметила, провожая свои часы за стенами дворца. Весну я любила всегда — за ее зеленые листья, наполняющие меня ароматы цветов и надежду, которую она с собой приносит. Впервые я думаю о том, что, возможно, когда-нибудь у нас все будет хорошо.

— Ева извинялась, — сочувствующим голосом произносит Скилар.

— У нее уважительная причина, — соглашаюсь я.

Ева променяла свое желание на свободу матери. Я не была удивлена — Нора уже слишком стара, чтобы представлять для короля практическую пользу, поэтому он освободил ее от обязанностей Искупительницы. Я знаю лишь, что на месте Евы я поступила бы точно так же.

Я сильнее кутаюсь в черный плащ, напоминающий мне об Эйдане, и размышляю о том, почему король все же позволил нам прогуляться по Лакнесу. Он знал, куда мы пойдем. Знал, что мы хотим увидеть. Но этот чертов старик никогда не делает ничего без собственной выгоды. В глубине души я все понимаю, но эта мысль больно терзает меня своим горьким привкусом, напоминая о том, что действовать нам нужно быстро — скоро король заберет нашу силу, превратив нас в навсегда сломленных полукровок, а затем, вероятнее всего, избавится от нас. Я никогда не думала, что магия, которой я обладаю, помогает точнее определиться с той, кем я являюсь. Впервые я задаюсь вопросом о том, что же случится, если я вдруг перестану быть Искупительницей, стану играть на поле с обычными людьми, которые не в состоянии ничего изменить. Моя сила пришла в подарок с ответственностью, но теперь я уже не готова от нее отказаться.

Давина прячет свое скульптурное лицо в шарфе, но ее взгляд направлен на меня. Забавно, но ее разные глаза всегда выражают полярные друг другу эмоции: такое чувство, будто ее зеленый глаз осуждающе прознает меня насквозь, а карий — дарит мягкую поддержку.

— От принца нет новостей? — понизив голос, интересуется она. Это весьма бесполезно, учитывая, что Хранители следят за каждым нашим вздохом.

Я качаю головой. Прошло три дня, но Адриан так и не появился. Как и Эйдан. Не нужно говорить, как сильно это заставляет меня нервничать — как будто поводов и так недостаточно.

— Что, ваш парень все еще за решеткой? — скучающе оглядываясь, спрашивает Скилар.

Мы с Давиной пронзаем его взглядами.

— Простите, — ухмыляется он, — я сам не больше вашего рад, что у капитана проблемы. Но, может, это даст время вам всем разобраться с вашей небольшой драмой.

— Нет никакой драмы, — закатывает глаза Давина.

— Ну да, я так и подумал.

— Эйдан влюблен в Эланис.

— И то, что ты долгое время была его фавориткой, не делает это ни капельки более странным.

— Это было до того, как она появилась, — напоминает Давина.

— Да ладно, не стесняйся, я бы сам растекся от капитана, будь он в моем вкусе.

— Я не растекаюсь от капитана!

Я готовлюсь вставить словечко, напоминая им, что это явно не главная тема для обсуждений, но ничего не могу с собой поделать. Мы с Давиной любим одного и того же мужчину. Какими бы мы с ней не были благоразумными, уравновешенными и мудрыми (всем тем, чем я определенно не являюсь), между нами все равно стоит эта преграда. Мы разрушали ее всеми возможными способами, связывая нас тем, что куда более важно — семьей, взаимовыручкой, поддержкой. Но, если Скилар не заткнется и не перестанет напоминать об этом, может возникнуть проблема.

— Я все это к тому, что мне бы не хотелось, чтобы ты оторвала моей крошке голову из ревности или чего-то в этом духе.

Давина закатывает глаза.

— Тебе не кажется, что сейчас у нас есть дела посерьезнее?

— Эй, ты сама подняла эту тему!

— Если ты не заткнешься, я подниму тему с Евой, — говорю я и понимаю, что попала в точку.

Скилар краснеет, отчего его лицо, обрамленное рыжими, торчащими в разные стороны волосами, становится почти оранжевым. Мы с Давиной смеемся, и я удивляюсь, что после всех этих месяцев нечто столь обыденное, как смех, кажется мне невиданной роскошью.

Мы огибаем пустующие лавочки, готовые к тому, чтобы возвратиться с полноправным приходом весны, вдыхаем запахи горячего шоколада и вина, несущиеся из иногда открывающихся дверей трактиров и выжидающе смотрим на небо. Вопреки потеплению, мне хочется, чтобы пошел снег, мягко осыпая мое лицо кристальными снежинками. Такое чувство, будто это была последняя зима в моей жизни.

Мы огибаем улицы одну за другой — люди глазеют на Хранителей за нашими спинами, которых не скрывает даже штатская одежда. Скилар не помнит, где его дом, я уже была в своем — осталось только навестить семью Давины.

Я почти ожидаю, что Хранители нас остановят — резко потянут меня назад за плечо и швырнут в стену, чтобы я не думала, что их так легко провести. Но, когда они поняли, куда мы направляемся, лишь тихо засмеялись.

— Чего вы смеетесь? — покосился через плечо Скилар.

— Господин сказал оставить вас перед домом вот этой, — усмехнулся один из них, кивая на Давину, — сказал, чтобы вы были там одни и увидели все сами. У вас будет десять минут. Потом мы уведем вас.

В душе у меня поселяется ужасное чувство. Кажется, я начинаю понимать все эти зверские уловки короля, и это пугает меня еще больше. Он тычет нас носом в свою власть, в

обладание нами — он демонстрирует, что будет, если мы начнем копать слишком глубоко. Я хочу остановить Давину, развернуться и уйти, но страх сам гонит меня вперед. Я должна знать. Должна убедиться. Они тоже имеют на это право.

Глаза Давины горят ярким огнем — она срывается на бег, огибает еще одну улицу и бежит мимо стройного ряда небольших, покошенных домов. Мы уже далеко ушли от центра города — деревья здесь встречаются чаще, поля шире, и воздух — свободнее. Каждая клеточка моего тела напряжена. Я не уверена, что хочу знать правду.

Скилар смотрит на меня, и я понимаю, что он думает о том же самом. В этом неунывающем пареньке, вечно бросающем вызов жизни, поселяется тот же самый страх, что и во мне. Он пытается скрыть это за лукавой улыбкой и зелеными озорными глазами, но я чувствую его уязвимость. Скилар жил во вранье и перед смертью король готов ткнуть его в это носом.

Я почти решаюсь окликнуть Давину и повернуть назад. Если нам суждено умереть, то пусть лучше хотя бы они умрут в блаженном неведении. Хотя, в конце концов, кто я такая, чтобы отбирать их шанс на правду?

Свой шанс на правду.

Хранителей больше нет за нашими спинами. Дурацкая иллюзия свободы, которая всегда окутывала меня. Никто из нас понятия не имеет, что такое настоящая свобода.

Раздается громкий крик. Я и Скилар испуганно переглядываемся и срываемся с места — мы бежим вперед, догоняя Давину, которая стоит перед калиткой и смотрит на что-то, скрытое от нас голым парадом деревьев.

— Давина! — в ужасе выкрикиваю я, подбегая ближе и хватая ее за руку.

— Ты в порядке? — запыхавшись, спрашивает Скилар.

Давина смотрит перед собой огромными от ужаса глазами. Ее губы дрожат, она зажимает лицо рукой и отчаянно качает головой.

Я перевожу взгляд и на секунду теряю дар речи. Перед нами лежит груда обломков. Покосившиеся остатки крыши, сгнившие доски и камни свалены здесь, как будто кто-то только начал убирать их и оставил, решив, что это неблагодарное дело. Обуглившиеся доски были выкрашены в нежный фиолетовый цвет, разбитые стекла в окнах украшены нарисованными цветами, а я могу лишь догадываться о том, какая жизнь здесь когда-то царила. На калитке болтаются покосившиеся дощечки с именами. Я провожу по ним пальцами, стряхивая паутину, и разглядываю имена. Среди них есть имя Давины.

Давина тоже хватается за дощечки и изумленно смотрит на них.

— Что это? — бормочет она.

— Какого черта? — недоумевает Скилар, — здесь был пожар или что-то вроде того?

Я понимаю все на долю секунды раньше, чем они. Король придумывает разные истории — семья Давины сгорела вместе с ней, мои родители переехали... все, что угодно, чтобы скрыть наше существование. Искупителей не существует. И их семей тоже. Все, кто может поставить под угрозу его секрет, исчезают.

Давина издает громкий крик и оседает на землю. Скилар зажимает рот рукой и опирается на калитку, но вскоре присоединяется к ней. Они сидят на коленях перед останками разрушенного дома и не могут перестать смотреть на него. У Давины по щекам катятся слезы, а Скилар утыкается носом в землю и изо всех сил молотит по ней кулаками. Я пытаюсь заставить их встать, но не могу сдвинуться с места, не могу произнести ни слова. Вместо этого я падаю рядом и огромными глазами смотрю на то, что когда-то было домом

Давины.

— Они все мертвы... — бормочет она, закрывая лицо руками. — Все это время...они все были мертвы.

Под ногти забивается грязь, когда я изо всех сил сжимаю землю руками. Меня трясет от осознания того, что мы все сидим на кладбище.

— Не может быть... — шепчет Скилар, — не может такого быть...они же подписали чертов контракт...они же и так продали нас...

Я понимаю, что не могу позволить своему горю перевесить — если я так же вдамся в беспамятство, то Давину и Скилар ничего не сдвинет с места, а еще — некому будет образумить их. Я знаю, что будет следующим их шагом. Я сама через это проходила. Их охватит такое дикое желание мести, что все остальное перестанет иметь значение, а я не могу этого допустить. Я должна защитить свою последнюю семью.

— Они могли не знать, что делают, — мягко положив руку на его спину, горячо зашептала я. — Ты был маленьким, твои воспоминания могли быть искажены. Может, их накачали наркотиками или даже пытали.

— Но зачем...зачем убивать их?

— Чтобы не было свидетелей, — тихо произносит Давина. — Искупители — это тайна короля, а за свою шкуру этот мерзавец переживает сейчас больше всего. Если бы осталось столько семей, то была бы велика вероятность, что нашу личность раскроют. Он все специально подстроил. Черт возьми, когда я до него доберусь, он пожалеет о том, что вообще когда-то узнал мое имя. Мои родители...мои братья и сестры взамен на его безопасность. Жалкий, трусливый кусок...

— Давина, — я кладу вторую руку на ее спину, — ты сможешь отомстить. Но не сейчас.

Давина медленно переводит на меня взгляд, и я вижу там сплошную тьму, подернутую дымкой слез.

— О, поверь мне, я успею отомстить. Он ни секунды дольше не сносит головы на своих плечах.

— Я тоже...мы пойдем и убьем его, — тверже произносит Скилар.

Я впадаю в отчаяние и изо всех сил встряхиваю их обоих.

— Сию же секунду возьмите себя в руки! Я понимаю, что вы хотите отомстить. Господи, я хочу отомстить не меньше вас. Но мы не можем позволить себе бездумно погибнуть. Мы должны...

— Как ты можешь так говорить? — вдруг вскрикивает Давина, отталкивая мою руку. — Он убил твою семью!

— Именно поэтому, — рычу я в ответ, — мы не должны погибнуть напрасно.

Давина секунду смотрит на меня — ее руки перебирают родную землю, как будто это может приблизить ее к детству. Скилар со стоном поднимает голову и утирает грязными ладонями заплаканное лицо.

— Она права, — говорит он. — Мы должны сказать всем правду. Устроить переворот и отомстить за всех, кто погиб напрасно.

Я порываюсь вперед и сжимаю плечо Скилар, стараясь не позволить себе плакать. Мне так хотелось бы, чтобы кто-то поддержал меня, но если я сейчас разрыдаюсь, то сделаю всем только хуже. Осознание застигло моих друзей врасплох, в то время как для меня прошло время, чтобы смириться с тем, что...

Я делаю глубокий вдох и сдерживаю рвущийся наружу крик. Что бы сказал мне отец под

нежным взглядом матери?

Мы защищаем то, что считаем правильным.

Мне казалось, что больше у меня не осталось ничего, что стоило бы защищать, ведь больше мне некуда возвращаться. Раньше я находила смысл просто в доказательстве того, что мои родители не продавали меня. Теперь, когда я нашла подтверждение своим словам, все резко обезличилось. Господи, да лучше бы они продали меня, но остались живы.

Я смотрю на Давину и Скилар, чьи глаза горят от пролитых слез. Им нужна моя поддержка — теперь я должна бороться за них.

У меня все еще есть семья.

— Вставайте, — шепчу я.

Они остаются на месте, и я повторяю тверже:

— Вставайте!

Мы с трудом поднимаемся с земли, опираясь друг на друга. Давина прячет глаза у меня на плече, не смея взглянуть на свой старый дом. Скилар держит меня за руку, цепляясь так сильно, что я чувствую образующиеся синяки.

Мы стоим втроем и наблюдаем за тем, что осталось от нашего старого мира. Ветер дует нам в лицо, но мы продолжаем стоять прямо, понимая, что больше нет ничего, способного нас согнуть.

Глава двадцать четвертая

Эланис

Они были как две сложенные вместе спички, чиркнув которыми, можно зажечь звёздный свет.

Лэйни Тейлор. Дочь дыма и костей

Вот уже четыре часа я сижу в кабинете Дока, мерными глотками попивая какую-то травяную настойку. Здесь, наконец, наступает ни с чем не сравнимая, оглушительная тишина. За несколько часов до этого комната была наполнена рыданиями Давины, которые я физически больше не могла выносить, и скорбью тех, кто оказался крепче. Давина потеряла всю свою семью в один миг — всех своих братьев и сестер, родителей, всех, ради кого она фактически торговала собой все эти годы. В один миг она поняла, что отдала свою жизнь ни за что. Никто не мог бы понять ее лучше, чем мы.

Я молча наблюдала, как Бланш бьется в руках Гарвана, крича и ругаясь, обливаясь слезами и захлебываясь словами о любимых людях, которых потеряла. Гарван и Бенджамин могли лишь смотреть на нее, радуясь, что их отец все еще с ними. В глубине души я понимаю толику облегчения, которую они, должно быть, испытали. Их отец рискует собой каждый день, но он все еще жив.

В свою очередь, не думаю, что Док лелеял надежды о своей пропавшей жене, но ему, как и мне, страшно было узнать правду. Теперь мы все ее знаем.

Нора больше не могла находиться в Солнечном городе, поэтому Ева осталась с ней, даря ей облегчение, которого, вполне возможно, она искала все эти долгие годы. Я же...я видела перед собой лишь цель, у которой больше не было ни одной преграды.

— Вы должны взять себя в руки, — отстраненно проговорила я, — король послал на разведку только меня, Давину и Скилар. Он хотел, чтобы мы это увидели. Если вас найдут в таком состоянии, то вы попадете под ненужное подозрение.

— Да пошла ты! — заорала Бланш, бросаясь на меня, но Гарван дернул ее назад за плечи.

— Иди и тренируйся, — рывкнула я на нее.

— Да ты...бесчувственная, холодная, тупая скотина! — кричала Бланш, вырываясь из стальных объятий Гарвана, — тебе все равно! Признайся! Всегда было все равно!

Я сжимаю кулаки, и Скилар вырастает рядом со мной, качая головой. Бенджамин сурово обводит меня глазами с противоположного конца комнаты. Я упивалась своим горем слишком долго, чтобы начать действовать, но никто не посмеет бросить мне в лицо, что мне все равно.

— Может, было бы легче, если бы мы ничего не знали, — шепчет Давина, утирая рукавом глаза.

— Боец ты или кто? — досадливо морщится Скилар.

Этого я боялась больше всего. Я должна была знать правду, но я не подумала о том, что правда может растоптать моих друзей. Тогда я решила, что даю им выбор, но, возможно, избегая слабости, я все же подверглась ее соблазну? Один Бог знает, как поступить было правильно.

Док протянул Бланш чашку с травяным чаем, но она с воплем вышибла ее из его рук.

— Одних неуравновешенных понабрал, — ворчит Скилар.

В общем, полный хаос. Через какое-то время мне и Доку все же удалось убедить их, что они должны вернуться в Солнечный город и сделать вид, будто ничего не произошло. До исполнения нашего плана осталось несколько дней. Если мы позволим эмоциям взять верх сейчас, то никогда не победим. И если дадим повод королю убить нас раньше.

Мысль о мести — это единственное, что держит меня сейчас на плаву. Если у горя и есть какие-то стадии, то я сейчас явно на гнев. В глубине души я понимаю, что как только мы избавимся от Тристана, моя жизнь потеряет всякую цель, а это меня раздавит. Но сейчас я должна сосредоточиться на главном.

— Как ты? — спрашивает Док, присаживаясь рядом со мной на небольшой стул.

Я не знаю, как ответить на этот вопрос, поэтому говорю то, что максимально приближено к правде:

— Я справлюсь.

— Знаешь, я ведь родился не в Лакнесе.

Я удивленно смотрю на Дока, который проводит рукой по коротким волосам и закуривает новую мятную палочку.

— Серьезно? У тебя совсем нет акцента.

Знаю не понаслышке, ведь он долгое время был моей отличительной чертой, переданной мне от отца. В детстве он часто говорил со мной на диалекте Стейси, рассказывая о том, какие там высокие горы, бесконечные поля и тысячи диких лошадей. Я до сих пор могу изъясняться на этом диалекте ламантрского — он во многом напоминает язык, который мы используем в Лакнесе, только слова там звучат четче и резче, как порыв ветра, сталкивающийся с высокими деревьями. Хотя, вряд ли я когда-нибудь снова смогу использовать знакомые предложения без щемящего чувства в груди. Мой мир разрушен. Когда все, что ты делаешь, крутится вокруг самых дорогих тебе людей, их уход заставляет твою вселенную трещать по швам. Уничтожает ее. Мне хотелось бы выжечь все любимые воспоминания из памяти, чтобы я поверила, что однажды станет легче. Что когда-нибудь я смогу вдохнуть полной грудью, а улыбка перестанет сдавливать мне губы.

— Я провел в Лакнесе больше времени, чем могу вспомнить, но родом я из Бишопа. Из земель ее величества, — он выдыхает мятный, сладковатый дымок, — там все иначе. Там солнце светит ярче, чем ты можешь себе представить, каждый день там — праздник, карнавал. Я помню невероятные краски ежемесячных гуляний, костюмы, в которые все наряжались на день Коронации. Там не бывает зимы, а еще, наверное, горя, боли и всех тех осложнений, которые мешают нам жить спокойно. Море там совсем не такое, как в Лакнесе. Оно сияет и переливается ярко-голубым, а еще повсюду песчаные пляжи, а на небе — курчавые облака. Не зря наш герб — альбатрос. Если и есть одно место, которое я назвал бы раем на земле, то это — Бишоп.

Я замороженно наблюдаю за тем, как меняется его лицо при рассказе. Странно, но мне самой Бишоп представлялся совсем другим. В Лакнесе рассказывали лишь, что это самый бедный регион Ламантры, поэтому мне всегда казалось, будто небо там серое, воздух пропитан дымом и гарью, а люди — несчастны. Но, возможно, это всего лишь очередная ложь — попытка короля убедить нас, что лучше Лакнеса региона не найти.

— Так почему же ты уехал?

— Я потерял своих родителей, когда мне исполнилось тринадцать. Оба погибли от чохотки, распространившейся по Бишопу. Тогда я и понял, что хочу спасти людей. И я уехал из Бишопа, потому что мой рай был навсегда омрачен болью этой потери, — он еще раз

закуривает, — я лишь хочу сказать, что понимаю, каково это — лишиться всего в самый неожиданный момент, когда жизнь кажется чертовым приключением с бантиком на носу. Но, как бы банально и насмешливо это ни звучало, ты должна двигаться дальше. Искать свое место в мире. Свое предназначение. Делать то, чем они бы гордились. То, что ты скоро совершишь, Эланис, — это, черт возьми, одна из самых великих вещей в мире. Тебе выпал тот шанс, который выпадает лишь тому, кто к нему готов. Ты можешь спасти других людей. И они, — он машет в сторону двери, за которой скрылись остатки Ордена, — тоже готовы на это пойти. Не обращай внимания на колючесть Бланш и на презрительность Гарвана. Они боятся, а ты сильнее их, вот они и бесятся. В конечном итоге, они тоже пытаются поступить правильно.

Я киваю, зарывшись лицом в свои ладони.

— Мне было бы хоть немного легче, если бы Эйдана выпустили из темницы.

— Ты не спасешь его.

Я готовлюсь оцетениться, но грустный взгляд Дока умиротворяет меня.

— Это еще почему?

— Ты не понимаешь, что означает быть членом Элитного отряда и быть на службе у короля. Эйдан никогда не уйдет — хоть убей его. Ты не осознаешь, каково это — расти на зомбировании, когда все твои чувства тщательно контролировались с помощью внешних воздействий. Он этого не помнит, но, всякий раз, когда, будучи ребенком, он проявлял нежные чувства по отношению к чему-то, кроме короля, его жестоко избивали. Боль ассоциируется у него со всем, кроме Тристана, а еще — слабость. Даже если бы он ушел, он никогда не научился бы жить по-другому.

И что, теперь Док думает, что я просто брошу Эйдана, потому что быть с ним — сложно? Потому что это создает мне — и ему — лишние проблемы? Я не понимаю, как после всего, через что мы прошли, Док все еще может думать, будто сложности — это повод отступить.

— Я понимаю, — тихо говорю я, — но Эйдан сильнее всего, что ему навязали. Возможно, когда он узнает, кем на самом деле является его добродетельный отец, все изменится.

— А может и нет. Ты не можешь так рисковать.

— У нас был уговор, Док.

Док вздыхает и стряхивает палочку, как будто я его утомила.

— Надеюсь, ты не разочаруешься, и он будет бороться за тебя так же сильно, как ты борешься за него.

Я оставляю его комментарий без ответа и наблюдаю, как травы плавают в моем чае, унося мои мысли.

— Как же так... — бормочу я, — у короля есть семья. Он, вроде как, дорожит ими. И при этом у него не дрогнула рука уничтожить всех, кого мы любили.

— Ты, кажется, понятия не имеешь о нем? — усмехается Док.

Я приподнимаю на него глаза:

— Что ты имеешь в виду?

— У короля было три брата, которых он убил еще до того, как им всем исполнилось одиннадцать. Он всегда жаждал власти, как, впрочем, и всегда боялся мести внутри дворца. Он знал, что с ним почти наверняка поступят так же, вот и создал себе Элитный отряд. Они защищают его не от внешних напастей, а от внутренних. Приглядывают, чтобы дети не

решили умертвить папу раньше срока, или разъяренная жена вдруг все не узнала и не сошла с ума от ужаса.

Почему-то история Дока ни капли меня не удивляет. Мне уже кажется, что нет ничего, на что король не оказался бы способен.

— Откуда ты знаешь? — шепчу я.

— Я слишком долго живу в этом дворце. Я — предводитель Ордена Солнца, и, как видишь, все еще жив. Разумеется, я обладаю большим количеством информации. А еще умением ее скрывать.

Взгляд Дока устремляется куда-то вдаль, и на миг мне кажется, будто он находится где-то за пределами этой комнаты — возможно, среди гуляний Бишопа или на берегу лазурного моря, украшенного крыльями чаек.

— Я лишь хочу сказать, — произносит он, потрянув головой, — что король — человек, не знающий пощады. Не нужно его недооценивать. И смею полагать, что Оракул такая же.

— Кто она вообще такая? — наконец спрашиваю я, — она говорит правду о своем происхождении? Как по мне, вся ее история с Искупителем очень подозрительна.

— Я сам был бы рад знать, откуда идут корни вашей магии, и кто такая Оракул на самом деле. Возможно, ее дар действительно проявился неожиданно и по воле случая ее нашел король, но, как по мне, вероятность этого приближена к нулю. Никому так не везет — тем более его величеству, который давно поставил удачу в конец списка своих помощников. Не удивлюсь, если Искупители Лакнеса — это результат многих лет чудовищных экспериментов. С другой стороны, — замечает Док, — это означало бы, что вы — исключительны, но, судя по тому, что король не применяет к вам самых жестоких методов, чтобы обезопасить своих воинов, он либо уверен в формуле успеха, либо знает, что сможет найти еще Искупителей при большом желании.

— Адриану ничего неизвестно об этом. Мы должны заставить короля сказать правду, — твердо произношу я.

— Нет, — качает головой Док, — это слишком большая власть, а значит, слишком большое бремя. Принц не должен ничего узнать о том, как добыть или распознать ген Искупителей. Если мы найдем дневники короля, то мы их уничтожим, а если нет — то заставим короля замолчать навеки. Я уверен, что он никогда не признается чужим правителям в тайне магии, которую так любовно взрастил. Понимаю, что никакой исход событий неидеален, но мы должны сделать все, чтобы похоронить этот секрет с правлением короля. Это дарует Искупителям шанс на свободную жизнь.

Док снова поднимает голову и смотрит в сторону двери, как будто чего-то ждет. Через несколько секунд раздается мерное постукивание, и я вздрагиваю, проследив за его взглядом. Весь Орден должен сейчас быть на тренировках. Ноги сами заставляют меня вскочить, но Док хватает меня за руку и ласково улыбается:

— Скоро ты должна будешь совершить великое дело, и неизвестно, чем все это кончится. Я считаю, что ты заслужила несколько счастливых минут. Только ради всего святого, Эланис, будь благоразумна и помни, что наша миссия исключительно секретна. Или я сам не побоюсь тебя убить, — его взгляд суровее.

Я с недоуменным лицом наблюдаю за тем, как он подходит к двери и широко раскрывает ее. Когда я рассматриваю того, кто стоит напротив меня, у меня перехватывает дыхание.

Внезапно вся моя боль притупляется, заменяясь моментом бесконечного, чистого

счастья. Мне кажется, что я издаю какой-то вскрик, но в следующую секунду нахожу себя в объятиях Эйдана. Я зарываюсь пальцами в его волосы, вдыхаю его знакомый, мускусный запах и сжимаю его так сильно, как будто в следующее мгновение он испарится.

— Эй, крошка, ты меня сломаешь, — смеется Эйдан мне в ухо, сильнее прижимая меня к себе.

Я ждала этой минуты так долго, что, кажется, ожидание стало неотъемлемой частью моего существа. Те несколько недель, что я провела без него, были похожи на серую, безликую стену, испещренную перечеркнутыми отметинами. Никогда еще я не скучала по Эйдану больше — по его насмешливым, но таким ласковым карим глазам, по суровой линии подбородка, по резко очерченным скулам и твердо сжатым губам. И сейчас я не хочу даже думать о том, что когда-нибудь потеряю его.

— Я так соскучилась, — шепчу я.

Док беззвучно ушел, плотно закрыв за собой дверь и даже не позволив мне отблагодарить его. Я понимаю, что эта звуконепроницаемая комната — единственная, где мы с Эйданом можем немного побыть вместе.

Мне хочется расспросить его о времени, проведенном в темнице, но я жутко боюсь услышать подробности. Внезапно я чувствую, как его тело напрягается, и отстраняюсь, озабоченно заглядывая ему в глаза. На его скулах ходят желваки, а сам он бесстрастно смотрит прямо перед собой.

— Что такое? — недоумеваю я.

— Я понимаю, если ты никогда не сможешь простить меня за то, что я сделал. Я бы не простил.

— Эйдан, мы оба знаем, что ты не мог поступить иначе. Думаешь, я ничего не поняла? Король убил бы меня, если бы ты не выполнил его просьбу.

Конечно, мне хочется надеяться, что произнесенные мною слова являются правдой. Я не могу не думать об истинной причине того, что произошло в зале Советов. Возможно ли, что мне просто куда легче винить во всех бедах короля и не думать о том, что некоторые действия были выбором самого Эйдана?

Эйдан смотрит на меня, и я понимаю, что он читает все эти мысли на моем лице. Он не рвется опровергнуть их или высказаться в свою защиту, а лишь произносит:

— Я сказал, что всегда буду приглядывать за тобой. И я буду придерживаться своих слов до конца. То, что я сделал, было вынужденной мерой, но это ни капли не оправдывает меня.

Он проводит пальцами по шраму на моей шее, который змеится, исчезая под новым костюмом Искупителей. Недавно его прислал мне король с приложенной карточкой "Следи за ним лучше". В последнее время я часто задумываюсь о своей новоявленной жестокости, но мне действительно захотелось запихать эту карточку ему в горло.

— Это уже не имеет никакого значения, слышишь? — я требовательно вглядываюсь в его глаза и дотрагиваюсь до его плеч, — с тобой все в порядке? Я...не хочу даже знать, что с тобой делали в той темнице.

Глаза Эйдана темнеют, и он мрачно сжимает губы.

— Ничего такого, чего я бы не заслужил или не мог бы выдержать.

Я понимаю, что дольше откладывать этот разговор бессмысленно. Я должна хотя бы попытаться повлиять на него, особенно теперь, когда у него есть доказательство того, что король вовсе не так предан ему, как кажется.

— Эйдан, — я глубоко вдыхаю, — то, что ты узнал о короле...поменяло твое мнение о

нем?

Давить на него больше не имеет смысла. Капитан с раздражением мотает головой:

— Я думал, мы это уже обсуждали.

— Я спрашиваю, изменилось ли что-то. Возможно, ты стал смотреть на вещи по-другому...

Например, более трезво, адекватно или хоть как-то, чтобы он, черт возьми, выжил.

— Нет, не стал. Не нужно пытаться переделать меня, Эланис. Я обещаю, что подобного больше не повторится, стоит только...

— Не видеться больше со мной? — мой голос срывается, — забыть о том, что я существую?

Эйдан напрягается и отходит в сторону, барабанив пальцами по стене.

— Если бы дело было лишь во мне, возможно, я смог бы поставить все под сомнение, — наконец произносит он, — но предать моего отца означает предать еще и моих одиннадцать братьев. Это опозорило бы мою честь, уничтожило бы меня, как воина, бойца. Что бы тогда вообще от меня осталось?

— Ты был бы жив, — тихо произношу я, — и ты был бы со мной.

И я знаю, что этого недостаточно.

— Эланис, ты пришла в этот дворец и перевернули весь мой чертов мир с ног на голову. Но я не могу от всего отказаться. Есть вещи выше моих сил. Семья для меня — это все. И ты стала ее частью. Я никогда не вонзил бы нож тебе в спину, поэтому не требуй от меня, чтобы я вонзил его в спину своего отца.

— Король тебе не отец, — отрезаю я.

— Он единственный, кто мог бы им считаться.

— Он тебя использует.

— Я сам ему служу. Для меня — это честь. Только так я могу отблагодарить его за все, что он сделал для нахлебника, который ничего не заслуживал.

На самом деле мне претит мысль о том, что мы снова стоим и обсуждаем короля. Эйдан только что вернулся из темницы и мне хочется провести время за попытками заставить его забыть обо всех ужасах, что он там пережил. Но вот она я — снова сыплю ему соль на рану. Просто как бы мы ни пытались притвориться, что все остальное не имеет значения, король все равно будет маячить над нашими головами. Я понимаю, что Док был прав. Я не могу переделать Эйдана и не хочу этим заниматься — мне было бы достаточно того, чтобы он пошел за нами, когда придет время, но теперь я понимаю, что это может стать проблемой. Мы не можем забрать всех его братьев с собой — хотя бы потому, что Орден ненавидит Элитный отряд за их добровольную службу королю — а Эйдан их не оставит. Не считая того, что я поспособствую свержению его "отца".

Я прекрасно помню все, что мне рассказывали о таинственном капитане Элитного отряда, которого никто никогда не видел. Исчадие ада, дитя дьявола, слишком искусный во всем боец и самый преданный из воинов. Его верность несомненна. "Он никогда не предаст короля".

Но, черт возьми, я не могу оставить его здесь.

Я подхожу ближе, и он дотрагивается до моих рук, проводит пальцами и смотрит на меня сверху вниз с той же нежностью, которую я впервые рассмотрела в нем в библиотеке.

— Если бы это был не король... — он сглатывает, — там, в зале Советов... он уже был бы мертв.

Мне не хочется вспоминать про то, как Эйдан прижимал холодный металл к моей коже, поэтому я прислоняюсь к его плечу и тихо спрашиваю:

— Если бы... все было по-другому... ты ушел бы со мной?

— Разумеется.

— И оставил бы короля и братьев?

Я чувствую, как он напрягается.

— Если бы король добровольно отпустил меня со службы, то да. Но это все лишь мечты.

И мы оба знаем, что этого никогда бы не произошло.

— А дальше? — продолжаю я, — ты останешься на службе у Адриана?

— Возможно, я просил бы об отставке, но да, мой кодекс подразумевает продолжение службы у следующего короля.

Судя по тому, как он хмурится, ему это ни капельки не нравится. Я смеюсь и лукаво улыбаюсь:

— Знаешь, если бы ты жил со мной, я никому никогда не позволила бы причинить тебе боль, — говорю я, ведя пальцами по шраму на его щеке.

Он криво усмехается, глядя на меня, приподняв брови:

— Ну уж это точно гарантирует мне безопасность, девочка с сердцем дракона.

Мы оседаем на пол, и я цепляюсь за его руки, сжимающие меня в объятиях. Думаю, мы оба прекрасно осознаем, что это может быть нашей последней встречей. Сердце у меня сжимается, и я чувствую, как он изо всех сил прижимается губами к моей макушке, и, возможно, только так он сейчас может выразить, насколько ему тяжело.

— Расскажи мне о своих родителях, — тихо просит он.

Я киваю, потому что без слов понимаю, почему ему это нужно. У Эйдана никогда не было настоящей семьи, пусть он всеми силами и пытался ее получить. Мне хотелось бы, чтобы он прочувствовал, каково это — быть по-настоящему любимым кем-то. И мне хотелось бы дать ему это самой.

— Мой отец — плотник, — я улыбаюсь своим мыслям о родителях и впервые они не кажутся мне такими болезненными, — у него рыжие волосы, как у меня, и такие же зеленые глаза. Он, наверное, самый честный и справедливый человек на всем свете. В детстве у меня был отвратительный характер — наверное, ты скажешь, ничего не изменилось, — Эйдан согласно хмыкает, — и я много хулиганила, но думала, что папа всегда возьмет мою сторону перед другими детьми. Он же всегда был непреклонен и судил всех по справедливости. Но он никогда не повышал голос и не злился. В нем было столько выдержки и мудрости, сколько я не встречала еще ни в одном человеке. А еще он очень любил мою маму. Моя мама занималась хозяйством и работой по дому. И она самый храбрый человек, которого я знаю. Нам никогда не было легко, но я ни разу не видела, чтобы мама унывала или расстраивалась. С мамой в доме всегда были смех и шутки, хорошее настроение. Папа приходил домой и приносил мне конфеты, да и вообще, мне казалось, что мы — самая счастливая семья во всей Ламантре. У нас был свой маленький мир, куда больше никого не пускали. Поэтому... — мой голос срывается, — расставание с ними было тяжелым.

— Но сейчас они счастливы, — мягко проговорил Эйдан, — где бы они ни были.

Я так и не узнала, было ли Эйдану что-то известно об истинной судьбе моих родителей. Не думаю, что он стал бы врать мне, но, в конце концов, ведь именно Эйдан забрал меня из сарая дяди Томсона. Неужели перед этим он заглянул ко мне домой, чтобы нанести последний, смертельный удар моим...

У меня перехватывает дыхание.

— Они мертвы, — бесстрастно произношу я.

Он снисходительно качает головой:

— Нет. Мы же с тобой выяснили, что они переехали...

— Король отпустил меня, Давину и Скилар на прогулку в город. Мы отправились навестить старый дом Давины, но он полностью сгорел. На заборе висели имена всех, кто погиб — включая имя Давины.

Наступает тишина и я с напряжением жду, как Эйдан воспримет эту новость. Несколько секунд он задумчиво молчит, как будто собирается с мыслями. Наконец, он с расстановкой произносит:

— Это очень странно, что его величество позволил вам безнаказанно нарушить контракт.

— Странно? Брось, Эйдан. Он специально ткнул нас всех носом в то, что управляет нами перед тем, как...

— Перед тем, как что?

Я прикусываю язык. Не могу рассказать Эйдану про Стигму и поставить нашу миссию под угрозу. Он все еще предан королю, поэтому глупо было бы надеяться, что он станет скрывать от него такую информацию. Меньше всего мне хочется что-то утаивать от него, но это единственный шанс на наше общее спасение. Шанс, который он никогда не примет.

Я качаю головой и стараюсь не смотреть на него, но продолжаю чувствовать его пристальный взгляд на своей коже. Такое ощущение, что Эйдан видит меня насквозь. Почему я вообще решила, что могу что-то спрятать от него, если он всегда лучше всех распознавал мою ложь? Я даже неожиданный выпад сделать не могла, и дело было не в его исключительных рефлексах, а в том, что Эйдан читал меня лучше любого другого. Впервые это может обернуться против меня.

— Мне очень жаль, Эланис, — мягко произносит он, дотрагиваясь до моих пальцев, — мне ничего об этом неизвестно, и, кто бы ни выполнял этот приказ, он действовал без ведома Элитного отряда. Ни они, ни ты этого не заслужили. Знаю, тебе не станет от этого легче, но Элитный отряд не верит в смерть. Мы верим в следующую жизнь, где тебе воздастся за то, что ты сражался, как истинный воин за свои убеждения. Уверен, твои родители получили все, что заслужили за их храбрость.

Я киваю, но он прав — легче мне от этого не стало. Никто не должен был забирать моих родителей, а кто сделал это — скоро поплатится.

— Просто порой я не могу не думать о том, что во всем этом была моя вина. Я могла их спасти.

— Не могла. Знаю, ты не можешь по-другому, но ты слишком много об этом думаешь. Они хотели бы, чтобы ты жила дальше, не оглядываясь на сослагательное наклонение. Твоя жизнь, Эланис, происходит сейчас, и ты должна взять от нее все, что можешь, — он делает паузу, затем добавляет: — ты все еще винишь меня за то, что я забрал тебя из того сарая?

Я мысленно сжимаюсь, потому что, в глубине души, боюсь этого разговора. Я на самом деле не виню Эйдана — глупо винить исполнителя в приказах заказчика. Но меня задевает то, что даже после всех его требований, король все еще стоит для Эйдана на первом месте. Эйдан знал, на что король пошел и сколько раз обманывал его, но капитану все еще кажется, что он не выплатил ему какие-то долги.

— Нет, — наконец произношу я, — у тебя не было выбора, и король в любом случае

нашел бы меня. Я просто не считаю это правильным.

Он молчит, но почему-то мне кажется, что Эйдан все же согласен со мной. Я замечаю это по тому, как задумчиво устремляются вдаль его глаза и как они вспыхивают каким-то странным чувством... сожалением? Смятением? Мне хотелось бы читать его так же просто, как ему удастся читать меня.

— Ты же знаешь, что нам больше официально нельзя видеться, — вздыхает он, прочистив горло.

Вместо ответа я тянусь наверх и легонько касаюсь его губ в качестве обещания, что обязательно еще вернусь.

— Знаешь, — тихо смеется Эйдан, — в тебе столько огня, что могли бы позавидовать все члены Элитного отряда.

— Должно же у меня быть хоть что-то, — дразню я, намекая на их хваленую честь, храбрость и силу.

Под его пристальным взглядом я сжимаю рубиновое колечко в руке и чувствую, как Эйдан сильнее притягивает меня к себе. В его крепких руках я в безопасности. Когда-то мне сказали, что нет никого более опасного, чем капитан Элитного отряда, а теперь он рядом со мной, и я чувствую себя защищенной ото всех напастей кроме одной — самой главной, перед которой не смог устоять даже мой капитан.

— Ты дрожишь, — резюмирует он, сжимая меня в объятиях.

— Тут холодно, — лгу я.

Эйдан тихо смеется:

— И ты все еще пытаешься обманывать меня. Твоя смелость граничит с безрассудством.

— Ну, попытаться-то стоило.

Он вдыхает запах моих волос.

— Я никому больше не позволю причинить тебе боль. И лучше буду гнить до конца своих дней в темнице, чем сделаю это сам.

— Только ты и можешь это сделать, — тихо произношу я.

Я больше не пытаюсь взять с него никаких обещаний — мы оба понимаем, что это бессмысленно. Преданность Эйдана сейчас рассеянна и распределена поровну. Я никогда не смогу соревноваться с королем или его братьями, да мне и не надо. Все, что мне сейчас необходимо — это чтобы он был рядом, когда будет мне нужен.

Взамен я пообещаю кое-что ему. Взамен я тоже сохраню его сердце так, как не удалось ни королю, ни Оракул. Со мной ему больше не придется бояться боли. Я сама уничтожу всю его боль.

Глава двадцать пятая

Эланис

— Как вы думаете, мы когда-нибудь сможем жить нормально?

— Нормальной жизни не существует, — ответил Мэтт. — Есть просто жизнь.

Грэм Джойс. Скоро будет буря

Когда я была маленькой, мне часто снился один и тот же сон. Я находилась в чаще леса, а посреди него заманчиво темнело озеро. Почему-то каждый раз у меня было чувство, что если я останусь стоять на месте, то моя жизнь немедленно оборвется. Я подходила ближе, и, неизменно, рябь озера заманчиво подрагивала, предлагая мне окунуться, войти в нее целиком. Я дотрагивалась до озера кончиками пальцев, и, неожиданно, отражение в озере менялось. В этот момент меня начинали звать мама и папа, но я не могла отвести взгляда от лица, святящегося в мерных бликах. В безупречной темной глади отражалась я, только лет на десять старше — у меня были острые черты лица, рыжие, вьющиеся волосы и красные, налитые кровью глаза. Это было лицо убийцы. И оно смотрело прямо на меня.

В этот момент я всегда просыпалась, заходясь громким криком. Я никогда не думала, что смогу даже обдумать такую возможность — убить другого человека. После всего, что произошло...я все еще не хотела убивать короля. Мне было страшно от мысли, в кого это может меня превратить — в холодное, бесчувственное лицо с налитыми кровью глазами. Не знаю, готова ли я пожертвовать своим рассудком ради миссии Ордена.

— Не бойся, — подмигнув, ободряюще проговорила Нора, помогая мне выбраться утром из постели, из которой, видит Бог, выбраться мне не хотелось, — ты все сможешь, храбрая, огненная девочка.

Я знала, что, несмотря на это, Норе страшно — судить об этом можно было хотя бы по ее нежному тону. Ее руки тряслись, когда она заплетала мне косу, а взгляд старательно избегал мой. Она понимала, что я могу не вернуться...что мы все можем не вернуться.

— Нора?

Ее испещренное морщинами лицо озабоченно обратилось ко мне. Никогда еще она не смотрела на меня так ласково — без грамма упрека, насмешки или издевки. И, скорее всего, для меня это плохой знак.

— Да, милая?

— Спасибо тебе за все. Ты была рядом со мной с самого первого дня, и у меня еще ни разу не выдалось возможности отблагодарить тебя.

— И буду еще много других дней, — слабо улыбнулась она, — если доживу, конечно.

— Как бы ни сложились обстоятельства...знай, что я тебе очень благодарна и ты стала дорога мне. Надеюсь, что вы с Евой доберетесь в безопасное место и начнете новую жизнь вместе с малышами.

— Побойся Бога, милочка, ты уже говоришь так, как будто тебя завтра похоронят, — вновь вернулась ворчливая Нора, — побереги свои косточки, рано тебе еще гробик выбирать.

Я засмеялась, но смех показался каким-то искусственным, вынужденным. Нора завершила мою прическу, и сказала отправляться в Тренировочный зал, но перед выходом я подошла к окну, чтобы в последний раз полюбоваться на Лакнес.

Когда я думаю о своем регионе, то на ум мне сразу приходят родители. Я вижу улыбку мамы в утренних лучах солнца и слышу смех отца в голубизне неба. Но сам по себе Лакнес

занимает особенное место в моей душе. У меня щемит сердце от чаек, с криком пролетающих над портовыми кораблями, от зазывного воя вновь очнувшихся от зимнего сна торговок, от всего того, что я когда-то по праву считала своим миром. Я никогда не думала, что у меня отберут все это так скоро. Возможно, все дело в том, что моя вселенная и так рушилась, и только принеся все это в жертву, я могла ее спасти.

— Не грусти слишком сильно по траве и солнцу, детка, — печально проговорила Нора за моей спиной, — грусти по людям, живущем здесь. Особенно по тем, кто живет во тьме.

Я не могла сказать Норе, что, скорее всего, я тоже жила во тьме — в той самой, от которой она старательно пыталась меня уберечь. Я боролась за правое дело, но методы, выбранные для достижения цели, пугали меня.

Впервые со дня соревнований я снова встретилась с Оракул. Все последнее время она проводила в неизвестном месте — скорее всего, за таинственной стеной, где исчезали Искупители. Сегодня она стояла посреди главного зала и строго оглядывала всех, кто опаздывал на утренние тренировки. Когда я вошла, взгляд холодных голубых глаз задержался на мне, и она едва заметным кивком указала на мое место в строю. Теперь мне странно было вспоминать в этой холодной, жестокой женщине милую, мудрую помощницу, которая готова была провести меня сквозь дебри кошмара, которым мне представлялось Искупительство. Оракул научила меня, что все не то, чем кажется.

Эйдан стоит во главе отряда, и, когда я прохожу мимо, наши взгляды пересекаются. Я различаю в его глазах скрытую ото всех улыбку, напоминание мне о том, что он хранит каждое мгновение, проведенное вместе.

Это сейчас для меня ценнее всех сокровищ.

Замыкают ряд два малыша с перепуганными лицами — Алвена и Генри. Мальчик храбрится и заносчиво задирает нос, но я знаю, что на самом деле он дрожит от страха. Алвена растерянно оглядывается по сторонам, как будто все еще ждет, что откуда-то выпрыгнет ее потерянная мама. Я думаю лишь о том, что скоро они будут в безопасности, и посылаю им ободряющую улыбку. Все получится. Обязательно получится.

Я встаю в ряд между Скилар и Давиной, которые с независимым видом взглядом изучают Оракул, и сердце мое сжимается от страха. Я боюсь потерять и их тоже.

— Эй, крошка, да на тебе лица нет, — хмыкает Скилар мне в ухо, — ты похожа на живой трупик, а это тебе не идет.

— Сам бы... — многозначительно говорю я, кивая на нас с Давиной.

Он закатывает глаза, давая понять, что при желании он смог бы и не такое.

— Тоже мне, нашла, чем хвалиться, — ухмыляется Скилар, поигрывая бровями и намекая, что больше чесать языками по этому поводу не стоит.

Оракул сурово обводит нас глазами и скидывает капюшон с голой головы.

— В последнее время я была занята, но это не значит, что тренировки остановились, — ледяным тоном произносит она и грозно разделяет нас на категории.

Нас всех отсылают в разные секции. Я, Скилар, Эйдан и еще несколько Искупителей отправляемся в Боевую комнату, чему я не могла бы быть рада больше. Никогда не думала, что скажу такое, но мысль о том, чтобы присесть с рапирами в каждой руке, вызвала во мне дикий восторг. Когда я бегаю, или приседаю, или делаю отчаянные выпады в попытке победить очередного соперника, я меняюсь. Голова становится легкой, и я уже не думаю о том, чем закончится сегодняшний день. Сейчас есть просто я и то, что происходит со мной в этот момент.

На самом деле, присутствие Эйдана делало мою тренировку проблематичной, потому что мне не удавалось сконцентрироваться ни на чем, кроме его сильной спины, обтянутой черной футболкой, мелькающей по залу в грациозном сражении со смельчаком, который осмелился бросить ему вызов. Я узнаю в его сопернике одного из членов Элитного отряда, которые отвечивали шуточки, когда мы с Эйданом впервые тренировались.

Эйдан перехватывает мой взгляд и отвлекается, позволяя Джошуа метко ткнуть его мечом прямо в живот.

— Ты был бы уже мертв, брат, — слышу я его самодовольное замечание, но могу разглядеть лишь улыбку Эйдана, обращенную мне.

Я изо всех сил сжимаю мамино колечко. Я еще обязательно увижу его и дотронусь рукой до его щеки, и, уж конечно, непременно поцелую его снова. У нас все еще впереди. Я не потеряю его так, как потеряла своих родителей.

— Эй, красотка! — воет Скилар, вырастая передо мной и активно махая руками, — куда ты там все время пялишься, что мешаешь людям активно надирать тебе задницу?

Никак не могу понять — это Скилар специально делает вид, будто ничего не намечается, или же это его защитная реакция против того, что может случиться. Я помню, как хорошо он притворялся и раньше, когда, словно ни в чем не бывало, подкалывал меня и крутил пальцем у виска в ответ на мои многочисленные догадки, а сам при этом был в Ордене Солнца. Скилар чертовски умен и это позволяет ему выжить, в то время, как остальные, скорее, до чертиков напуганы и боятся сделать хоть шаг в сторону от главной миссии.

— Никуда я не пялюсь, — бормочу я, не переставая пялиться на Эйдана.

— Прием, хватит пожирать глазами нашего капитана и пойдем я покажу тебе, где раки зимуют.

Я смеюсь, и мы вместе отправляемся сражаться на шпагах, как два самых безрассудных, и, вероятно, самых забавных воина. Когда Скилар выигрывает меня в очередной раз с громким победным кличем, я замечаю Давину посреди зала. Она смотрит на Эйдана, который продолжает сражаться с Джошуа — теперь уже у обоих повязки на глазах — и выглядит полностью поглощенным процессом. Через несколько секунд она отворачивается, и я слишком хорошо различаю боль в ее глазах. Я видела то же самое отражение в своем зеркале каждое утро, что встречала во дворце.

— Что, ваша маленькая драма так и не кончилась? — хмыкает Скилар, проследив за моим взглядом.

Я красноречиво смотрю на него, намекая, что кончится она скоро, и, вероятнее всего, смертью одного из участников. Скилар пожимает плечами и в отрицании качает головой, как бы говоря: "Крошка, чтобы вас убить — нужно вас достать. Не такая уж и хитрая формула, правда? Даже для тебя сойдет".

Я согласно киваю головой, а затем произношу:

— Пойду потренируюсь в магии. Увидимся.

Скилар сглатывает и выпрямляется в полный рост. Для нас обоих это было сигналом, что я отправляюсь к Доку. Скоро там ко мне присоединится Давина и Адриан, которым я обрисую наш план. Сегодня вечером состоится Совет, на котором обличат злодеяния Тристана, после чего мы все сядем на корабль, которым управляет друг Дока, и уплывем далеко отсюда. Вечером этого же дня мы просветим Хранителя с помощью Адриана, ворвемся в таинственную комнату, украдем Стигму и заберем ее с собой.

И со мной, черт возьми, будет Эйдан.

Как по мне, звучит очень просто, гладко и разумно, но, если я что-то и поняла о своей жизни, так это то, что у меня никогда и ничего не бывает гладко, просто и уж тем более разумно.

— Как самочувствие? — ухмыляется Док, выпуская в воздух струйку дыма, когда я появляюсь на пороге.

— Лучше всех, — заявляю я, усаживаясь перед ним на стул.

Док стряхивает немного мяты со своей палочки, исчезает в глубине операционной и возвращается с целой кипой различных чертежей, выписок и бумаг. Я огромными глазами смотрю на них и искренне надеюсь, что он не заставит меня разбирать все это перед вечером. Док перехватывает мой взгляд и, усмехаясь, выуживает одну из бумаг.

— Начинать изучать, — бесстрастно произносит он, протягивая мне ее.

Я беру в руки пожелтевший от времени пергамент и начинаю внимательно разглядывать его. Это чертеж, на котором детально изображена комната — со всех сторон она огорожена стенами, в ней нет ни дверей, ни окон. Внутри достаточно просторно — хватило бы на небольшой зал для гостей. Я внимательно изучаю, нет ли здесь поворотов или углов, за которыми можно притаиться, но комната явно не была создана с целью засады. Она была спроектирована таким образом, что хранить тайны, но хранить их на виду.

Дверь в комнату Дока тихо открывается, и к нам проскальзывают Давина и Адриан. Давина выглядит лишь немного обеспокоенной, а вот Адриан, кажется, на взводе. Он опасливо обводит глазами операционную, как будто никогда раньше здесь не был, и вздрагивает, упираясь в меня взглядом.

— А чего его высочество такой бледный? — хмыкает Док.

— Я перепугала его рассказами об ужасах, которые ты здесь творишь с солдатами, — немного натянуто смеется Давина.

Адриан неудовлетворенно смотрит на них, и снова переводит взгляд на меня.

— Давина лишь вкратце осветила меня в план. Сразу хочу сказать, что мне все это не нравится.

Давина складывает на груди руки с нарастающим напряжением.

— Ты сказал, что согласен, — произносит она, сузив глаза.

— Эй, не надо на меня так смотреть! — воротит нос Адриан, — но если нас поймают, то всех обвинят в государственной измене.

— Не поймают, — мягко произношу я, — все будет хорошо. В крайнем случае ты прикинешься, будто пытался схватить нас.

Адриан совершенно не выглядит убежденным, но все же согласно кивает. Мы не стали рассказывать ему о Совете, на котором свергнут его отца, порешив, что будет лучше, если Адриан не будет в курсе. В конце концов, он так или иначе по праву займет престол, поэтому его участие в заговоре неуместно — не считая того, что он может заупрямиться и отказаться подставлять отца. Для нас всех будет куда безопаснее, если принц приложит руку только к той части плана, которая точно пойдет на благо Лакнеса.

Док переводит взгляд с Адриана на Давину и приподнимает бровь:

— Ну, если мы разобрались, то приступим, — он забирает у меня чертеж и раскладывает его на полу.

Мы усаживаемся возле Дока и осторожно разглаживаем бумагу по краям.

— Это комната, в которую вам необходимо попасть, — объясняет Док, — она

открывается, когда лампы вокруг каждой из стен наполняются маслом до краев. Вам нужно будет наполнить три лампы и дверь откроется. Это — внутренняя проектировка комнаты. Раньше там были установлены ловушки, но если король прячет там Стигму, охрану и своего алхимика, то их уже можно не бояться. Как видите — ничего необычного. Никаких потайных ходов и неожиданных поворотов. Внутри помещение самое простое. А это значит, что там много охраны. Это приводит нас ко второй части плана.

— Самой неудачной, на мой взгляд, — мрачно произносит Адриан.

— Это еще почему? — спрашиваю я.

Он театрально закатывает глаза:

— Меня восхищают ваши с Давиной способности, но подавить магию просвещения в Хранителе? Это невозможно.

— Вы просто никогда ничего подобного не видели, — фыркает Давина.

— Если у вас ничего не выйдет, нам придется убить парня, — с упреком замечает Адриан.

Я понимаю, что пора брать все в свои руки и осторожно дотрагиваюсь до плеча принца.

— Ваше высочество, поверьте, вам не о чем беспокоиться. В случае неудачи мы возьмем всю вину на себя.

— И вообще, — ухмыляется Давина, — я не знала, что вы такой трус.

Это задевает Адриана за живое. Он резко оборачивается к ней, и его глаза сверкают праведным гневом:

— Трус? Да за кого ты меня принимаешь? — он сгребает чертеж в охапку, — давай сюда. Я все изучу, и мы прорвемся туда без приключений.

Через два часа споров о том, как лучше выбрать Хранителя и не стоит ли нам с Давиной потренироваться, мы заседаем в катакомбах возле входа в Солнечный город. Его всегда охраняют двое стражников, и сейчас они спокойно держат свою вахту.

— Помни, — напоследок шепчет мне на ухо Давина, — почувствуй, как наши силы соприкасаются и направь их в него, выискивая темноту магии в его душе.

Как по мне, ее слова не имели ни малейшего смысла, но я уверенно кивнула. Адриан издает смешок за моей спиной, и я припечатываю его взглядом к холодному камню стены.

— Молчу, — усмехается он, приподнимая руки, — ну что, начинаем спектакль?

Мы с Давиной переглядываемся, и я различаю сомнение в ее глазах, но в следующую секунду она кивает. Мы обе понимаем, что не можем допустить ошибку — нельзя провалить миссию еще до начала Совета.

Я выглядываю из нашего укрытия и кидаю взгляд на часы, тикающие над головой Хранителей. Сейчас ровно пять часов. У нас есть два часа на то, чтобы выполнить нашу миссию и вернуться в Солнечный город перед тем, как остатки Ордена представят магию Искупителей на Совете и Док объявит срочную эвакуацию.

— Пора, — шепчу я, и Адриан выходит из нашего укрытия.

Он приближается к одному из Хранителей с заранее заготовленной фразой о том, что его вызывает король. Мужчина в желтой униформе неуверенно смотрит на принца и недолго с ним о чем-то спорит перед тем, как спуститься вниз и завернуть за угол, чтобы направиться к выходу из катакомб.

Мы с Давиной вырастаем перед ним во весь рост, и Давина бьет его кулаком в лицо. Он издает тихий вскрик и валится вперед, а я связываю его руки за спиной, и вскоре мы обе уже сидим перед ним на коленях. Он стонет и смотрит на нас затуманенным взглядом, стараясь

что-то произнести.

Осторожные языки пламени вырываются из меня, и я чувствую, как к ним присоединяется нечто, напоминающее мне лозы. Они тянутся к огню и переплетаются с всполохами моей силы, а затем мгновенно устремляются к Хранителю. Его глаза расширяются, и он начинает быстро дышать, когда поток нашей силы вливается ему в грудь. Внутри мужчины я натываюсь на странную темную массу, которая кусает мое пламя, недовольно устраиваясь среди серебристых всполохов души просвещенного.

— Давай, это оно, — рычит Давина, и ее лозы устремляются вперед, обволакивая черную массу.

Я делаю над собой усилие и огонь рвется следом, и вместе мы обхватываем темный сгусток, пока он, кряхтя, не сжимается до крошечных размеров, практически исчезая среди цветущего буйства Давины и моего разгорающегося пламени.

Адриан вырастает за нашими спинами и направляет на Хранителя руку, глядя на него широко распахнутыми глазами, в которых плещется удовольствие. Хранитель задыхается собственным криком и расплывается в улыбке, склоняя перед ним голову:

— Приказывай, господин.

Я отпускаю свою силу и прислоняюсь головой к стене, тяжело дыша. Из носа у меня струится кровь, и я со стоном утираю ее рукой.

— Какое блаженство, — произносит Адриан, хрустя шеей.

— Не привыкайте, ваше высочество, — приподнимает брови Давина. По сравнению со мной она кажется совершенно здоровой.

— Масло у меня с собой, — игнорируя ее, произносит Адриан, покачивая перед нами небольшой флягой. — Самое время отправляться. Эланис, ты в порядке?

Я с трудом киваю и медленно встаю, придерживаясь рукой за стену. Голова у меня гудит, как будто меня хорошенько ударили ею об стол, но я не позволяю себе отвлекаться на боль. Меня куда больше волнует мое пламя. Я чувствую, как моя сила неуверенно зажалась в моем сердце и с трудом откашливается огнем.

— Ты истощена, — произносит Давина, окидывая меня взглядом.

— Я справлюсь, — вздыхаю я.

Адриан с сомнением смотрит на нас, а затем переводит взгляд на Хранителя и приказывает ему громким голосом:

— Ты пойдешь за мной и будешь охранять нас от любых невзгод, которые встретятся на нашем пути.

Тот кидается к нему и принимается целовать полы его светлого плаща.

— Умереть за тебя — честь, мой господин.

Мы начинаем продвигаться вниз по катакомбам, петляем среди запутанных каменных коридоров, и вскоре достигаем крутой лестницы. Мы поднимаемся по ней и останавливаемся перед тем, что ранее показалось мне тупиком.

— Здесь Давина нас оставит, — заявляю я, бросая на нее многозначительный взгляд.

Давине в нерешительности смотрит на меня, и Адриан хмурится:

— С чего бы это вдруг?

— У нее сейчас есть дела поважнее, — продолжаю я, чем зарабатываю очередной подозрительный взгляд со стороны Адриана.

— Важнее, чем украсть сама знаешь что?

Я киваю, и, вопреки неудовольствию принца, Давина сжимает мою руку, желает нам

удачи и разворачивается, чтобы уйти. Я прекрасно осознаю, что ушла она потому, что сама так захотела, а не из-за моей просьбы. Но, в конце концов, разве я могу винить ее в том, что судьба Ордена Солнца для нее важнее, чем наша с Адрианом? К тому же, если что-то пойдет не так, я буду знать, что об Эйдане позаботятся.

Как и сказал Док, Адриан подходит к лампам и по очереди наполняет их до краев. Когда все лампы оказываются наполнены, он становится возле меня и выжидающе приподнимает брови.

— Нууу, — протягивает принц, — и что теперь?

Словно в ответ на его слова, стена, которая показалась ему подозрительной при первом осмотре шелкает, и начинает медленно приподниматься. Она останавливается в нескольких дюймах от потолка, и на нас уставляется шесть пар изумленных глаз.

Мы с Адрианом первыми врываемся в комнату и натываемся на четверых Хранителей, которые с криком бросаются в нашу сторону. Они заносят мечи над нашими головами, но мы, уклоняясь, ударяем двоих из них кинжалами в живот, и продвигаемся дальше. Просвещенный нами Хранитель справляется с одним из своих сослуживцев, а Адриан без особого труда перерезает горло последнего Хранителя, который из-за магии короля не мог причинить принцу вред.

Оракул стоит посреди скудно обставленной комнаты и в ужасе смотрит на нас. Слева от нее на небольшом столе аккуратно сложены медицинские инструменты, а справа в золотом плаще стоит девушка лет семнадцати, за спиной которой что-то светится. Возле себя я замечаю торчащую из стены цепь, заканчивающуюся кандалами, и перевожу взгляд на ноги девушки. Они покрыты синяками.

Адриан бросается вперед, разворачивает в ярости отбивающуюся Оракул и прижимает ее к себе, схватив одной рукой за горло. Она вырывается, но он в два раза сильнее ее и на десять сантиметров выше.

— Что вы делаете?! — хрипит она через силу, — предатели! Охрана!

Хранитель Адриана вырастает перед ней и хмурит брови. Позади перепуганной девушки на маленьком столе, застеленном бордовой дорогой тканью, я замечаю странного вида стеклянную сферу, переливающуюся мягким золотым сиянием внутри.

— Стигма, — шепчет Адриан.

В ответ на его слова девушка кидается в угол, глядя на меня огромными голубыми глазами, расширившимися от ужаса.

— Не подходи! — кричит она, выставив руки вперед.

Я шагаю ближе, силясь понять, почему она кажется мне такой смутно знакомой. Эти темные волосы выглядят так неуместно, оттеняя огромные глаза, напоминающие два кристально чистых озера.

Я уже смотрела в эти глаза — и сулили мне они только боль.

— Ты... — мой голос срывается, — тебя зовут Корал?

Черт возьми, этого не может быть. Поверить не могу, что старая ведьма скрывала свою младшую дочь, пряча ее в катакомбах дворца, чтобы она потворствовала ее мерзким делишкам.

Глаза девушки округляются, и она подозрительно обводит меня глазами.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Что ты здесь делаешь? — напряженно спрашиваю я, игнорируя ее вопрос.

— Эланис, сейчас как бы не время, — кричит Адриан, сдерживая Оракул.

О нет, он не прав. От нас столько всего скрывали, что я лучше отдам правую руку, чем сдвинусь хоть с места прежде, чем мы разберемся в том, что же здесь, черт возьми, происходит.

Я не собиралась отступать от плана, но если у меня есть шанс забрать сестру Эйдана с собой, то я им воспользуюсь. Я хмуро смотрю на дергающуюся в руках Адриана Оракул, стараясь избегать ее острого, холодного взгляда, который вонзится мне в мозг при любой возможности. Мы и так, судя по всему, оставляем ее.

Корал неуверенно переводит взгляд с меня на свою мать, а затем смело рявкает:

— Отпусти ее.

— Расскажи мне, что ты здесь делаешь, — настаиваю я.

— Сначала отпусти ее.

— Правила здесь устанавливаю я.

Корал мнется, затем откидывает золотой капюшон и раздраженно смотрит на меня.

— Я — алхимик короля. С помощью Стигмы я помогаю ему закупоривать силу Искупительниц для дальнейшего использования.

— Зачем тебе это?

— Не твое... — она сталкивается со мной взглядом и мрачно вздыхает: — я - не Искупительница, а значит, у меня нет прав находиться при дворе. Мама не хотела разделять своих детей, поэтому, когда я родилась, отдала меня алхимикам. Они научили меня всему, что я знаю.

— И тебе известно об Эйдане? — недоуменно уточняю я.

— Конечно, известно, — презрительно кривится она, — он мой брат и я всегда присматривала за ним.

— Откуда у короля Стигма?

Корал смотрит на свою мать, затем вздыхает и нехотя говорит:

— Мой отец был алхимиком. Наш род хранил древние знания и передавал их из поколения в поколение. Вместе со Стигмой. Предполагалось, что мы будем хранить ее ото всех, но мама решила привезти ее в Лакнес, где правил король, озабоченный собственной безопасностью. Она выбила себе и нам отличное место при дворе, пожертвовав честолюбивыми желаниями о власти и деньгах, которые пришли бы в голову таким примитивным людишкам, как ты.

Ну и семейка — прямо джекпот выбили! Отец из древнего рода алхимиков, а мать — из древнего рода Искупителей. Почему-то я совершенно не удивлена тому, что Оракул врала о том, каким образом ее обнаружили. А еще я очень сомневаюсь, что кому-то вроде Оракул не пришла в голову подкупающая мысль о власти и положении — с такой силой она могла бы управлять Лакнесом, а не прислуживать в нем. Она обожает все контролировать. Уверена, она нашептывала королю о том, что нужно отправиться покорять Ламантру, чтобы в случае чего вся ответственность пала на него, а она спокойно исчезла где-то за горизонтом в поиске других дурачков.

— Не говори ей ничего, — рявкнула Оракул, но Адриан лишь сильнее прижал ее к себе.

— Отдай мне Стигму, — приказала я, протянув вперед руку.

Корал испуганно сжалась, схватившись за сферу.

— Я не могу...

— Послушай, я все равно заберу ее — так или иначе. Но тебе больше не нужно быть здесь, выполняя чужие приказания и соответствуя чужим представлениям о том, как

поступить правильно. Ты же всегда знала, что тебя используют для того, чтобы забирать чужую силу — и едва ли для миролюбивых целей, не так ли? Ты же не глупа, Корал. Прими верное решение — решение, которое ты сама давно хотела принять.

В ее глазах мелькает неуверенность, но мать, стоящая напротив, не позволяет ей сделать ни шага.

— Откуда ты знаешь, какое решение я хотела принять? — рывкает она, напуская браваду.

— Пожалуйста, Корал, пойдем со мной. Я покажу тебе другую жизнь. Ты сможешь вернуться к своему брату. Ты снова сможешь стать свободной.

— Не слушай ее! — надрывается Оракул прежде, чем Адриан зажимает ей рот рукой, — она врунья! Тебя повесят за предательство! Или, того хуже — просветят!

Но я вижу, что слова о свободе сыграли для Корал решающую роль. Она мрачно смотрит на маму, затем поднимает на меня глаза и в них сверкает боевой дух. Если эти полгода перевернули все мое существо, сковали меня в цепи и заставили позабыть о том, что это вообще такое — быть свободной, то каково было Корал, которую с самого детства закрывали в комнатах дворца и заставляли делать то, что ей не нравилось? Каково было маленькой девочке, которую мать тоже наверняка обучала болью с жестокостью монстра? Девочке, которую отлучили от брата, чтобы тот принял смертельную миссию? Как Оракул, которая радела за будущее своих детей, согласилась на такую судьбу для них? О нет, она беспокоилась только за себя саму. Она отдала свою родную кровь на службу королю, чтобы тот проникся к ней доверием и исполнял все, что она скажет. Она просто уничтожила все, что ей дорого, ради власти.

Теперь эта женщина больше не вызывает во мне ужаса или трепета, или того восхищения, которое я испытала, впервые ее встретив. Я смотрю в ее жестокие голубые глаза, в ее скульптурное лицо и голую голову, которые больше не скрыты под черным капюшоном, но чувствую только презрение. Эта женщина ничего не достойна. Пусть останется здесь в полном одиночестве и ответит не только за то, что сделала с тысячью невинных Искупителей, но и с собственными детьми.

Корал берет переливающуюся золотом Стигму в руки, шагает вперед и протягивает ее мне.

— Нет! — заходится диким криком Оракул, — нет!

Ее глаза сияют сумасшедшим огнем, она вырывается и трясет головой, а подбородок ее заливают слюна:

— Нет!! Как ты можешь, глупая дура?! Ты предала все, чему тебя учили! Глупые алхимики не смогли вбить тебе в голову понятие преданности, но я смогу!

— Нет! — кричу я.

Оракул вырывается из рук Адриана, с силой толкая его назад, и рвется вперед, целясь когтистыми пальцами в свою дочь. Я заслоняю собой Корал и смотрю Оракул в глаза, выстраивая перед собой стену из усталых языков пламени. Оракул издает дикий вопль, и моя стена взрывается, отлетая в меня, кусая голову моим же собственным огнем. Я кричу, когда мой мозг взрывается, и падаю на землю, корчась от невыносимой боли, но, внезапно, все заканчивается. Не в силах поверить своему счастью, я осторожно поднимаю голову, и вижу безжизненно распростертое на земле тело Оракул. Над ней возвышается Хранитель. У него в руках меч, с которого мерно капает кровь. Адриан стоит позади и его глаза темнеют от ужаса.

Корал кричит и, огибая меня, подбегает к матери и падает рядом с ней на колени. Она накрывает ее тело своим и прислоняется к ее лбу губами.

— Мамочка, — шепчет она, — пожалуйста, пожалуйста, очнись. Прости меня, мама...

— Она держала тебя здесь на цепи, — выплевывает Адриан, проходя мимо.

Корал вздергивает голову и шипит на него.

— Иди своей дорогой, принц. Ты сам хранишь в глубине себя тьму, о которой тебе лучше не заикаться.

— Во мне нет тьмы, — рычит в ответ Адриан.

— Адриан... — слабо произношу я, подзывая его к себе.

Он помогает мне подняться, и я несколько секунд стою, пытаюсь прийти в себя. Почему-то один только взгляд на неподвижное тело Оракул вызывает у меня тошноту. Я трясую головой, отгоняя от себя дурные мысли и успокаивая тем, что она убила бы меня.

— Я угодил вам, господин? — озабоченно встречает Хранитель.

Адриан кивает ему и произносит:

— Спасибо за твою службу, храбрец.

На негнущихся ногах я подхожу к Стигме, поднимаю ее с пола и вручаю ему:

— Иди обратно в Солнечный город и спрячь ее под плащом. Я буду через несколько минут. Мне надо забрать Корал. Возьми с собой Хранителя.

Мой голос звучит странно, а предложения выходят отрывистыми, как будто кто-то обрезал их с двух сторон. Раньше я сталкивалась со смертью только в теории, а теперь передо мной лежит то, что когда-то было человеком. Не знаю, куда все отправляются после, но сомневаюсь, что Оракул заслужила себе местечко под солнцем в раю.

Надо взять себя в руки.

Адриан кивает и неуверенно смотрит на девушку, которая мучительно рыдает над телом матери.

— Ладно. Будь осторожна, хорошо? Хранители придут с минуты на минуту, а мы даже не знаем, как прошли дела на Совете. Не задерживайся здесь и беги так быстро, как сможешь.

Я наблюдаю за тем, как он исчезает в тени коридора, и подхожу к Корал, стараясь оторвать ее от Оракул. Она качает головой и захлебывается слезами, отталкивая мои руки.

— Послушай меня, — тихо и твердо говорю я, сжав ее подбородок руками и заставив посмотреть на меня, — ты должна быть сильной, слышишь? Ты нужна своему брату.

Корал поднимает на меня помутненный взгляд, и я начинаю тянуть ее за собой. Мы должны уходить, а я ни за что не оставлю здесь сестру Эйдана. Я не хочу даже думать о том, что мы уже и так оставляем здесь тело его матери... в смерти которой виновата я.

Неожиданно, она вскрикивает и округлившимися глазами смотрит мне куда-то за спину.

— Какого черта? — бормочет она.

Я оборачиваюсь на долю секунды прежде, чем что-то тяжелое опускается мне на голову, оглушая меня резким ударом. Перед глазами все темнеет, но я успеваю заметить знакомое лицо, маячащее в проеме стены. Сначала меня одолевает недоумение, но через секунду оно перечеркивается другой мыслью. Как только я приехала, на одном из уроков политики, Оракул рассказала нам, что любое действие на королевской сцене — результат тщательно выверенных планов, стратегий и совокупностей тактик. Этот человек всегда был в тени, никогда не требовал награды или признания. Я должна была догадаться, что в мире королей

ничего не бывает "просто так". Никто не бывает настолько добрым и бескорыстным. Но, к сожалению, как и многие другие истины, эта дошла до меня слишком поздно.

Глава двадцать шестая

Селеста

... Ты любишь вовсе не меня, а совсем другого человека и страдаешь оттого, что я никак не становлюсь на него похожим.

Братья Вайнеры. Завещание Колумба

Я сижу в зале Советов в смешанных чувствах. Возможно, потому, что в прошлый раз меня здесь прилюдно отчитали, поставили мое правительство под сомнение, а еще попытались навеки заточить в этом дворце, чтобы я никогда даже не задумалась об истинном значении слова "свобода".

И, самую малость потому, что последнюю неделю мне не давала покоя картинка, стоящая перед глазами: Габриэль и Эсмеральда в опасной близости друг от друга, тайно воркуют о чем-то в спальне моего будущего жениха.

И, можете ли подумать, но часы тикают, а их как нет, так и не было.

— Ваше величество, — опасно произносит Норман, — может, послать за его высочествами?

Я с гордостью оглядываю своих мать и отца. Между прочим, я — единственный их ребенок, который отнесся к Совету с должным уважением и не опоздал на него, как все остальные.

Ну ладно, это обычное позерство. Просто тут находится посол Стейси и буравит он меня весьма неприязненным взглядом. Конечно, он не станет поднимать уже закрытый вопрос о моей некомпетентности перед другими послами из Кравера и Бишопа, но мне же будет лучше, если он замолвит обо мне словечко перед своими государями.

В общем, кажется, будущее в Стейси меня все же подкупило. Правда, мой жених что-то не горит желанием видеть меня в качестве своей суженой, но я это проходила уже множество раз. Я была не самым желанным ребенком, не лучшей сестрой и партией для Габриэля была определенно неудачной. Я привыкла. Привыкнет и он.

Просто, может за своим напускным равнодушием я пытаюсь скрыть, что такая мелочь, как Габриэль и Эсми в одном кабинете, причинила мне боль. Я понимаю, что королевой она будет лучшей, чем я — она всегда во всем была лучшей, — но это же моя Эсми, и я никогда не стала бы винить ее за то, что она по праву заслужила все свои привилегии. Черт возьми, пока я скакала по полям, она занималась политикой и социальными нуждами жителей, так что негоже мне теперь воротить нос и удивляться, почему ее любят больше, чем меня.

Послы нетерпеливо барабанят пальцами по столу. Невысокая, стройная женщина в плаще, чьи запястья увешаны тысячью украшений — посол из Кравера — раздраженно произносит:

— Ваша светлость, это уже просто непозволительно.

Герб Кравера — дельфин, что заставляет меня непочтительно захихикать, ведь у них и выхода к морю-то нет. Кравер знаменит своими горными реками и лютым холодом, а вовсе не песчаными пляжами, бухтами и морской гладью, как, например, Бишоп или Лакнес. Но, судя по всему, они яро стремятся отбить себе немного острова, а дельфин намекает на дружелюбные меры, которые они для этого применяют. Как по мне, все это более, чем забавно, и моему братцу стоит бежать куда-нибудь за пределы Ламантры, если такие, конечно, существуют.

— Тысяча извинений, — кланяется мой отец с заискивающей улыбкой, занимая главное место за столом, — они будут сию же секунду.

Дверь в зал открывается, но вместо Эсмеральды, Габриэля или хотя бы Адриана, к нам прорывается Луиза. Мамины глаза округляются, и она выпрямляется, слегка улыбаясь, стараясь скрасить ситуацию:

— Прошу прощения, господа. Луиза, — как можно спокойнее произносит мама, — какие-то неприятности? Это зал Советов, дорогая.

Луиза кивает и, пригибаясь почти до пола, мелкими шажками семенит ко мне. Остановившись возле меня, она опасливо оглядывается по сторонам.

— Лу, какого черта? — шиплю я.

Посол из Стейси хмыкает, глядя на меня, и я подавляю желание подарить ему убийственный взгляд в ответ.

— Вас вызывает ее высочество принцесса Эсмеральда в свои покои, — бегло бормочет она.

Я недоуменно пялюсь на нее в ответ.

— Сейчас? Какого черта она делает в своих покоях?

— Простите, мне больше ничего неизвестно...она лишь попросила срочно вызвать вас.

— Как я уйду? — рычу я, — мы и так задерживаемся.

Если я сейчас увижу Эсмеральду, то точно закачу ей самый грандиозный скандал в ее жизни. В самом деле, какого черта? Она прекрасно осведомлена, что меня сейчас во дворце не жалуют, а посол из Стейси и так противно ухмыляется, глядя, как я снова позорюсь. Зачем же она меня компрометирует?

Но, если для меня что-то и имеет значение, так это семья. Эсмеральда знает, что я пойду за ней, куда угодно, но нехорошо этим пользоваться. С другой стороны, если сестра меня вызвала в такой момент, значит, у нее была на то причина.

Я встаю под убийственными взглядами отца, матери и посла Стейси. Уходить — так с музыкой.

— Господа, — произношу я с обворожительной улыбкой, которая противно стягивает мне губы, — я вынуждена удалиться на некоторое время. Обещаю вернуться, как только смогу, вместе с принцессой.

Отец смотрит на меня взглядом, который говорит: "Можешь не возвращаться, потому что ты уже труп", но при послахе он делает вид, что все в порядке. Женщина из Бишопа издает страдальческий стон, но мама все берет в свои руки и начинает что-то ворковать. Ох, Эми, надеюсь, это того стоит.

Я быстрым шагом покидаю зал Советов, а как только мы с Луизой оказываемся в коридоре, срываюсь на бег. Я пролетаю несколько лестниц и поднимаюсь на три этажа выше, где располагаются королевские спальни. Я толкаю одну из дверей и с порога заявляю:

— Черт бы тебя побрал, Эми! Я конечно, благодарна, что ты вытянула меня из этого цирка, но, в конце-то концов...

Я не успеваю договорить, потому что мои руки скрючивают за спиной и меня с силой толкают лицом вперед. Двери за моей спиной с шумом захлопываются. Я издаю крик и пытаюсь вырваться, но двое мужчин, которые меня держат, в несколько раз превосходят меня в размерах. И с каких это пор я стала такой рассеянной и беспечной? За последние несколько месяцев меня уже дважды превращали в жертву. Беспредел.

Эсмеральда сидит на своей огромной кровати в холодных тонах и безучастно смотрит

на меня. На ней сегодня не платье, а костюм цвета слоновой кости, который красиво прилегает к ее стройному телу и подчеркивает изумрудные глаза. Только почему-то у меня такое ощущение, будто передо мной сидит не моя сестра, а кто-то другой. Ее взгляд совсем не добрый и не сочувствующий, как обычно, а скорее злой и колющий.

— Эсмеральда, что происходит? — растерянно кричу я, отбиваясь от своих захватчиков.

Сестра делает им знак отпустить меня, и я раздраженно вырываюсь из рук двух Хранителей.

Секундочку...двух Хранителей?

Я недоуменно задерживаю взгляд на их желтой униформе — символе королевства — и медленно оборачиваюсь к Эсмеральде:

— С каких это пор ты им приказываешь?

Эсми смотрит на меня с непривычной холодностью, и указывает на место напротив ее кровати.

— Сядь.

Я невозмутимо скрещиваю руки на груди. Не хватало еще, чтобы мне приказывала моя собственная сестра.

— Ладно, — Эсмеральда пожимает плечами, — тогда, кажется, тебе придется наслаждаться представлением стоя.

— Каким еще представлением? О чем, черт возьми, ты говоришь?

Внезапно, за дверью начинают раздаваться крики. Я изумленно оборачиваюсь и стремглав кидаюсь к двери, но дорогу мне преграждают двое Хранителей. Я презрительно смотрю на них и рычу:

— Не трогать принцессу. Или вас просвещали не так?

— Их просвещали так, как выгодно мне.

Прекрасный ротик моей сестры способен издавать звуки, складывающиеся в слово "выгодно"? Она понятия не имеет о выгоде. Я сама никак понять не могла, как за годы, проведенные за обучением политике и экономике, она так и не разобралась в том, как переиграть все в ее пользу. Казалось, она даже не задумывалась никогда о том, что может поступать не так, как должно, а так, как хочется ей. Ведь все, что она делала, направлено на счастье Лакнеса, а значит, и на ее счастье. Или я не права?

Я слегка поворачиваюсь и смотрю на нее в упор.

— Раз ты им приказываешь — один черт знает как — прикажи им отпустить меня, иначе здесь начнется кровопролитие, видеть которое ты не захочешь.

Эсми продолжает буравить меня безучастным взглядом, не меняясь ни в лице, ни в идеально отточенной позе.

— Кровопролитие уже началось, но ты не станешь его частью. Пожалуйста, Селеста, сядь.

Глядя на нее с абсолютным недоумением я все же решаю, что лучше выслушать то, что она хочет сказать, а потом уже бросаться выяснять, что происходит за дверью. В конце концов, я всегда доверяла своей старшей сестре.

Я плюхаюсь в кресло и нетерпеливо подпрыгиваю на месте.

— Ну и что тут происходит?

— Демитрий, сделай так, чтобы никто не входил и не выходил, пока остальные мои подданные будут выполнять поручения, — скучающим голосом говорит она одному из Хранителей, делая ему жест рукой.

Замерев, я наблюдаю за тем, как Демитрий склоняется перед сестрой и выдает такое знакомое мне:

— Как вам угодно, моя госпожа.

Все внутри у меня переворачивается. Я вскакиваю с кресла и зажимаю рот рукой:

— Какого черта это только что было?

— Понравилось? — хвастливо облизнувшись, восторженно хлопает в ладошки Эсмеральда, — я сама все еще в восторге!

У меня так быстро стучит сердце, что, кажется, еще секунда и я умру прямо здесь.

— Они подчиняются только нашему отцу. Как ты это сделала? И почему на тебе этот костюм? Ты же ненавидишь костюмы!

— Я много чего ненавидела, потому что мне так говорили, — скривившись, произносит Эсми, — сядь и я все тебе объясню.

Я качаю головой, все еще не в состоянии прийти в себя, и она вздыхает:

— Всегда ты такой была. Взбалмошной, упрямой, безрассудной! Надо признать, это очень утомляет.

— Раньше у тебя с этим проблем не было, — рычу я, чувствуя, как у меня странно сжимается сердце. Моя сестра не такая. Она не говорит таким едким голосом и не смотрит так насмешливо, как будто обставила меня в неизвестно какой игре.

— Раньше... — усмехается она, — ты просто не замечала. Ты вообще мало чего замечаешь, Селеста. Ты постоянно пыталась сбежать, а поэтому отдалилась от всех — от меня, от Адриана, от мамы и отца. Знаешь, когда мне исполнилось двенадцать, я кое-что поняла. Тебе и Адриану я не нужна, потому что я слабее вас, медленнее вас и более послушная. Мама слишком занята попытками отгородиться от славы принцессы Бишопа, а отец...отца волнует только власть, которая дарует ему безопасность. Но я всегда буду нужна своему региону и людям, живущим в нем.

Я смотрю на нее с нарастающим чувством ужаса, какого не испытывала, наверное, еще никогда в своей жизни, и начинаю отчаянно мотать головой. Впервые я чувствую себя по-настоящему виноватой в чем-то — больше я не могу прикрываться жаждой свободы или строгими правилами.

— Ты моя сестра, — срывающимся голосом шепчу я, — и я всегда любила и всегда буду любить тебя. И мне все равно, слаба ты, сильна или не можешь сдвинуться с места.

Кажется, это на секунду пробирает ее, и она вскидывает голову в каком-то мучительном жесте, как будто на свободу вырвалась маленькая, испуганная двенадцатилетняя девочка, которая чувствовала себя такой одинокой, какой я никогда не была. Но в следующую минуту она снова превращается в незнакомую девушку, которая буравит меня ледяным взглядом.

— Ты понятия не имеешь о любви, — тихо рычит она, заставив меня болезненно вздрогнуть, — особенно о той любви, которую я всегда испытывала к своему народу. С двенадцати лет целью моего существования была корона Лакнеса, но разве могла я рассчитывать на нее? Неважно, как искусна я стану в политике, как сильно полюбят меня люди, как активно будут добиваться моей руки принцы всей Ламантры — отец никогда не допустит, чтобы его единственный сын отправился в чужой регион в качестве принца-консорта. И уж тем более он никогда не позволит женщине встать во главе Лакнеса, который он почему-то всегда считал своим, пусть и управлял им чертовски бездарно.

Мои руки беспомощно скользят в попытке ухватиться хоть за что-то, но, в итоге, беспомощно падают вдоль вытянутого от напряжения тела.

— Ты хотела... корону?

Эсмеральда презрительно ухмыляется:

— А чего ты думаешь я из шкуры вон лезла, чтобы всем угодить? Подсказывала отцу, что отправлять меня никуда нельзя, что здесь я полезна? Думаешь, я — самый глупый ребенок Лакнесов, которому нравится, что ею все пользуются?

Я смотрю на нее, чувствуя, как у меня волосы встают дыбом. Эсмеральда... Я жила с ней бок о бок с самого рождения, я видела, как она выросла, как влюблялась, как разочаровывалась и ошибалась. Я наблюдала за тем, как она становится истинной принцессой, принимает долг, который казался мне слишком тягостным. А все это оказывается лишь притворством — погоней за честолюбивыми желаниями и властью — всем тем, что сгубило моего отца. Как могла Эсми последовать по стопам человека, на которого мы поклялись, что никогда не станем похожи?

— Я вижу, что ты думаешь, — рывкает она, — и сейчас же прекрати. Я ни капельки не похожа на него. Начнем с того, что я в десять раз умнее и закончим тем, что меня действительно волнует кто-то, кроме себя. Именно поэтому ты все еще сидишь здесь.

— Отец убил своих братьев ради власти, — севшим голосом произношу я.

— Да — и он глупец. Его братья были умнее его. Впрочем, у него не было силы, которой обладаю я, — она поднимает глаза и начинает тихо смеяться, и от этого так напоминает прежнюю себя, что у меня перехватывает дыхание, — не бойся. Я не собираюсь убивать тебя.

— Я не боюсь, — твердо говорю я, — ты же знаешь, смерть — еще одна авантюра, на которую я всегда готова была подписаться. Меня пугает совсем не это. Меня пугает тот человек, которым ты стала.

— И кем же, по твоему мнению, я стала?

— Ты жестокая. Фанатичная. И, наверное, у тебя совсем крыша поехала, — мой голос срывается, но я делаю быстрый вдох и добавляю беспечным голосом, как будто Эсми меня разыгрывает, и я прекрасно об этом знаю: — И что же, ты все это время обманывала всех нас?

На самом деле меня больше интересовало другое: как Эсмеральда могла обмануть меня?

— Ровно настолько, насколько ты могла бы назвать это обманом, — махнув рукой, произносит она, — во мне столько любви, сколько я всегда проявляла. Просто, возможно, я чуть менее бескорыстна и чуть более упряма, чем ты думала. А еще я чертовски умна. Я же сказала, Селеста. Ты просто никогда ничего не замечала. Но, судя по всему, если ты уже сейчас считаешь меня монстром, то все остальные открытия еще впереди.

Она протягивает руку за чем-то, что находится позади нее и достает стеклянную сферу, переливающуюся золотом. Я недоуменно разглядываю это странное сооружение, которое не похоже ни на что, виденное мною раньше. Меня завораживает то, как волшебным светятся всполохи чистейшего золота, скрытого хрустальной оболочкой. Я поднимаю глаза и впервые чувствую что-то жестокое в себе при взгляде на сестру.

— Что это? — напряженно спрашиваю я.

— Ах да, — она раздосадованно всплескивает руками, — он же и тебя не посвящал в свои дела. Это Стигма, сестренка. Штука, в которой собрана сила тысячи Искупителей, которую наш отец так преданно охранял в Солнечном городе и собирался использовать для своей защиты, — она невозмутимо смотрит на меня: — я украла ее.

У меня внутри все переворачивается. Эсмеральда любовно прижимает Стигму к себе и

внимательно наблюдает за мной, как будто ожидает нападения. Странно, что Эсми надеется, будто такая сомнительная тактика убережет ее — она просто прекрасно знает меня и понимает, что я не смогу причинить ей боль. Но так ли это? Я слегка поворачиваю голову в сторону Хранителей — они мрачно на меня смотрят, постукивая пальцами по эфесам мечей. Если эта штука действительно обладает такой силой, то едва ли мне хотелось бы видеть ее в руках Эсмеральды.

— Каким образом?

— Это уже тебя не касается. С помощью одной маленькой, глупой Искупительницы, которая еще узнает о своей наивности перед тем, как испустить свой последний вздох.

Кажется, куда уж удивляться больше, но от кровожадности, прозвеневшей в ее голосе, мне становится совсем уже не по себе. Я решаю пока проигнорировать слова о неизвестной Искупительнице и ее судьбе, потому что, черт возьми, на кон сейчас поставлено куда большее:

— И что ты собираешься делать с этой... Стигмой?

Она улыбается, поглаживая сферу с такой нежностью, как будто на ее руках притаился милейший зверек с гладкой шерсткой.

— Много всяких вещей. Например, продолжать просвещать Хранителей моего отца, как я уже начала делать. Эта штука способна на столько всего интересного! Она подавляет любую магию, позволяя мне наложить свои чары наверх, представляешь? Я думала, на такое способны только живые люди, но, когда узнала о существовании этой красотки, буквально помешалась. Но это все лирика, — она похлопывает сферу и вновь поднимает на меня глаза: — я готовлюсь к тому, что должна была начать еще много лет назад. Я захвачу королевство, надену корону на голову и буду такой правительницей, какую Ламантра еще не знала.

Я недоуменно смотрю на нее расширившимися глазами. Эсми, возможно, и разбирается во всех тонкостях политических дел в сто раз лучше меня, но даже я понимаю, что у нее нет никаких шансов в престолонаследии.

— Ты с ума сошла? — хриплю я, — тебя никогда не выберут королевой, и ты это прекрасно знаешь.

— Кто говорит о выборе? — фыркает она, — я не собираюсь лебезить перед послами и глупыми правителями регионов, которым просто достался удачный билет в генетической лотерее. Они ни черта не понимают в правлении. На сегодняшний момент я обладаю максимальными возможностями и силой, которой мой отец никогда не решился бы воспользоваться. И как ты думаешь, кто будет лучшим правителем — я или наш отец, бежавший от собственной тени?

— Адриан законный король, — с расстановкой, медленно рычу я. Пусть только попробует оспорить власть нашего брата.

— Совета не было! — взвизгивает Эсмеральда.

И тут я с удивлением понимаю, что она все еще держится за наши старые правила и установки. Она так тщательно старается сломать систему, но не замечает, насколько сильно в ней увязла. Эсмеральда выросла на политике Ламантры — она не может взять и поменять все за одну секунду — хотя бы потому, что сама еще к этому не готова.

Это и есть мой шанс.

— Эсми, — осторожно подбирая слова, начинаю я, но она смотрит на меня убийственным взглядом.

— Эсмеральда или моя королева.

Она всегда ненавидела это прозвище, хотя все домочадцы звали ее именно так. И сейчас я не могу отделаться от мысли, что моим напоминанием о ее старой жизни она задета глубже, чем желает показать. Ведь мы-то с ней знаем, что сколько ни беги — от себя не убежишь. Мы знаем, что даже если она будет пытаться убедить всех, что она Эсмеральда, найдется человек, который расскажет — она Эми.

— Эсмеральда, — поправляюсь я, — не будет никакого Совета. А если он и будет, то тебя на нем будут только судить. За предательство. Пожалуйста, позволь мне...

— Предательство?! — выкрикивает она, — спасти этот чертов регион, весь этот катящийся к чертям мир — это предательство?

— От кого ты собралась его спасать?

— Да хотя бы от тебя! Что, роль злодейки тебе уже не по душе?

— Я никогда не была злодейкой.

— О, да брось! Давай достанем список всех людей, просвещенных тобой! Или как насчет нашего братишки, идиота и разгильдяя, не способного вытащить свою голову из-под бесчисленных юбок? Посмотри на человека, в которого я превратила его! Я сделала из него образцового принца, интересующегося политикой, экономикой, всем чертовым Лакнесом! Признаюсь, вместо меня должен был править он, а я — всего лишь стоять у него за спиной, но какого черта? Это моя заслуга! Моя, а не его.

Я вздрагиваю с совершенной уверенностью, что ослышалась. Сердце колотится так громко, что я слышу его отголоски в своих ушах.

— В каком смысле "превратила"?

Она слегка улыбается, похлопывая пальцами по покрывалу.

— Эта мысль созрела в моей голове несколько лет тому назад. Адриан был главным претендентом на престол, — на этой фразе она пренебрежительно фыркает, как будто считает это невиданной глупостью, — но вел он себя, как последний болван. Ты же помнишь, что он вытворял? — она смотрит на меня в ожидании поддержки, но я лишь в ужасе качаю головой, — я знала, что он погубит мой народ. Я все ходила и думала, как замечательно было бы, если бы я могла как-то повлиять на него, переубедить, набросить на него оковы той власти, которую давало мне просвещение, — она издает тихий звук, напоминающий удовлетворенное мурлыканье, — а потом я узнала об Искупителях. Чем больше я общалась с Оракул, тем больше понимала, что их возможности не ограничены. Они обладали большей властью, чем мы когда-нибудь могли себе даже представить, и я воспользовалась этим. Я подкупила одну из Искупительниц и заставила ее подавить магию Адриана ровно настолько, чтобы я... — она на мгновение замирает, как будто ей неприятно то, что она собирается сказать, но в следующую секунду уже вызывающе скидывает голову.

Я мелко дрожу, не в силах поднять на нее глаз. Мир вокруг крутится, но я заставляю себя стоять на месте, пробуя на вкус такие незнакомые доселе слова:

— Эсмеральда... ты просветила его?

Она холодно смотрит в мои глаза, бросая мне вызов.

— Не может быть... — шепчу я, — это невозможно. Нельзя просветить Просветителя. Мы бы почувствовали, что он находится под чьими-то чарами. Любой член королевской семьи, посещавший Лакнес, почувствовал бы это!

Эсмеральда сглатывает, поправив светлый локон, и хмыкает с напускной бравадой, за которой не может скрыть тень своих сомнений, и, возможно, боли:

— Как только я просветила Адриана, его магия тут же вернулась, и он мог пользоваться

ею, как и раньше. Она подавляла тот факт, что Адриан сам был просвещен, и рядом с ним вы чувствовали только его магию. К сожалению, — она вздыхает, приподняв глаза к потолку, — моя Искупительница не выжила. Подавить магию просвещения в Просветителе оказалось сложнее, чем я думала. Больше я так рисковать не могла, поэтому мне пришлось найти более действенный способ. И я, разумеется, нашла его.

Мой брат, который еще недавно подшучивал надо мной и казался таким беззаботным, настолько...самим собой, оказался просвещен. Эсмеральда растоптала его, бросила мне в лицо нашу любовь друг к другу. Я мгновенно вспоминаю, как мы с Адрианом и Эсмеральдой держались друг за друга в зале Советов, обещая, что всегда будем вместе, и к горлу начинает подступать тошнота.

— Я сделала то, что было необходимо. Более того, я оказала ему услугу — избавила его от страданий по этой простолюдинке Аделии. Так будет лучше всем нам — и королевству тоже, — с совершенной уверенностью, лишь на мгновение омраченной мимолетной заминкой, заявляет она.

— Как ты могла? — бормочу я, качая головой из стороны в сторону. — Как ты могла уничтожить нашего брата?

— Уничтожить? — взрывается Эсмеральда, — да как ты смеешь так лицемерить? Ты просвещала бесчисленное количество людей из-за обиды на родителей, и всегда аплодировала, когда мама совершала казни. Ты отбирала у людей все, что у них было прихоти ради, а теперь смеешь винить меня в том, что я сделала для всех нас?

— Эти люди были преступниками, — дрожащим голосом произношу я, — а ты просветила невинного человека...родного брата...ты чудовище.

Эсмеральда закатывает глаза, как будто слышать от меня такие слова ей очень смешно, и выпрямляется еще сильнее, отчего ее натянутый позвоночник кажется тонкой стрункой под тканью костюма.

— Вот поэтому, Селеста, ты никогда бы не смогла управлять регионом, — презрительно произносит она. — Ни у тебя, ни у Адриана, ни у нашего отца никогда не хватило бы духу сделать то, что я сделала. Вы воины, но вы чрезвычайно слабы. Только я знаю, как сделать мой народ счастливее. И если ради этого придется просветить всю мою семью, то что ж, я пойду на это. Ты никогда не понимала, что значит быть королевой. Я же — истинная правительница.

— Да если бы тебя заботило процветание Лакнеса, ты бы не стала красть Стигму и просвещать Адриана! Нет, тебе нужна абсолютная власть над всеми. Ты хочешь править Ламантрой, а не Лакнесом.

Эсмеральда приподнимает бровь и издает надменный смешок.

— А тебя это удивляет? Что эти чертовы старики в потертых камзолах понимают в политике? Они ввязали нас в Слепую войну, а с тех пор сидят, как на пороховой бочке, отовсюду ожидая удара. Все это было обречено на поражение с самого начала, а с магией Искупительниц, скорее всего, закончится кровавой резней между народами. Если я буду управлять Ламантрой, опасения бессмысленны. Все Искупительницы и Просветители смогут примкнуть ко мне, и мы обеспечим мир на этой земле. С оружием, которым я сейчас обладаю, моя победа обеспечена. Народ меня любит, а когда узнает, на что я готова пойти ради них — будут обожать меня. Селеста, тебе нет никакой нужды враждовать со мной. Я сделаю так, как будет лучше для Ламантры. Или ты больше доверяешь глупым королевским домам других регионов, чем собственной сестре? Ты же знаешь, что я смогу предотвратить

неизбежную войну, а они — только ускорить ее.

— Я больше вообще не знаю, кто моя собственная сестра, — шепчу я, отступая назад. — Моя сестра никогда не просветила бы Адриана, не украдала бы священную реликвию, которую своей головой охранял наш отец, не врала бы мне и всем остальным столько лет. Моя сестра слишком милосердна, чтобы оказаться таким чудовищем.

Ее глаза леденеют, и она безразлично произносит:

— Тогда тебя постигнет та же участь, что и мятежников.

Моя кровь холодеет при этих словах. Открытая угроза от моей сестры — это удар в спину, которого я никогда не ждала. Мне хочется рассмеяться и сказать, чтобы она прекратила этот цирк — Эсмеральде совершенно не идет быть злодейкой. Но то, как она держится, как она смотрит и с какой уверенностью произносит слова наталкивает меня на мысль, что впервые в жизни она не притворяется. Она слегка наклоняет голову, как делала всегда, когда принимала на себя тяжелое бремя, и я сжимаю пальцы в кулаки.

— Ты не можешь просветить меня. Ты не посмеешь, — рычу я.

— А я и не собиралась. Я казню тебя на дворцовой площади, чтобы люди знали, что я не благоволю никому — даже своим ближайшим родным. Я — истинная справедливость, Селеста.

— Нет.

Голос прерывает нас так резко, что я даже не успеваю удивиться. Мы с Эсмеральдой оборачиваемся и встречаемся взглядом с Габриэлем. Он стоит в проеме дверей, за которыми нарастают крики, и спокойно смотрит на мою сестру. Его волосы взлохмачены, а рубашка испачкана кровью, но я не могу определить, чья эта кровь. Хранители хмуро отступают, словно околдованные немой приказом моей сестры, и Габриэль медленным шагом приближается ближе.

— О! — Эсмеральда выглядит почти довольной. — Габриэль, подойди. Думаю, Селесте будет интересно услышать, какую роль ты сыграл в ее судьбе.

Я тяжело дышу и в упор, враждебно смотрю на него. Теперь все обретает новый смысл — то, как он ворковал с Эсмеральдой в его покоях, их общая поездка, где он спас ее из рук мятежников в Стейси. Он обеспечил себе и своему региону отличное будущее, заключив сделку с моей сестрой. Не зря же он так активно подбивал меня уехать. Черт возьми, пусть сделает хоть один шаг в моем направлении, и я снесу ему голову.

— Ты грязный, лицемерный лжец, — выплевываю я.

Габриэль едва обращает на меня внимание.

— Отпусти ее.

— На каких основаниях, будь добр?

— Ты знаешь, на каких.

Эсмеральда улыбается, удобно устраиваясь на своей кровати. Сделав приглашающий жест, она произносит:

— Пожалуйста, расскажи ей все. Посмотри же — Селеста сгорает от нетерпения!

Как же она собой наслаждается. Сходит с ума от блаженной мысли, что провела нас всех, что оказалась умнее. Никогда в жизни я не думала, что страсть моей сестры во всем быть лучшей была лишь последствием маниакального честолюбия. Эсмеральда была в восторге от самой себя.

Габриэль переводит на меня взгляд, и я вижу в его глазах только темную пелену боли. Он сделал неправильный выбор, и вечно будет платить за него. Только я никогда уже не

прошу ему то, что он испортил мне жизнь, разрушил мою семью, позволил моей сестре уничтожить все, за что наши предки так долго боролись. Я хочу закрыть уши и не слушать то, как он стал частью ее сумасшедшего плана, но не могу пошевелиться.

— Хватит, Эсмеральда, — резко произносит он, холодно глядя на нее, — мы заключили сделку, и я свою часть выполнил.

— Я знаю, — соглашается она, — но разве тебе не доставляет все это даже малой толики удовольствия? Ну пожалуйста, сделай мне приятное — расскажи ей! Поверь, будет куда хуже, если ты не расскажешь.

— После этого ты отпустишь ее.

— Слово королевы, — улыбается она.

Габриэль вновь смотрит на меня, с трудом выдерживая мой ледяной взгляд, и медленно начинает говорить:

— Я давно подозревал о связях Эсмеральды в Стейси. Когда на нас напали предположительные мятежники, мои опасения усилились. Проведя свое расследование, я выяснил, что Эсмеральда уже приезжала в Стейси и забрала несколько детей с собой в Лакнес, что само по себе является преступлением. Тогда на нас напала семья одного из мальчишек, которых забрали с собой Эсмеральда и женщина по имени Оракул. Как оказалось позже, она краля Искупителей из Стейси, потому что считала, что их дар какой-то... особенный, — он бросил на сестру презрительный взгляд, — чуть позже, Селеста, на тебя напали. В тот день мои люди засекли Эсмеральду, когда она пересекала границу ночью, на портовом судне. Должен заметить, это крайне удивило меня. Когда я прибыл в Лакнес, я прямиком отправился к Эсмеральде, потому что не считал нужным доносить это до Совета накануне нашей свадьбы.

— Да, ваша свадьба — главная забота этих времен, — скривилась Эсмеральда.

— Она рассказала мне об Искупителях, — не обращая на нее внимания, продолжал Габриэль, — и еще кое о чем. Один из тех парней, который напал на тебя в Стейси, не погиб. Я допросил его и выяснил, что...

Я с замиранием сердца слушаю его, хотя, казалось бы, уже не может быть ничего хуже того, что я уже узнала.

— Что ты выяснил?

Габриэль сочувственно поднимает на меня глаза:

— Выяснил, что его подослала твоя сестра.

Такое ощущение, что на голову мне только что свалился потолок. То, что Эсми сделала с Адрианом, как она наплевала на наших родителей и поиздевалась над нашими законами почему-то на миг померкло перед другим фактом. Ни разу — даже когда Эсмеральда, чьи глаза сверкали таким восторженным, фанатичным блеском, объявляла о том, что уничтожила душу нашего брата — я и помыслить не могла, что она окажется способна меня убить. Да, мы с сестрой чертовски разные, но я всегда знала, что по какую бы сторону баррикад мы не оказались, в какие регионы бы ни заплыли, мы всегда будем любить друг друга. Без вопросов и сомнений.

Я практически никогда не плачу. Считаю это делом бесполезным и весьма неблагодарным, а еще здорово портящим репутацию, но сейчас я ничего не могу с собой поделаться. К горлу подкатывают рыдания, и я изо всех сил впиваюсь ногтями в ладонь, чтобы не разреветься прямо в этой дурацкой комнате, которая искромсала мой мир на кусочки.

Я смотрю на нее и могу произнести только одно:

— Почему?

На миг мне кажется, что на ее лице проскальзывает тень — что-то, похожее на смесь сомнения и сожаления — а в следующую секунду ее голос звучит чуть тише и менее хвастливо:

— Это было необходимой мерой. Не думай, что мне доставляло удовольствие планировать твоё убийство или просвещать Адриана, — как будто оправдывается она, — но просветить тебя я не могла. У меня больше не было обученных Искупительниц, верных мне, а если бы и были, то их смерть вызвала бы слишком много подозрений. Если бы я оступилась, отец бы тут же повесил меня за предательство и Ламантра никогда не узнала бы своей истинной королевы. Оставлять тебя в живых я тоже не могла. Если другие регионы, вероятнее всего, подчинились бы мне из-за оружия, которым я обладаю, то на Стейси рассчитывать не приходилось, — она смотрит на меня почти с осуждением, — я понимала, что Габриэль будет во всем слушаться тебя, а ты никогда не простишь мне то, что я сделала с Адрианом. И, скорее всего, никогда не позволишь Стейси пасть перед лицом новой королевы. Я не могла так рисковать, а союзники мне были нужны. Поэтому, когда Габриэль пришел ко мне, я предложила ему сделку. Он пообещал содействовать мне при условии, что я не трону тебя и подчиню себе Стейси на выгодных условиях.

Мне не хватает воздуха, но я заставляю себя твердо посмотреть на Габриэля и Эсмеральду. Значит, они вовсе не любовники, а вынужденные союзники. Я пока еще не разобралась, как ко всему этому относиться — особенно к части, которая касается Габриэля, но мне придется подумать об этом позже.

— Ну и почему бы тебе просто не просветить нас сейчас раз ты обладаешь такой силой? — рявкаю я, не успев подумать, чем зарабатываю гневный взгляд Габриэля. Да пошел он.

Эсмеральда горестно качает головой, как будто я непроходимо глупа.

— Эх, младшая сестренка, все-то ты ничего не понимаешь. Если я просвещу Габриэля, то мне мгновенно объявят войну в Стейси, а другие регионы поддержат это. Я, разумеется, сильна, но не настолько, чтобы просветить армию всей Ламантры против Лакнеса. Сейчас на моей стороне есть Стейси, а как только я расскажу о существовании Искупителей и своей силе, Кравер и Бишоп падут.

Она все продумала. Я могу только теряться в догадках о времени, которое Эсмеральда потратила на изобретение своего плана — выверяла его до мелочей, искала, где могла бы оплошать и уничтожала малейшую возможность неудачи. Я всегда знала, что моя сестра — политический гений, но никогда не думала, что она использует свои способности во вред, а не во благо. Мне даже хочется смеяться от этой мысли. Забавно, как кажется, что знаешь о человеке все, а он продолжает тебя удивлять. И удивительно, как люди предстают перед тобой совсем не такими, какими они казались все это время, и ты ловишь себя на мысли, что все их качества были придуманы тобой, потому что гораздо проще сделать человека плохим, чем принять его неоспоримые достоинства. Или хорошим, чтобы уменьшить собственную боль. Вся та ложь о людях, которую мы создаем и жадно проглатываем, живет в нас ради нас самих. Теперь я понимаю это, как никогда раньше.

— Что ж, сестричка, — заявляю я с улыбкой, которая больно стягивает мне лицо, — надеюсь, тебе понравилось уничтожать все хорошее, что между нами когда-либо было ради своих идиотских затей о покорении мира. Но не забывай, Эсми, что ты еще никогда у меня не выигрывала. И в этот раз ты тоже проиграешь.

Эсмеральда щурится и рычит:

— Только я знаю, как правильно управлять народом! Ты жестока, Адриан — безволен, а наши родители глупы! Меня обожают, меня почитают, только меня послушаются! Я наведу порядок во всем королевстве, а остальные дома будут подражать мне. А ты, Селеста, ты будешь поклоняться мне и без просвещения.

— Что ты сделала с нашими родителями? — рычу я в ответ.

— А как ты думаешь? — усмехается Эсмеральда.

Все во мне леденеет, и я в ужасе начинаю пятиться назад. Мама с папой — все, что у меня осталось. Я и так проторчала здесь слишком долго. Я разворачиваюсь и ударяю одного из Хранителей в лицо. Затем опираюсь на его скрещенные на груди руки, приподнимаюсь и отпихиваю второго Хранителя точным ударом ноги в живот — трюк, который мы с Адрианом отработали, когда были еще детьми. Когда он еще был самим собой. С каждым ударом мне становится легче, как будто вся моя боль сосредоточена в моих конечностях. Мне хочется закричать, но я молчу и прокладываю себе дорогу к выходу. Я должна выбраться и разобраться, какого черта происходит за дверьми, и что начала Эсмеральда в погоне за властью.

— Если она выйдет за эти двери, у меня не будет другого выхода, — безразличным голосом произносит сестра, — я убью ее.

Габриэль издает тихое рычание и что-то очень тонкое вонзается мне в шею. Перед глазами все темнеет, и я падаю прямым в руки одного из Хранителей, который расплывается в улыбке перед моей сестрой и обращается к ней "госпожа".

Глава двадцать седьмая

Эланис

Всегда одни, всегда ограждены стенами,
С любовной жаждой, с безумными мечтами
Боролись долго мы — но не хватило сил.

Адам Мицкевич

Я открываю глаза, ожидая увидеть просачивающиеся в комнату лучи утреннего солнца и грозно нависшее надо мной лицо Норы, но вместо этого вижу высокий потолок и хрустальную ажурную люстру ручной работы. Какой-то нарастающий гул заставляет меня поморщиться, и я с трудом приподнимаюсь, не понимая — это гудит в моей голове или где-то снаружи.

Воспоминания мгновенно обрушиваются на меня, и я выпрямляюсь. Я нахожусь в одной из дворцовых комнат, которая больше похожа на небольшой просторный зал — окна занавешены шторами, в углу стоит маленький стол, а посреди зала — большой, кожаный диван. Из этой комнаты ведет около десятка дверей, расположенных со всех сторон от меня, но, по моим скромным предположениям, все они закрыты.

А еще я одна.

Я встаю, и меня тут же сшибает с ног боль, эхом отдающаяся в голове. Я стогну и стою на месте, дожидаясь, пока перед глазами перестанут плясать разноцветные точки. Конечно, вокруг меня нет случайно завалившейся Стигмы, а под диваном не разлеглись ни Корал, ни Адриан, ни даже просвещенный общими усилиями Хранитель.

Самое время признать, что мне конец.

Из-за дверей слышатся крики и звук вынимаемых из ножен мечей. Я подбегаю к одной из них и активно трясу, но, как и ожидалось, она заперта. Понятия не имею, чем вызвано сражение — похищением Стигмы, объявлением на Совете или же люди Тристана отправились истреблять Искупителей, как, по его мнению, скорее всего должны были сделать с самого начала. Возможно, мне не за что больше благодарить Оракул, но за одно мы точно должны сказать ей спасибо — она убедила сумасшедшего короля использовать Искупителей, а не уничтожать их.

Пока, конечно, мы все не испортили, возжелав свободы.

Я подбегаю к дверям и изо всех сил безуспешно тяну их на себя. Только теперь я замечаю, что мой костюм, облегающий меня, словно вторая кожа, во многих местах порван и пропитан кровью, но боли я не чувствую. В моей голове стучит множество мыслей.

Удался ли наш план? Если удался, то где сейчас Эйдан? Как отреагировал совет на новость об Искупителях? Не они ли сейчас нападают в надежде перебить нас? Живы ли мои друзья?

Или схватка связана с тем, что я видела несколько минут — или часов — назад в катакомбах?

В ответ на мои мысли одна из дверей распахивается, и мое сердце пропускает удар. Я быстро провожу рукой по небольшому кинжалу, спрятанному в штанине — единственному оружию, которое у меня еще осталось, — и стараюсь дышать спокойно.

В комнату wpłyвает изысканная девушка в белом костюме. Я встречалась с ней всего несколько раз, но сейчас у меня такое чувство, будто я никогда ее раньше не видела. Я

вглядываюсь в ее светлые локоны, в изящную, гибкую фигуру, но понимаю, что дело в ее глазах. Сейчас ее изумрудные глаза сверкают таким восторженным блеском, как будто ей только что подарили весь мир на ладони.

Еще одна чокнутая представительница семейства Лакнес.

Она неспешно приближается ко мне со сладчайшей улыбкой на лице, удовлетворенно кивая головой:

— Ну что, маленький воин. Ты наконец-то додумалась, да? Сложила все кусочки пазла и нашла ответ?

Кроме того, что Эсмеральда — очередная злодейка в этом дурацком дворце, мне пока ничего неизвестно, поэтому я враждебно смотрю на нее и молчу. Не знаю, как много, по ее мнению, я знаю, поэтому лучше всего сейчас было бы держать язык за зубами. Это очень непросто, учитывая, что меня волнует масса вещей, которая крутится вокруг нескольких вопросов: где мои друзья? Удался ли переворот? Чем сейчас занимается Эйдан?

Эсмеральда с интересом наклоняет голову:

— Да ладно, неужели ты так еще и не разобралась? Адриан говорил мне, что ты умная девочка.

Я в недоумении смотрю на нее. Какое отношение к этому имеет принц? Это уже начинает волновать меня, ведь главной частью нашего плана было именно беспрепятственное восхождение Адриана на престол. Раз уж Эсмеральда, судя по выражению ее лица, оказалась сумасшедшей.

— Где я? — наконец, решаюсь на вопрос я.

Эсмеральда усмехается, глядя куда-то за мою спину.

— Это уже не имеет значения. Адриан, войди.

Я резко оборачиваюсь, и одна из дверей открывается. Из нее выплывает принц, но он не обращает на меня никакого внимания. Лицо его безжизненно, а в руках — золотистая сфера, переливающаяся магией Искупителей.

— Адриан! — шиплю я, когда понимаю, что он уверенным шагом направляется к Эсмеральде, — какого черта ты делаешь?

Он никак не реагирует на мои слова. Дойдя до Эсмеральды, Адриан опускается на одно колено и протягивает Стигму, не сводя с нее полных обожания глаз.

— Я угодил вам, госпожа?

Я чувствую себя так, как будто на меня вылили целый таз холодной воды. Каждая клеточка моего тела начинает дрожать, и мне уже хочется в ужасе броситься в коридор, чтобы разобраться в том, что же я наделала.

— Ты... просветила его? — хриплю я, хотя все это еще не вяжется в моей голове.

— Очень долгое время назад, — усмехается Эсмеральда, поглаживая Адриана по золотым волосам, — видишь ли, папочка никогда не посвящал меня в свои дела. Я знала, что если я уже догадалась кое о чем в плане магии, то и он должен был. Однажды я подслушала об источнике магии, в который он закупоривает силу Искупителей. Твое появление оказалось моим выигранным билетом. Мне нужен был доносчик, который добудет для меня информацию о Стигме. Я всегда знала о существовании Ордена Солнца — среди вас даже какое-то время находились мои люди, но, в последнее время, общество стало слишком скрытным. Когда во дворце появилась сильная Искупительница из рода Марлен, я сделала ставку на то, что они захотят переманить тебя к себе, — Эсмеральда хищно облизнулась, — и не ошиблась. — Адриану было поручено втереться тебе в доверие, возможно, даже

влюбить тебя в себя. К сожалению, с этим не повезло, — она презрительно посмотрела на брата, — а я-то думала на эту мордашку ты накинешься за милую душу. Но он стал твоим другом, — она иронично протянула последнее слово. — Все, что ты говорила Адриану, о чем ты думала, что скрывала в своей комнате — все доходило до моих ушей. Ты разгадала загадку о двери, а я узнала, как открыть ее, но я не могла сама украсть Стигму. Это привлекло бы ко мне ненужное внимание в случае неудачи и могло обернуться казнью, но за меня это могла сделать ты. Девочка, доверявшая своему новому другу, на которую в случае чего можно было бы повесить кражу. А потом ты, разумеется, передала Стигму Адриану (он бы забрал ее у тебя в любом случае), а он — мне. Ну разве я не гениальна?

На несколько секунд я забываю, как дышать. Эсмеральда улыбалась все ярче наблюдая за тем, как я бледнею по мере ее рассказа. Это я поручилась за Адриана перед Орденом, это я рассказала ему о двери, это я передала ему Стигму, уверенная, что ему можно доверять. Что, черт возьми, я натворила? Все это время я думала, будто король — наш главный враг, но еще одна змея притаилась куда ближе, чем я ожидала.

Я кидаю быстрый взгляд на Адриана, но он тупо смотрит в одну точку. Я не могу представить, как эта безжизненная пародия на того, кто когда-то был моим другом, могла так страстно целовать меня и шептать о любви, а потом клясться, что всегда придет мне на помощь. Перед глазами проплывает все хорошее, что было между нами, омраченное одним единственным фактом: все это было не по-настоящему. Каждое его слово сопровождалось приказом Эсмеральды — ее тихим смешком и самоуверенной улыбкой. Он перехватывает мой взгляд и ухмыляется, и это разбивает мне сердце. Я и сама не ожидала, что большее всего не когда тебе лгут, а когда ты чувствуешь вкус, дыхание и мускусный запах этой лжи. Когда она впивается тебе в кожу и остается там навсегда.

— Так что же... король не собирался применять Стигму?

— Отец действительно никогда не хотел другой войны, — медленно проговорила Эсмеральда. — Ты искала ответы не там, Эланис. Он не хотел использовать Стигму — он охранял ее. Это я организовала Искупителям лучшие условия, устроив все так, чтобы вы были преданы короне. Это мне вы должны служить, потому что я — ваша истинная госпожа.

— Где мои друзья? — рычу я.

Эсмерльда складывает руки на груди и вдруг начинает смеяться. Она смеется так весело и задорно, как будто то, что происходит, напоминает ей какой-то счастливый праздник или радостное событие. Она что, совсем не в себе?

— Тебе стоит надеяться на то, что все они в безопасности, но, смею тебя заверить, едва ли это так.

— Что случилось с королем? — напряженно спрашиваю я, игнорируя ее ответ.

Эсмеральда равнодушно поднимает на меня глаза, мигмом переставая смеяться, как будто эта тема радует ее меньше:

— Полагаю, он уже мертв. Я займу место, которое всегда было моим по праву, и буду править Лакнесом, а в скором времени и всей Ламантрой.

Я еще раз бросаю взгляд на дверь справа от меня, представляя, как хватчики Эсмеральды режут моих друзей, оставляя кровавые следы на ковре. Кто-то громко закричал, и я с ужасом представила, что это может быть Скилар...или Давина...или Нора...

И тут мне пришло на ум кое-что еще. Кодекс Элитного отряда. Я закрыла глаза, стараясь прийти в себя и не думать о том, что Эйдан уже может быть мертв.

— Забавно, — произношу я, взяв себя в руки. — Ты вроде как не можешь просветить

меня, а все еще говоришь так, будто я твоя рабыня. У тебя явно проблемы с самооценкой.

— Потешаешься над тем, что я не могу уничтожить твою душу? Ты удивишься, Эланис, но есть тысяча способов заставить тебя встать на колени и без магии.

— Ты такая же, как и Каин.

— Каин был убийцей, а я — освободительница, — она замолкает, и ее глаза вспыхивают пониманием, заставляя Эсмеральду зайти редким смехом: — подожди, кажется, я поняла. То есть ты хочешь сказать, что я — Каин, а ты — Ламех? — она надувает губы и качает головой, — милая, ты же не можешь всерьез считать себя героиней. Поверила в то, что мамочка с папочкой продали ее в злой королевский дворец! Уж ты-то должна была знать, кому доверять.

Все во мне закипает, и я тихо рычу:

— Не смей и слова говорить про моих родителей. Может быть, я и не героиня, но все еще способна убить тебя.

— О нет, Эланис, послушай, — выплевывает Эсмеральда. — Ты долгие месяцы провела, обдумывая, могли ли они так поступить с тобой, не так ли? Думала, гадала, места себе не находила. В конце концов, ты даже убедила себя, что, возможно, так оно и есть, чтобы было на кого свалить свои беды и несчастья. А теперь ты называешь себя героиней, потомком Ламеха, беспрекословным добром. А я — злая тетя, из-за которой ты на все это купилась. Но вот тебе правда, Эланис: если бы ты по-настоящему доверяла своим родителям, тебе бы и в голову не пришло поверить в бред, который говорили тебе незнакомые люди. Твоя любовь была бы сильнее. Но ты слабая, ты не способна на такие чувства, которые испытываю я к своему народу.

Видимо, Адриан действительно докладывал ей все, как бы я ни пыталась убедить себя в обратном. По щекам у меня текут слезы, но я заставляю себя смотреть ей прямо в глаза:

— Закрой рот.

— А потом появляется Адриан! Милый принц, единственный, кто понимал тебя во всем дворце и казался твоим другом. Но ему ты в действительности оказалась не нужна, Эланис — все его чувства были лишь игрой. А еще есть красавчик Эйдан. Уж он-то точно должен быть стать твоей любовью навек, не так ли? Но и ему долг оказался важнее тебя. Видишь, как грустно получается, Эланис? Никто никогда тебя не любил. — Она окидывает меня презрительным взглядом, — да и можно ли тебя вообще полюбить? Такую слабую, наивную, глупую куклу, которая и за себя постоять-то не может?

— Меня любили мои родители, — тихо, по слогам отвечаю я, — и это то, чего ты никогда не узнаешь. Тебя любили только из-за власти, из-за магии просвещения. Тебя никогда не любили просто так.

Лицо Эсмеральды искажается, но в следующую секунду она снова овладевает собой. Жестом она приказывает Адриану уйти и "закончить начатое", отчего у меня по коже начинают бегать мурашки, и мы с ней остаемся вдвоем.

— Ты остаешься со мной, потому что считаешь, что я настолько слаба? — ледяным тоном интересуюсь я.

— Ты не убьешь меня.

— Это еще почему? — рычу я.

Эсмеральда улыбается.

— Потому что я знаю, где твои родители.

Кажется, мой мир уже привык к тому, чтобы переворачиваться каждые полчаса.

Неважно, какими знаниями я обладаю и в каких людях уверена — есть все основания полагать, что через несколько минут, все снова перевернется с ног на голову.

Мы с Эсмеральдой одни в комнате, но в воздухе такое напряжение, как будто здесь не меньше двадцати человек. Я уверена, что Эсмеральда не настолько глупа, чтобы оставаться со мной наедине, ссылаясь на такое сомнительное утверждение. А это значит, что в рукаве у нее еще есть козыри и мне следует быть предельно осторожной.

— Ты блефуешь, — чуть пошатнувшись голосом говорю я, — мои родители мертвы. У меня было время, чтобы смириться.

— Отец действительно убивал большинство Искупителей, достигших определенного возраста. Если, разумеется, они жили не во дворце, как Нора и Маккенна. Таким образом он забирал себе лучших, избавлялся от ненужных свидетелей и возможности, что однажды родители придут за бедными детьми, чтобы забрать их из дворца. Папа любил своих зверушек, — она любовно смотрит на его портрет на стене, — и, конечно, свою силу. Но некоторые сбегали раньше — как, например, твои родители.

— И куда они сбежали? — не выдерживаю я. Поверить не могу, что поддаюсь на ее манипуляторские трюки, но просто не могу устоять. Что, если есть хоть маленький шанс, что она говорит правду?

Эсмеральда наклоняет голову и насмешливо хмыкает:

— И почему ты думаешь, что я тебе скажу?

— Потому что иначе я убью тебя, — бесстрастно произношу я.

— И как же ты это сделаешь? — хмыкает Эсмеральда, — с помощью ножа в твоём ботинке? Брось, Эланис.

Она хлопывает ладонью по Стигме, которую оставил Адриан, и с интересом смотрит на меня:

— Любопытно, подействует ли она на тебя? Может ли она подавить магию Искупления так же, как подавляет Просвещение? Тебе не хочется проверить?

Нет, совершенно не хочется. Я не даю себе подумать и делаю то, чему меня учили последние полгода. Все говорили, что мне нужно полагаться на магию, а не на оружие, потому что, в конце концов, это все, что я умею.

Я смотрю в холодные изумрудные глаза Эсмеральды и представляю, как пламя, вырываясь из меня, подползает к ее голове. Я пытаюсь почувствовать то, что испытала, когда мы вместе с Давиной подавляли магию в Хранителе, и нащупать темное пятно в ее душе. Возможно ли, что я смогу перенаправить магию Эсмеральды против нее самой?

— О, Эланис, тебе стоило внимательнее относиться к урокам Оракул, — рычит Эсмеральда, выстраивая вокруг себя каменную стену.

Я сразу чувствую, что Эсмеральда не умеет управлять своей силой так, как Оракул. Ее стена как будто состоит из земли — она рыхлая, с ямами и кочками. Кое-где она покрыта чем-то мягким, словно травой, а где-то затвердела, будто обсыпанная камнями. Эти неровности помогают моему огню двигаться, обволакивая ее стену с обеих сторон, словно подчиняя себе.

Это явно не особо ей нравится.

— Иди к черту из моей головы! — кричит она, и хватается за свою прическу, раздирая пальцами шпильки в ее белокурых волосах, в агонии распутывая волосы, как будто это облегчит ее боль.

Я давлю еще сильнее и представляю, как взрывается красным пламенем ее стена.

Эсмеральда издает дикий крик, и я кричу в ответ:

— Где мои родители?

Она поднимает на меня глаза и шипит, заставляя мое пламя взлететь, достигая ее макушки. Она задыхается собственным криком и нечленораздельно мычит:

— На...островах...за горизонтом, где скрываются беженцы после Слепой войны...

Ее слова прерываются стуком открытых дверей. Все двери, окружающие меня, одновременно распахиваются, и зал наводняют мужчины в темных плащах. Эсмеральда вдруг начинает невыразительно смеяться, все еще держась за голову, а я теряюсь и недоуменно перевожу на них взгляд.

Элитный отряд.

Во главе шагает Эйдан. На какую-то секунду меня накрывает волна облегчения, но уже через миг я замечаю выражение его глаз. Он смотрит на меня отчаянно, как не смотрел даже после аудиенции у короля. Я никогда не видела, чтобы Эйдан горевал, но, кажется, сейчас с ним происходит именно это. Лицо его осунулось, плечи немного поникли, а походка кажется петляющей, как будто его шатает из стороны в сторону. Он отряхивает голову и снова смотрит на меня, не замечая Эсмеральду.

— Эйдан... — я делаю шаг к нему, но дорогу мне перекрывает один из мужчин.

— Отойди от нее, Элуа, — рывкает Эйдан, и мужчина неохотно отступает.

— Эйдан! — раздается голос позади меня, — здравствуй, мой сладкий. Ты пришел присягнуть мне на верность, не так ли?

Эйдан смеряет Эсмеральду мрачным взглядом и поигрывает желваками:

— Король мертв. Мы пришли сюда, чтобы исполнить свой долг.

— Я — единственная выжившая Лакнес, которой вы можете присягать, — сложив руки на груди, объявляет Эсмеральда, — мою мать, брата и сестру в расчет на берем. Адриан просвещен уже год, моя мать не может управлять регионом, а сестра — наследница Стейси. Итак, как это происходит?

Двое мужчин, стоящие с двух сторон от Эйдана, в которых я узнаю Джошуа и Вала, обмениваются ухмылками.

— Вы не поняли, ваше высочество, — холодно отвечает Эйдан, — присяги не будет.

Я хочу закричать и все объяснить Эсмеральде, но все происходит слишком быстро. Улыбка сходит с ее губ, и она в ужасе таращится на то, как с пронзительным скрипом мужчины обнажают свое оружие.

Я не могу дышать. Широко раскрытыми глазами, не смея пошевелиться, я смотрю, как один за другим члены Элитного отряда вонзают себе в грудь ножи.

Глава двадцать восьмая

Эланис

Вдруг так тихо сделалось в моём мире без тебя.

Януш Леон Вишневский. Одиночество в Сети

У меня в голове стучит одна мысль. Я не могу потерять и его тоже. Я не могу потерять его.

Пятеро членов Элитного отряда уже мертвы. Из груди у них торчат ножи, а сами они лежат на полу, открытыми глазами глядя куда-то вверх. Через несколько секунд так же будет лежать и Эйдан. Рванувшись вперед, с трудом отдавая себе отчет в своих действиях, я выхватываю кинжал из штанин и приставляю его к горлу Эсмеральды, дикими глазами оглядывая тех, кто был еще жив. Пусть они и не исполняют ее приказы, но они благородны до глубины своих корней и обязаны защищать членов королевской семьи. Нож нерешительно застывает в руке Эйдана, и он делает своим людям знак, чтобы они остановились.

— Эланис, — предупредительным голосом произносит он.

Он обещал, что всегда будет со мной, что никогда меня не оставит. А теперь он должен умереть, потому что его абсурдная преданность уже мертвому королю сильнее всего, что он чувствует ко мне.

Слезы душат меня. Меня научили быть сильной, научили сражаться и держать свои эмоции при себе. Но я не знала, что настолько больно осознавать, что никто никогда тебя по-настоящему не любил.

Члены Элитного отряда замахиваются ножами, готовые вонзить их в меня один за другим, но я лишь сильнее прижимаю кинжал к горлу Эсмеральды. Эйдан напряжен — он поднимает вверх руку и рявкает:

— Никому не двигаться, черт подери!

Рослый мужчина, чье лицо скрыто капюшоном, не желает успокаиваться — его нож все еще поднят в угрожающем жесте.

— Джозеф, если ты сделаешь хоть одно лишнее движение, я сдеру с тебя кожу, — рычит Эйдан.

Сомнительная угроза, учитывая, что уже пятеро из них самовольно закололи себя.

Сердце стучит у меня в горле. Эсмеральда вскрикивает — по ее горлу стекает струйка крови. Я слегка ослабляю давление на ее шею. Что они сделают? Их преданность капитану не стоит и близко рядом с преданностью королевской семье. Я стою на пороховой бочке — они убьют меня.

Мои колени дрожат.

— Все опустите ножи или я перережу ей горло, — хрипло выдыхаю я.

У Эйдана горят глаза. Я никогда его еще таким не видела. Он смотрит на меня с таким ужасом, как будто я уже мертва, как будто все кончено не только для него, но и для меня.

— Эланис, пожалуйста, — его голос срывается до мольбы, — ради всего святого, отпусти ее. Мы не тронем тебя.

Я чувствую, как горло Эсмеральды чуть подрагивает под моей рукой — она издает едва слышные смешки. Удивительно, от меня зависит ее жизнь, а она смеется над тем, что даже сейчас Эйдана куда больше беспокоит она, чем я.

Я встречаюсь с ним взглядом:

— Опустите свои ножи. Если вы попробуете себя заколоть — я немедленно пушу ей кровь.

— Так это она ради нас старается? — ухмылка чувствуется через капюшон одного из воинов, — крошка, мы бойцы, а не коттики. Мы переживем один удар и быстрый уход в загробный мир. Мы не подчиняемся ничьим приказам. И уж точно не твоим.

— Мы служим королю, — холодно отвечает Эйдан. — Мы поклялись сложить за него голову. И мы последуем за нашими братьями с честью.

— Вам пудрят мозги, — бросаю я, — вас вырастили на глупой и слепой преданности, хотя вы понятия не имеете, как король пришел к власти и как заслужил вашу верность.

— Обсуждать действия короля — не наша забота, — отрезает Джошуа, — мы служим ему, потому что избрали эту честь сами. Наша жизнь — это долг, который мы отдаем, — он переводит взгляд на Эсмеральду, которая тихо похрипывает под моим кинжалом, — королю и никому более.

— Черт возьми, Эйдан, просто убей ее и все.

Эйдан перехватывает руку Джозефа с занесенным ножом. Он рывком сдергивает с него капюшон, вплотную придвигается к его лицу и шипит:

— Если ты хоть пальцем ее тронешь, я отрежу тебе правую руку.

— А я говорил, что твои чувства к этой ненормальной тебя погубят. Или ты забыл свой долг, брат? — выплюнул он.

— Для тебя капитан, щенок.

— Ты предал нас, Эйдан. Ты стал тряпкой, ты забыл свой долг перед королевством.

— Не тебе напоминать мне о моем долге. Пока еще я капитан.

Джозеф мерзко смеется:

— Мы оба знаем, что быть им тебе осталось недолго. Или может, ты подождешь, пока мы все передохнем, а потом уйдешь со своей собачкой в закат? Сыграешь с ней свадьбу, станешь семьянином и заведешь пятерых детей? Нет уж, я тебе не верю. Я хочу, чтобы ты умер первым.

Эйдан замирает, затем медленно отступает назад и смеряет его тяжелым взглядом.

— Хорошо. Как только мы спасем принцессу, я первым отдам свою жизнь.

Ну да. Черта с два.

— Эй ты, красавчик, — кричу я, обращаясь к Джозефу, — если будешь подбивать капитана на всякий суеверный бред — я ее убью. Или ты уже забыл о собственном долге перед королевством?

Эсмеральда что-то нечленораздельно шипит.

Джозеф молча смотрит на меня, а затем вдруг рывком поднимает нож и приставляет его к горлу Эйдана.

Я забываю, как дышать. Мои ноги прирастают к полу. Эйдан смотрит на меня, не двигаясь, и даже не пытаюсь сопротивляться.

— Мы все знаем, зачем ты это затеяла. Его эта выходка не спасет. Я сам пожертвую братом ради королевской семьи.

Мой мозг лихорадочно работает. Он берет меня на слабо. Члены Элитного отряда не смеют убивать друг друга. У них есть непреложный закон.

Но что, если их глупая верность королевскому дому действительно выше закона? Господи, дай мне сил не сломаться.

Члены Элитного отряда в нерешительности смотрят на происходящее.

— Джозеф... — рычит Вал.

Я давлю на кинжал, и Эсмеральда издает громкий стон. По ее белоснежной шее течет алая кровь, обрамляя ткань костюма цвета слоновой кости.

— Отпусти его.

— Она права, — мрачно произносит Джошуа, — отпусти его.

Джозеф не сдается. Эйдан не произносит ни звука, но я вижу, как по черному плащу стекают кровавые струи.

— Это еще почему, братья? Мы здесь, чтобы спасти принцессу, а не друг друга. Таков наш закон, — выплевывает Джозеф.

Элитный отряд в нерешительности мнется на месте, покачивая в руках ножи и переводя взгляд с капитана на принцессу. Я еще раз в отчаянии давлю Эсмеральде на шею, заставив ее тихонько захрипеть. Джозеф в точности отзеркаливает мои действия.

— Будем играть так до бесконечности?

У меня нет выхода. Если я отпущу ее — сначала умру я, потом Эйдан, а за ним все члены Элитного отряда. А если я убью Эсмеральду, то Джозеф тут же зарежет Эйдана который и не думает сопротивляться. Конечно, зачем это, ведь его жизнь должна быть положена на алтарь служения долгу. Я сдерживаюсь, стараясь не позволить жгучим слезам бессилия скатиться по моим щекам. Ненавижу его за то, что я делаю все, чтобы спасти его жизнь, а он даже попытаться помочь мне не может.

У меня остается лишь один выход дать Эйдану шанс спастись, не чувствуя себя предателем и врагом. И маленькая надежда, что моя жертва не позволит ему так глупо распорядиться своей судьбой.

У него еще есть, о ком заботиться. Ему надо вернуться к своей младшей сестре, перестроить их дом и начать жизнь заново — научиться преданности себе и тем, кто его любит, а не тем, кто навязал ему свою любовь. Ему нужно наверстать все те годы, которые у него так малодушно отняли.

У меня же не осталось никого. Мои родители, Адриан, Эйдан — так или иначе, я их всех потеряла. Я предала Орден Солнца. Должно быть, я сама предпочла бы такой исход даже, если бы у меня не было причины уйти из жизни благородно. Даже, если бы у меня не было шанса искупить вину перед самой собой.

Мы защищаем то, что считаем правильным.

Я отвожу кинжал от шеи Эсмеральды и швыряю его в Джозефа. Тот падает наземь. Эйдан смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

Одна секунда.

Кто-то издает сдавленный вздох и обе мои руки пронзает жгучая боль. Я слышу чей-то крик, но уже перестаю различать звуки. Больше не чувствуя страха, я чувствую, как приближаюсь к своей семье. Любовь влечет меня все ниже, и когда моя голова соприкасается с каменным полом, я чувствую, что достигла совершенства.

Глава двадцать девятая

Давина

Но на самом деле в жизни бывает не все так плохо. Есть нечто большее инстинкта самосохранения, — есть вера, даже тогда, когда кажется, что веры больше нет, и есть любовь.

Николай Гаврилов. Разорвать тишину

Двое Хранителей с рычанием бросаются вперед, когда я выбегаю из-за угла и скольжу по ковру, издавая боевой клич. Я делаю им подсечку, и они падают наземь, но один задевает меня размашистой ладонью и хватает за лицо, засовывая мясистые пальцы глубоко мне в горло. Я с силой кусаю его и ударяю кулаком нос, продолжая прокладывать себе дорогу все дальше от зала Советов.

Голова у меня все еще болит от пролитых слез, но сегодня я чувствую себя иначе — не сломленной и разбитой, а холодной и настроенной убивать. Каждый раз, когда я бью очередного противника, его лицо теряется и на его месте появляется моя младшая сестра Мэй, а потом ее заменяют ласковые глаза Бри, а потом мальчишеская, наглая улыбка Майкла...

Мне кажется, что я схожу с ума. Все те, кого я вдруг разом потеряла, не ушли, а остались маячить вокруг меня, не давая мне ответа на один вопрос: как я должна жить дальше? Все, что я делала ради них, вдруг резко потеряло смысл. Мне было плевать на себя, но внезапно я оказалась единственным человеком, о котором могу теперь заботиться.

— Приди в себя! — рычит Скилар, щелкая пальцами у меня перед носом: — что с тобой?

Я смотрю на него затуманенными глазами и понемногу начинаю приходить в себя. Его взволнованное лицо не давало мне покоя последние два часа, как и все остальное, что с нами происходило.

Все пошло не по плану. Мы сидели в засаде в двух коридорах от зала Советов вместе с Гарваном, Бенджамином, Скилар и Евой, готовясь к битве, которой не суждено было случиться.

— Их нет, — севшим голосом проговорил Скилар после двух часов ожидания Эланис и Адриана.

— Мы должны действовать дальше, — прорычал Гарван, вскакивая и готовясь трусить вниз по коридору.

Но мы не успели сделать ни шага, потому что из зала Советов начали раздаваться крики, а потом началась оглушительная битва. Мы мигом потеряли всякую ориентацию — звон клинков раздавался со всех сторон, но что самое страшное — я слышала крики, исходящие из самых темных глубин Солнечного города. Отовсюду начали сбегаться Хранители с мечами наперевес, но они и не думали защищать нас. Как мы вскоре поняли, — нас преследовали.

Когда первые Хранители метнули в нас кинжалы, мы бросились врассыпную, и я потеряла из виду всех, кроме Скилар, который пытался броситься в одну из комнат, за которой исчезла Ева.

— Иди сюда, — рывкнула я, рванув его за руку на себя так, что мы оба покатались за угол, скрываясь в темноте одного из коридоров, где не было Хранителей.

— Думаешь, это из-за Стигмы? — побледнев и выворачиваясь из-под моей руки, проговорил Скилар.

Я промолчала, потому что не могла придумать ни одного другого логичного объяснения странному поведению Хранителей, но уже через несколько минут до нас все дошло. Мимо нас бежали двое мужчин в фирменных желтых мундирах — направлялись они в зал Советов — и мелодично покачивали оружием.

— Славься королева Эсмеральда! — зычно пропел один из них.

— Да здравствует ее величество Эсмеральда! — вторил второй.

— Долой короля! Долой короля!

Я потеряла дар речи, а челюсть Скилар упала куда-то на пол.

— Эсмеральда использовала Стигму и просветила всех? — заорал он, заставив меня закрыть ему рот и дернуть на себя.

— Заткнись, — прошипела я ему на ухо, — нам нужно в Солнечный город.

Скилар возмущенно вырвался из моей хватки:

— Мы не можем уйти без Евы и Бенджамина! Гарвана я бы оставил, но Док...

— Давай надеяться, что они уже там и спрятались в более удачном месте, чем мы, — бросила я, оглядываясь по сторонам.

Мы находились на открытом пространстве, а вокруг слонялись Хранители — кажется, они не преследовали конкретной цели нашего убийства, но не стоило искушать судьбу и оставаться легкими мишенями.

— А как же Эланис? — рявкнул Скилар, — я не оставлю мою крошку!

Мне и самой не хотелось бросать ее — все же, это я ушла, посчитав, что буду полезнее в миссии Ордена, подвергнув ее опасности, но мы не могли возвращаться. Отчасти беспокоил меня и Адриан — что бы там ни было, мы провели вместе несколько приятных мгновений и он всегда откликался на мои редкие просьбы о деньгах, которые, как оказалось, были напрасными.

Я не хотела терять никого из них, но мы должны были размышлять здраво. План изменился, а спасение Искупителей все еще было самой важной частью нашей операции. Док и Бланш могут в одиночку не справиться, а судя по крикам, раздававшимся ранее, они и не справились.

— Скилар, она может быть уже мертва, — тихо сказала я, выглядывая из нашего укрытия, — мы должны вернуться в Солнечный город и посадить всех на дурацкий корабль.

— Ну так и иди, — фыркнул он, поднимаясь с колен, заставляя меня силой усадить его обратно, — да что с тобой не так, Давина? У нас никого не осталось, кроме друг друга. За кого еще ты можешь отдать свою жизнь?

Я вздрагиваю, но в следующую секунду хмурюсь.

— Мы не можем погибнуть сейчас, когда мы нужны всему Солнечному городу.

— Ну давай! Спасай Искупителей, которые тебе дороже, — выкрикнул Скилар, и его глаза загорелись так ярко, что у меня взорвалось сердце. — Черт возьми, мы потеряли наши семьи! А теперь ты хочешь просто бросить свою сестру, как будто в этом нет ничего такого!

Я хотела рявкнуть на него в ответ, но раздался топот шагов, и я резко замолчала. Скилар прав. Мне это не нравилось, но, когда дело касалось меня, он всегда оказывался прав. Я должна была Эланис — она помогла мне, когда я попросила, и я задолжала ей одно спасение. Но дело было в чем-то большем. Я считала, что моя семья в Солнечном городе мне ближе, но, в конце концов, эта рыжая девочка стала ее частью. Я вспомнила, как она сидела

рядом и утирала мои слезы перед разрушенным домом моей семьи. Я никого не смогла спасти. Но я могу спасти ее.

— Ладно, — произношу я, мрачно глядя на Скилар, — но ты будешь держаться позади меня.

Он хмыкает, и прячет все свои волнение и боль под ухмылкой:

— Детка, это ты будешь держаться позади меня.

Прокладываемый нами путь в Солнечный город пересекался с воспоминаниями, которые мелькали у меня перед глазами в самый ненужный момент, и заставляли Скилар раздраженно трясти меня за плечи. Мы подошли к лестнице, затемненная обратная сторона которой вела в катакомбы, но ее охраняли несколько Хранителей. Увидев нас, они тут же враждебно вынули мечи из ножен, и мы нырнули за один из кожаных диванов.

— Мы не можем пройти, — тяжело дыша, просвистел Скилар, — у нас только парочка ножей.

Я высунула голову и оглядела помещение. Лестница находилась в самом центре — от нее шла развилка коридоров, а вокруг стояли диваны с цветами в вазах. Хранители столпились возле обратной стороны лестницы, ведущей в Солнечный город, но главный лестничный проход практически не охранялся.

Я знала еще один ход в катакомбы — когда-то я только и занималась тем, что исследовала дворец, в котором мне предстояло провести свою вечность. Туда вела старая, покошенная винтовая лестница, покрытая слоем пыли и подозрительно скрипевшая при каждом шаге. Она была настолько шаткой, что никто не осмеливался ею пользоваться, но выбирать не приходилось.

— Следуй за мной, — шепнула я и полезла вперед, не дожидаясь возражений со стороны Скилар.

Я рванула к лестнице и двое Хранителей высунули головы, а следом — свои мечи, — но я тут же швырнула в них два заранее вытасненных ножа. Я угодила им прямо в грудь, и они упали ничком, давая нам со Скилар около четырех секунд для того, чтобы взлететь вверх по лестнице. Остальные Хранители начали выглядывать из-за лестницы и попытались швыряться кинжалами нам вслед, но, судя по всему, сочли это бессмысленным занятием и вернулись к своей вахте.

— А ты неплохо метаетшь, — пропыхтел Скилар, пока мы на всех порах бежали по второму этажу дворца.

— Я все делаю весьма неплохо, — умудрилась рассмеяться я в ответ. Кажется, у меня сдают нервы.

Мы со Скилар составляли вместе неплохую команду: я очень ловкая, а он едва ли не лучший среди бойцов. Уверена, если бы вещи остались такими же, как и раньше, скоро его произвели бы в подмастерья, и он легко уложил бы на лопатки самого Эйдана.

Нам навстречу идут двое Хранителей и недоуменно смотрят, как мы подбегаем все ближе — судя по всему, в прошлом они плохо обращались с оружием или были не слишком сообразительны. Я хватаю одного из них за голову и бью коленом в нос, а со вторым мгновенно разделяется Скилар.

Кстати, очевидно, мне не удастся выполнить обещания, данного Эланис. Я понятия не имею, где сейчас Элитный отряд, а даже если бы и имела, то мне не хватило бы времени на уговоры Эйдана. Я и так знаю, что он останется во дворце. От этой мысли у меня больно сжимается сердце, но я уже привыкла жить с безответными чувствами к капитану. Его сухие,

равнодушные объятия уже давно ничего не значили ни для кого из нас.

Все же, я стараюсь смотреть вниз на первые этажи и выглядывать его, но вскоре Скилар окрикивает меня и мне приходится прекратить это занятие.

— Куда мы бежим? — орет он.

Я указываю кивком на еще один лестничный пролет, виднеющийся впереди, и мы прибавляем шаг. Удивительно, но здесь нам практически не попадаются Хранители — судя по всему, большинство из них ринулось в катакомбы или в зал Советов — разделяться с королем. Мы уже подбегаем к лестнице, когда сзади кто-то кричит:

— Подождите!

Мы немного замедляем бег и оглядываемся. На приличном расстоянии от нас, в конце коридора бежит принц Габриэль. Вид у него запыхавшийся, волосы взлохмачены, а еще он кого-то несет на руках. Приглядевшись, я узнаю в белокурой девушке Селесту.

— Давина! — кричит он, сбавляя шаг, хотя ему следовало бы поторопиться.

Я делаю шаг навстречу к нему, но Скилар хватается меня за руку.

— Мы не знаем, не замешаны ли они во всем это, — говорит он, — не думаю, что нам стоит что-то предпринимать до выяснения всех обстоятельств.

Я неуверенно смотрю на принца, и, как будто в ответ на мои мысли, он вопит:

— Мы не имеем отношения к плану Эсмеральды! Она усыпила Селесту!

Я перевожу взгляд на Скилар:

— Вряд ли они стали бы гоняться за нами, если бы им не была нужна наша помощь. Пошли, мы направим его в катакомбы дворца, а сами отправимся на поиски Эланис.

Осторожно оглядываясь и проверяя углы на наличие притаившихся Хранителей, мы приближаемся к принцу. Я не могу не думать о том, что все это странно. Хранители нападают на нас только, когда мы стоим у них на пути, но, кажется, не настроены нас убивать. Какую же цель они преследуют и почему в Солнечном городе кричали?

— Один пролет вверх, третья дверь направо, и вы окажетесь в катакомбах, — я внимательно смотрю на бездыханное тело принцессы, — дальше вы сами дорогу не найдете, поэтому постарайтесь привести ее в чувство. Пусть она проведет вас в Солнечный город, а дальше найдите Дока или Бланш. Они отведут вас в безопасное место.

— А ты? — пристально смотрит на меня Габриэль, сильнее прижимая к себе Селесту.

— Да, а мы? — недоуменно смотрит на меня Скилар, — разве мы не должны бежать в катакомбы спасти Эланис?

— Нам в любом случае в другую сторону. Мы можем провести вас только до входа в катакомбы. Но мне кажется, Эланис больше там нет. Если Эсмеральда просветила столько людей, значит, она уже завладела Стигмой. А если Эланис еще жива, то скорее всего она где-то во дворце, и, возможно, неподалеку от Эсмеральды.

— Обыщите первый этаж, — подсказывает мне Габриэль, — большинство Хранителей ринулось туда, а значит, Эсмеральда должна быть рядом. Более того, там послы — если кто-то из них еще жив, — а они сейчас могут ее заинтересовать.

Скилар смотрит на него, приподняв бровь, как бы спрашивая: "И как, по-твоему, мы это сделаем?", но ничего не говорит. Габриэль тяжело дышит и так сильно сжимает в руках тело Селесты, как будто она в любой момент может исчезнуть.

Я все же решаю, что в его словах есть смысл, и тяжело киваю. Возвращаться на первый этаж — самоубийство, но, стараниями Скилар, который поговорил с моей совестью, у меня нет другого выхода. Кажется, нам предстоит увлекательное путешествие с тысячью и одной

преградой, а к такому Оракул (старая ведьма, как мы любовно ее прозвали) меня не готовила.

Габриэль делает тяжелый вздох, и, пожелав нам удачи, разворачивается и спешит к лестнице со своей драгоценной ношей на руках. Тонкие руки Селесты безжизненно свисают вдоль его напряженного тела, и я тихонько молюсь, чтобы она осталась жива. Не знаю, на что способна Эсмеральда, но мне не хочется верить, что она была способна убить родную сестру. Это напоминает мне о двух моих младших сестрах — разве смогла бы я когда-нибудь добровольно...

Я качаю головой и гоню от себя эти мысли. Моя сила обволакивает меня, как старый друг, и я начинаю понемногу успокаиваться. Дар Искупительницы всегда давал мне чувство защищенности, но против острых клинков он бесполезен.

Я думаю о том, смогу ли подавить магию просвещения в Хранителях, чтобы переманить их на нашу сторону, но гоню эти мысли прочь. В прошлый раз со мной была Эланис и у нас было время, а в пылу сражения и в одиночку у меня нет ни единого шанса. Вполне возможно, я умру просто пытаюсь, так что лучше действовать старыми добрыми способами.

— У тебя еще осталось оружие? — развернувшись к Скилар, спрашиваю я.

Он достает из-за пазухи два кинжала и грустно смотрит на них.

— Я как-то не рассчитывал сегодня на бой.

— Ну и дурак, — беззлобно отвечаю я, — на бой стоит рассчитывать всегда, если твой мир наводняют всякие монстры.

Скилар издает мучительный вздох и протягивает мне один из кинжалов. У меня в запасе есть последний охотничий нож, но швыряться им я бы не рискнула — он слишком мал, чтобы причинить серьезный урон. Приберегу его для необходимости перерезать кому-нибудь горло.

— И когда мы стали такими жестокими? — вздыхаю я, забирая у Скилар кинжал.

— С тех самых пор, как нас забрали в этот чертов дворец, детка.

Мы начинаем наше осторожное продвижение обратно. На втором этаже тишина — единственный Хранитель, который нам встречается, стоит перед винтовой лестницей, ведущей вниз, но Скилар справляется с ним одним метким броском. Я вынимаю нож из груди Хранителя и мы, оглядываясь, спускаемся на первый этаж.

— Нарушители!

Раздается крик и в нас начинают лететь кинжалы, копья и ножи — все, чем обзавелись прихвостни Эсмеральды. Плечо взрывается от боли, и я с воплем падаю вниз, скатываясь по ступенькам прямо под ноги нескольким Хранителям.

— Не нападать! Мы — поданные принцессы Эсмеральды! Никому не двигаться!

Скилар стоит с поднятыми руками и, быстро дыша, огромными глазами смотрит на Хранителей. Те неуверенно переглядываются между собой, но, видимо, так ничего и не решив, заносят ножи и швыряют их прямо в голову Скилар.

Он перепрыгивает через перила и ныряет в темноту коридора под стройный стук падающих кинжалов, а я перекатываюсь, одним рывком со стоном вырываю нож из моего тела и лечу следом за ним. Плечо горит огнем и туманит мои мысли, но я продолжаю упорно двигаться вперед. Я уже поняла принцип действий Хранителей. Они никого не преследуют, а, судя по всему, просто уничтожают все на своем пути, что не является ее высочеством Эсмеральдой. Как по мне, достаточно глупый ход для умницы, умудрившейся стянуть у нас из-под носа Стигму.

В дальнем конце коридора раздается какой-то слабый звук, и мне кажется, будто у меня перед глазами мелькнула тень. Я принимаю ее за Скилар и хромаю вперед, но он появляется откуда-то сбоку и хватает меня за руку.

— Ты в порядке? — его глаза озабоченно блестят.

— Бывало и лучше, — хриплю я, сжимая раненное плечо и чувствую, как ткань моего костюма пропитывается горячей кровью.

Я киваю головой на движение в конце коридора, а Скилар оборачивается на Хранителей, которые остались за поворотом. Из той части дворца раздаются все усиливающиеся крики и непрекращающийся звон скреживающихся клинков. С кем же сражаются, если все просвещены? Возможно, Эсмеральда не успела просветить каждого Хранителя, а понадеялась на большинство, и сейчас хрупкие остатки армии бьются за короля? Или, может, несколько прилюдно просвещенных королевы стараются спасти ее от сошедшей с ума дочери?

Мы двигаемся в сторону тихих голосов и странного движения в темноте. Скилар вдруг резко тянет меня назад, вжимает в стену и зажимает мне рот рукой. Одна из дверей в конце коридора медленно открывается, и моему взору предстает по истине ужасная картина, а я успела повидать множество ужасов за свою небольшую жизнь.

Король — а точнее то, что осталось от него — ползет по полу и одной рукой приоткрывает дверь, из которой льется мягкий свет. Из каждой клетки его тела сочится кровь, левая рука безжизненно волочится по земле, а половины правой ноги нет, как будто кто-то отрезал ее, предотвращая его попытки к бегству. От этого вида к моему горлу подкатывает тошнота, и я отворачиваюсь, но тут уже упираюсь взглядом в двух раненных Хранителей, которые неслышно следуют за государем, оглядываясь назад. Понятия не имею, как он умудрился спастись, но старик всегда отчаянно цеплялся за жизнь.

Тристан сильнее толкает дверь, и я замечаю плащи Элитного отряда, а за ними — искаженное лицо принцессы Эсмеральды. За ее спиной кто-то лежит, но я не могу определить, кому принадлежит тело.

— Убейте...ее... — хрипит он так тихо, что я едва могу расслышать, — убейте...

— Черт возьми... — оторопело шепчет Скилар.

Я вижу перекошенное лицо Вала, который в страхе смотрит на короля. Он делает шаг к нему, но король шипит, захлебываясь кровью:

— Убей...ее...

Раздается дикий клич и члены Элитного отряда с яростью бросаются к Эсмеральде. Она громко кричит в ответ, и вдруг в тесном коридоре начинается что-то невообразимое. Из неоткуда начинают прибывать Хранители — они пробегают мимо нас, врываются в узкую комнату, по дороге разделяваясь с защитниками короля. Один из просвещенных Эсмеральдой вонзает острый клинок прямо в горло Тристану, и я с замиранием сердца вижу, как его глаза тускнеют, и он издает последний свой вздох. Я готовилась к тому, что король может не пережить эту ночь, но его страшная смерть заставляет мою кровь похолодеть.

Я слышу крики членов Элитного отряда, которые сражаются с Хранителями, и не могу остаться в стороне. Мысль об Эйдане, застрявшем в той комнате, и, возможно, Эланис, которая тоже может там находиться, толкает меня вперед. Я с силой отпихиваю от себя Скилар, и боль в плече доводит меня буквально до агонии, но я упорно двигаюсь вперед. Скилар сверкает кинжалом и быстро следует за мной.

Мы врываемся в комнату, и я разрезаю горло первому попавшемуся Хранителю. В зале

царит полный хаос — я с трудом могу различить редкие черные плащи среди мельтешения желтых униформ. Их тут собралось, словно муравьев. И где-то там, за всеми ними, тихо посмеивается Эсмеральда.

Я бросаюсь вперед, но очередной Хранитель хватается за мое раненное плечо, заставляя издать дикий крик. Я отбиваюсь, но второй из свиты Эсмеральды выбивает кинжал из моих рук и хватается за запястье. Я стараюсь сосредоточиться на одном из просвещенных и подавить магию в нем, но страх сбивает концентрацию, и мне остается только с трудом дергаться в их руках, наблюдая, как один из них заносит надо мной меч.

Сердце замирает у меня в горле, но словно кто-то сверху дотрагивается до моего лица и шепчет обещание: "Я буду защищать тебя".

Тень проносится над моей головой, выбивает меч из рук Хранителя и бросается сверху, а я заново освобождаю руку и ударяю второго Хранителя в лицо.

Ева встает, отряхивается и лениво улыбается мне:

— Твой зад всегда нужно спасать, принцесса!

Я облегченно вздыхаю, и вместе мы начинаем отбиваться от роя Хранителей. В зал с диким кличем врывается Орден Солнца — Бенджамин и Гарван, мастерски орудуя мечом, режут Хранителей на мелкие кусочки. Скилар пробивается вперед и победно кричит, когда очередной нападавший падает к его ногам.

Я пихаю ногой в спину очередного Хранителя и провожу по шее другого охотничьим ножом, но рано понимаю, что силы все равно не равны. Элитный отряд натренирован до глубины своих костей, но даже им не справиться с таким количеством Хранителей. Их тут больше пяти десятков — они наводнили просторный зал, сжимая его до крошечных размеров.

Я замечаю Бенджамина, лежащего на земле — над ним с хищной улыбкой возвышается Хранитель. Не дав себе времени подумать, я швыряю нож Хранителю прямо в висок — тот крепко засекает, и мужчина валится на бок. Бенджамин вскакивает и поднимает на меня расширенные от страха глаза. Я осталась абсолютно безоружна.

Бенджамин выхватывает мой нож из головы Хранителя и пытается перекинуть его мне, но меня уже сбивают с ног. Я ударяю Хранителя ногой в живот, но он быстро двигается, и удар приходится ему в руку. Мужчина с визгом вонзает меч в нескольких сантиметрах от моей головы, но я перекатываюсь в сторону, едва не попадая кому-то под ноги. Хранитель снова заносит меч, мое сердце пропускает удар и вдруг все останавливается. Выражение его лица меняется — он недоуменно смотрит на меня, затем на оружие в своих руках, и делает несколько шагов назад. Сердце мое бешено стучит, и я слегка приподнимаю голову, оглядываясь вокруг. Клинки со звонким стуком валяются на пол, и Хранители начинают отступать, мотая головой из стороны в сторону.

— Эсмеральда мертва, — зычно произносит Эйдан, и сражающиеся начинают расступаться перед ним.

Он стоит в дальнем конце зала — у его ног распростерлось израненное тело Эсмеральды, а на правой руке он держит Эланис. Ее глаза закрыты, а по пальцам стекает кровь, и я не могу определить отсюда, жива ли она. Плащ Эйдана пропитался кровью, лицо его покрыто свежим слоем шрамов, и от этого он выглядит еще более устрашающим.

— Всем сложить оружие! — рявкает он.

Я закрываю глаза и с облегчением кидаю нож на пол. Все закончилось. Я не успеваю подумать о том, как поведут себя Хранители — бывшие воры, убийцы и злодеи, теперь

очнувшиеся ото сна, — но они действуют быстрее, чем я соображаю. Один за другим с шипением бывшие Хранители покидают зал.

— Мы больше никому не служим, — бросает один из них прежде, чем удалиться.

Никто не пытается их остановить, хотя Гарван недобро смотрит им в след. Мы выпускаем на волю десятки преступников, но не можем ничего с этим поделать. Они не перешагивают через тело их бывшего повелителя — они наступают на него, давят ботинками и с омерзением сплевывают ему на волосы. И сейчас я понимаю, что, возможно, король и не был главным злодеем Ламантры, но Эсмеральду породил ее отец. А мы все знаем, что насилие порождает насилие. Я не могу заставить себя посмотреть на то, что осталось от великого и ужасного Тристана, поэтому вместо этого оглядываю своих друзей.

Скилар и Ева стоят рядом, поддерживая друг друга — у обоих по нескольку царапин, но в целом они выглядят нормально. Гарван медленно прохаживается между телами, оценивая их взглядами, а Бенджамин отрешенно следит за братом. В наших рядах не убыло, чего не скажешь об Элитном отряде.

Из двенадцати братьев осталось только четверо — включая Эйдана. Это не укладывается в моей голове — члены Элитного отряда наверняка бросились в самую гущу событий исполнять приказ короля, но подозрительно многие из них полегли в этой битве. Кажется, за всем этим скрывается что-то куда большее, но сейчас не время на выяснения.

Оставшиеся трое воинов сидят, склонив одно колено, перед своими павшими братьями. К моему удивлению, они не бросились первым делом проверять тело короля, а остались почтить память ушедших бойцов. Эйдан стоит, прижав к себе Эланис, и тяжело смотрит на одно из тел, перед которым склонился Вал, закрыв лицо рукой.

Я миную Вала, чтобы подойти к Эланис, и вдруг понимаю, что он сидит перед телом Джошуа. У меня сжимается сердце при мысли о том, как близки были эти трое, и как мне будет недоставать этого насмешливого, веселого великана. Но все, что испытываю я — глупое подобие чувств выживших из Элитного отряда. Для них смерть каждого брата — это удар, который они не успели принять на себя. Это доказательство того, что они подвели тех, ближе кого у них не было. Они всегда были преданы королю, но друг другу они были преданы не меньше.

— Он сейчас наверняка принимает великие почести, брат, — слышу я тихий, пропитанный мраком и болью голос Эйдана.

Опережая меня, Скилар бросается к Эланис и дотрагивается до ее лица.

— Она жива? — его голос срывается до истеричного визга.

Эйдан сильнее прижимает к себе Эланис, внимательно глядя на Скилар, и осторожно кивает.

— Ее ранили, но она будет в порядке. Нам срочно нужно найти Дока.

Он разглядывает ее лицо и ласково убирает пальцами волосы с ее глаз. Я никогда не видела, чтобы Эйдан так на кого-то смотрел — и тем более, чтобы был с кем-то так непростительно нежен. Горечь на секунду застывает в моем сердце, но я стараюсь гнать от себя эти мысли. Я уже смирилась с концовкой нашего с Эйданом романа. Это не должно занимать меня, когда есть вещи куда более важные.

— С этим может быть проблема, — рывкает Гарван из другого конца коридора, — нам нужно спешить. Чертов корабль скоро уплывет, и мы навсегда застрянем в этом регионе.

— Они уже ушли? — разворачивается к нему Ева.

— Черт их знает, но с фига бы они остались ждать нас? Все шевелитесь, нам еще пилить

в порт.

— Только Док знал выход из катакомб, — качает головой Ева, — сами мы не выберемся.

— А с черта ли ты думаешь я его сын?

— Ты знаешь выход? — с надеждой кричу я.

Гарван закатывает глаза.

— Вы все полные идиоты. Алло, король и Эсмеральда мертвы! Больше в этом дворце никто не просвещен, а осталась только прислуга. Мы можем выйти через главный вход и дуть в порт. Двигайтесь, черт вас всех подери!

Я быстро оглядываюсь на Эйдана, который нерешительно застыл, прижав к себе Эланис. Он обводит глазами тела павших братьев, но мы все понимаем, что ему не хватит времени на достойные похороны, если он пойдет с нами. Но это та боль, которую мне хочется, чтобы он выдержал. Я смотрю в его затуманенные глаза и произношу:

— Знаю, ты захочешь остаться и, черт тебя возьми, не спорь сейчас со мной. Ты больше никому не служишь, твои братья мертвы, но остались те, кому ты нужен. Ты знаешь, что бы она тебе сказала. И если ты не такой бессердечный болван, каким все тебя считают, ты сядешь на корабль и уплывешь вместе с ней.

Эйдан внимательно смотрит на меня, затем переводит взгляд на Эланис и его лицо меняется. Из жесткой маски оно превращается в нежное, даже почти лукавое выражение. Он похож на ребенка, который собирается сделать что-то запретное. Я всегда знала, что он сильный. Он со всем справится.

Эйдан поднимает глаза и обводит взглядом остатки Элитного отряда так, как будто они все еще в сборе. Воины оставляют своих братьев и опускаются перед ним на колени, готовые служить ему до конца.

— Приказывай нам, капитан, — твердо произносят они.

Их преданность несомненна.

— Братья, — глядя на них, говорит Эйдан, и на секунду его глаза облегченно прикрываются, — мы покидаем дворец Спасителей. Теперь мы принадлежим только самим себе.

Эланис

Поцелуй меня так, что останешься со мной, пока я не увижу тебя снова.

Бекка Фитцпатрик. Финал

Мне снится очень странный сон: я стою посреди безлюдного острова и по очереди выкрикиваю имена моих родителей. Меня заглушает вопль диковинных птиц, и я испуганно пригибаюсь, стараясь спрятаться от ужасов, которые могут поджидать меня за стройной чередой тропических лесов. Внезапно, у одной из птиц появляется лицо моего отца — она пикирует вниз и накрывает меня своими размашистыми крыльями.

Я раздаю громкий крик и вскакиваю в своей кровати.

— Тише, девочка, тише!

Вместо страшной птицы напротив сидит Док — он зажал в руке мокрую тряпку и в нерешительности на меня смотрит.

— Док? — бормочу я, не смея поверить своим глазам.

Мы находимся в каком-то месте, отдаленно напоминающем мне каюту: коричневые стены из дерева, жесткая кровать, небольшая лестница, ведущая наверх и плавно покачивающийся пол под моим телом. Док слегка улыбается и проводит тряпкой по моим рукам, покрытым свежими порезами.

— Тебе повезло, что Элитный отряд все еще подчинялся Эйдану, — говорит он, занятый моими ранами, — они очень точно метают ножи. Они специально бросали так, чтобы отключить тебя, а не убить. Несколько дюймов правее, и ты была бы мертва.

— Где Эйдан? — я пытаюсь вскочить с кровати, но моя голова кружится, и я падаю обратно. Если мы действительно на корабле, то значит, наш план удался, не так ли? Но кого мы забрали с собой? Сердце стучит у меня в горле.

— Не волнуйся, — произносит Док, мягко подтыкая мою подушку. — Он провел у твоей постели два дня, угрожая всякому, кто пытался занять его вахту. Я отослал его поспать. Вместе со Скилар, который тоже от тебя не отходил.

Все во мне взрывается облегчением. Давина сдержала обещание. Но мысль о том, что прошло уже два дня, немного сбивает меня с толку. Я прислоняюсь головой к спинке кровати и позволяю Доку очистить мои раны.

— Что произошло? — бормочу я.

— Ничего хорошего, — вздыхает Док, — когда никто из Ордена не вернулся в Солнечный город, мы с Бланш начали в срочном порядке собирать Искупителей. Ворвались Хранители и устроили там настоящую бойню, — он вздрагивает: — никто не понимал, что происходит... Оказалось, Эсмеральда приказала уничтожить Орден Солнца, но Хранители прорывались через всех Искупителей. Видимо, действовали они без особо четких указаний. Мы потеряли очень многих людей, — он вздохнул, — а потом Эйдан убил Эсмеральду и все закончилось. Хранители просто ушли, а мы с остатками Искупителей направились в порт. Кстати, короля тоже убили приспешники Эсмеральды.

— А что же произошло с остальными? Все из наших целы?

Док кивает, и выжимает тряпку, пропитавшуюся моей кровью. Только теперь я чувствую жжение в руках и острую боль в обоих плечах, но стараюсь не обращать на них внимания.

— Адриан очнулся от чар, — Док делает тяжелую паузу и мое сердце пропускает удар, — и, видимо, совершенно растерялся. Он пытался найти людей и пошел в Солнечный город, где мы и подобрали его, как ты просила. Хочу сказать тебе сразу, Эланис, он не был в восторге, но оставаться в регионе было бы для него самоубийством. Его судили бы за поддержку, которую он оказывал Эсмеральде — он никак не смог бы доказать, что был просвещен.

— А Корал? — продолжаю выпытывать я.

— Алхимик? — поднимает на меня глаза Док, и я утвердительно киваю, — ее нашла Нора. Она потерялась в катакомбах дворца, и Нора забрала ее с нами. Кстати, у нее странные отношения с Эйданом... я бы на твоём месте заволновался.

Я с усмешкой киваю и откидываюсь в подушках. Значит, никому еще неизвестно об их родстве.

— Эйдану сейчас непросто, — он вздыхает, — он забрал Стигму, но спрятал ее где-то в своей каюте и не хочет на нее смотреть. Он потерял восьмерых братьев, в том числе Джошуа.

Мое сердце сжимается от боли. Я стараюсь подбодрить себя тем, что обязательно буду рядом с Эйданом, когда он будет проходить через свои испытания. Мне просто хочется, чтобы этого оказалось достаточно.

— Как он? — тихо произношу я.

— Справляется. Его больше волнуешь ты, — Док делает паузу, а затем продолжает: — Габриэль и Селеста добрались до порта, а там сели на первый попавшийся корабль, идущий в Стейси.

— Селесте наверняка было тяжелее всех, — сглотнув, произношу я.

— Конечно, — соглашается Док, — она только что потеряла свою любимую сестру. Своего отца. Ее лишили брата. Ее мир перевернулся с ног на голову, но Селеста справится. Должен признаться, я не был в восторге от решения Габриэля. Ему нужно вернуться домой, но сомневаюсь, что Селесту примут с распростертыми объятиями в Стейси, который опять оказался ввязан в войну Лакнеса. Было бы куда безопаснее, если бы она последовала за своим братом и поплыла с нами.

— А кто же остался в Лакнесе?

— Ее величество. Каждый год она устраивала показательные казни и у нее набралось около десятка просвещенных Хранителей — они защищали ее. А пока она осталась разбираться со всем, что последует за предательством Эсмеральды. Скоро начнется борьба за престол Лакнеса и лучше бы нам держаться от нее подальше.

Мне становится нехорошо от мысли, что к власти может прийти кто-то более страшный и безжалостный, чем Тристан. Наш план все же не удался: мы собирались обеспечить Лакнесу счастливое будущее, посадив на трон Адриана или Эсмеральду, но все оказалось не таким, как мы думали. Я бросаю взгляд на Дока и хмурюсь: судя по тому, что я провела два дня на корабле, мы давно уже не в Лакнесе. Я не хотела бы бросать свой регион, но сейчас это было необходимо.

— И куда же мы плывем, Док?

Он пристально смотрит на меня своими умными глазами, и я замечаю, что во рту у него нет привычной мятной палочки. Кажется, скоро у Дока начнут дрожать руки.

— Я думал, это ты мне скажешь.

Я прячу глаза и делаю вдох. Разумеется, моя голова сейчас наводнена только одним:

мыслями о родителях. Я не готова была легко принять на веру слова Эсмеральды, но вдруг хоть раз в жизни она не соврала? Что, если они действительно живы? Я знала, куда должна плыть я, но в действительности ли за мной должны следовать мои друзья? Они только что избавились от гнета Просветителей, и я не собиралась снова решать их судьбу.

Однако я понимала, что в одиночку мне сейчас до островов не добраться. К тому же, они кажутся мне весьма неплохой перспективой по сравнению с возвращением в Ламантру, которая наверняка встретит Искупителей враждебно. Нора была права — нас в страхе истребят, как только мы ступим на земли любого из регионов.

Я взвешиваю все за и против, и решаю сказать Доку правду:

— Послушай, Док, я буду честна с тобой. В комнате, в которой меня заперла Эсмеральда, у нас состоялся разговор. Она сказала... — я сглатываю, — что мои родители живы и прячутся на островах, где скрываются беженцы после Слепой войны. Мне нужно отправиться туда. Возможно, они окажутся настоящим раем на земле, где всем Искупителям найдется место, а может то, с чем мы там столкнемся, будет намного страшнее, чем наша участь в Лакнесе. Я в любом случае не думаю, что возвращаться в Ламантру сейчас будет разумно, но... если ты скажешь, что это слишком опасно, то я тебя пойму.

Док смотрит на меня так, как будто впервые увидел. Такое ощущение, что он пропустил мимо ушей все, что я сказала после фразы о том, что мои родители живы. Тряпка падает из его рук, глаза округляются, и он шепчет:

— Значит, там может быть моя жена?

Я не могу так обнадеживать его, поэтому качаю головой:

— Я не знаю. Но... мне хотелось бы это выяснить.

Глаза Дока немного тускнеют, и он упирается носом в ладонь, задумчиво постукивая каблуком по деревянному дну корабля. Наконец, он поднимает голову и кивает:

— Ладно. Все равно плыть нам больше некуда. Теперь мы отшельники и бежать можем только за пределы Ламантры. Я сообщу капитану корабля. Но, Эланис... — он выжидающе смотрит на меня, — не говори никому о своих родителях и моей жене. Не хочу, чтобы у кого-то сложилось неверное представление о наших с тобой мотивах.

Я облегченно вздыхаю, прикрыв глаза. Не знаю, на что я обрекаю своих друзей, но то, что они не оставят меня одну, придает мне сил.

— Даю слово, Док.

Через несколько часов, когда Док меняет мне бинты и покидает каюту, я медленно взбираюсь по ступенькам, поднимаюсь наверх и оказываюсь на палубе корабля. И взору моему открывается такой вид, какой я, наверное, не забуду до самой своей смерти.

Передо мной расстилается синеющая морская гладь — солнце стоит высоко в зените и ласково дотрагивается своими лучами до волн, освещая линию горизонта. Я оглядываюсь назад, надеясь рассмотреть смутные очертания Лакнеса, но повсюду нас окружают лишь бескрайние воды. Сердце у меня начинает щемить, но я сжимаю пальцы в кулак и надеюсь, что когда-нибудь найду свой путь домой.

По палубе снуют Искупители в матросской одежде — мужчины с обнаженным торсом натягивают канаты и кажутся членами морской команды. Женщины же больше не в костюмах Искупителей, а в легких желтоватых платьях убирают палубу.

И во главе этого отряда стоит высокий, могучий мужчина и громким голосом отдает приказы, как истинный капитан. На секунду я просто облокачиваюсь о борт корабля и

любуюсь его играющими мускулами, широкой грудью, мощной спиной, а когда он замечает меня — его темнеющими глазами.

Эйдан бросается ко мне, и я залиvisto смеюсь, когда он аккуратно заключает меня в объятия и одаривает глубоким поцелуем.

— Ты в порядке? — шепчет он, хватая меня за лицо обеими руками.

— Как ты? — шепчу я, кивая в ответ на его вопрос, — тебе наверняка...

Он прерывает меня очередным поцелуем и качает головой, смеясь так, что мне кажется, будто у него из глаз сейчас брызнут слезы.

— Теперь я настолько в порядке, как не был уже очень долгое время.

Его надежная рука притягивает меня к себе, и я упираюсь носом ему в плечо.

— Поверить не могу, что ты со мной, — он утыкается мне в макушку, и сейчас я чувствую, что нахожусь в самом безопасном месте во всем мире.

В мою голову все же пробираются мысли, которых я очень хотела бы избежать. Изменилось ли все после смерти короля? Винит ли Эйдан меня в ней? Знает ли он с перевороте, который не удался? Судя по его взгляду, он счастлив меня видеть, но что будет завтра, когда капитан начнет привыкать к новой жизни без своего отца? Я решаю отложить все это на потом, а пока — наслаждаться тем, что есть у меня сейчас.

С Эйданом я понимаю, что не могу сдержать данного Доку обещания. Я рассказываю ему обо всем, что мы обсудили в каюте корабля, а особенно о той части, которая касается моей семьи.

— Я не теряю надежды, — вздыхаю я, — если то, что сказала Эсмеральда — правда, то мне нужно отправляться за горизонт. Там нам придется разделиться. Я отправлюсь искать родителей, а вы поселитесь где-нибудь в безопасности.

Он отрывается от меня и приподнимает за подбородок. Я смотрю в его глубокие карие глаза, рассматриваю знакомый шрам, и провожу рукой по его лицу, не веря, что однажды настанет миг, когда нам придется расстаться.

— Я пойду с тобой.

— Нет.

— Это не обсуждается.

— Ты нужен здесь...ты нужен Искупителям. Ордену Солнца. Ты нужен Валу... — он болезненно вздрагивает, — и тем, кто еще остался в живых из Элитного отряда. Им нужен капитан. А еще ты нужен своей сестре.

Эйдан несколько секунд смотрит на меня, а затем придвигает свое лицо вплотную к моему, как будто собирается меня поцеловать, и произносит:

— Послушай меня внимательно. Я уже чуть не потерял тебя однажды, и больше этого никогда не случится. Вал будет капитаном, а когда мы найдем твоих родителей, то отправимся на поиски места, где Искупителям больше ничего не будет угрожать. Вместе. Эланис, у тебя есть еще и другая семья — у тебя есть я. Давина и Скилар. Нора. Ева. Нам нужно держаться вместе. Скоро за нами начнется охота, а уж поверь мне, если бы этим ребятам дали шанс, они бы умерли, защищая друг друга. Мы вместе спаслись из клеток куда глубже, чем стены дворца. Ты не можешь больше притворяться, будто ты одна, потому что у тебя все еще есть семья. И сейчас она здесь, — он делает паузу, а затем смотрит на меня немного изменившимся взглядом: — У капитана всегда должен быть тот, кому он верен. У твоих ног мое сердце, Эланис, и весь Элитный отряд.

Я прижимаюсь к его плечу и тихо киваю. Мы вернемся к этому разговору позже, когда

настанет время. Док сказал, что до островов нам плыть не меньше месяца — это в том случае, если за нами не вышлют погоню, в чем он сомневается. У меня будет месяц на то, чтобы насладиться свободой, Эйданом и своими мечтами.

— Ты уже познакомился с ней? — тихо спрашиваю я, и мы оба понимаем, о ком идет речь.

Его лицо становится таким неуверенным, что мне хочется смеяться, и он осторожно кивает.

— Она замечательная, — тихо произносит он, — я пытаюсь узнать о ней больше, но пока мы только присматриваемся друг к другу. Она сказала, что мама погибла во время бойни во дворце Спасителей, так что мы — все, что друг у друга осталось.

При этих словах я вздрагиваю, как от удара. Корал не рассказала Эйдану о том, как на самом деле умерла Оракул, и я догадываюсь, что она приберегла эту возможность для меня. Мне все еще стыдно смотреть Эйдану в глаза. Я не представляю, чем может обернуться для него эта новость и как он отнесется к тому, что я замешана в смерти его мамы. Что бы Оракул ни совершила, но она все еще оставалась его матерью. Я отняла у Эйдана то, что он сам никогда не решился бы отнять у меня.

Он замечает нотки замешательства на моем лице, и я тут же прячу его у Эйдана на плече.

— У тебя есть я, — шепчу я, — и у тебя всегда буду я, что бы там ни было.

— Я знаю, моя огненная Эланис, — он поднимает глаза и смотрит куда-то мне за спину, а затем со смехом замечает: — ну а сейчас мне придется тебя отпустить, потому что сюда движется страшная орда.

Я оборачиваюсь ровно за долю секунды до того, как в меня врезаются Давина и Скилар. Скилар притворно рыдает у меня над ухом и кричит:

— Моя крошка жива! А мне-то никто не верил!

— Скилар, на тебе не царапинки! — восторженно кричу я, обнимая его так, что грожусь раздавить его ребра.

Он гордо вздергивает брови и смеется:

— Какой-то сотни Хранителей недостаточно, чтобы причинить мне вред!

— Я так счастлива, что с тобой все в порядке! — восклицает Давина, обнимая меня с другой стороны. Ее плечо перебинтовано, и она осторожно держит руку на весу, но улыбка ее кажется не менее яркой.

— Осторожнее с ее ранами, — недовольно замечает Эйдан, но они лишь бросают на него снисходительный взгляд.

Позади них мне с улыбкой машут руками Нора и Ева. У их ног я замечаю осторожные личики Алвены и Генри, и от этого у меня становится так легко на душе!

Однако уже через секунду я замечаю другое выражение глаз, и у меня падает сердце. Адриан держится чуть поодаль ото всех, и каждый Искупитель, проходящий мимо, одаривает его неприязненным взглядом. Я не знаю, что известно людям о его роли в плане Эсмеральде, но его явно не хотят видеть на корабле. Скилар оборачивается на него и издает легкое "уПС".

— Да, он все хотел с тобой поговорить, — яро шепчет он мне на ухо, — но, если хочешь, я скину его в воду, мы поплывем дальше и сделаем вид, что не слышим его криков.

Я тихо смеюсь, а Эйдан приподнимает бровь, что наводит меня на мысль, что именно так он и собирался поступить.

— Я так рада вас видеть, — бормочу я, обнимая их в последний раз и салютую своим друзьям из Ордена Солнца.

Когда все начинают потихоньку отходить от меня, что Эйдан делает с особым недовольством, ко мне осторожно приближается Адриан. Принц смотрит на меня совсем не так, как раньше — на его лице написана смесь подозрения и сомнений.

— Рад видеть тебя в добром здравии, — не очень искренне произносит он.

Я пытаюсь подобрать слова, потому что не знаю, как мне теперь с ним общаться. Все, что я знала об Адриане вышло из-под пера Эсмеральды, а этот принц — незнакомец для меня. Такое ощущение, что я общалась с куклой, а настоящий Адриан все это время удивленно смотрел на меня и недоумевал, какого черта я делаю. Теперь мы стоим друг напротив друга, но дистанция между нами не могла бы стать больше.

— Взаимно, ваше высочество, — слегка улыбаюсь я. — Как ты...себя чувствуешь?

Он приподнимает бровь, как будто я слишком много себе позволяю.

— В порядке. Я все еще прихожу в себя и обретаю свою волю, — сдержанно сообщает он. — Хотел поинтересоваться — может, ты знаешь, что со мной собираются сделать?

Я удивленно смотрю на него:

— Ничего. Почему с тобой должны что-то делать?

— Ну, я же предатель, — недовольно цедит принц.

— Ты не был самим собой. Адриан, послушай, во все этом не было твоей вины. Я знаю, какой ты, — не очень уверенно убеждаю его я. — Ты хороший человек, и я прошу тебя поехать с нами — во имя твоей безопасности и потому, что мне не хочется терять тебя.

Честно говоря, я понятия не имею, кто такой принц на самом деле и чем чревата его компания. Мои собственные слова отдают горьким, возбуждающим привкусом лжи. Но я так же догадываюсь, что сейчас в этом враждебном мире ему нужна рука, которая поведет его за собой, а еще — друг. Человек, который отнесется к нему не как к предателю короны, а как к тому, кто оказался очередной жертвой дворца Спасителей.

Однако его высочество уж точно не собирается так просто уступать мне.

— Ты же понимаешь, — кривится Адриан, — что все мои чувства к тебе были ненастоящими? Я был просвещен.

Я бросаю на него взгляд и вздыхаю. Черт возьми, да я уже разобралась.

— Понимаю, — соглашаюсь я, — но не все подвластно просвещению, Адриан. В тебе действительно есть все то хорошее, что я видела. Ты способен на любовь, а значит заслуживаешь шанс.

Он совсем не выглядит убежденным. Что ж, я пыталась.

— Знаю, сейчас совершенно не в моих интересах говорить это... — протягивает Адриан, — но если ты зовешь меня с собой только из надежды, что во мне снова проснутся светлые чувства к тебе, то зря. Тот я был твоим другом, Эланис, но этому мне тошно от одной мысли о дружбе, к которой меня принудили. И уж тем более от такой любви.

Он отходит от меня к остальным Искупителям, которые все еще смотрят на него с презрением, и я выдыхаю. В какой-то степени я понимаю Адриана. Он пытается избавиться от всех оков, которыми его сковала Эсмеральда, обрести полную свободу, даже если это означает отречься от всех людей, к которым он когда-то был привязан. Но я обязательно что-нибудь придумаю. Найду способ вновь завоевать его доверие, выяснить, кто же он такой на самом деле, а потом доказать ему самому, что тот хороший, сострадательный Адриан — вовсе не дело чар Эсмеральды. Все это в нем. И да, она заставляла его делать ужасные вещи,

но он должен найти способ простить себя за это. Я наблюдаю за тем, как неприязненно косится на него Ева. И мы тоже должны.

— Наслаждаешься бризом?

Я оборачиваюсь, резко выдернутая из своих мыслей. На меня смотрят голубые глаза Корал и от этого взгляда мне становится не по себе. Я бы с удовольствием забыла о последних минутах Оракул, но ее дочь не дает мне этого сделать ни на секунду. Она настолько на нее похожа, что мне становится не по себе — разве что темные пряди обрамляют ее белоснежную кожу.

— Я рада, что ты с нами, Корал, — улыбаюсь я, приглашая ее присоединиться ко мне, но она лишь неприязненно смотрит на мою руку.

И чем я вызвала ее немилость?

— Я видела, как ты обнимаешься с Эйданом. Я не расскажу ему о том, что ты сделала в катакомбах дворца, — мрачно глядя на меня, обещает Корал, — но лишь пока. Предоставляю тебе возможность быть честной с ним — хотя бы для разнообразия.

Не дав мне ни секунды на ответ, она оставляет меня в одиночестве и удаляется в сторону кают корабля.

Ну, замечательно. После того, что вытворяла ее мамаша, странно, что она вообще кого-то обвиняет в нечестности.

Но, на самом деле, она права. В глубине души я понимаю, что ответственность за смерть Оракул лежит на мне. Я понятия не имею, как Эйдан отнесется к этой новости, но он и так потерял слишком многих. Я не хочу обрушивать на него эту бомбу сейчас. Возможно, пройдет время и ему станет легче, а я, наконец, смогу во всем признаться.

Но сейчас мы вместе — он возле меня, и впервые будущее не кажется мне таким уж мрачным. Я вижу, как вдалеке загорается полдень, озаряя море яркими лучами весеннего солнца, и думаю о том, что вместе мы способны на великие вещи. С моими друзьями, с Эйданом и верой друг в друга мы покорим еще не один регион и когда-нибудь сможем вернуться домой. Мы обязательно снова увидим Лакнес. И мы будем вместе.

Эланис

Скоро здесь будет снова война и отчаяние, затем мир и надежда, а следом — опять тьма. И в этом вечном круговороте и заключается единственный смысл жизни.

Лючия Тройси. Войны всплывшего мира

Высокая, худощавая фигура неспешно приближается ко мне, и Бенджамин становится рядом, устремляя внимательный взгляд карих глаз на закат, тонущий в мягкой синеве моря. Его правая рука перебинтована, но в целом он не выглядит пострадавшим.

— Какая красота, не правда ли? — тихо произносит он, — а ведь в детстве я думал, будто кровавый закат — это плач неба по мертвым.

Я тихонько вздрагиваю, стараясь не думать о его словах. Бенджамин молча стоит рядом, и я, наконец, поворачиваю к нему голову:

— Он тебе все рассказал, не так ли?

Бенджамин усмехается:

— Все же, я его сын. Но пусть тебя это не гложет. У тебя сейчас и так достаточно причин для беспокойства.

В этом он был прав. Я плохо знала Бенджамина, но он дрался рядом со мной — вел свой собственный бой, пока я сражалась с Эсмеральдой. Так или иначе, нам всем пришлось побороть не только зло дворца Спасителей, но и своих собственных демонов. Он смог побороть своих, а значит, заслужил мое доверие.

— Как думаешь... — задумчиво говорю я, глядя на легкие волны, утопающие в закатных лучах солнца, — Док был прав? Искупители — действительно результат экспериментов?

— Боюсь, мы никогда уже не узнаем истину, — вздыхает Бенджамин, — если Корал говорит правду и она действительно происходит из древнего рода алхимиков, то, возможно, они сами создали нас много веков тому назад, передавая силу из поколения в поколение и разбредаясь по свету. А может, Оракул все же не врала — не морщясь, старая ведьма, конечно, была той еще лгуньей, но она обожала все, что касалось нашей силы. Может, мы действительно дети грехов Каина и Ламеха.

— Что ж, возможно, за горизонтом мы найдем ответы, — стараюсь храбриться я.

Бенджамин оборачивается на меня, и смотрит со смесью грусти и сожаления, как будто считает меня до ужаса наивной:

— Слушай, Эланис, я не знаю, что мы найдем за горизонтом, но хочу, чтобы ты не питала ложных надежд. Люди, поселившиеся на тех островах, не знали цивилизации и мирских законов слишком долго, чтобы радушно принять корабль из Лакнеса. Вполне возможно, они все еще винят нас в войне и изгнании. Может, твои родители и сбежали туда, но кто знает, на что они наткнулись? — он облакачивается о борт и вздыхает, — вполне возможно, что все эти таинственные поселения на островах — всего лишь миф.

— А ты в него веришь? — требовательно спрашиваю я.

Бенджамин делает небольшую паузу, но затем уклончиво отвечает:

— Я много во что верю, но не считаю нужным принимать это за истину. Шла война, Эланис. Даже если большое количество людей каким-то образом угнали корабль и смогли сбежать, то неужели они смогли бы выжить в диких условиях? Я не знаю... все это кажется мне слишком уж сказочным, — он понижает голос и придвигается ко мне, — я, разумеется,

никому ничего не сказал, но мы оба с тобой знаем, почему ты хочешь плыть за горизонт. Не пытайся прикрываться передо мной радужными, безопасными островами, на которых всем Искупителям хватит места. Эланис, ты же далеко не дура. Почему ты веришь всему, что сумасшедшая принцесса тебе наговорила? Она хотела спасти свою шкуру. Она могла играть с тобой. Скорее всего, она понятия не имела, где твои родители, если, конечно... — он осекается и отводит глаза.

Я молча сжимаю борт руками так сильно, что костяшки пальцев белеют. Мы покинули дворец, сбежали из Лакнеса, а меня снова считают сумасшедшей по той же самой причине. Я понимаю, что, скорее всего, Бенджамин прав. Эсмеральда была не в себе и говорила много всяких небылиц, так почему я вдруг решила, что именно эта оказалась правдой? Передо мной впервые с тех пор, как я упала на землю перед разрушенным домом Давины, замаячила маленькая надежда. И, черт возьми, я пройду через что угодно, переплыву любые моря, но проверю слова принцессы. Если в них была хоть толика правды...я должна узнать.

— Что бы там ни было, Бенджамин, — наконец произношу я, — там, где садится солнце, мы найдем ответы.

Я оглядываюсь на новоявленную команду — Искупителей с голым торсом в укороченных брюках, которые растерянно бегают следом за матросами, и на Искупительниц, активно наводящих уборку. Я не могу сказать им правду о том, зачем мы отправляемся на острова — я даже не знаю, есть ли у меня право принимать за них такое решение. Я успокаиваю себя лишь тем, что варианта лучше у нас сейчас все равно нет — возвращаться в регионы было бы самоубийством. Скоро все узнают о существовании Искупителей и смерти принцессы. Тогда за нами начнется охота. Но сейчас у нас есть другая задача. Мне нужно найти моих родителей. Я закрываю глаза и представляю себе, как солнце окрашивает небо в красный цвет над дворцом Спасителей, а земля, оросившаяся кровью, вновь начинает покрываться цветами.

Больше книг на сайте — Knigolub.net